

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

**Борьба стран Индокитая
за создание зоны мира в ЮВА**

**Некоторые аспекты новой
дальневосточной стратегии США**

**Внутриполитическая ситуация
в Японии**

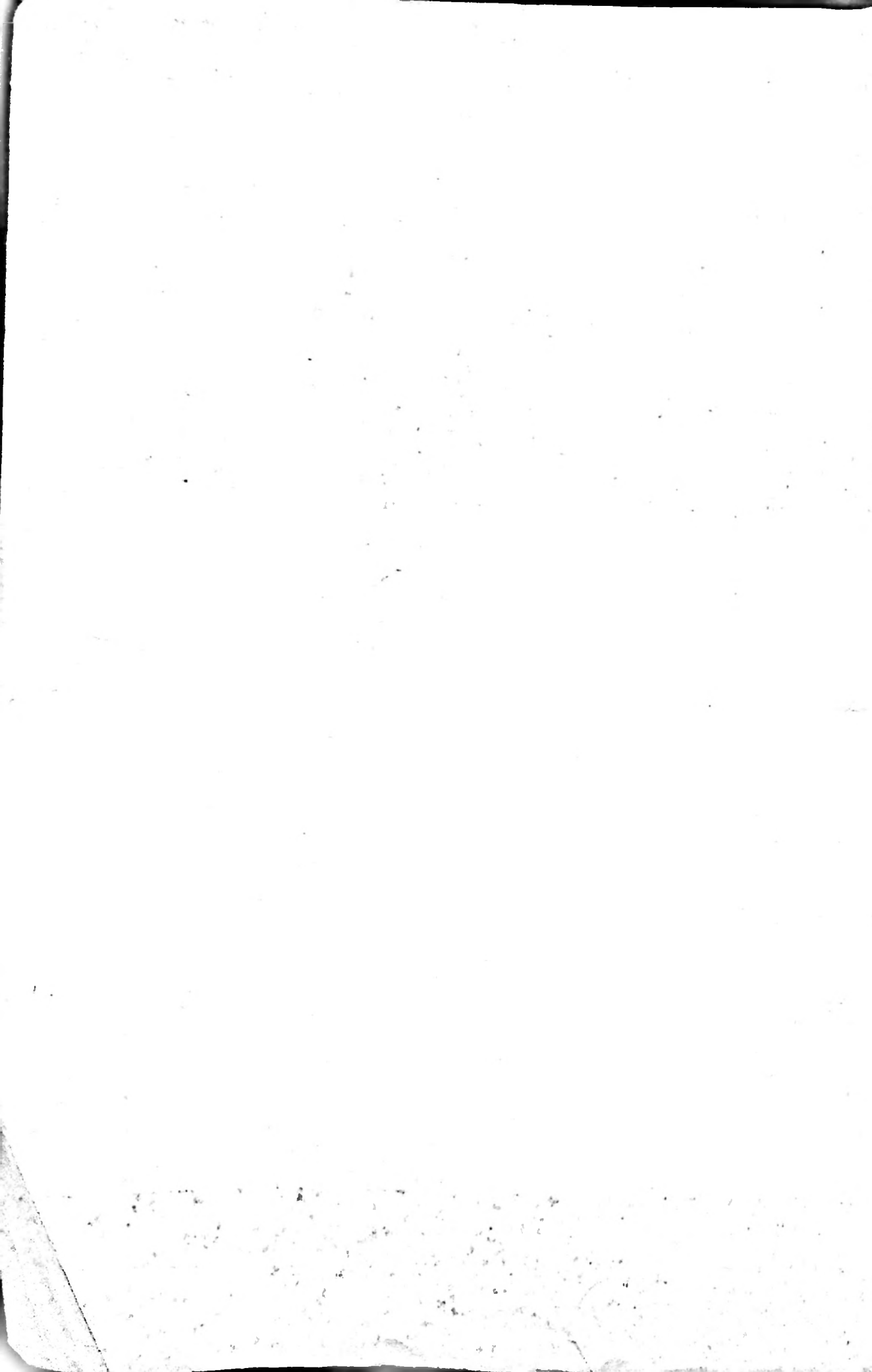
Профсоюзное движение Японии

**Страницы истории советско-китайских
литературных связей**

**Выдающийся деятель китайской
революции Линь Боцюй**

1

1983

СОДЕРЖАНИЕ

- 3 Политика мира в действии
- ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА**
- Некоторые аспекты новой дальневосточной стратегии США
- 10 *В. И. Денисов*
- Внутриполитическая ситуация в Японии
- 24 *Ю. Д. Кузнецов*
- Роль внешних факторов в народнохозяйственном строительстве КНР
- 38 *С. А. Манежев,
Л. В. Новоселова*
- Американская политика вооружения тайваньского режима
- 51 *В. Н. Барышников*
- Токно: курс на милитаризацию
- 62 *В. Н. Бунин*
- Тенденции изменений форм хозяйственной организации в китайской деревне в начале 80-х годов
- 73 *Л. А. Волкова*
- Профсоюзное движение Японии
- 83 *И. И. Тамгинский*
- ИДЕОЛОГИЯ**
- Традиции в социально-политической жизни Китая
- 97 *Л. С. Переломов,
П. М. Кожин,
Г. Ф. Салтыков*
- В тупиках теоретических противоречий
- 107 *Б. В. Поспелов*
- ИСТОРИЯ**
- Советские историки о «движении 4 мая» 1919 г. в Китае
- 119 *В. Н. Никифоров*
- Борцы за народное дело
- Выдающийся деятель китайской революции Линь Боцюй
- 131 *М. Ф. Юрьев*
- Вождь монгольской революции
- 137 *А. Д. Шерстнев,
Б. Е. Низовцев*

Трибуна комментатора

- 141 Борьба стран Индокитая за создание зоны мира в ЮВА
М. П. Елиш

Культура

- 149 Слово о Цюй Юане
Н. Т. Федоренко
159 Представления о прекрасном в древнем Китае
В. А. Кривоцов
164 Из истории литературы сопротивления
О. П. Болотина
177 Фольклор в творчестве Лао Шэ
Н. А. Спешнев

Обзоры, очерки, сообщения

- 190 Страницы истории советско-китайских литературных связей
Р. С. Белоусов

Критика и библиография

- 196 Япония и развивающиеся страны
Ю. Е. Евгеньев
199 Проблемы агропромышленной интеграции в Японии
В. Б. Рамзес
202 Противоречивое партнерство
П. Ю. Маслов

Юбилей ученого

- 204 70-летие Н. Т. Федоренко
205 75-летие Е. Ф. Ковалева
206 70-летие Т. Р. Рахимова
207 70-летие В. Я. Сидихменова

Адрес редакции: Москва, 117218
ул. Красикова, 27
тел. 124-09-04

© «Проблемы
Дальнего Востока»,
1983

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. И. СЛАДКОВСКИЙ (главный редактор),
В. А. АРХИПОВ (зам. главного редактора), **Г. В. АСТАФЬЕВ**, **Р. С. БЕЛОУСОВ**, **Г. А. БОГДАНОВ**,
Б. Г. ГРЕБЕННИКОВ (зам. главного редактора),
М. С. КАПИЦА, **И. И. КОВАЛЕНКО**, **В. А. КРИВОЦОВ**, **О. Б. РАХМАНИН**, **Б. В. САГАРЕВ** (отв. секретарь), **В. М. СОЛНЦЕВ**, **М. Л. ТИТАРЕНКО**,
С. Л. ТИХВИНСКИЙ, **Р. А. УЛЬЯНОВСКИЙ**,
Н. Т. ФЕДОРЕНКО, **В. И. ШАБАЛИН**.

Политика мира в действии

Главными процессами развития человеческого общества поставили в центр современной эпохи проблему предотвращения войны и сохранения мира. От ее решения зависят не только судьбы социального прогресса на нашей планете, но и все дальнейшее существование человеческого общества.

Наша страна по праву гордится верностью ленинским принципам миролюбивой внешней политики. За последние годы Советской страной сделаны огромные шаги в научной разработке и практическом решении основных вопросов международных отношений. Творческий марксистско-ленинский подход к проблемам и явлениям современности в соединении с неутомимой энергией, целеустремленностью и принципиальностью — главный источник успехов внешнеполитической деятельности Коммунистической партии Советского Союза, ее Центрального Комитета.

Выдвинутые XXVI съездом Коммунистической партии Советского Союза предложения охватывают широкий круг проблем мировой политики, которые, как известно, касаются и ракетно-ядерного, и обычных видов оружия. XXVI съезд нашей партии дал глубокий марксистско-ленинский анализ международной обстановки, отразил изменения, происшедшие в мире, четко определил внешнеполитическую стратегию СССР в современных условиях, подтвердил незыблемость коренных принципов советской внешней политики.

Сформулированная съездом Программа мира на 80-е годы свидетельствует об огромном расширении сферы действия внешней политики нашего государства, ее жизненной важности для судеб всех стран и народов.

Неуклонно претворяя в жизнь ленинский внешнеполитический курс, в связи с опасным обострением международной обстановки Советский Союз 22 декабря 1982 г. выступил с обращением «К парламентам, правительствам, политическим партиям и народам мира», принятым на совместном торжественном заседании Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета Союза ССР и Верховного Совета РСФСР, посвященном 60-летию образования СССР. Лейтмотив этого обращения — призыв ко всем честным людям планеты осознать необходимость срочных и эффективных мер, направленных на предотвращение ядерной катастрофы.

На нынешнем ответственном рубеже мирового развития, в сложной и опасной международной обстановке, наша партия вновь проявила коллективную мудрость, способность строить свою деятельность в расчете на длительную перспективу, выделять на каждом историческом этапе главное и сосредоточивать на этом основные усилия.

Программа мира на 80-е годы, ставшая важнейшим фактором международной жизни, оказывает благотворное воздействие на перспекти-

вы мирового развития. В ней определены основные направления деятельности СССР с целью предотвращения мировой катастрофы. Прежде всего необходимо погасить существующие очаги военных конфликтов и обеспечить надежные политические гарантии против возникновения новых конфликтных и кризисных ситуаций. Советский Союз глубоко убежден в том, что существуют реальные пути к урегулированию ситуаций, будь то на Ближнем или Среднем Востоке, в Южной и Юго-Восточной Азии или на Дальнем Востоке.

Ныне СССР — крупнейшее социалистическое государство, на которое смотрит весь мир. Это придает советской внешней политике особый смысл и значение. Разработанная XXVI съездом КПСС обширная программа борьбы за мир отвечает духу ленинских заветов и заслужила всеобщее признание — мировой общественности, политических кругов зарубежных стран. Содержащийся в ней анализ международной ситуации, сформулированные оценки и положения в области внешней, внутренней и оборонной политики дают обильную пищу для размышлений о неотложных задачах в борьбе за мир и социальный прогресс.

Новым ярким проявлением воли Советского Союза к миру стало послание, направленное нашей страной второй специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению. В послании говорится, что, руководствуясь стремлением сделать все от него зависящее, чтобы отвести от народов угрозу ядерного опустошения и в конечном счете исключить из жизни человечества саму его возможность, Союз Советских Социалистических Республик принимает на себя обязательство не применять первым ядерное оружие.

Принимая такое ответственное решение, Советский Союз исходит из того, что ядерная война могла бы означать разрушение человеческой цивилизации, а может быть, и гибель самой жизни на земле. Народы вправе ожидать, что за решением СССР последуют встречные шаги со стороны других ядерных держав. Однако само собой разумеется, что Советское государство будет и в дальнейшем строить свою политику с учетом того, как поведут себя другие ядерные страны, последуют ли они доброму примеру или же будут толкать мир к ядерной катастрофе.

Уверенность Советского Союза в силе здравого смысла, его вера в возможность человечества избежать самоуничтожения, обеспечить мир и прогресс для нынешнего и грядущего поколений получила на сессии широкий отклик.

Значительный интерес вызвала содержащаяся в послании идея замораживания ядерных арсеналов как первого шага на пути их сокращения, а в конечном счете — их полной ликвидации, а также предостережение об опасности такого средства массового уничтожения, как химическое оружие. Новые советские мирные инициативы завоевали активную поддержку в самых широких слоях мировой общественности. Даже в Соединенных Штатах многие видные общественные и политические деятели высоко оценили советские предложения. Бывший министр обороны США Р. Макнамара заявил, что он одобряет послание. Мнение индийской общественности выразила газета «Таймс оф Индия» — она писала, что принятое Советским Союзом в одностороннем порядке обязательство не применять первым ядерное оружие приветствуют все люди доброй воли. Миллионы борцов за мир разных стран, многочисленные национальные и международные общественные и политические организации выражают одобрение и поддержку мирных инициатив Советского Союза.

Высокую оценку внешней политики нашей страны, неизменно направленной на укрепление мира и взаимопонимания между народами, дал генеральный секретарь ООН Х. Перес де Куэльяр во время посещения им Советского Союза. Отмечая исключительную важность взятого Советским Союзом обязательства не применять первым ядерное оружие,

он подчеркнул, что этот шаг — яркое свидетельство приверженности СССР делу мира, практическая мера ослабления ядерной угрозы. Высокогуманные цели внешней политики нашей партии и государства созвучны устремлениям всех миролюбивых народов планеты.

«Наша позиция по этому вопросу ясна, — заявил Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Ю. В. Андропов на торжественном заседании в Кремлевском Дворце съездов, посвященном 60-летию СССР, — ядерной войны допустить нельзя — ни малой, ни большой, ни ограниченной, ни тотальной. Остановить поджигателей новой войны — нет сейчас задачи важнее. Этого требуют жизненные интересы всех народов. Поэтому, когда Советский Союз взял на себя в одностороннем порядке обязательство — не применять первым ядерное оружие, — это было встречено с одобрением и надеждой во всем мире». Исторический оптимизм Страны Советов вдохновляет на поиски решения самых сложных проблем, встающих сегодня перед человечеством.

Решение Советского Союза о неприменении первым ядерного оружия — отнюдь не словесное заверение. Это конкретные шаги, направленные на упрочение материальных основ международной безопасности. Если раньше СССР, как известно, выражал готовность не использовать ядерное оружие против тех государств, которые отказываются от производства и приобретения такого оружия и не имеют его на своей территории, то теперь наше обязательство относится ко всем без исключения государствам мира. Наша страна, принимая на себя одностороннее обязательство не применять первой ядерное оружие, учитывает, что в мире есть агрессивные силы, готовые во имя своих узких корыстных целей ставить на карту жизненные интересы человечества, пойти ради этого на ядерную авантюру. В США и других странах НАТО должны ясно представлять, что Советский Союз, отказываясь от применения первым ядерного оружия, отказывает в этом и всем тем, кто вынашивает планы ядерного нападения в расчете на победу в ядерной войне. СССР совместно с братскими социалистическими странами будет в случае агрессии защищать завоевания социализма без каких-либо колебаний, со всей решительностью, с использованием всей своей оборонной и экономической мощи. Тот, кто, совершая преступление перед человечеством, попытался бы применить первым ядерное оружие, вынес бы тем самым приговор самому себе.

По мнению многих делегаций стран, принявших участие в специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, решение Советского Союза о неприменении первым ядерного оружия позволяет по-новому взглянуть на весь комплекс проблем ограничения и сокращения вооружений, особенно стратегических, создать более благоприятные условия для продвижения вперед дела разоружения в целом. Сейчас нет насущнее задачи, чем предотвращение гонки вооружений и разоружение. «Новый этап гонки вооружений, — подчеркивалось на XXVI съезде КПСС, — подорвет международную стабильность, намного усилит опасность возникновения войны». Разоружение — это понятие, имеющее широкий смысл, оно предполагает прекращение производства оружия во всех его видах, сокращение его запасов, физическую ликвидацию вооружений, сокращение вооруженных сил, снижение военных расходов. Всеобщее и полное разоружение означало бы окончательную ликвидацию оружия, армий, военных учреждений всех государств. Выдвинутые нашей страной новые предложения охватывают широкий круг проблем разоружения. Они касаются как ракетно-ядерного и обычных видов оружия, так и сухопутных войск, морских и воздушных сил. Советские инициативы затрагивают положение в Европе, на Ближнем, Среднем и на Дальнем Востоке. В этих предложениях речь идет о практических мерах политического, так и военного характера. Они преследуют одну единственную цель — сделать все возможное, чтобы вывести народы

угрозы новой войны, сохранить мир на нашей планете. Советский Союз рассматривает заботу об обеспечении мира как свою главенствующую задачу. Он считает, что никакие различия в общественном строе, образе жизни или идеологии, никакие противоречия между государствами или группами государств, никакие конъюнктурные интересы не должны заслонить насущную необходимость сохранить мир, предотвратить ядерную войну.

Выступая на ноябрьском Пленуме ЦК КПСС, Генеральный секретарь Центрального Комитета партии товарищ Ю. В. Андропов заявил: «Человечество не может без конца мириться с гонкой вооружений и с войнами, если не хочет поставить на карту свое будущее. КПСС против того, чтобы спор идей превращался в конфронтацию между государствами и народами, чтобы мериллом потенций общественных систем становились оружие и готовность прибегнуть к нему... В сохранении мира и разрядки одинаково заинтересованы все, — подчеркнул товарищ Ю. В. Андропов. — Поэтому по меньшей мере несерьезно звучат заявления, в которых готовность к нормализации связывается с требованием, чтобы Советский Союз платил за это какими-то предварительными уступками в самых разных областях. На такое мы не пойдём... Мы — за равноправие, за учет интересов обеих сторон, за честное соглашение. К этому мы готовы».

Советский Союз предлагает мир каждому государству, предлагает объединить усилия во имя общей безопасности, решить на здоровой, приемлемой для сторон основе самые сложные проблемы, и прежде всего проблему обуздания гонки вооружений как ядерных, так и обычных. Поставить неодолимые преграды войне на нашей земле, апеллируя к здравому смыслу, практикуя добрососедство, развивая сотрудничество, — такова цель советской внешней политики.

Последовательный миролюбивый курс Советского Союза, других стран Варшавского Договора представляет собой яркий контраст агрессивной, авантюристической политике США. Направленная на усиление гонки вооружений и достижение военного превосходства, эта политика идет вразрез с устремлениями народов к миру и безопасности на земле и прежде всего к ликвидации угрозы ядерной войны. Как известно, в результате титанических усилий Советского Союза, народов всех стран мир на планете в целом не только сохранился, но и укрепился. А тем большую тревогу, негодование и противодействие вызывают сегодня безрассудные попытки злонамеренных сил выбить опоры из-под возведенного с таким трудом, ценой таких усилий здания мира.

Рассматривая военную силу в качестве главного средства достижения своих глобальных внешнеполитических целей, администрация Р. Рейгана и стоящие за ней агрессивные круги американского империализма поставили перед собой задачу любой ценой добиться военного превосходства над Советским Союзом. Эти круги хотели бы отбросить в сторону правовые и этические нормы отношений между государствами, перечеркнуть их независимость и суверенитет. Нормальные отношения между странами они пытаются подменить «санкциями» и блокадой, контакты и переговоры — нарастающими угрозами применения вооруженной силы вплоть до угрозы использования ядерного оружия. Такой курс Белого дома с полным основанием характеризуется во всем мире, в том числе и в США, как курс на катастрофу.

Агрессивные устремления во внешней политике Вашингтона не новость. «Новость» то, что на политическую арену страны вновь после периода «холодной войны» открыто вышли наиболее оголтелые представители военно-промышленного комплекса, которые свято верят в возможность и необходимость «превосходства» США над всем миром. Именно эти круги дали рейгановской администрации «мандат» на пре-

вращение военной силы в главный политический инструмент США в отношениях со всем остальным миром.

Установки такого рода подкрепляются практическими шагами и мерами, принимаемыми администрацией Рейгана. Вслед за принятым решением о полномасштабном производстве нейтронного оружия в декабре 1982 г. сенатская комиссия одобрила выделение около 1 млрд. долл. на производство и развертывание первой партии новых межконтинентальных баллистических ракет «МХ» — ядерного оружия первого удара; предпринимаются такие опасные шаги, как создание ракеты «Трайидент-2», развертывание в Европе ракет средней дальности «Першинг-2», крылатых ракет трех видов, а также совершенствование ряда других систем. Подобные безрассудные планы Вашингтона подкрепляются разработкой концептуальных основ ведения и даже «выигрывания» ядерной войны. В основе таких установок лежит прежде всего намерение нарушить сложившееся примерное равновесие сил и создать военное превосходство над Советским Союзом. Эти и другие шаги свидетельствуют о том, что милитаристский курс и агрессивная политика Белого дома приобретают все более опасный для дела мира и безопасности народов характер.

Выступая 23 ноября 1982 г. с пространным обращением к своей стране, Р. Рейган не остановился перед грубейшими передержками и искажениями в своем стремлении изобразить дело так, будто гонку вооружений ведут не США, а Советский Союз. Он выступил перед неискушенными телезрителями с разноцветными диаграммами и графиками, в которых можно обнаружить что угодно, кроме правды. Между тем глава Белого дома не смог и не сможет опровергнуть непреложный факт — гонка вооружений своими корнями уходит в американскую почву. Известно, что Соединенные Штаты были зачинателями всех ее главных витков во все послевоенные годы. Не могут оспаривать Р. Рейган и его окружение и то, что ядерное оружие было создано впервые Соединенными Штатами и что они оказались единственной страной, которая применила это оружие в войне. Таким образом, установка на применение ядерного оружия составляет основу американской военной политики и сейчас. Поэтому Вашингтон и отказывается последовать инициативе Советского Союза и взять на себя обязательство ни при каких условиях не прибегать к применению ядерного оружия первым. Ныне, когда накопилось огромное количество ядерного оружия, Белый дом предпринимает шаги, которые делают риск ядерной войны более вероятным.

Президент США в своей речи также безосновательно говорил о существовании военного превосходства СССР над США. Он заявил, что «сегодня практически в любом виде военной мощи Советский Союз обладает явным превосходством». Такое заявление не соответствует действительности. Оно рассчитано на обман общественного мнения и служит тому, чтобы оправдать беспрецедентные военные программы и агрессивные доктрины США.

Как известно, примерное равновесие в области стратегических ядерных вооружений СССР и США неоднократно и самым тщательным образом выверялось в ходе разработки Договора ОСВ-2 наиболее квалифицированными экспертами обеих сторон. И, надо полагать, поставленная под договором 1979 г. подпись американского президента означала признание такого равновесия.

Равновесие на глобальном и европейском уровнях есть, оно существует, и не на бумаге, а в действительности. Ныне, по мнению Советского Союза, сохранение военно-стратегического равновесия обеспечивает в существующих условиях реализацию принципа равенства и объективно служит сохранению мира на нашей планете. Однако диаметрально противоположный курс проводит Вашингтон. Его ставка на

«довооружение» под предлогом якобы выравнивания паритета на деле означает стремление к изменению в свою пользу соотношения сил на мировой арене, к военному превосходству. Более того, президент США Р. Рейган без обиняков объявил целью производства ракет «МХ» и других вооружений достижение «неоспоримого военного преимущества» США над СССР, создание предпосылок для обеспечения победы США в любом, в том числе и ядерном, конфликте. «Политика, основанная на стремлении достичь военного превосходства над Советским Союзом, бесперспективна и способна лишь усилить угрозу войны», — подчеркнул Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов на торжественном заседании в Кремле в связи с 60-летием образования СССР.

С большим интересом в мире восприняты новые инициативы Советского Союза, направленные на уменьшение опасности войны, возврат к нормальным, корректным отношениям между государствами, к разрядке. Это и понятно. Люди всего мира устали от «нового курса» США, от попыток сломать веками и десятилетиями складывавшиеся экономические, научные и культурные связи между народами, устали от угроз применить против несогласных со взглядами Вашингтона военную силу, от бездумного раскручивания гонки вооружений и нагнетания напряженности. Миру нужна стабильность и уверенность в завтрашнем дне. И основой этой стабильности, выдержки и неуклонной заботы о будущем человечества был и остается Советский Союз.

Ныне вопрос стоит так: либо договоренность, либо годы обостренного и опасного ядерного противостояния. Не понимать этого невозможно. Поэтому новые советские предложения, ставящие Вашингтон перед необходимостью встречных конструктивных шагов, восприняты во всем мире с одобрением и надеждой. Надеждой на то, что Запад не упустит возможности договориться, что впервые в истории Европы удастся разорвать порочный круг наращивания ядерных арсеналов и приступить к их сокращению. Ответ на предложения СССР нужен по существу. Американскому «нулевому варианту», предполагающему одностороннее разоружение Советского Союза и полностью неосуществимому, противостоит простое и всем понятное советское предложение — сократить в Европе многие сотни советских и американских носителей средней дальности и установить баланс вооруженных сил ОВД и НАТО на самом низком из возможных уровней. Как известно, Советский Союз не требует ничего одностороннего разоружения. Наша страна не претендует на военное превосходство. СССР хочет одного: честной и справедливой договоренности.

Судьбы войны и мира во многом зависят от того, будет или не будет достигнута советско-американская договоренность — честная, справедливая, не ущемляющая ничьих интересов — об ограничении и сокращении стратегических вооружений. Между тем любые попытки затормозить или ограничить процесс наращивания таких вооружений до сих пор наталкивались на откровенный саботаж Белого дома, избравшего именно эту область главной ареной состязания с миром социализма.

Общественность США, Западной Европы, Японии и других стран, которым адресуется Белый дом свое широко разрекламированное «мирное наступление», ныне обладает достаточным здравым смыслом, чтобы отличить подлинное миролюбие от показного.

В борьбе за предотвращение ядерной войны 1983 год приобретает особое значение. В этом году агрессивные круги США и НАТО планируют начать размещение новых американских ракет средней дальности на территории ФРГ, Англии, Италии, Голландии и Бельгии.

Форсируя и расширяя программу развертывания новых ракет средней дальности в Европе, США показали подлинную цену разглагольствований о так называемом «двойном решении» НАТО, обнажили ли-

цемерие заверений, что ракеты эти потребуются, мол, лишь в случае, если советско-американские переговоры в Женеве не принесут результатов до конца 1983 г. Но Вашингтон теперь предпочитает умалчивать о том, что за согласием западноевропейцев на «двойное решение» должна была последовать безотлагательная ратификация Договора ОСВ-2. Сейчас, как никогда ранее, стоит вопрос о том, как остановить наращивание ядерных arsenалов и приступить к их сокращению. Этот вопрос глубоко волнует миролюбивую общественность. Вот почему всеобщий интерес и столь положительный отклик вызвали в мире новые советские инициативы, выдвинутые Генеральным секретарем ЦК КПСС Ю. В. Андроповым. Эти предложения направлены на достижение справедливых и взаимоприемлемых договоренностей на ведущихся в Женеве советско-американских переговорах. Советский Союз предлагает уже сейчас прекратить дальнейшее наращивание обеими сторонами стратегических вооружений, то есть заморозить их, а затем сократить имеющиеся arsenалы примерно на 25 % с каждой стороны, доведя их до одинаковых уровней, а затем пойти дальше, к новым сокращениям.

Конкретные предложения СССР направлены на то, чтобы найти такие решения обсуждаемых вопросов, которые вели бы к радикальным сокращениям вооружений обеих сторон, не нанося ущерба интересам ни одной из них. Если бы Вашингтон ответил на такую справедливую, конструктивную позицию проявлением доброй воли со своей стороны, это сделало бы 1983 год добрым годом для человечества. Советский Союз никогда не хотел и не хочет, чтобы военно-стратегическое равновесие поддерживалось путем гонки вооружений. Он стоял и стоит за то, чтобы снижать уровень военного противостояния, вести дело к количественному и качественному ограничению вооружений, к прекращению гонки вооружений, к разоружению вплоть до всеобщего и полного.

Широкий резонанс мировой общественности получила «Политическая декларация государств — участников Варшавского Договора», принятая на совещании Политического консультативного комитета, состоявшемся в Праге в начале января 1983 г. В этой декларации содержится целый ряд важнейших конструктивных предложений, направленных на преодоление нынешнего опасного обострения международной обстановки, в том числе предложение заключить Договор о взаимном неприменении военной силы и поддержании отношений мира между государствами — участниками Варшавского Договора и государствами — участниками Североатлантического договора. Эти предложения открывают широкую дорогу к радикальному оздоровлению международной обстановки.

Борьба Советского Союза и других стран социалистического содружества за устранение опасности мировой термоядерной катастрофы находит глубокий отклик в сердцах миллионов людей, широчайшую поддержку во всем мире. Сохранение и упрочение мира не только затрагивает интересы миллионов ныне живущих людей, но и стало теперь непременным условием самого существования человечества на земле.

Советский народ и народы стран социализма с оптимизмом смотрят в будущее, полны уверенности, что существуют реальные возможности сохранить и упрочить мир, обеспечить нормальное, мирное сосуществование государств с различным социальным строем, предотвратить угрозу ядерного конфликта.

Ныне на авансцену истории, как никогда ранее, выходят народы. Они обрели право голоса, который никому не заглушить. Они сознают, что ядерной войны допустить нельзя, и своими активными действиями способны устранить нависшую над человечеством угрозу, сбросить мир и жизнь на нашей планете.

Некоторые аспекты новой дальневосточной стратегии США

*В. И. Денисов,
кандидат юридических наук*

В мировой политике последних лет весьма рельефно прослеживается интенсивная борьба двух направлений. С одной стороны, Советский Союз, страны социалистического содружества, все прогрессивные силы проводят линию на обуздание гонки вооружений, укрепление разрядки, защиту свободы и независимости народов. «Не подготовка к войне, обрекающая народы на бессмысленную растрату своих материальных и духовных богатств, а упрочение мира — вот путеводная нить в завтрашней политике КПСС, Советского государства. С другой стороны, наиболее агрессивные круги империализма, и прежде всего Соединенных Штатов Америки, ведут дело к максимальному обострению международной напряженности, невиданной гонке вооружений. Налицо явная попытка добиться военного превосходства над мировым социализмом.

Взяв на вооружение мифы о «советской военной угрозе», о «советском военном превосходстве», администрация Р. Рейгана поставила целью добиться «величия» США, поднять авторитет Вашингтона в международных делах. Милитаризация стала при нынешнем правительстве составной частью внешнеполитического курса Соединенных Штатов. Вполне очевидно, что тезис о «советской угрозе» понадобился империализму не для восстановления якобы имеющего место отставания от СССР в военной области, а для того, чтобы взломать военно-стратегический паритет, подстегнуть гонку вооружений и свалить на Советский Союз вину за обострение международной напряженности. Именно это имел в виду В. И. Ленин, когда говорил, что те, кто кричит о «красном милитаризме», являются «политическими мошенниками, которые делают вид, будто бы они в эту глупость верят»².

Достижения реального социализма, подъем национально-освободительной борьбы народов — вот причины, которые вызывают злобу и ненависть империализма, толкают его на взвинчивание гонки вооружений, подготовку к ядерной войне.

Агрессивный внешнеполитический курс администрации Р. Рейгана носит глобальный характер. Он проявляется и в политике США в Европе, Азии, Африке и Латинской Америке. Для его обоснования формулируются различные «теории», «доктрины», «концепции». Одной из таких доктрин является «новая азиатская стратегия Рейгана».

Стратегия новая, цели старые

Приход в Белый дом Р. Рейгана ознаменовал резкий поворот внешней политики в сторону жесткой конфронтации с Советским Союзом по всем аспектам отношений — на глобальном и региональном уровнях.

¹ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1982, с. 31.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, с. 50.

Характеризуя внешнеполитический курс правительства Р. Рейгана, американский политолог Ф. Грин отмечает, что «усилия администрации Рейгана направлены на то, чтобы придать новую форму внешней политике США, главный упор при этом сделан на конфронтацию с СССР»³.

Новый подход Вашингтона, как пишет далее Ф. Грин, включает: 1) жесткую, даже грубую, дипломатическую и идеологическую позицию в отношении Москвы; 2) интенсивное увеличение военного потенциала США; 3) отказ от переговоров с СССР до тех пор, пока не будет принята новая программа вооружений; 4) примат безопасности США над ценностью заключенных соглашений о контроле над вооружениями; 5) укрепление отношений с теми государствами, которым «угрожает» Советский Союз; 6) обеспечение оружием дружественных США стран, с тем чтобы укрепить связи с этими странами⁴. Такая линия правящих кругов США оказала самое непосредственное воздействие и на азиатское направление во внешней политике Вашингтона. Поставлена задача «восстановить сильную роль Америки в Азии и на Тихом океане»⁵. Реализации этой стратегической цели подчинена вся практическая деятельность администрации Р. Рейгана.

В конце 70-х годов в политических и научных кругах США активно дискутировались роль Соединенных Штатов в Азии, перспективы американской политики в этом регионе и ее возможные альтернативы. В начале 1979 г. «мозговой трест» военно-промышленного комплекса США — «Рэнд корпорэйшн» провела симпозиум, посвященный азиатским проблемам в 80-е годы и выработке политики США в Азии на текущее десятилетие. Главный вопрос, стоявший перед участниками симпозиума, заключался в том, чтобы определить, какой политический курс следует проводить Соединенным Штатам в Азии в условиях укрепления позиций прогрессивных сил, или, как выразился директор исследовательской программы по вопросам международной безопасности «Рэнд корпорэйшн» Р. Соломон, «какова стратегия США в отношении глобального советского вызова?»⁶ Участники симпозиума призывали к укреплению отношений с традиционными союзниками США в Азии — Японией, Южной Кореей, странами — членами АНЗЮС, но с учетом китайского фактора⁷.

Американский политолог Э. Лефевр считает, что с военно-стратегической точки зрения США имеют по крайней мере четыре альтернативы в отношении обеспечения своих интересов в Азии: 1) увеличение американских обязательств в Азии, 2) значительное увеличение обязательств, 3) сохранение обязательств на нынешнем уровне, 4) полный уход. Э. Лефевр склонен считать, что наиболее оптимальным вариантом является сохранение американских обязательств на нынешнем уровне и возможность их некоторого уменьшения или увеличения в обозримом будущем⁸.

Профессор Р. Скалапино придерживается так называемой «стратегии равновесия». По его мнению, Соединенные Штаты должны продолжать выполнять обязательства по обеспечению безопасности своих азиатских союзников и сохранять «передовое военное присутствие» в Тихом океане. Р. Скалапино считает, что такая стратегия позволит избежать «сверхамериканизации» конфликтных ситуаций в регионе и обес-

³ "Asian Survey", January 1982, vol. XXII, N 1, p. 1.

⁴ Ibid., p. 1.

⁵ «Правда», 24.IV.1982.

⁶ R. Solomon (ed.), Asian Security in the 1980s. Problems and Policies for a Time of Transition. — Cambridge, Massachusetts, 1980, p. 2.

⁷ Ibid., p. 63, 89, 127.

⁸ In: E. W. Lefever. United States, Japan and the Defence of the Pacific. — "Policy Review" (Fall), 1978, N 6, p. 99.

печит «более справедливое распределение» обязательств между союзниками Соединенных Штатов при возникновении конфликта⁹.

В целом же американские специалисты по азиатским проблемам и выдвигаемые ими концепции и формулы преследуют одну и ту же цель — попытаться «научно» обосновать агрессивный внешнеполитический курс США, который направлен на то, чтобы добиться усиления позиций США в Азии, не допустить укрепления прогрессивных тенденций на Азиатском континенте, подорвать воздействие социалистических стран на изменения в Азии.

Формирование основ азиатской политики администрации Р. Рейгана было завершено в начале 1982 г. Она вобрала основные постулаты общего агрессивного курса США и была изложена министром обороны К. Уайнбергером в ходе его визита в Японию в марте 1982 г. Азиатская стратегия США включает 6 пунктов.

1) США подтверждают свое намерение оставаться тихоокеанской державой. Правительство Р. Рейгана осудило «доктрину Никсона» как своего рода прикрытие для ухода США из Азии. Намерение администрации Дж. Картера сократить американские войска в Южной Корее было расценено как путь, ведущий к потере Соединенными Штатами роли азиатской державы.

2) Отношения с Японией. Вашингтон настаивает на том, чтобы к концу 80-х годов «ответственность» Японии в области обороны была приведена в соответствие с ее экономической мощью. Здесь имеется в виду увеличение Японией расходов на военные цели, расширение спектра деятельности ее вооруженных сил в регионе.

3) Всесторонняя поддержка южнокорейского режима, предоставление ему новых кредитов для модернизации вооруженных сил.

4) «Стратегическое сотрудничество» с Китаем. Развитие отношений с КНР.

5) Противодействие росту влияния СРВ, сил социализма в Юго-Восточной Азии. Соединенные Штаты намерены поощрять развитие двустороннего и многостороннего военного сотрудничества с государствами региона, развивать «возможности» этих стран заполнить вакуум в случае переброски американских войск из этого региона в другие районы мира.

6) Совершенствование сил быстрого развертывания (СБР), обеспечение их быстрой передислокации в район Персидского залива как наиболее «уязвимой» точки¹⁰.

Как видно, новая азиатская политика «охватывает» практически все главные районы Азии и демонстрирует намерение наиболее агрессивных сил США закрепить американское присутствие на Дальнем Востоке. Характеризуя новую стратегию Вашингтона в Азии, журнал «ЮС ньюс энд Уорлд рипорт» писал: «После десятилетия отхода и колебаний Соединенные Штаты предпринимают наступление в Азии, вооруженные «доктриной Рейгана»¹¹.

Администрация Р. Рейгана проводит активную азиатскую политику. В течение только 1982 г. министр обороны К. Уайнбергер дважды посетил страны Дальнего Востока и Тихого океана. Весной он побывал в Японии, Южной Корее, на Филиппинах, а осенью — в ряде стран — членов АСЕАН, а также в Австралии и Новой Зеландии.

Первая группа стран — Япония, Южная Корея и Филиппины. Известно, что на их территориях расположены крупные военные базы

⁹ In: R. Scalapino. Approaches to Peace and Security in Asia: the Uncertainty Surrounding American Strategic Principles in "Changing Patterns of Security and Stability in Asia". New York, 1980, p. 5.

¹⁰ In: "Far Eastern Economic Review", June 18—24, 1982, p. 10—11.

¹¹ "US News and World Report", 10.VIII.1982, p. 36.

Соединенных Штатов: в Южной Корее — 40, в Японии — 32¹². Министр обороны США инспектировал готовность военных сооружений и войск, расквартированных на этих базах.

В отношении стран АСЕАН Вашингтон уже длительное время проводит линию на то, чтобы убедить их в необходимости более активного вклада в военные приготовления. Однако уже сейчас эти государства тратят огромные средства на военные цели. Только в 1981 г. военные расходы государств — членов ассоциации составили 7,6 млрд. долл., что на 170 % больше, чем в 1975 г. Кроме того, К. Уайнбергер пытался убедить страны АСЕАН, что перевооружение Японии им нисколько не угрожает, так как возрастание военного потенциала японских вооруженных сил необходимо якобы для защиты морских коммуникаций от «советской угрозы». На пресс-конференции в Канберре К. Уайнбергер подчеркнул «необходимость усиления коллективной обороны в Азиатско-тихоокеанском регионе». Он отметил важность блока АНЗЮС как «одного из столпов азиатской безопасности».

Подогревание милитаристских устремлений в Азии — важная составная часть азиатской политики США. Рост военных бюджетов в странах Азии достиг уже значительных размеров. Страны Азиатского континента ежегодно тратят на военные цели 85 млрд. долл.¹³ Если бы эти огромные средства были вложены в развитие народного хозяйства, они в значительной степени способствовали бы решению острых социальных проблем в Азии.

Собственное военное присутствие США на Дальнем Востоке и на Тихом океане значительно. Достаточно отметить, что численность американских войск только на Дальнем Востоке доведена до 147 тыс. человек. Тихоокеанское командование США располагает 7 авианосцами, 140 другими кораблями, 44 ядерными и дизельными подводными лодками, 1125 самолетами¹⁴. Расширяются и модернизируются американские военные базы в Японии, Южной Корее и на Филиппинах.

По-прежнему очевидны агрессивные намерения США в отношении Корейского полуострова и Юго-Восточной Азии, нашедшие свое подтверждение в азиатской политике администрации Р. Рейгана. Всесторонняя поддержка ею сеульского режима, обязательство не выводить из Южной Кореи свои войска, агрессивный настрой против социалистических стран Индокитая направлены против урегулирования положения в этих районах Азии.

Одним из главных компонентов новой азиатской стратегии становятся «силы быстрого развертывания» (СБР), предназначенные для укрепления позиций американского империализма в Азиатско-тихоокеанском регионе.

Новая политика Вашингтона в регионе, как представляется, сохраняет внутреннюю преемственность положений «гуамской доктрины» и «доктрины Форда». Она развивает курс на укрепление главных позиций США в Азии с акцентом на агрессивность в достижении поставленных целей. Иначе говоря, новая стратегия Соединенных Штатов Америки носит резко антисоветский характер и направлена на реализацию прежних задач — подавление воли народов Азиатского континента к самостоятельному развитию, подрыв позиций социализма в регионе. А средством достижения этих целей остаются система существующих в Азии военно-политических союзов, двусторонние милитаристские альянсы США с Японией, Южной Кореей и другими азиатскими странами.

¹² См.: «Международная жизнь», 1982, № 7, с. 13.

¹³ In: "Asia and Pacific", 1982, № 7, p. 77.

¹⁴ См.: «Красная звезда», 12.VI.1982, «Известия», 18.I.1983.

«Союз» с Японией

Соединенные Штаты Америки отводят союзу с Японией важнейшую роль в достижении своих региональных и глобальных целей. Интерес США к Японии обусловлен прежде всего общим ростом влияния Японии в международно-политических отношениях. Поражение США в Индокитае привело американские правящие круги к выводу о том, что Япония является одной из главных опор американской политики в Азии. Основу двусторонних отношений составляет японо-американский «договор безопасности». Давая оценку этому договору, З. Бжезинский говорил, что он «служит якорем для американских позиций в Восточной Азии и позволяет распространить наше стратегическое и политическое влияние на Тихом океане»¹⁵. Взаимную заинтересованность в поддержании тесных дружественных отношений демонстрируют руководители как Соединенных Штатов, так и Японии. Бывший помощник президента США по национальной безопасности Р. Аллен отмечал: «Президент Рейган высоко ценит союзнические отношения с Японией. Эта страна играет значительную роль и представляет собой опору американской политики в районе Тихого океана и Восточной Азии, является нашим важным союзником».

В научных кругах Соединенных Штатов выражается единодушное относительно важности развития двусторонних отношений. «Японо-американский союз, — пишет профессор Д. Хелман, — остается краеугольным камнем нашей политики в Азии и одним из наиболее примечательных достижений дипломатии Соединенных Штатов с 1945 года»¹⁶.

Между США и Японией осуществляется широкое военно-политическое сотрудничество и взаимодействие. Оно приняло новую форму после визита в мае 1981 г. в США премьер-министра Д. Судзуки. Обе стороны возвели двусторонние отношения в ранг «союза». Р. Рейган назвал американо-японские отношения «жизненно важным союзом» и призвал к «гармонии» между двумя тихоокеанскими странами¹⁷. Японский премьер обещал, что Токио будет прилагать «бóльшие усилия для укрепления обороноспособности Японских островов в окружающем их морском и воздушном пространстве и для дальнейшего финансирования американских войск в Японии»¹⁸. Ежегодно Токио тратит около 1,4 млрд. долл. на содержание американских войск, расквартированных на Японских островах¹⁹. Новое правительство, возглавляемое Я. Накасонэ, также объявило, что Соединенные Штаты являются главным партнером Японии, и намерено развивать с ними разносторонние связи.

Вашингтон и Токио создали разветвленную политико-военную структуру сотрудничества, опирающуюся на «договор безопасности». На территории Японии находится свыше 100 военных баз и других объектов США, на которых размещено около 46 тыс. американских военнослужащих²⁰.

Между двумя странами активно действует консультативный комитет по вопросам безопасности. На его ежегодных совещаниях обсуждаются различные аспекты двустороннего военного сотрудничества. В 1978 г. комитет утвердил «Основные принципы сотрудничества Японии и США в области обороны». Этот документ фактически уточняет и конкретизирует основные положения «договора безопасности». В нем

¹⁵ In: "Department of State Bulletin", June 1978, p. 3.

¹⁶ Ed. D. C. Hellman, *China and Japan: a New Balance of Power*. Lexington—Toronto, 1976, p. 305.

¹⁷ См.: «Нихон кэйдзай», 30.VI.1981.

¹⁸ "Asahi Evening News", 9.V.1981.

¹⁹ In: "Spiegel", 19.V.1982, p. 23.

²⁰ In: "US News and World Report", 16.XI.1981, p. 43.

предусмотрено взаимодействие между вооруженными силами двух государств, распределение между ними боевых задач. В частности, отмечается, что японские «силы самообороны» возьмут на себя отражение «ограниченной и небольшой по размерам агрессии». В ходе морских операций они должны будут осуществлять охрану морских коммуникаций, защищать порты и заливы, охранять проливы, вести противолодочную борьбу, охранять морские перевозки.

Что касается войск США, то их функции сводятся, согласно указанному документу, к «поддержанию ядерной силы сдерживания», содержанию мобильных вооруженных сил, которые могут быть «выдвинуты на передовые рубежи», оказанию содействия «силам самообороны» и проведению контрнаступательных операций²¹.

Весьма характерно, что в конце 70-х годов правящие круги Токио приступили к пересмотру некоторых аспектов своей военно-стратегической доктрины, основой которой по-прежнему составляет японо-американский «договор безопасности». Понятие «национальной безопасности» стало трактоваться значительно шире, и впервые был поставлен вопрос о нанесении удара по противнику за пределами японской территории. Именно в этом контексте следует рассматривать расширение зоны действия японских «сил самообороны».

На очередном совещании консультативного комитета в Гонолулу в августе 1982 г. американская сторона настаивала на больших усилиях Японии в военной области. Добившись от Японии расширения радиуса действия ее «сил самообороны» за 1000 миль от Японских островов, США продолжают оказывать нажим на Токио. В 1979 г. военные расходы Японии увеличились по сравнению с 1960 г. в 13 раз²². В 1981 финансовом году прирост военных ассигнований составил 7,5 %, а в 1982 г. военные расходы превысили 10 млрд. долл. В 1983 г. они достигнут 11 млрд. долл.²³ Как считает П. Лангер, ведущий специалист по азиатским проблемам «Рэнд корпорэйшн», «даже если японцы будут вкладывать в оборону не более 1 %, они будут обладать высоко-современной военной мощью к концу 80-х годов, превратив свою страну в одну из сильных в военном отношении держав мира». И далее П. Лангер делает вывод: «Расширение и модернизация оборонных программ Японии... неизбежно приведут к расширению периметра передней обороны...»²⁴.

Так оно и произошло. Правительство Д. Судзуки взяло курс на распространение сферы деятельности «сил самообороны» за пределы Японских островов. Тем не менее размеры увеличивающихся военных расходов Японии, перенесение активности вооруженных сил за ее пределы далеко не удовлетворяют Вашингтон. Американский посол М. Мэнсфилд требует: «Япония должна делать больше для обороны... Дальнего Востока»²⁵. И Япония увеличивает свой военный потенциал. Недавно одобрена пятилетняя военная программа (на 1983—1987 гг.), которая обойдется в 60 млрд. долл.²⁶ Ко времени завершения этой программы Япония будет иметь в военно-морских силах 178 судов и 185 самолетов, в военно-воздушных силах — 138 самолетов F-15, 58 самолетов F-1 и 35 самолетов других типов, сухопутные войска будут оснащены 1314 танками, 418 самолетами и другими системами оружия²⁷. Однако и сейчас вооруженные силы Японии представляют внушитель-

²¹ См.: «Азия и Африка сегодня», 1982, № 4, с. 14.

²² См. там же, с. 12.

²³ In: "Christian Science Monitor", 29.VII.1982.

²⁴ R. Solomon (ed.), Asian Security in the 1980s..., p. 88.

²⁵ "US News and World Report", 16.XI.1981, p. 43.

²⁶ См.: «Известия», 12.VI.1982.

²⁷ In: "Far Eastern Economic Review", 6—12.VIII.1982, p. 35.

ную силу. Под ружьем находится 260 тыс. человек. ВМС имеют 60 эсминцев и 50 подводных лодок.

В ходе состоявшихся в августе 1982 г. переговоров Японии и США достигли согласия по военным вопросам еще в ряде важных областей. В частности, стороны договорились, что «в случае обострения ситуации на Дальнем Востоке, которое может оказать влияние на безопасность Японии», последняя окажет поддержку Соединенным Штатам. Обе стороны решили изучить вопросы дальнейшего сотрудничества в случае возникновения «чрезвычайных обстоятельств». Японская сторона пошла на уступки еще по одному важному аспекту, дав согласие обсудить вопросы передачи своей военной технологии Соединенным Штатам.

Давление США на Японию преследует цель, пишет японский профессор И. Нагаи, прежде всего добиться того, чтобы Япония стала представлять военную угрозу для Советского Союза²⁸.

Нельзя не согласиться с выводом И. Нагаи, учитывая, что острее военно-политической стратегии США в Азии, как и в других районах мира, направлено против Советского Союза. В этом же контексте следует рассматривать и заявление министра обороны К. Уайнбергера по поводу так называемых «северных территорий». Он сказал, что «США поддерживают требование Японии об их возвращении»²⁹. Во всем комплексе мер давления на Японию тезис о «советской угрозе» занимает одно из ведущих мест.

Существенным компонентом японо-американского сотрудничества в военной области стало проведение совместных маневров; начиная с 1978 г. военные учения двух стран проводились уже более 40 раз, а в течение 1982 г. — 17 раз³⁰.

Другая характерная черта — привлечение Японии к маневрам, происходящим за несколько тысяч миль от ее территории. С 1980 г. Токио постоянно участвует в учениях «Римпак» («Тихоокеанское кольцо»), проводимых США, Канадой, Австралией и Новой Зеландией в районе Гавайских островов. Американские военные специалисты придают важное значение этим маневрам, так как в ходе их отрабатываются вопросы взаимодействия военно-морских сил стран, входящих в блоки НАТО и АНЗЮС. Так что становится реальностью расширение функций «сил самообороны», на которые теперь возлагаются задачи не только обороны Японии.

В Вашингтоне нашла принципиальное одобрение японская идея создания так называемого тихоокеанского сообщества. Соединенные Штаты, конечно, понимают намерения японцев. Однако они имеют на этот счет свои собственные виды. Главный замысел США состоит в том, чтобы придать сообществу военно-политическую окраску, навязать ему военные обязательства. Иначе говоря, Соединенные Штаты хотели бы укрепить и расширить двусторонние и многосторонние связи, существующие между ними и их союзниками в Европе, Азии и на Тихом океане, и перекинуть мост между НАТО, с одной стороны, и группировками АНЗЮС и АСЕАН — с другой, а также с Японией и Южной Кореей.

Было бы ошибочно, однако, считать, что Токио по всем основным вопросам следует в фарватере вашингтонской политики. Между двумя странами существует ряд серьезных разногласий, в частности по торгово-экономическим проблемам. Хронический дефицит США в торговле с Японией создает атмосферу острой конкурентной борьбы между ними. В 1981 г. в торговом балансе США с Японией образовался рекорд-

²⁸ См.: «Асахи симбун», 17.XI.1981.

²⁹ «Ёмиури», 21.III.1982.

³⁰ См.: «Красная звезда», 6 и 26.XI.1982.

ный дефицит — в размере 16 млрд. долл. Предполагается, что к 1983 г. он удвоится, а к 1990 г. достигнет 50 млрд. долл.³¹

Как показывает анализ, японо-американские отношения на современном этапе достигли нового уровня. Вашингтон не случайно стремится к «союзным» связям с Токио, ибо отводит Японии одну из ведущих ролей в своей военно-стратегической схеме как регионального, так и глобального масштаба. Попытка — и, надо сказать, удачная — переложить на Японию часть своих военных функций дает Соединенным Штатам возможность использовать высвобождающиеся силы в других районах мира, что влечет за собой рост международной напряженности. Курс на милитаризацию, на поддержку военных авантюр Пентагона идет вразрез с национальными интересами японского народа, подрывает основы мира и добрососедства в Азии и на Дальнем Востоке.

«Зрелое партнерство» с Южной Кореей

В азиатской политике Соединенных Штатов Южная Корея занимает особое место. Обстановка на Корейском полуострове оказывает влияние на всю систему международных отношений в районе Восточной Азии и западной части Тихого океана в основном как потенциальная кризисная ситуация. Корейская проблема все еще не урегулирована, а проводимая Вашингтоном политика всемерного усиления сеульского режима ведет к обострению обстановки в Корее³².

Все администрации, находившиеся у власти в 70-х годах, и нынешнее правительство Р. Рейгана рассматривали и рассматривают Корейский полуостров как «сферу жизненных интересов США». Известный американский специалист по азиатским проблемам Д. Загория отмечал, что несмотря на изменение тактического подхода к Корее различных правительств США, «существуют долговременные американские интересы на Корейском полуострове»³³, которые в конечном итоге и определяют исключительную важность для Вашингтона этого района.

«Стабильность и безопасность Южной Кореи имеют решающее значение для безопасности в Восточноазиатском регионе» — так определил место сеульского режима бывший государственный секретарь США Г. Киссинджер. Комментируя этот тезис, Уильям Барндс пишет: «Эта точка зрения (Г. Киссинджера. — В. Д.) отражает важность Южной Кореи для Соединенных Штатов по крайней мере в течение длительного периода, и не будет преувеличением сказать — на ближайшее будущее»³⁴.

Заинтересованность США в Южной Корее обусловлена рядом факторов. Во-первых, военно-стратегические интересы американского империализма в Азии предопределяют вовлеченность Южной Кореи в планы Вашингтона в Азиатском регионе. Юг Корейского полуострова представляет удобную стратегическую точку, овладение которой обеспечивает сохранение позиций США в Азиатско-тихоокеанском регионе. «Если мы (американцы. — В. Д.) пожертвуем Кореей, — отмечает Р. Персон, — это может привести к дальнейшей эрозии американского влияния в Азии и в конечном итоге к уходу из этого района. Совершенно ясно, что передняя линия обороны в Восточной Азии и западной части Тихого океана должна основываться на решительной поддержке Южной Кореи»³⁵.

³¹ In: "Far Eastern Economic Review", 16—22.VII.1982, p. 42; "US News and World Report", 23.IX.1982, p. 39.

³² См.: США и проблемы Тихого океана. М., 1979, с. 277.

³³ "Korea Newsreview", 2.1.1982, p. 11.

³⁴ W. J. B a r n d s (ed.). Two Koreas in East Asian Affairs. New York, 1976, p. 181.

³⁵ Korea in the World Today. Washington, 1976, p. 7.

Во-вторых, весьма важным элементом корейской политики США продолжает оставаться, а в последние годы и усиливаться японский аспект. «Доктрина Никсона», «тихоокеанская доктрина» и нынешняя дальневосточная стратегия Рейгана тесно увязывают отношения США с Южной Кореей и Японией. Пауль Лангер, сотрудник «мозгового треста» Пентагона «Рэнд корпорэйшн», в этой связи отмечает: «Американская поддержка безопасности Кореи (Южной Кореи. — В. Д.) остается жизненным элементом стабильности японо-американских отношений...»³⁶ Таким образом, фактически речь идет о функционировании единой военно-политической структуры США, Японии и Южной Кореи на Дальнем Востоке и в Азии. Здесь также следует иметь в виду территориальную близость Корейского полуострова к рубежам социалистического содружества, и в первую очередь к Советскому Союзу.

В-третьих, перманентная нестабильность сеульского режима вызывает беспокойство правящих кругов США, которые вынуждены держать в поле своего зрения ситуацию на юге Корейского полуострова. Используя тезис об «угрозе с Севера», Вашингтон сохраняет свое военное присутствие в Южной Корее, укрепляет в военном и экономическом отношении южнокорейский режим.

И наконец, военно-стратегические интересы США дополняются весьма существенными экономическими мотивами. Прямые американские инвестиции в южнокорейскую экономику составляют сейчас 25,8% от общих иностранных вложений³⁷.

В новой азиатской стратегии Вашингтона Южной Корее отводится роль «региональной силы». Как пишет Д. Загория, Южная Корея обеспечивает баланс сил в Азии, нарушение которого может повлечь серьезные последствия в мире. Укрепляя Южную Корею в качестве «региональной силы», продолжает американский ученый, США тем самым кладут конец своей пассивности в Восточной Азии, последовавшей после поражения во Вьетнаме³⁸.

Между Вашингтоном и Сеулом в 80-е годы, как считают многие американские специалисты, возникнет «новое партнерство», которое будет обеспечиваться путем более активного участия США в модернизации южнокорейских вооруженных сил, тесной координации американо-южнокорейских усилий в военной области, всесторонней поддержки Сеула по корейской проблеме, развития более тесных политических, экономических связей с Южной Кореей³⁹.

В конце 70-х годов американская администрация выражала намерение снизить уровень своего присутствия в Южной Корее, провести частичный вывод сухопутных войск с Юга. Однако общий поворот правительства Дж. Картера от политики разрядки к конфронтации привел к отказу от первоначальных обещаний. Дж. Картер не только отказался вывести американские вооруженные силы с Юга, но и принял решение увеличить военно-воздушные силы, модернизировать вооруженные расположенных там войск.

Нынешняя администрация США исходит из того, что Южная Корея занимает одно из ключевых мест в азиатской стратегии США. Не случайно первый визит в США с приходом в Белый дом Р. Рейгана совершил не кто иной, как южнокорейский диктатор Чон Ду Хван. Этот визит расценили как «поворот» США лицом к Азии. Действительно, сделанный новой администрацией акцент во внешней политике на Азиатский континент является своего рода реакцией правящих кругов США на прогрессивные тенденции в этом районе.

³⁶ R. S o l o m o n (ed.), *Asian Security in the 1980s ...*, p. 88.

³⁷ In: "Korea Herald", 1.1.1982.

³⁸ In: "Korea Newsreview", 23.1.1982, p. 10 -11.

³⁹ Ibid., p. 11.

Как видно из совместного заявления, принятого по итогам визита Чон Ду Хвана в США, Вашингтон и Сеул подтвердили свои обязательства, вытекающие из «договора о взаимной обороне», подписанного в 1954 г. Здесь важно подчеркнуть, что уже в совместном коммюнике сеульский диктатор признал претензии США на «осуществление твердого руководства мировой политикой». Глава Белого дома заверил Чона, что США не намерены выводить свои сухопутные войска с Юга Корейского полуострова⁴⁰. Это важное, с точки зрения Сеула, положение совместного заявления кладет конец всяким разговорам о сокращении американского военного присутствия в Южной Корее, которые велись при администрации Дж. Картера.

Следует особо подчеркнуть, что аморфные планы сокращения присутствия в Южной Корее не находили поддержки ни в политических, ни тем более в военных кругах Соединенных Штатов. Бывший посол США в Сеуле Р. Шнайдер считает, что вывод американских войск «нарушает военное равновесие на полуострове» и, что самое главное, «подрывает веру азиатских стран в способность США обеспечить их безопасность»⁴¹. Тезис о потере доверия к США довольно часто встречается в периодической печати Запада, в исследованиях буржуазных ученых после поражения США во Вьетнаме. Частичное сокращение военного присутствия США на Юге Корейского полуострова, осуществленное администрацией Р. Никсона, вызвало боязнь правящей верхушки Южной Кореи за судьбу режима. В качестве аргументов в пользу сохранения американских вооруженных сил в Южной Корее выдвигалось несколько тезисов. Прежде всего утверждалось, что американские сухопутные силы «играют жизненно важную роль в поддержании мира в Северо-Восточной Азии». Подогревались также националистические настроения в правящих кругах США. Заявлялось, например, что как тихоокеанской державе Соединенным Штатам следует выполнять свою национальную задачу — обеспечение собственных интересов, а это не мыслится без военного присутствия в Южной Корее⁴².

Во всей системе военно-политической стратегии США в Азии и на Дальнем Востоке корейский фактор непосредственно увязан с японским. Уже упоминавшийся Р. Шнайдер, отмечая значение Японии для существования сеульского режима, указывает, что военно-морские и военно-воздушные базы США на Японских островах обеспечивают поддержку американских войск в Южной Корее. Еще один важный элемент составляет то, что Япония может предоставить южнокорейским силам разведывательные данные. Следует также учитывать, пишет далее Р. Шнайдер, экономическую помощь Токио, которая имеет существенное значение для «укрепления безопасности Южной Кореи»⁴³.

Таким образом, японо-американские и американско-южнокорейские военно-политические отношения являются главными составными элементами общей американской стратегии в Азиатско-тихоокеанском регионе.

Соединенные Штаты расширяют поставки Сеулу современных видов вооружений. Р. Рейган заверил Чон Ду Хвана, что «США предоставят Корее (Южной Корее.— В. Д.) системы вооружения и технологию для оборонной промышленности...»⁴⁴. Вашингтон уже давно обильно подкармливает своего сателлита. С 1945 по 1974 г. США предоставили Южной Корее более 11 млрд. долл., в том числе 5,7 млрд. в виде воен-

⁴⁰ In: "Korea Herald", 4.II.1981.

⁴¹ R. Solomon (ed.), Asian Security in the 1980s..., p. 132.

⁴² In: "Time Magazine", 30.VI.1975.

⁴³ R. Solomon (ed.), Asian Security in the 1980s..., p. 132.

⁴⁴ "Korea Herald", 4.II.1981.

ной помощи⁴⁵. В 1981 г. США предоставили Южной Корее 150 млн. долл., в 1982 г. — около 170 млн. долл. на модернизацию южнокорейской армии, закупку новой американской военной техники, в том числе истребителей F-16, ракет, радарных установок. В течение последующих пяти лет военная помощь США сеульскому режиму составит 900 млн. долл.

Напряженность на полуострове усугубляется присутствием здесь 40-тысячной армии США, оснащенной ядерным оружием. Недавно Пентагон принял решение увеличить численность своих войск в Южной Корее на тысячу человек. ВВС США, размещенные на Юге Корейского полуострова, будут пополнены эскадрильей самолетов А-10. Правительство США увеличило также ассигнования на содержание своих вооруженных сил в Южной Корее и модернизацию их вооружений. На эти цели в 1982—1983 гг. планируется израсходовать миллиард долларов⁴⁶.

Современные военные концепции США, предусматривающие возможность нанесения «первого удара», ведение «ограниченной» или «затяжной» ядерной войны, всецело применимы и к корейской ситуации. Отвечая на вопрос корреспондента относительно возможного применения нейтронного оружия, министр обороны К. Уайнбергер без стеснения заявил: «Оно будет нужно на поле боя. А им могла бы стать, например, Корея»⁴⁷.

В правящих кругах Токио Южная Корея рассматривается как один из ключевых элементов японской региональной политики. Токио не мыслит своей корейской политики без присутствия на Юге полуострова американского экспедиционного корпуса. Бывший посол США в Южной Корее Р. Шнайдер в этой связи пишет: «Интересы США в Корее исходят из договора об обеспечении безопасности Японии. Действительно, безопасность Республики Корея (Южной Кореи. — В. Д.) и Японии неразделимы; вместе с тем интересы безопасности двух стран следует рассматривать больше с широкой региональной перспективой...»⁴⁸ Политические деятели в Токио постоянно подчеркивают жизненную необходимость отношений с Южной Кореей для Японии. Премьер-министр Д. Судзуки, выступая на сессии японского парламента, отмечал: «Я считаю необходимым добиваться более глубокого взаимопонимания с Южной Кореей...» Важность корейского фактора в политике США и Японии подтверждена и в американо-японском коммюнике по итогам визита в Вашингтон японского премьера в мае 1981 г. Обе стороны отметили, что сохранение американских войск на юге Корейского полуострова является «важным элементом мира и стабильности в Восточной Азии»⁴⁹.

Новый премьер-министр Японии Я. Накасонэ подтвердил намерение Токио содействовать установлению более прочных отношений с Южной Кореей.

Налаживается сотрудничество Сеула и Токио по военной линии. Здесь явно проглядывает американское влияние. Соединенные Штаты настойчиво толкают Японию на установление связей между военными ведомствами двух стран. И результаты такого подталкивания налицо. В 1981 г. Сеул посетил начальник штаба японских ВВС генерал Н. Наматамэ, в результате была достигнута договоренность о расширении сотрудничества между японскими и южнокорейскими вооруженными силами. Военные представители Японии присутствуют в качестве на-

⁴⁵ In: R. Bartlett. American Foreign Policy in Perspective. Is the US Security Being Threatened? Dillon Liedirback Inc., 1978, p. 162.

⁴⁶ См.: «Известия», 24.IV.1981; «Financial Times», 5.VI.1981, «Известия», 7.VII.1981.

⁴⁷ «Welt am Sonntag», 13.IV.1982.

⁴⁸ R. Solomon (ed.). Asian Security in the 1980s..., p. 112.

⁴⁹ «Asahi Evening News», 9.V.1981.

блюдателей на ежегодных американо-южнокорейских военных маневрах. Весной 1982 г. проведены совместные учения ВМС США, Японии и Южной Кореи.

Поощряя претензии Сеула к Японии о предоставлении 10 млрд. долл.⁵⁰ на стабилизацию южнокорейской экономики, Соединенные Штаты намерены таким образом заставить Японию увеличить ее «вклад» в укрепление сеульского режима, а заодно и в усиление альянса Сеул — Токио под предводительством Вашингтона. Подарок южнокорейскому диктатору в виде займа в размере 4 млрд. долл., сделанный Я. Накасонэ в ходе его визита в Сеул в декабре прошлого года, наглядно демонстрирует стремление Токио всячески поддерживать антинародный режим Чон Ду Хвана.

Южнокорейский режим со своей стороны немало делает для того, чтобы стать «зрелым» партнером Соединенных Штатов в Азии. Прежде всего идет процесс активной милитаризации страны. Укрепляются вооруженные силы, полицейский аппарат. Сегодня южнокорейская армия является одной из самых многочисленных армий мира. Интенсивно развивается военная индустрия. Если в начале 70-х годов США оснащали сеульскую армию буквально всем необходимым снаряжением, то уже в 1977 г. 50 % военного имущества производилось в Южной Корее. Зарубежные военные специалисты считают, что только за последние годы производство военного снаряжения на Юге — от касок до гаубиц — увеличилось в два раза⁵¹. По оценкам американцев, к середине 80-х годов Южная Корея сможет обеспечивать все свои потребности в оснащении армии за исключением специального электронного оборудования. В настоящее время Сеул самостоятельно производит 155- и 105-миллиметровые гаубицы, 81-миллиметровые средние минометы, противотанковые ракетные установки и боеприпасы к ним. Построен завод по производству взрывчатых веществ. Реконструирован завод по производству танков. В 1978 г. было объявлено, что Южная Корея приступила к самостоятельному производству ракет «воздух — воздух» и «земля — земля», вертолетов и радарных установок⁵². А совсем недавно Чон Ду Хван заявил о начале производства собственных самолетов.

Режим тратит колоссальные средства на военные цели. В 1974 г. военный бюджет Южной Кореи составлял 742 млн. долл., в 1977 г. — 4,5 млрд. долл. В 1983 г. расходы на военные цели намечено довести до 33 % всех бюджетных ассигнований, что составит 6 % валового национального продукта⁵³.

Укрепление отношений с США и Японией на двусторонней основе сеульский режим сопровождает поиском новых путей расширения своих позиций как на региональном, так и на более широком уровне. В Сеуле считают, что «процветающая» в экономическом отношении страна (ВВП составляет 60 млрд. долл.) должна иметь более серьезный политический вес хотя бы в Азиатско-тихоокеанском регионе. В 1981 г. 52 % всего южнокорейского экспорта (22 млрд. долл.) приходилось на страны АСЕАН, США, Японию и Канаду, Австралию и Новую Зеландию. Из этих же стран Южная Корея импортирует 60 % всего потребляемого ею сырья, топлива (в 1981 г. импорт Южной Кореи составил 27 млрд. долл.)⁵⁴. Экономические, военные факторы (Сеул держит под ружьем более 600 тыс. человек) вызывают рост политических амбиций южнокорейской правящей верхушки. Чон Ду Хван активно поддержал японскую идею создания «тихоокеанского сообщества» и выступил с

⁵⁰ См.: «Правда», 12.VII.1982.

⁵¹ In: "Far Eastern Economic Review", 10.VI.1977, p. 10.

⁵² In: "Korea Herald", 19.I.1978.

⁵³ In: "Asia Yearbook 1978", p. 40; "Korea Newsreview", 26.XII.1981, p. 9; «Правда», 12.VII.1982.

⁵⁴ In: "Far Eastern Economic Review", 25.VI—1.VII.1982, p. 20—22.

предложением провести в 1983 или 1984 г. совещание на высшем уровне государств Тихоокеанского бассейна.

Объявляя о начале «великой тихоокеанской эры», южнокорейский правитель изложил основные цели и принципы будущего «сообщества», которые видятся им из Сеула следующими:

— создание консультативного органа, в рамках которого руководители стран тихоокеанского бассейна проводят периодические встречи для обсуждения вопросов взаимного сотрудничества;

— двери для членства в консультативном органе открыты для всех стран региона;

— главные задачи «сообщества»: разработка природных ресурсов, расширение торговых связей, укрепление экономического и технологического сотрудничества, расширение культурных связей и пр.⁵⁵

За декларированием основополагающих принципов международных отношений, общими рассуждениями о необходимости расширения сотрудничества в различных сферах авторы планируемого «сообщества» хотели бы скрыть подлинный смысл новой неоколониалистской затеи империалистических сил. Однако ясно, что в политическом, экономическом и военном отношении господствующее место в организации займут Соединенные Штаты Америки и Япония. Известно, что Вашингтон хотел бы видеть будущее сообщество не только и, может быть, не столько как экономическую группировку, а прежде всего как новый милитаристский альянс в Азии и в бассейне Тихого океана, направленный в первую очередь против социалистических стран, национально-освободительного движения, на укрепление позиций империализма в этом районе.

Активные усилия сеульского режима с целью найти себе место в планируемом Японией и Соединенными Штатами «сообществе» являются частью политического курса Чон Ду Хвана, стремящегося теснее привязать свой режим к военно-стратегической структуре американского империализма в Азии.

Как видно, «вклад» сеульского режима в региональный «баланс сил» весом и продолжает увеличиваться. Налицо возрастающее военно-политическое сотрудничество США, Японии и Южной Кореи в рамках «треугольника». Рост агрессивных устремлений Сеула, превращение его в «зрелого партнера» Вашингтона в нынешних условиях еще более обостряет ситуацию на Корейском полуострове, во всем Азиатско-тихоокеанском регионе.

* * *

Разумную альтернативу империалистическим замыслам в Азии предлагает Советский Союз. XXVI съезд КПСС сформулировал Программу мира на 80-е годы, которая содержит комплекс конструктивных предложений, имеющих прямое отношение к Азиатскому региону. В их числе проведение переговоров по мерам доверия на Дальнем Востоке, ограничение развертывания подводных лодок типа «Огайо» и аналогичных советских лодок типа «Тайфун», предупреждение возникновения новых очагов конфликтов.

В развитие основных положений Программы мира СССР выдвинул ряд новых крупных инициатив, направленных на ограничение действий военно-морских флотов двух противостоящих друг другу военно-политических блоков — Варшавского Договора и НАТО. Советский Союз готов условиться о том, чтобы подводные лодки — ракетноносцы обеих сторон были выведены из нынешних обширных районов боевого патрулирования, чтобы их плавание было ограничено согласованными рубежами. Советский Союз готов также обсудить вопрос о распространении

⁵⁵ In: "Korea Newsreview", August 7, 1982, p. 5.

мер доверия на акватории морей и океанов, особенно на те районы, где пролегают наиболее оживленные морские пути.

Исходя из международно-правовых принципов равенства и одинаковой безопасности, Советский Союз изъявил готовность провести обмен мнениями с Японией по вопросам укрепления гарантий безопасности неядерных государств и неприменения ядерного оружия против тех государств, которые отказываются от производства и приобретения этого оружия и не имеют его на своей территории.

Исключительно важное значение для мира и безопасности в Азии и во всем мире приобретает обязательство СССР не применять первым ядерное оружие.

Положительное воздействие на обстановку в Азиатско-тихоокеанском регионе оказывает также предложение МНР о заключении конвенции о взаимном ненападении и неприменении силы в отношениях между государствами Азии и Тихого океана.

Весомый вклад в нормализацию положения в Азии вносит инициатива СРВ, Лаоса и Кампучии о превращении Юго-Восточной Азии в зону мира, стабильности и сотрудничества.

Советское государство исполнено решимости и дальше вести настойчивую борьбу за мир, укрепление международной безопасности. «Обеспечение прочного мира, защита права народов на независимость и социальный прогресс — неизменные цели нашей внешней политики, — подчеркнул на ноябрьском (1982 г.) Пленуме ЦК партии Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов. В борьбе за эти цели руководство партии и государства будет действовать принципиально, последовательно и взвешенно»⁵⁶. Эти цели преследует Советский Союз и в регионе Дальнего Востока.

⁵⁶ «Правда», 23.XI.1982.

Внутриполитическая ситуация в Японии

Ю. Д. Кузнецов

Избрание Ясухиро Накасонэ 25 ноября 1982 г. председателем правящей Либерально-демократической партии, а на следующий день — премьер-министром Японии положило конец очередному политическому кризису, разразившемуся полутора месяцами ранее, когда тогдашний премьер-министр Д. Судзуки заявил о своем отказе добиваться переизбрания на высший пост в ЛДП. Это в то же время стало началом нового, шестого по счету, акта драмы, достойной репертуара театра «Кабуки», которая вот уже более десяти лет разыгрывается на политической сцене Японии.

У этой драмы есть и свое название, под которым она широко известна в органах массовой информации и в политических кругах страны. «Война Каку — Фуку» в переводе на общедоступный язык означает войну за власть, которую ведут между собой Какуэй Танака и Такэо Фукуда — два крупнейших политических деятеля сегодняшней Японии, оба бывшие премьер-министры и лидеры ЛДП.

В отличие от других стран развитого капитализма власть в Японии вот уже более четверти века принадлежит одной и той же политической партии, выражающей интересы монополистического капитала. Эта партия — ЛДП — на деле представляет собой конгломерат различных фракционных группировок, ведущих междоусобную борьбу за контроль над ней, который при нынешнем соотношении сил в стране дает право на формирование правительства. Поскольку ни одна фракция только своими собственными силами не в состоянии контролировать всю партию, они образуют различные комбинации. Изменения в расстановке и соотношении сил приводят к смене руководства ЛДП, а следовательно, и правительства, однако даже в разгар самой острой внутрипартийной борьбы власть постоянно оставалась в руках ЛДП.

Междоусобная «война Каку — Фуку» началась в жаркие июльские дни 1972 г., когда решался вопрос о преемнике ушедшего в отставку премьер-министра Э. Сато. То был период относительной стабильности режима либерал-демократов, которому в значительной степени способствовали высокие темпы роста японской экономики, выдвинувшие страну на второе место в капиталистическом мире по экономической мощи. Э. Сато находился во главе правительства почти восемь лет — рекорд послевоенной Японии, так и остающийся не побитым до сих пор.

Перед уходом в отставку Э. Сато избрал в качестве преемника министра иностранных дел Т. Фукуду, однако этот выбор не был безоговорочно одобрен всей партией. В разгоревшейся ожесточенной борьбе за кресло председателя ЛДП основным соперником Фукуды стал министр внешней торговли и промышленности К. Танака, имевший обширные связи с представителями делового мира и прочные позиции в партийном аппарате ЛДП, генеральным секретарем которой он был в течение длительного времени. Кроме него, в схватке участвовали также председа-

тель Руководящего совета ЛДП Я. Накасонэ, бывшие министры иностранных дел М. Охира и Т. Мики.

Все эти пять деятелей, выступившие претендентами на высший пост в ЛДП и правительстве десять лет назад, побывали на этом посту за прошедшее с тех пор время. Из «аутсайдеров» к заветной цели удалось прорваться лишь Д. Судзуки и то лишь потому, что после скоростной кончины М. Охиры к нему перешло руководство соответствующей фракцией.

Список «пятерки» замыкает нынешний премьер-министр Я. Накасонэ. И десять лет назад он не был новичком в политике. Еще в 1959 г. Накасонэ вошел в правительство Н. Киси, а в конце 60-х годов занимал различные министерские посты в кабинетах Э. Сато. В ходе «войны Каку — Фуку» Накасонэ не был сторонним наблюдателем, а принимал в ней активное участие, которое сказалось и на его последующей политической судьбе.

Я. Накасонэ сыграл немаловажную роль в избрании Танаки председателем ЛДП в 1972 г. Незадолго до съезда ЛДП, которому предстояло избрать председателя партии, Накасонэ объявил, что выходит из борьбы за этот пост, снимает свою кандидатуру и поддержит Танаку. Это обеспечило Танаке небольшое преимущество над «официальным» кандидатом — Фукудой в первом туре голосования. Во втором туре Танаку поддержали и другие претенденты — Охира и Мики, что принесло ему уверенную победу.

Японская печать сообщала, что Танака потратил в 1972 г. 10 млрд. иен, чтобы обеспечить необходимое для избрания председателем ЛДП число голосов¹. В сформированном Танакой кабинете Накасонэ получил пост министра внешней торговли и промышленности, открывавший путь к установлению важных контактов с деловыми кругами.

Фракция Фукуды стала внутрипартийной оппозицией. Будучи в то время крупнейшей группировкой в ЛДП (она насчитывала тогда 65 депутатов), эта фракция представляла собой серьезную угрозу устойчивости правительства Танаки.

Начало деятельности этого правительства было бурным и эффективным. Танака провозгласил широкообъемную программу «реконструкции Японского архипелага», предусматривающую децентрализацию промышленности, развитие отсталых районов, строительство сотен новых городов и т. д. Эта программа стоимостью около 400 трлн. иен была ориентирована на удовлетворение интересов монополий и направлена на поддержание выдыхавшегося быстрого экономического роста.

Танака совершил поездку в Пекин, в итоге которой были нормализованы отношения между Китаем и Японией. В течение какого-то времени это помогало поддерживать престиж правительства и правящей партии, однако не могло компенсировать неспособности ЛДП справиться с внутренними экономическими трудностями, преодолеть нарастающую инфляцию. Позиции либерал-демократов стали ослабевать. В течение 1972 г. правящая партия потеряла посты губернаторов префектур Окинава, Сайтама, Окаяма. В декабре этого же года ЛДП лишилась 17 мест на выборах в палату представителей парламента.

После парламентских выборов Танака произвел реорганизацию кабинета министров и в целях хотя бы внешнего укрепления единства правящей партии был вынужден ввести в состав правительства своего соперника Фукуду.

В стране нарастало широкое массовое движение протеста против политики ЛДП, служащей интересам монополий. В апреле 1973 г. было проведено крупнейшее за всю историю «весенней борьбы» рабочего класса Японии выступление — всеобщая забастовка работников госу-

¹ In: "Japan Times", November 18, 1976.

дарственных железных дорог, почт, телеграфа и телефона. В ней приняли участие 3,6 млн. человек.

Еще более широкие масштабы приняла борьба против попыток правительства пересмотреть избирательную систему и ввести выгодные ЛДП «малые» избирательные округа, от которых избиралось бы по одному депутату (при существующей системе в палату представителей избирается по 3—5 депутатов от одного округа, что дает определенные шансы и оппозиционным партиям). Демократические силы создали Центральный совет связи за срыв планов введения системы малых избирательных округов. В него вошли 233 организации, объединявшие в общей сложности 14 млн. человек. По всей стране проводились митинги и демонстрации протеста против замыслов реакции.

Часть ЛДП также выступила против введения малых избирательных округов, опасаясь дальнейшего нарастания массового движения протеста и возможной утраты политической власти. В конечном счете под давлением демократических сил и правительство было вынуждено пойти на уступки и отказаться от попыток пересмотра избирательной системы.

Сильный удар по японской экономике был нанесен происшедшим в конце 1973 г. резким повышением цен на нефть на мировом рынке. Япония лишилась одного из важных факторов быстрого развития своей экономики — дешевого сырья и дешевой энергии. «Нефтяной шок» ускорил наступление экономического кризиса, созревшего в предшествовавший период высоких темпов экономического роста.

Танака был вновь вынужден реорганизовать свой кабинет. Хотя его главные союзники, включая Накасонэ, сохранили посты в правительстве, премьеру пришлось отдать Фукуде важный пост министра финансов. По существу, это означало пересмотр экономической политики правительства, направленной на стимулирование высоких темпов роста, фактический отказ от любимого детища Танаки — курса на «реконструкцию Японского архипелага».

Кризис обострил многие социально-экономические проблемы Японии, однако наибольшую остроту приобрела инфляция: розничные цены в 1974 г. возросли более чем на 25 %. Это вело к снижению жизненного уровня широких слоев трудящихся.

Нараставшее недовольство масс сказалось на результатах выборов в палату советников парламента, состоявшихся в июле 1974 г. ЛДП потеряла семь депутатских мест и лишь с помощью «независимых» депутатов сохранила небольшой перевес над оппозицией. Сразу же после выборов из правительства вышел заместитель премьер-министра Мики, а за ним и Фукуда. Они заявили о несогласии с политической линией Танаки, высказались за «модернизацию» ЛДП. Это значительно ослабило позиции правительства Танаки. Началась его фактическая агония.

В конце октября в популярном ежемесячном журнале «Бунгэй сундзю» появилась большая статья под названием «Исследование о К. Танаке, его источниках существования и связях». В этой статье на конкретных фактах было показано, что Танака нажил свое крупное состояние путем спекуляции землей, создания фиктивных акционерных компаний, утаивая от налоговых чиновников фактические доходы и, наконец, расходуя средства ЛДП и используя свое служебное положение в личных целях. За журнальной статьей чувствовалась опытная рука политических противников Танаки, решивших использовать благоприятный момент, чтобы отстранить его от власти.

Требования отставки правительства приняли массовый характер. Они выдвигались в ходе многочисленных митингов и демонстраций наряду с экономическими требованиями. В течение некоторого времени Танака оставался главой правительства лишь из-за споров в лагере его противников о том, кто должен стать следующим лидером ЛДП. Опре-

деленную роль сыграли и соображения внешнеполитического престижа, в частности желание «должным образом» принять президента США, впервые в истории совершавшего официальный визит в Японию.

Но как только президент США Дж. Форд покинул Японию, правительство Танаки ушло в отставку. Избрание нового лидера оказалось нелегким делом, на этот пост претендовали руководители трех фракций: Фукуда, Охира и Мики. Обстановка в правящей партии сложилась таким образом, что наиболее вероятные кандидаты на пост ее председателя, Фукуда и Охира, которого поддерживал Танака, как бы блокировали друг друга. В результате сложных внутрипартийных маневров председателем ЛДП и премьер-министром стал Т. Мики.

Правительство Мики возникло как результат компромисса фракционных группировок в ЛДП, который отражал определенное равновесие сил между двумя лагерями, объединившимися вокруг главных претендентов на пост председателя правящей партии — Фукуды и Охиры. Влияние Мики в ЛДП было слабым: в конце 1974 г. фракция Танаки насчитывала 92 депутата, фракция Фукуды — 82, фракция Охиры — 65, фракция Мики — 45, фракция Накасонэ — 43 депутата².

Мики давно приобрел репутацию либерала, который неоднократно подвергал критике политику правительств ЛДП. Передача ему постов руководителя правящей партии и правительства должна была способствовать распространению иллюзий о возможности примирения требований оппозиционных партий, выступающих, хотя и с разной степенью последовательности, за обновление политики страны, с консервативной линией либерал-демократов, упорно отстаивающих политическое, экономическое и социальное статус-кво. Этому должно было способствовать и заявление нового премьера о намерении его правительства проводить «чистую» политику, «модернизировать» ЛДП и «ликвидировать социальную несправедливость».

Первоочередной задачей нового правительства стало скорейшее преодоление острого кризиса правящей партии, восстановление пошатнувшегося авторитета ЛДП среди широких слоев населения страны. Однако внутри ЛДП Мики находился под жестким контролем своих соперников. Ключевые посты в правительстве заняли представители фракций Фукуды и Охиры. Фукуда стал заместителем премьер-министра и начальником управления экономического планирования, Охира — министром финансов.

Слабость позиций Мики внутри ЛДП предопределила и распределение постов руководителей партийного аппарата. До тех пор генеральным секретарем правящей партии назначался один из ближайших сторонников ее председателя, то есть премьер-министра, поскольку именно генеральный секретарь осуществляет повседневное руководство деятельностью центрального аппарата и местных организаций ЛДП. Мики же был вынужден уступить этот важный пост другим фракциям. Генеральным секретарем ЛДП стал Я. Накасонэ.

В обстановке ослабления позиций ЛДП в стране правительство Мики избрало необычную для правящей партии тактику «диалога с оппозицией», предусматривавшую консультации с оппозиционными партиями при определении политического курса. Это была вынужденная мера, особенно после уменьшения большинства ЛДП в палате советников в результате выборов 1974 г.

Однако соперники Мики в правящей партии восприняли тактику «диалога с оппозицией» как попытку премьер-министра укрепить свои позиции, расширить свою опору за пределы ЛДП. Эта тактика встречала упорное сопротивление консерваторов. Например, принятый палатой представителей парламента «антимонополистический закон», предусмат-

² In: "Japan Times", February 14, 1975.

ривавший определенные ограничения деятельности монополий, не был утвержден палатой советников, поскольку депутатская группа ЛДП в этой палате отказалась рассматривать его.

Под давлением правого крыла ЛДП к осени 1975 г. «диалог с оппозицией» фактически завершился. Новая ситуация проявилась в отношении правящей партии к состоявшейся в конце ноября — начале декабря 1975 г. восьмидневной забастовке 800 тыс. работников государственных и коммунальных предприятий и учреждений. Это была ярко выраженная политическая стачка, проходившая под лозунгом восстановления права на забастовку для рабочих и служащих государственных предприятий и учреждений.

Масштабы забастовки, ее организованность, сочувствие широких слоев населения борющимся рабочим вызвали замешательство в правящих кругах. По сообщениям японской печати, Мики, Фукуда, министр труда Т. Хасэгава и др. вначале были склонны пойти на определенный компромисс. Однако значительная часть руководства ЛДП и ряд ее влиятельных деятелей (заместитель председателя ЛДП Э. Синна, генеральный секретарь ЛДП Я. Накасонэ, а также Охира и Танака) потребовали от правительства занять жесткую и непримиримую позицию в отношении забастовщиков. В результате премьер-министр потребовал немедленного прекращения стачки и обещал наказать тех, кто несет ответственность за ее организацию.

Профсоюзы были вынуждены прекратить забастовку. 5,5 тыс. ее участников были наказаны в различных формах (увольнение, временное отстранение от работы, снижение заработной платы и т. д.). Почти 80 тыс. человек получили «предупреждения».

Продемонстрировав способность «справиться» с крупнейшей забастовкой, правительство Мики, казалось бы, укрепило свои позиции, однако эта «победа» была достигнута ценой утраты ореола «либерализма» — жесткая позиция правящего лагеря в отношении забастовщиков развеяла иллюзии о возможности «обновления» политики ЛДП.

Вместе с тем острая борьба внутри ЛДП продолжалась. Фукуда пытался договориться с Танакой о поддержке своей кандидатуры на пост лидера ЛДП после Мики, но встретил отказ. Благодаря продолжавшемуся соперничеству двух лагерей в правящей партии Мики смог остаться у власти. Внутрипартийная борьба еще более обострилась после того, как в феврале 1976 г. вскрылись факты получения рядом видных деятелей ЛДП и высших правительственных чиновников крупных взяток от американской авиастроительной компании «Локхид» в обмен на содействие в размещении в Японии заказов на самолеты этой компании.

В «локхидовском» скандале оказался замешан бывший премьер-министр Танака. Разоблачения нанесли большой удар по престижу ЛДП. Премьер-министр Мики еще с большей настойчивостью стал заявлять о необходимости «очищения» политики и борьбы с коррупцией. Однако он попытался воспользоваться сложившейся ситуацией для того, чтобы прежде всего подорвать позиции Танаки, влияние которого в ЛДП до тех пор неуклонно возрастало. Мики получил поддержку со стороны Фукуды, который также рассчитывал ослабить своего старого соперника.

Мики уступил требованиям оппозиции и согласился на полное расследование «дела Локхида». Под следствием оказались до двух десятков видных деятелей ЛДП. В июле был арестован Танака, через некоторое время он был выпущен под залог, но от судебного процесса уклониться не смог.

Такая решительная деятельность премьер-министра была сочтена «чрезмерно опасной» большинством деятелей ЛДП, и в партии началось движение за отстранение Мики от власти. С другой стороны, «дело Локхида» вызвало возмущение коррупцией и в рядах самой правящей

партии. В июле 1976 г. шесть депутатов парламента во главе с Ё. Коно вышли из ЛДП, заявив о стремлении «утвердить новую консервативную политику» и «покончить с коррупцией». Они основали новую политическую партию — «Новый либеральный клуб».

Кризис в ЛДП нарастал вместе с обострением внутривнутрипартийной борьбы. Осенью 1976 г. в партии образовались фактически два центра: наряду с официальным руководством существовал Совет за установление единства партии, состоявший из фракций Фукуды, Танаки, Охиры и нескольких более мелких групп и официально заявивший, что преемником Мики должен стать Фукуда.

Стремясь укрепить свои позиции, Мики произвел в сентябре реорганизацию кабинета и руководства ЛДП, но это не урегулировало кризис.

С выходом Фукуды из правительства в ноябре ЛДП оказалась в состоянии фактического раскола, который не был преодолен и до состоявшихся в декабре выборов в палату представителей.

Как и следовало ожидать, ЛДП понесла на этих выборах серьезный урон. Она получила всего 249 мест, потеряв сразу 22 мандата. Впервые ЛДП не смогла завоевать даже половины общего числа депутатских мест в палате представителей, которое было увеличено до 511. Правящая партия получила незначительное большинство лишь в результате присоединения к ее фракции 12 «независимых» депутатов.

Напротив, значительных успехов добились оппозиционные партии, за исключением КПЯ. Заметной силой стал «Новый либеральный клуб», получивший 17 мест, что лишним раз подчеркнуло кризис ЛДП.

Итоги выборов породили надежды на скорое окончание монополии ЛДП на политическую власть, на возможность создания в недалеком будущем коалиционного правительства. Однако политические маневры, начатые с этой целью центристскими партиями, были направлены больше на изоляцию компартии, нежели на создание действенной альтернативы политике либерал-демократов. В конечном счете эти маневры, разобщая оппозиционные силы, были на руку ЛДП, помогая ей удерживать господство в значительно усложнившихся условиях.

После выборов Т. Мики пришлось уйти в отставку, приняв на себя ответственность за их неблагоприятный для ЛДП исход. Председателем ЛДП был избран Фукуда, который и сформировал новое правительство. Но и Фукуде пришлось считаться с расстановкой сил в ЛДП: он должен был предоставить по четыре министерских поста представителям фракций Танаки и Охиры, которые отнюдь не принадлежали к числу его сторонников.

Важнейшей задачей нового правительства стало преодоление последствий экономического кризиса. Эта задача решалась при помощи стимулирующего государственного вмешательства в экономику, увеличения государственных расходов на общественные работы, на реконструкцию наиболее пораженных кризисом отраслей (текстильная, судостроительная и др.). Необходимые для этих целей средства брались путем выпуска крупных государственных займов и увеличения дефицита государственного бюджета. Хотя таким образом и удалось вызвать в экономике некоторое оживление, болезнь была просто загнана внутрь японского экономического организма, поскольку постепенно накапливавшийся государственный долг создавал потенциальную опасность кризиса всей системы государственных финансов.

В целях повышения престижа правящей партии ее руководство объявило о партийной «реформе», направленной на «модернизацию» ЛДП. Был изменен прежний порядок выборов председателя правящей партии. По новой системе в выборах на первом этапе должны были принимать участие все члены партии, а на втором этапе общее собрание депутатов парламента от ЛДП, имеющее права партийного съезда, должно было

делать окончательный выбор среди кандидатов, получивших наибольшее число голосов в ходе первичных выборов.

Было объявлено также о роспуске внутрипартийных фракций, однако они сохранили свое существование в виде разного рода «обществ», а затем и этот камуфляж был отброшен.

Эти косметические меры, однако, не привели к укреплению позиций правящей партии в стране. На состоявшихся в июле 1977 г. выборах в палату советников парламента ЛДП едва удержала минимальное большинство. Собственно говоря, на выборах она обеспечила себе лишь 124 места (из 252), и лишь после присоединения к фракции ЛДП трех «независимых» депутатов правящая партия стала иметь в верхней палате большинство в один голос.

Неудача ЛДП на выборах вновь породила в партии обвинения в адрес руководства с требованием взять на себя ответственность за неблагоприятный исход выборов и уйти в отставку. Фукуда, как водится в подобных случаях, ответил реорганизацией кабинета и партийного руководства, чтобы в большей степени учесть расстановку сил в ЛДП. В ходе этой реорганизации пост председателя Руководящего совета ЛДП занял Я. Накасонэ.

Руководство ЛДП уделяло большое внимание увеличению численности партии, надеясь таким образом «растворить» фракции в массе рядовых членов. Эта задача была решена только наполовину: численность ЛДП в 1978 г. была увеличена в несколько раз и доведена до 1,5 млн. человек. Однако на практике расширением партийных рядов занимались преимущественно сами фракции, стремясь привлечь на свою сторону как можно больше рядовых членов партии и таким образом укрепить свои внутрипартийные позиции. В итоге фракционность в правящей партии не только не была ликвидирована, но, наоборот, еще глубже проникла в организацию и деятельность партии.

В целях упрочения позиций консервативных сил реакция предприняла попытки наступления на демократические завоевания трудящихся. В парламент были внесены законопроекты, предусматривающие возможность судопроизводства без участия защитников и, таким образом, открывавшие путь полицейскому произволу. Прогрессивные силы ответили решительными действиями, организовав массовые выступления протеста. Во главе движения встал Народный совет связи в защиту самостоятельного и демократического законодательства, в котором тесно сотрудничали социалисты и коммунисты, профсоюзы, организации защиты конституции, Японская ассоциация демократических юристов, женские, молодежные организации и т. д. В итоге правительство так и не решилось поставить законопроекты на голосование.

Реакция стремилась также снять конституционные запреты на пути к ремилитаризации Японии. Правительство дало указание разработать законопроекты о действиях на случай возникновения «чрезвычайных обстоятельств», которые значительно расширили бы полномочия «сил самообороны». Демократические силы справедливо расценили этот план как попытку легализовать подготовку к борьбе против массовых народных движений и решительно осудили ее. Левые партии — КПЯ и СПЯ — выступили в парламенте против попыток правящих кругов толкнуть Японию на путь, ведущий к милитаризму и фашизму. По всей стране были проведены массовые митинги протеста. Правительству пришлось ограничиться общей дискуссией в парламенте относительно «чрезвычайного законодательства».

Противоборство реакции и демократических сил продемонстрировало слабость позиций правительства, понизив престиж премьер-министра. Это сказалось и на результатах выборов председателя ЛДП, проводившихся впервые по новой системе, то есть с участием всех членов партии, в ноябре 1978 г.

На пост председателя правящей партии претендовали четверо: премьер-министр Фукуда, генеральный секретарь ЛДП М. Охира, председатель Руководящего совета ЛДП Я. Накасонэ и министр внешней торговли и промышленности Т. Комото. Основными претендентами считались Фукуда и Охира, причем большинство прогнозов предрекало победу премьер-министру. Однако выборы принесли победу Охире, который получил 44,3 % голосов (Фукуда — 36,7 %).

Важнейшую роль в победе Охиры сыграла поддержка сильнейшей группировки в ЛДП — фракции Танаки, который не упустил возможности нанести очередное поражение своему сопернику. Кроме того, Танака был озабочен исходом продолжавшегося судебного процесса над ним и хотел иметь на посту премьер-министра своего сторонника.

После первичных выборов Фукуда отказался от дальнейшей борьбы, и на специально созванном съезде ЛДП Охира без голосования был объявлен председателем правящей партии. Недолговечность кабинета Фукуды показала, что ЛДП все еще не может преодолеть как внутрипартийный кризис, так и кризис своей политики. Проведенные в правящей партии реформы не ликвидировали межфракционную борьбу. Правительство ЛДП не смогло найти эффективных решений сложных социально-экономических проблем, стоявших перед Японией. Не удалось и попытки наступления на демократические права трудящихся.

В 1979 г. продолжался начавшийся несколько ранее процесс укрепления позиций ЛДП в органах местной власти, однако он в то время не привел к усилению влияния правящей партии на общенациональном уровне. Хотя на выборах в палату представителей парламента в октябре этого года доля избирателей, голосовавших за ЛДП, несколько увеличилась впервые с конца 50-х годов (44,6 % в 1979 г. по сравнению с 41,8 % в 1976 г.), она не смогла даже сохранить прежнее число полученных депутатских мест, завоевав всего 248. Вновь ЛДП получила большинство в палате представителей только благодаря присоединению «независимых» депутатов.

Итоги выборов осложнили положение ЛДП и ее кабинета. Оппозиция более активно стала готовиться к созданию необходимой базы для формирования коалиционного правительства. Однако правоцентристская оппозиция, как и раньше, настаивала на исключении коммунистов из числа участников возможной коалиции, несмотря на крупный успех компартии на выборах 1979 г., когда она получила 41 место в палате представителей. Антикоммунистические маневры центристов, в которые оказалась вовлеченной и социалистическая партия, серьезно ослабляли возможности оказания оппозицией влияния на политику страны и в конечном счете облегчали положение ЛДП, позволяя ей преодолевать многочисленные трудности.

Выборы в палату представителей не только не ликвидировали неустойчивость политической структуры Японии, но, напротив, усилили ее. Позиции Охиры оказались ослабленными и во взаимоотношениях с оппозицией, и внутри правящей партии, хотя непосредственно в результате выборов фракции Танаки и Охиры несколько увеличили свою численность. Неудача ЛДП на выборах дала толчок внутрипартийному «бунту», который возглавил Т. Фукуда. Его в той или иной степени поддерживали фракции Мики и Накасонэ. На сторону Охиры, как и в прошлом, встала фракция Танаки.

Противники Охиры требовали, чтобы он взял на себя ответственность за неудачу ЛДП на выборах и вышел в отставку, но он категорически отказался сделать это. Как сообщала японская печать, на том, чтобы Охира остался на своем посту, настоял Танака, опасавшийся, что смена правительства может оказать нежелательное воздействие на ход судебного процесса по «делу Локхида».

Тогда лагерь противников Охиры отказался поддержать его кандидатуру на пост премьер-министра. Было создано Общество улучшения ЛДП, которое выдвинуло Фукуду в качестве конкурирующего кандидата. Таким образом, впервые за все время существования Либерально-демократической партии от нее были выдвинуты два кандидата на пост премьер-министра. Правящая партия фактически разделилась на два лагеря и вновь, как и в 1976 г., оказалась на грани раскола.

Охира с большим трудом добился переизбрания на пост премьер-министра, победив лишь во втором туре. В немалой степени он был обязан своей победой поддержке «Нового либерального клуба».

Сложности внутрипартийного положения Охиры сказались при формировании кабинета министров и партийного руководства. Хотя Охира пытался изменить сложившуюся с 1974 г. систему, при которой генеральный секретарь ЛДП назначается не из фракции премьер-министра, внутрипартийная оппозиция не позволила ему сделать это. Охира так и не смог назначить генеральным секретарем Д. Судзуки, много сделавшего для избрания Охиры председателем ЛДП в 1978 г. Пост генерального секретаря пришлось отдать представителю соперничающего лагеря — И. Сакураути, члену фракции Накасонэ.

Не смог Охира также и отблагодарить «Новый либеральный клуб» за поддержку, оказанную на выборах премьер-министра. Его намерение назначить представителя НЛК министром просвещения встретило резкий отпор в правящей партии, многие деятели которой усмотрели в таком шаге нарушение монополии ЛДП на политическую власть и фактический переход к коалиционному правительству.

Больше месяца потребовалось для того, чтобы сформировать руководящие органы правящей партии, что еще раз продемонстрировало глубину внутрипартийного кризиса. Его урегулирование имело характер временной передышки перед очередным раундом борьбы за власть, начало которого связывалось с предстоящими летом 1980 г. выборами в палату советников. Кризисное положение правящей партии воспринималось оппозицией как появление реальной возможности положить конец единоличной власти либерал-демократов. Поэтому правящая и оппозиционные партии рассматривали предстоящие выборы в палату советников как важное сражение с целью изменения баланса в соотношении сил в свою пользу.

В целях расширения своей массовой базы ЛДП осуществила вторую кампанию по увеличению численности партии. В январе 1980 г. число ее членов было удвоено и достигло 3 млн. На этот раз фракционный характер кампании по расширению партийных рядов стал еще более очевидным, поскольку увеличение числа сторонников той или иной фракции давало ей преимущества при выборах председателя партии. Больше всех возросла фракция Комото (бывшая Мики) — до 841 тыс. человек, в 10 раз, что сразу же было расценено как намерение Т. Комото добиваться поста председателя ЛДП при следующей возможности. Увеличилась и численность сторонников фракции Я. Накасонэ — 419,7 тыс. человек³. Хотя фракции Танаки и Охиры опережали фракцию Накасонэ по общему числу сторонников, они все же уделяли главное внимание прежде всего привлечению в свои ряды максимально возможного числа депутатов парламента.

Новая вспышка внутрипартийной борьбы последовала после того, как по инициативе социалистической партии в парламент был внесен вотум недоверия правительству Охиры. Этот вотум поддержали все другие оппозиционные партии, критикуя правительство за то, что оно не принимало действенных мер для преодоления застоя в экономике, сдерживания роста цен и безработицы, борьбы с коррупцией.

³ См.: «Асахи», 3.III.1980.

Вотумы недоверия правительству и раньше неоднократно вносились в японский парламент, но всякий раз они отвергались благодаря большинству, которым располагала ЛДП. На этот раз, однако, вотум недоверия был утвержден палатой представителей 16 мая 1980 г. Это стало возможным вследствие бойкота заседания палаты представителей почти 70 депутатами из фракций Фукуды и Мики, которые, таким образом, позволили оппозиционным партиям иметь большинство голосов.

Правительство в ответ распустило парламент и назначило досрочные выборы в палату представителей в один и тот же день — 22 июня — с очередными выборами в палату советников. Это беспрецедентное для практики политической борьбы в Японии решение было принято, чтобы затруднить положение оппозиционных партий, которые были явно не готовы к одновременному ведению двух избирательных кампаний ни в организационном, ни в финансовом отношении.

Учитывая негативный опыт предшествовавших выборов, ЛДП пригласила на период избирательной кампании внутрипартийную борьбу, консолидировала свои силы. Воздействие на ЛДП в этом отношении оказали и деловые круги — они обещали финансировать избирательную кампанию правящей партии при условии, что прекратится внутренняя междоусобица в ней. Монополистический капитал предоставил либерал-демократам огромную сумму — 15 млрд. иен для проведения избирательной кампании.

В самый разгар предвыборной кампании М. Охира скорпостижно скончался. Его смерть вызвала у части населения определенное сочувствие к правящей партии. Оппозиционные же партии продолжали яростные нападки друг на друга, порождая у избирателей сомнения в их способности составить реальную альтернативу власти либерал-демократов.

Проходившие в такой необычной обстановке выборы принесли победу ЛДП, которая получила значительно больше голосов и депутатских мест в обеих палатах по сравнению с предшествовавшими выборами. В палате представителей ЛДП получила 284 места, то есть «стабильное большинство». Число депутатов правящей партии в палате советников составило 135, то есть и там положение ЛДП заметно упрочилось.

После выборов председателем ЛДП был избран Д. Судзуки, возглавивший после смерти Охиры его фракцию. Это была компромиссная фигура, «устроившая» все фракции. Заявившие о своих претензиях на пост председателя правящей партии Я. Накасонэ, Т. Комото и К. Миядзава (из фракции Охиры) не получили сколько-нибудь заметной поддержки, и Судзуки был избран без голосования. Однако при формировании правительства он предоставил всем своим конкурентам министерские посты (Накасонэ стал начальником административного управления, Комото — начальником управления экономического планирования, Миядзава — генеральным секретарем кабинета министров).

Решающую роль в избрании Судзуки сыграла поддержка фракции Танаки — крупнейшей группировки в ЛДП. За это она получила ряд важных постов в кабинете и в партийном руководстве, в результате чего влияние Танаки, формально не входящего в состав ЛДП и числящегося «независимым», на правительство Судзуки стало еще больше, чем на правительство Охиры. Генеральным секретарем партии остался представитель фракции Накасонэ И. Сакураути. Фракция Фукуды тоже предпочла поддержать правительство Судзуки во имя «единства» ЛДП.

В результате «двойных» выборов в обе палаты парламента в 1980 г. для ЛДП сложилась такая благоприятная обстановка, какой она не видела уже много лет. Правящая партия располагала устойчивым большинством в парламенте и уже не нуждалась в сотрудничестве хотя бы части оппозиции для проведения нужных ей законопроектов. Внутренне

распри в ЛДП тоже временно утихли или, по крайней мере, не выходили на поверхность.

Обретенная правящей партией устойчивость привела к заметному поправлению ее политического курса. Это проявилось прежде всего в усилении милитаристских тенденций, в активизации деятельности, направленной на пересмотр конституции страны с целью изъятия из нее антивоенных положений и ликвидации некоторых демократических завоеваний трудящихся. Значительное влияние на Японию оказал и осуществленный американской администрацией на рубеже 70—80-х годов крутой поворот от разрядки к конфронтации, усиление Вашингтоном гонки вооружений и нагнетание международной напряженности. Под нажимом США правительство Судзуки продолжило унаследованную от кабинета Охирэ линию на ограничение связей с Советским Союзом, на введение экономических «санкций» в отношении СССР.

Вместе с тем правительство Судзуки оказалось не в состоянии справиться с нараставшими трудностями в экономике. Мировой экономический кризис захватил и Японию. Заметно увеличилась безработица. Попытка преодолеть спад в экономике путем форсирования экспорта привела к резкому обострению противоречий Японии не только с развивающимися, но и с промышленно развитыми капиталистическими государствами, прежде всего с США и странами «Общего рынка». С другой стороны, страны Юго-Восточной Азии стали проявлять все более явное беспокойство в связи с усилением милитаризации Японии.

Проводившийся несколькими правительствами ЛДП усиленный выпуск государственных займов привел к тому, что дефицит государственного бюджета составлял в начале 80-х годов 40 % всей его суммы. Общий размер государственного долга к концу 1982 г. превысил 90 трлн. иен. Государственные финансы, по существу, оказались в состоянии глубокого кризиса.

Правительство Судзуки избрало в качестве средства решения экономических проблем курс на экономию государственных средств, провозгласив административно-финансовую реформу. Острием своим эта реформа была направлена против трудящихся, поскольку ее главным мероприятием было объявлено сокращение численности работников государственных предприятий и учреждений. Предусматривалась также передача частным компаниям ряда государственных предприятий, прежде всего государственных железных дорог, а также государственной корпорации телефона и телеграфа.

Программа административной реформы была разработана под непосредственным наблюдением и при прямом участии руководителей монополистического капитала (председателем консультативного комитета, разработавшего рекомендации правительству по содержанию административной реформы, был почетный президент Федерации экономических организаций Т. Доко) и полностью отвечала интересам монополий. Напротив, трудящиеся встретили эту программу резкими протестами. Профсоюзы развернули широкую кампанию против проведения административной реформы за счет трудящихся. Их поддержали левые партии — коммунистическая и социалистическая, требовавшие первоочередного сокращения военных расходов и расширения социальных программ.

Кабинет Судзуки подпадал под все большее влияние фракции Танаки, которая воспользовалась очередной реорганизацией правительства и добилась назначения своего видного представителя С. Никайдо на пост генерального секретаря ЛДП. Это стало вызывать растущее недовольство в правящей партии методами деятельности премьер-министра.

Обострение финансового кризиса привело к тому, что в сентябре 1982 г. правительство Судзуки было вынуждено объявить «чрезвычайное положение в области финансов». Однако предложенные им «чрезвычайные» меры по выходу из кризиса вновь показали, что правительство

ищет этот выход прежде всего за счет трудящихся. В качестве самой экстренной меры было объявлено замораживание заработной платы рабочих и служащих государственных предприятий и учреждений. В то же время военные расходы оставались не только нетронутыми, но даже не был изменен курс на их ускоренное наращивание.

Эти меры окончательно подорвали престиж кабинета Судзуки. Многочисленные опросы общественного мнения показали, что свыше половины населения не поддерживало правительство, тогда как доля поддерживавших его сократилась до самого низкого уровня, составив всего 16 %. Крупнейшие национальные профцентры страны выступили с заявлением протеста против попыток правительства взвалить на трудящихся страны дополнительное бремя в связи с провалом его политики. Генеральный совет профсоюзов (Сохё) призвал японских рабочих готовиться к общенациональной борьбе за отставку правительства, если оно не примет должных мер в создавшемся положении. Парламентская оппозиция готовилась внести вотум недоверия правительству после открытия сессии парламента.

В этой обстановке внутри ЛДП активизировалось движение за отстранение Судзуки от власти в целях сохранения режима ЛДП в целом. Лидером этого движения вновь стал Т. Фукуда. На совместном собрании своих группировок в начале октября Фукуда, Комото и начальник научно-технического управления И. Накагава договорились выступить против переизбрания Судзуки председателем ЛДП. Их действия получили поддержку влиятельного в правящей партии бывшего премьер-министра Н. Киси.

Новое обострение внутрипартийной борьбы опрокинуло расчеты Судзуки, который хотел добиться переизбрания на пост председателя ЛДП без первичных выборов, на общем собрании депутатов парламента от ЛДП. На этом собрании Судзуки располагал бы уверенным большинством, имея 244 голоса из 421 (фракция Танаки насчитывала 107 депутатов, фракция Судзуки — 87, фракция Накасонэ — 50), тогда как противники Судзуки могли рассчитывать всего на 132 голоса (фракция Фукуды — 78, фракция Комото — 43, фракция Накагавы — 11).

Однако противники Судзуки делали ставку на проведение первичных выборов, рассчитывая, что при участии в голосовании более миллиона рядовых членов ЛДП преимущества премьер-министра перед другими кандидатами значительно уменьшатся. Для проведения первичных выборов необходимо было наличие четырех кандидатов. Поскольку такое число претендентов было налицо, первичные выборы становились неизбежными.

Это и побудило Судзуки выступить с заявлением об отказе добиваться переизбрания председателем ЛДП. Его шаг был предварительно одобрен сторонниками Судзуки, прежде всего Танакой. Этот лагерь поддерживал кандидатуру Я. Накасонэ на пост председателя ЛДП. Танака рассчитывал в обмен на поддержку Накасонэ получить для членов своей фракции при формировании нового кабинета министров и партийного аппарата важные посты в целях сохранения выгодного ему влияния на деятельность ЛДП и политическую жизнь страны. В частности, Танака выдвинул требование сохранить пост генерального секретаря ЛДП за С. Никайдо, рассчитывая, что это позволит эффективно воздействовать на судебный процесс по «делу Локхида» на завершающей его стадии в 1983 г.

Противостоящий лагерь выдвинул три кандидатуры — Т. Комото, министра внешней торговли и промышленности С. Абэ, ближайшего сторонника Фукуды, и Накагаву. Это распыляло силы противников Судзуки.

Тем не менее лагерь Судзуки — Танаки предпринял попытку убедить конкурентов отказаться от проведения первичных выборов под тем предлогом, что они потребуют значительного времени и крупных финансовых

затрат, а также могут привести к падению престижа ЛДП из-за обострения внутривнутрипартийной борьбы. Оппозиция выдвинула свой вариант — назначение Накасонэ премьер-министром, а Фукуды — председателем ЛДП. Однако Накасонэ, посоветовавшись с Танакой, решительно отверг идею разделения высших постов в ЛДП и правительстве.

После этого не осталось иного выхода, кроме проведения первичных выборов. Поскольку считалось первоначально, что наилучшие шансы из претендентов на этом этапе имеет Комото, сторонники Накасонэ и прежде всего фракция Танаки приложили максимум усилий для привлечения рядовых членов партии на свою сторону, используя для этой цели и средства массовой информации, регулярно публиковавшие благоприятные для Накасонэ результаты опросов общественного мнения.

Руководители деловых кругов высказались за осуществление административно-финансовой реформы, несмотря на смену руководства ЛДП. Поскольку Накасонэ заявлял о своей приверженности этой реформе, в разработке которой он, будучи начальником административного управления в правительстве Судзуки, сам принимал непосредственное участие, не вызывало сомнений, на чьей стороне находятся симпатии большого бизнеса.

Все эти факторы и предопределили победу Я. Накасонэ на первичных выборах. Немаловажное значение имело и то, что в течение ряда лет пост генерального секретаря ЛДП находился в руках фракции Накасонэ, что укрепило его связи с местным партийным аппаратом, играющим важную роль на первичных выборах председателя ЛДП. Накасонэ получил 58 % голосов, тогда как следующий за ним конкурент — Комото — всего 27 %. Второй этап выборов не проводился, поскольку все другие претенденты сняли свои кандидатуры, и Накасонэ был объявлен председателем ЛДП.

О той важнейшей роли, которую сыграла фракция Танаки в победе Накасонэ, можно судить по составу нынешнего правительства Японии. Шесть министерских постов отданы фракции Танаки — больше, чем какой-либо другой группировке. Ближние к Танаке люди занимают ключевые посты — генерального секретаря ЛДП и генерального секретаря кабинета министров. В правительстве Накасонэ впервые оказалась нарушенная традиция, согласно которой генеральным секретарем кабинета назначался доверенный человек премьер-министра. Характерно в этой связи замечание американского журнала «Ньюсуик», утверждавшего, что «представители фракции Танаки находятся в правительстве, чтобы внимательно следить за Накасонэ, который показал себя отнюдь не верным партнером»⁴. Не случайно японские средства массовой информации нередко называют нынешнее правительство «кабинетом Танакасонэ».

Даже краткая хроника внутренней борьбы в ЛДП дает наглядное представление о том, какую большую роль в ней играл и продолжает играть конфликт между К. Танакой и Т. Фукудой. Однако при всей колоритности «войны Каку — Фуку» она служит всего лишь внешним проявлением более глубоких процессов в правящей партии, ее стремления наилучшим образом приспособиться к кризису нынешней политической структуры Японии.

Эта политическая структура, основу которой составляет единоличное господство ЛДП, сформировалась в середине 50-х годов, когда японская экономика только набирала высокие темпы роста. С тех пор в Японии произошли крупные структурные изменения — экономические, социальные, политические. Японская экономика не только создала второй по масштабам в капиталистическом мире потенциал, в ней завершилась одна и в настоящее время развернулась вторая радикальная структурная перестройка. Значительные сдвиги произошли в социальной и классовой

⁴ «Newsweek», 28.XI.1982.

структуре японского общества, главным из которых было превращение рабочего класса в наиболее крупную социальную группу. В политической сфере окончательно сформировалась многопартийная система.

Единоличное господство ЛДП уже давно не отражает этих глубоких сдвигов, происшедших в стране. Правящая партия предпринимала попытки «модернизации», однако они в значительной степени остались на бумаге. Кризис ЛДП, несомненно, имел бы гораздо более серьезные для нее последствия, если бы оппозиция оказалась готовой к тому, чтобы заменить правительство либерал-демократов. Однако разобщенность оппозиционных партий в значительной степени помогла ЛДП удержаться у власти.

Тем не менее последнее десятилетие было периодом изошренных уловок ЛДП, направленных на сохранение политической власти. Правящей партии не удалось преодолеть кризис своей политики, в основе которого лежит ее неспособность урегулировать обострившиеся экономические и социальные противоречия японского капитализма. Чтобы удержаться у власти, ЛДП приходится каждые два года менять лидеров, предотвращая таким образом перерастание недовольства политикой отдельных правительств в осуждение режима в целом. Таков общий смысл пяти политических кризисов, поражавших Японию в последнее десятилетие и внешне прикрывавшихся выразительными эпизодами «войны Каку — Фуку».

В течение большей части 70-х годов неустойчивость правительств ЛДП могла в определенной степени объясняться неуклонным уменьшением ее большинства в парламенте. Однако она проявилась и в совершенно иной обстановке 80-х годов, когда ЛДП стала обладать стабильным большинством в парламенте. По-видимому, эта неустойчивость имеет структурные корни и поэтому приобрела хронический характер. Можно ожидать, что она будет продолжаться и в дальнейшем, хотя заранее невозможно сказать, в каких именно конкретных формах эта неустойчивость проявится. Не исключены поэтому и новые раунды «войны Каку — Фуку».

Роль внешних факторов в народнохозяйственном строительстве КНР

С. А. Манежев,
кандидат экономических наук
Л. В. Новоселова,
кандидат экономических наук

Рост внешнеэкономической активности Китая в последние годы является характерной особенностью экономической политики китайского руководства. Согласно заявлениям китайских руководителей, развитие связей с заграницей, включая «ввоз прогрессивной техники и привлечение иностранного капитала», рассматривается сегодня как одно из главных перспективных направлений повышения эффективности экономического строительства в КНР¹.

Использование внешних факторов экономического роста не представляет собой совершенно нового явления в хозяйственной практике Китая. Острая нехватка материальных и финансовых средств, технических знаний и организационного опыта — все это в наиболее общем виде определяет объективную зависимость ускоренного экономического развития Китая, как и любой другой страны бывшего колониального и полуколониального мира, от разносторонних хозяйственных связей с более развитыми в экономическом отношении странами, от активизации факторов, которые К. Маркс назвал «цивилизирующим воздействием внешней торговли»². Вместе с тем, находясь в неразрывной связи с социально-классовой структурой государства, характер и ориентация системы внешнеэкономических отношений могут либо стимулировать социально-экономический прогресс в стране, либо, наоборот, тормозить и исказить процессы ее внутреннего развития. Исторический опыт Китая подтверждает это.

До 1949 г. связь китайской экономики с воспроизводственными процессами в мировом хозяйстве определялась навязанной Китаю аграрно-сырьевой специализацией и служила усилению его зависимости от империалистических держав. В экономической сфере эта глубокая зависимость определялась уродливой структурой производства: крайне низкий уровень развития тяжелой, и прежде всего машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности старого Китая, по сути дела, исключал возможность его реального экономического роста на самостоятельной основе. Это было результатом осознанной политики империализма, стремившегося к безраздельному господству в Китае.

В принципиально иной ситуации оказалась Китайская Народная Республика, вступившая на путь коренных социально-экономических преобразований и создания условий для социалистического строительства после победы революции в 1949 г. Как известно, в условиях обобществления основных средств производства хозяйственное развитие каждой отдельно взятой социалистической страны объективно обуславливает ее всестороннее сотрудничество и сближение с другими странами социализма. При этом страны с более развитой экономикой оказывают

¹ См.: «Жэньминь жибао», 2.XII.1981.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. I, с. 204.

поддержку отставшим в экономическом отношении государствам, ибо «развитие каждой социалистической страны ведет к общему подъему и укреплению мировой социалистической системы в целом»³. С первых же дней своего существования КНР смогла во всей полноте ощутить преимущество экономических отношений внутри социалистического содружества по сравнению с практикой экономического обмена в рамках международного капиталистического разделения труда.

В 50-е годы экономическое развитие КНР осуществлялось в значительной степени при активном сотрудничестве со странами социалистического содружества, направлявшими крупные средства для оказания интернациональной помощи Китаю. Поддержка Китая мировой системой социализма обеспечила ему защиту от военной интервенции и экономической экспансии империалистических государств.

Основным поставщиком экономической помощи для КНР явилась наиболее крупная социалистическая страна — Советский Союз. С первых же дней народной власти в Китае советско-китайское экономическое сотрудничество строилось на основе полного равноправия и взаимовыгодности. Оно было направлено на превращение отсталой аграрной страны в мощную индустриальную социалистическую державу. В условиях унаследованной от прошлого общей отсталости Китая и послевоенной разрухи столь кардинальная постановка вопроса вскрыла целый ряд серьезных проблем, стоящих на пути экономического прогресса КНР. Вследствие этого экономическая помощь социалистических стран Китаю приобрела многосторонний, комплексный характер.

Прежде всего, учитывая, что ускорение хозяйственного развития КНР осложнялось узостью традиционной базы накопления, важным аспектом советской экономической помощи явилось предоставление Китаю льготных долгосрочных кредитов на общую сумму 1,8 млрд. руб.⁴ Задача этой помощи, предоставленной в наиболее трудное для КНР время, заключалась в том, чтобы путем ее сосредоточения на ключевых участках хозяйственного строительства содействовать китайскому народу в создании первоначальной основы современной промышленности. Если в целом за годы первой пятилетки (1953—1957) финансовая помощь Советского Союза составила 3 % общей суммы средств, затраченных Китаем на развитие экономики, то в промышленности КНР за счет этой помощи осуществлялось 15 % всего объема капитального строительства⁵. Восстановление народного хозяйства, преодоление экономической отсталости, создание основ социалистической индустрии в Китае требовали огромного количества промышленного оборудования и других товаров производственного назначения. Принимая во внимание слабость исходной материально-технической базы китайской экономики, а также экономическую блокаду КНР со стороны империалистических держав, социалистические страны, и прежде всего Советский Союз, явились для КНР практически единственным источником получения современных средств производства. Массовые поставки товаров производственного назначения при поддержании сбалансированности товарообмена явились важным направлением помощи социалистических стран Китаю.

Если в 1946—1948 гг., в период господства американских монополий во внешней торговле гоминьдановского Китая, импорт страны в 2,3 раза превосходил размеры экспортной выручки, то в 1950—1959 гг., когда $\frac{1}{3}$ китайского внешнеторгового оборота КНР приходилось на социалистические страны, наблюдалось примерное равенство экспорта и импорта

³ Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1972, с. 22.

⁴ См.: М. А. Сулов. О борьбе КПСС за сплоченность международного коммунистического движения. М., 1964, с. 53.

⁵ См.: Цзэн Вэньцзин. Социалистическая индустриализация Китая. М., 1959, с. 203.

КНР⁶. Одновременно доля машин и оборудования в импорте Китая с 6 % в 1946—1948 гг. поднялась до более чем 40 % в 1957 г. и до 48 % в 1959 г.⁷ Внешняя торговля Китая из канала оттока дефицитных финансовых средств превратилась в источник накопления.

Социалистические страны делились с Китаем многими видами современного машинного оборудования. Так, в 50-е годы СССР вывозил в Китай 9 % своей продукции тяжелого машиностроения, 14 % продукции приборостроения; ЧССР — 11 % тяжелого машиностроения и 9 % приборостроения; ПНР — 7 % продукции тяжелого машиностроения⁸. На долю стран социализма приходилось 77,9% китайского импорта металлорежущих станков, 91,4 % дизелей, 84,5% буровых машин, 92,1 % автомобилей, 99,5 % паровозов, 74,7% приборов⁹. В целом за 1950—1960 гг. закупки Китаем комплектного оборудования достигли 2,3 млрд. руб. По сути дела, в эти годы осуществлялось подключение хозяйственной структуры социалистических стран к воспроизводственным процессам в китайской экономике. Только в Советском Союзе, например, выполнении заказов КНР было занято более тысячи промышленных предприятий с общим числом рабочих свыше 1 млн. человек¹⁰. Все это способствовало преодолению экономической отсталости КНР.

В соответствии с заключенными в 50-е годы соглашениями об экономической и научно-технической помощи социалистических стран Китаю своевременное освоение поставленного оборудования обеспечивалось благодаря активному содействию в проектно-изыскательских работах, в монтаже и наладке оборудования и в пуске большого числа крупных современных предприятий. По китайским данным, в годы первой пятилетки на долю объектов, сооружавшихся с помощью СССР, приходилось около 44 % всех государственных капиталовложений в промышленность КНР¹¹.

Важное значение поддержки КНР со стороны Советского Союза в области экономического строительства в 1953—1957 гг. своеобразно прослеживается при анализе технологической структуры государственных капитальных затрат в Китае. Известно, что само по себе преобладание нового строительства в связи с созданием новых отраслей в экономике отсталой страны предполагает повышенную долю пассивного (строительно-монтажные работы) компонента капиталовложений. В начальной стадии индустриализации значение строительно-монтажных работ возрастает также в силу необходимости держать большие запасы сырья и топлива и строить для этого соответствующие складские помещения, иметь большое собственное транспортное хозяйство, множество ремонтных цехов, жилищный фонд и т. д. Все это вызывает дополнительные строительные работы, не требующиеся в старых промышленных центрах.

Тем не менее доля затрат на строительно-монтажные работы в общем объеме капитальных вложений в народное хозяйство КНР в 1953—1957 гг. составляла лишь 63 %, в то время как удельный вес машин и оборудования достигал 31 %. Вспомним, что в СССР в годы первой пятилетки (1928—1932) в похожей народнохозяйственной ситуации технологическая структура капиталовложений составила 83 % строительно-монтажных работ и всего лишь 12 % машин и оборудования¹².

⁶ См.: М. И. Сладковский. Очерки развития внешнеэкономических отношений Китая. М., 1953, с. 288; Guidebook on Trading with the People's Republic of China, UN, New York, 1982, p. 461.

⁷ China: A Reassessment of the Economy. Washington, 1975, p. 621.

⁸ In: "Financial Times", 15.I.1963.

⁹ См.: «Дружба», 1959, № 41, с. 9—10.

¹⁰ См.: Ю. Н. Капелинский и др. Развитие экономики и внешнеэкономических связей Китайской Народной Республики. М., 1959, с. 448.

¹¹ См.: Китай сегодня. М., 1969, с. 255.

¹² См.: Народное хозяйство СССР за 60 лет. Юбилейный статистический ежегодник. М., 1977, с. 435.

А ведь по своему экономическому развитию Китай начала 50-х годов значительно уступал тому уровню, на котором в начале 30-х годов находился Советский Союз.

Все это говорит о том, что в условиях Китая наблюдавшееся в 1953—1957 гг. соотношение пассивного и активного компонентов вложений являлось весьма благоприятным и обеспечивало необходимые гарантии быстрого увеличения выпуска продукции и производства национального дохода на один юань капиталовложений. Такое положение оказалось возможным в значительной мере благодаря поддержке КНР со стороны СССР и других социалистических стран, их разносторонней экономической помощи, крупным поставкам современного оборудования, используя которые Китаю удалось в 50-е годы развернуть широкое индустриальное строительство.

В целом при техническом содействии СССР в Китае было сооружено 256 крупных промышленных объектов, обеспечивших в начале 60-х годов 30 % производства в КНР чугуна, 40 % стали, 50 % проката, 80 % автомобилей, свыше 90 % тракторов, 25 % электроэнергии, 55 % гидротурбин¹³. Еще 85 объектов было построено с помощью других социалистических стран¹⁴. Все это привело к возникновению целого ряда новых отраслей китайской промышленности — авиационной, автомобильной, тракторостроения и приборостроения, энергетического, тяжелого и точного машиностроения и др., содействовало созданию основ современного многоотраслевого промышленного производства в Китае.

Особое значение имело научно-техническое сотрудничество КНР с социалистическими странами. С 1954 по 1963 г. только Советский Союз безвозмездно передал Китаю около 24 тыс. комплектов документации, содержащих не менее 30 % всех научных и технических нововведений, применявшихся в тот период в народном хозяйстве СССР. К концу 1959 г. китайские специалисты на основе этой документации разработали свыше 400 комплексных проектов современных промышленных предприятий, в том числе объекты металлургии, машиностроения, нефтяной и угольной промышленности, путей сообщения, связи, водного хозяйства¹⁵.

Одну из важнейших проблем экономического роста Китая представлял острейший дефицит научно-технических кадров и квалифицированных рабочих. В связи с этим Советский Союз направил на работу в различных отраслях народного хозяйства Китая около 11 тыс. квалифицированных специалистов. Одновременно с помощью СССР была организована широкая подготовка китайских инженерно-технических и рабочих кадров. С 1951 по 1962 г. на предприятиях СССР прошли производственное обучение свыше 8 тыс. китайских рабочих и техников, в вузах Советского Союза обучалось более 11 тыс. студентов и аспирантов из КНР¹⁶. Практически весь технический и управленческий персонал предприятий, строившихся в Китае с помощью СССР, прошел обучение в Советском Союзе. Немалую роль играла и помощь в подготовке национальных кадров непосредственно в Китае. Например, в 1950—1952 гг. на Китайско-Чанчуньской железной дороге советскими специалистами было подготовлено более 39 тыс. китайских железнодорожников. Наиболее важные объекты советской помощи в Китае были превращены в крупные центры производственного обучения.

В целом история сотрудничества КНР с социалистическими странами в 50-е годы являет собой пример эффективного использования таких факторов, как внешняя торговля, экономическая и научно-техническая помощь в целях ускорения хозяйственного роста отставшей в эконо-

¹³ См.: Ленинская политика СССР в отношении Китая. М., 1968, с. 203.

¹⁴ См.: Экономика КНР: возможности и реальность. М., 1976, с. 212.

¹⁵ См.: «Дружба», 1959, № 42, с. 5.

¹⁶ См.: «Вопросы истории», 1969, № 6, с. 49.

мическом отношении страны. Согласно подсчетам зарубежных исследователей, без импорта из стран СЭВ экономический рост Китая замедлился бы на 20—30 %. По другим данным, среднегодовые темпы прироста национального дохода КНР в 1953—1957 гг. составили бы в этом случае не 8,9 %, а лишь 6,8—4,2 %¹⁷.

Важность для Китая сотрудничества с миром социализма отмечали и китайские руководители. Оценивая значение построенных с помощью СССР промышленных объектов, премьер Госсовета КНР Чжоу Эньлай говорил: «Эти стройки не только в первую пятилетку сыграли огромную роль в деле социалистической индустриализации и развития сельскохозяйственного производства нашей страны, но и в дальнейшем они будут играть еще большую роль. О большинстве таких строек даже невозможно было и мечтать в старом Китае». Характеризуя вклад Советского Союза в экономическое строительство в КНР, заместитель премьера КНР Ли Фучунь подчеркивал: «Наша оценка, причем это твердая оценка, такова: предприятия, запроектированные и построенные у нас при помощи Советского Союза, действительно являются воплощением всего современного и всего лучшего, чем располагает Советский Союз. Эти предприятия — костяк нашей промышленности, костяк не только по объему, но и по уровню современной передовой техники»¹⁸.

В 60-е годы, как известно, роль внешних факторов в экономическом развитии Китая была значительно сокращена, были предприняты попытки хозяйственного развития преимущественно при опоре на внутренние экономические ресурсы. Однако уже в начале 70-х годов выявилась необходимость пересмотра такой экономической политики, встала задача активизации роли Китая в международном разделении труда. Выдвижение же в 1978 г. программы модернизации китайской экономики окончательно изменило подход китайского руководства к оценке внешних факторов экономического роста. Журнал «Сысян чжаньсянь» писал: «Если мы не будем привлекать иностранные капитальные вложения, заимствовать иностранную технологию и оборудование, то наше экономическое и культурное строительство будет ползти со скрипом, и мы не сможем достичь мирового уровня»¹⁹.

В последние годы курс на активное привлечение Китаем внешних факторов выразился в расширении и углублении экономических связей с капиталистическими странами. Был предпринят целый ряд шагов в этом направлении: нормализованы межгосударственные отношения Китая с Японией и США, практически со всеми ведущими капиталистическими странами заключены долгосрочные торгово-экономические соглашения. Абсолютные размеры торгового обмена Китая с развитыми капиталистическими странами в 1981 г. составили 24 млрд. долл., более чем в 10 раз превысив уровень десятилетней давности. На долю капиталистических стран сейчас приходится почти 60 % объема внешнеторговых операций КНР против 45 % в начале 70-х годов.

Каковы же реальные хозяйственные результаты развития экономических связей Китая с Западом? По свидетельству опубликованного в Пекине экономического ежегодника за 1981 г., китайский импорт машин и оборудования в 1970—1980 гг. составил 16,2 млрд. долл., превзойдя сразу в шесть раз масштабы аналогичных закупок в 50-е годы, а размеры кредитных соглашений, заключенных Китаем с банковскими учреждениями развитых капиталистических стран только в период с 1978 по 1980 г., составили 28,7 млрд. долл.²⁰ На первый взгляд, это

¹⁷ In: J. A. Cohen, R. F. Dernberger, J. R. Garson. *China Trade Prospects and US Policy*. New York, 1971, p. 191; A. Eckstein. *Communist China's Economic Growth and Foreign Trade*. New York, 1966, p. 124.

¹⁸ Цит. по: О. Б. Борисов, Б. Т. Колосков. *Советско-китайские отношения, 1945—1980*. М., 1980, с. 175.

¹⁹ «Сысян чжаньсянь», 1981, № 4.

²⁰ Чжунго цзинцзи няньцзянь 1981. Пекин, 1981, с. IV—131—133.

свидетельствует о небывалом по размаху подключении внешних факторов к процессам народнохозяйственного строительства в КНР.

Однако сравнение абсолютных размеров закупок машин и оборудования в 50-е и 70-е годы требует дополнительного учета целого ряда немаловажных моментов. Если сведения об импорте Китая в годы его активного сотрудничества с социалистическими странами отражают объем реально ввезенного и освоенного китайской экономикой машинного оборудования, то данные за 1970—1980 гг. включают всю сумму заключенных за этот период контрактов на поставку машин и оборудования в Китай, значительная часть которых еще не реализована. Так, сумма контрактов на закупку Китаем комплектного оборудования, заключенных с 1970 по 1979 г., составила около 11 млрд. долл., однако его действительный ввоз, включая поставки 1980 г., не превысил 6,7 млрд. долл., в том числе примерно 3 млрд. долл. в 1970—1977 гг. и 3,7 млрд. долл. в 1978—1980 гг.²¹

Далее, сравнивая данные за 50-е и 70-е годы, важно учитывать почти двукратный рост цен мирового рынка на машины и оборудование: в сопоставимых ценах стоимость комплектного оборудования, приобретенного в 70-е годы, составляет 3,5 млрд. долл.²²

И наконец, вспомним, что цены на поставлявшееся в 50-е годы из СССР промышленное оборудование были в среднем на 20—30 % ниже цен мирового рынка, а вся конструкторско-технологическая документация и лицензии, необходимые для налаживания производства на закупленном оборудовании, передавались советской стороной практически безвозмездно²³.

С учетом всех указанных моментов выясняется, что в неизменных ценах стоимость комплектного промышленного оборудования, полученного Китаем из стран Запада и Японии в 1970—1980 гг., составляет около 3,1 млрд. долл. Аналогичные поставки СССР и других социалистических стран в 1950—1960 гг. можно оценить в 3 млрд. долл.²⁴ С учетом же роста производства машиностроительной продукции в КНР доля импортного компонента в удовлетворении общих потребностей страны в машинах и оборудовании в конце 70-х годов составила лишь 7 % против 45 % в 1957 г.²⁵

Такова количественная сторона оценки материально-технического содействия Запада. Качественный аспект проблемы требует анализа эффективности воздействия привлекаемых из-за рубежа хозяйственных ресурсов на экономическое развитие страны. Органическое включение закупаемой на Западе техники в хозяйственную структуру КНР наталкивается на целый ряд трудностей. Это связано прежде всего со значительным отставанием материально-технической базы Китая от современного уровня. Средний срок сооружения крупных и средних народнохозяйственных объектов к концу 70-х годов составил 11 лет против 6 лет в первую пятилетку, причем примерно 1/3 из тысячи сооружавшихся в стране промышленных предприятий находилась в стадии строительства от 10 до 20 лет, а еще около 10 % — свыше 20 лет²⁶. Из об-

²¹ Рассчитано по: Чжунго цзинцизи няньцзянь 1981, с. IV-128, 131; Чжунго байке няньцзянь 1980. Пекин — Шанхай, 1980, с. 303; «Жэньминь жибао», 30.IV.1981; Selling Technology to China. Washington, 1979, p. 9; «China Letter», July 1981, p. 5.

²² Усредненный индекс экспортных цен на комплектное оборудование, поставлявшееся Китаю в 1970—1976 гг., составил 1983, а в 1977—1980 гг. — 201 против 100 в 50-е годы. Рассчитано по: С. Нова. China's Economy. New York, 1978, p. 153.

²³ См.: Пын Мин. История китайско-советской дружбы. М., 1959, с. 311; Л. В. Филатов. Экономическая оценка научно-технической помощи Советского Союза Китаю. 1949—1966. М., 1980, с. 111.

²⁴ Без стоимости технологической документации. Размеры импорта в 50-е годы рассчитаны по: Экономика КНР: возможности и реальность. М., 1976, с. 212.

²⁵ In: «Peking Review», 1965, N 5, p. 18. Показатель за 1979 г. рассчитан по: «Жэньминь жибао», I.V.1980; Экономика КНР: возможности и реальность, с. 106.

²⁶ См.: «Цзинцизи яньцзю», 1980, № 6, с. 26; «Жэньминь жибао», 17.III.1980.

шего числа работников, занятых в сфере капитального строительства КНР, лишь 2,6 % приходится на долю инженерно-технических кадров, а научный персонал составляет лишь 0,003 %.

Отставание строительной индустрии КНР от современного уровня порождает чрезмерно высокие внутренние затраты на освоение западной техники, включая расходы на стройматериалы, дополнительное привлечение отечественного оборудования и пр. В первой половине 70-х годов подобные затраты составляли 4 юаня на 1 долл. ввезенного комплектного оборудования, то есть с учетом валютного курса более чем вдвое превосходили собственно расходы на импорт современной техники²⁷. В конце 70-х — начале 80-х годов резко усилившийся приток сложного иностранного оборудования в экономику КНР привел к тому, что дополнительные финансовые затраты на освоение закупленных средств производства в ряде случаев даже в 7 раз превысили их общую стоимость²⁸. Такие расходы, по свидетельству министра финансов КНР Ван Бинцяня, не укладываются в рамки финансовых возможностей государства. В результате свыше 2/3 промышленных объектов, оснащаемых импортной техникой, не выдерживают установленные сроки строительства²⁹.

Однако и после ввода в строй возможности эффективной работы закупленного оборудования весьма ограничены. Незрелость инфраструктуры, нехватка сырья и энергии, острый дефицит квалифицированных специалистов — все эти сложные проблемы современного Китая нередко ведут к простоям или нерациональному использованию дорогостоящего иностранного оборудования, вызывая ощутимые экономические потери. В качестве примера можно сослаться на длительный простой 60—80 % японского и западногерманского прокатного оборудования, закупленного за 500 млн. долл. для Уханьского металлургического комбината. С недогрузкой работают мощности Ланьчжоуского нефтеперерабатывающего завода (стоимость оборудования — 140 млн. долл.), Нанкинского химического комбината, простаивают девять заводов искусственного волокна, оснащенные ввезенным в 70-е годы оборудованием³⁰. Таких примеров немало. И помимо слабости собственной материально-технической базы КНР, виной этому также явно недостаточное для Китая содействие капиталистических стран при выполнении проектно-изыскательских, монтажных и наладочных работ. Иностраный технический персонал в расчете на 1 млн. долл. поставок комплектного оборудования в 70-е годы сократился более чем вдвое против уровня 1950—1960 гг.³¹

Все это ведет к тому, что перенесение на китайскую почву отдельных элементов индустриальной культуры Запада не приносит ожидавшихся результатов в деле решения серьезных проблем экономического строительства в КНР. Так, по данным 1-го Министерства машиностроения КНР (с мая 1982 г. — Министерство машиностроения), срок окупаемости крупных и средних объектов, построенных в годы первой пятилетки, составил в среднем три с половиной года, в то время как из аналогичных объектов, введенных в 70-е годы, ни один до сих пор не окупился. В результате народнохозяйственная эффективность капитальных вложений в конце 70-х годов понизилась вдвое по сравнению с периодом первой пятилетки³².

²⁷ См.: «Жэньминь жибао», 28.VII.1980.

²⁸ См.: «Гуанмин жибао», 10.I.1981.

²⁹ In: "China Letter", July 1981, p. 5.

³⁰ См.: «Жэньминь жибао», 5 и 6.IX.1980; «New York Times», 5.II.1980; «China Business Review», 1981, N 1, p. 11.

³¹ Рассчитано в сопоставимых ценах по: Selling Technology to China, p. 9; Cheng Siguang. Economic Relations Between Peking and Moscow 1949—1963. New York, 1964, p. 31.

³² См.: «Жэньминь жибао», 21.I.1980.

Невысокая отдача ресурсов, поступающих в Китай по каналам экономического содействия Запада, в значительной мере обусловлена серьезным несопадением конечных целей сотрудничающих сторон. Вспомним, что в 50-е годы эффективное подключение внешних факторов к внутреннему экономическому строительству в КНР во многом опиралось на активное сотрудничество советских и китайских специалистов в разработке общих планов народнохозяйственного развития Китая, включая взвешенное определение масштабов и пропорций его экономического сотрудничества с внешним миром. Что касается капиталистических стран, то их представления о сотрудничестве с КНР носят откровенно односторонний, потребительский характер.

После провозглашения «программы четырех модернизаций» деловые круги Запада рассчитывали использовать Китай как новый и весьма емкий рынок сбыта: размеры китайских закупок промышленного оборудования в период до 1985 г. оценивались в 60—85 млрд. долл.³³ Правительства империалистических держав надеялись на оживление собственной экономики путем размещения крупных заказов в Китае. В Японии, например, было подсчитано, что продажа КНР комплектного оборудования на 100 млн. иен порождает цепочку внутреннего спроса в 229 млн. иен, аналогичный по размеру экспорт стали и стальных конструкций стимулирует спрос в 311 млн. иен³⁴. Опираясь на мощный, отлаженный механизм рекламы и сбыта, империалистические монополии ринулись на «освоение» китайского рынка путем максимального наращивания своих продаж в КНР без какого-либо учета ее реальных потребностей.

Вследствие всего этого экономическое содействие Запада зачастую носит хаотичный, беспорядочный характер. К примеру, мощности заводского оборудования, поставленного Китаю капиталистическими странами для производства контейнеров, в начале 80-х годов почти в четыре раза превышали реальные потребности народного хозяйства, примерно такая же ситуация сложилась в области поставок ЭВМ, некоторых видов горнодобывающего оборудования, оборудования для металлообрабатывающей промышленности и т. д.³⁵ Только в 1978 г. не оправданные реальными экономическими потребностями контракты на поставку комплектного оборудования Китаю составили 2 млрд. долл., или почти 1/3 общей стоимости заключенных за год контрактов³⁶.

Потери китайской стороны при сотрудничестве с Западом весьма болезненны. Уже через год после объявления «программы четырех модернизаций» непредвиденные затраты на импорт и внедрение иностранной техники во многом обусловили возникновение бюджетного дефицита — в 17,06 млрд. юаней, или 15,5 % доходной части бюджета³⁷. В дальнейшем, несмотря на принятие ряда срочных мер — от консервации многих строительных объектов и закрытия большого числа нерентабельных предприятий до отказа от значительной части уже законтрактованного за рубежом оборудования, — бюджетный дефицит так и не удалось преодолеть. Решение этой проблемы выдвигается в качестве одной из главных экономических задач в период до 1985 г. Однако достижение бюджетной сбалансированности осложняется тем, что под давлением западных партнеров Китай вынужден по-прежнему принимать заказное оборудование, от которого еще недавно официально отказывался. А поскольку возможности для его освоения весьма

³³ In: "Business America", 29.I.1979; H. G. Gelber. Technology, Defense and External Relations in China, 1975—1978; Balder, 1979, p. 121.

³⁴ In: "Financial Times", 23.VIII.1978.

³⁵ См.: «Жэньминь жибао», 4.VIII и 15.XII.1980; «China Business Review», 1981, N 1, p. 10.

³⁶ In: "China Trade Report", October 1981, p. 9; "China Letter", July 1981, p. 5.

³⁷ См.: «Жэньминь жибао», 31.VIII.1980.

шего числа работников, занятых в сфере капитального строительства КНР, лишь 2,6 % приходится на долю инженерно-технических кадров, а научный персонал составляет лишь 0,003 %.

Отставание строительной индустрии КНР от современного уровня порождает чрезмерно высокие внутренние затраты на освоение западной техники, включая расходы на стройматериалы, дополнительное привлечение отечественного оборудования и пр. В первой половине 70-х годов подобные затраты составляли 4 юаня на 1 долл. ввезенного комплексного оборудования, то есть с учетом валютного курса более чем вдвое превосходили собственно расходы на импорт современной техники²⁷. В конце 70-х — начале 80-х годов резко усилившийся приток сложного иностранного оборудования в экономику КНР привел к тому, что дополнительные финансовые затраты на освоение закупленных средств производства в ряде случаев даже в 7 раз превысили их общую стоимость²⁸. Такие расходы, по свидетельству министра финансов КНР Ван Биняня, не укладываются в рамки финансовых возможностей государства. В результате свыше 2/3 промышленных объектов, оснащаемых импортной техникой, не выдерживают установленные сроки строительства²⁹.

Однако и после ввода в строй возможности эффективной работы закупленного оборудования весьма ограничены. Незрелость инфраструктуры, нехватка сырья и энергии, острый дефицит квалифицированных специалистов — все эти сложные проблемы современного Китая нередко ведут к простоям или нерациональному использованию дорогостоящего иностранного оборудования, вызывая ощутимые экономические потери. В качестве примера можно сослаться на длительный простой 60—80 % японского и западногерманского прокатного оборудования, закупленного за 500 млн. долл. для Уханьского металлургического комбината. С недогрузкой работают мощности Ланьчжоуского нефтеперерабатывающего завода (стоимость оборудования — 140 млн. долл.), Нанкинского химического комбината, простаивают девять заводов искусственного волокна, оснащенные ввезенным в 70-е годы оборудованием³⁰. Таких примеров немало. И помимо слабости собственной материально-технической базы КНР, виной этому также явно недостаточное для Китая содействие капиталистических стран при выполнении проектно-изыскательских, монтажных и наладочных работ. Иностраный технический персонал в расчете на 1 млн. долл. поставок комплектного оборудования в 70-е годы сократился более чем вдвое против уровня 1950—1960 гг.³¹

Все это ведет к тому, что перенесение на китайскую почву отдельных элементов индустриальной культуры Запада не приносит ожидавшихся результатов в деле решения серьезных проблем экономического строительства в КНР. Так, по данным 1-го Министерства машиностроения КНР (с мая 1982 г. — Министерство машиностроения), срок окупаемости крупных и средних объектов, построенных в годы первой пятилетки, составил в среднем три с половиной года, в то время как из аналогичных объектов, введенных в 70-е годы, ни один до сих пор не окупился. В результате народнохозяйственная эффективность капитальных вложений в конце 70-х годов понизилась вдвое по сравнению с периодом первой пятилетки³².

²⁷ См.: «Жэньминь жибао», 28.VII.1980.

²⁸ См.: «Гуанмин жибао», 10.I.1981.

²⁹ In: "China Letter", July 1981, p. 5.

³⁰ См.: «Жэньминь жибао», 5 и 6.IX.1980; «New York Times», 5.II.1980; «China Business Review», 1981, N 1, p. 11.

³¹ Рассчитано в сопоставимых ценах по: Selling Technology to China, p. 9; Cheng S. и у а.п. Economic Relations Between Peking and Moscow 1949—1963. New York, 1964, p. 31.

³² См.: «Жэньминь жибао», 21.I.1980.

Невысокая отдача ресурсов, поступающих в Китай по каналам экономического содействия Запада, в значительной мере обусловлена серьезным несовпадением конечных целей сотрудничающих сторон. Вспомним, что в 50-е годы эффективное подключение внешних факторов к внутреннему экономическому строительству в КНР во многом опиралось на активное сотрудничество советских и китайских специалистов в разработке общих планов народнохозяйственного развития Китая, включая взвешенное определение масштабов и пропорций его экономического сотрудничества с внешним миром. Что касается капиталистических стран, то их представления о сотрудничестве с КНР носят откровенно односторонний, потребительский характер.

После провозглашения «программы четырех модернизаций» деловые круги Запада рассчитывали использовать Китай как новый и весьма емкий рынок сбыта: размеры китайских закупок промышленного оборудования в период до 1985 г. оценивались в 60—85 млрд. долл.³³ Правительства империалистических держав надеялись на оживление собственной экономики путем размещения крупных заказов в Китае. В Японии, например, было подсчитано, что продажа КНР комплектного оборудования на 100 млн. иен порождает цепочку внутреннего спроса в 229 млн. иен, аналогичный по размеру экспорт стали и стальных конструкций стимулирует спрос в 311 млн. иен³⁴. Опираясь на мощный, отлаженный механизм рекламы и сбыта, империалистические монополии ринулись на «освоение» китайского рынка путем максимального наращивания своих продаж в КНР без какого-либо учета ее реальных потребностей.

Вследствие всего этого экономическое содействие Запада зачастую носит хаотичный, беспорядочный характер. К примеру, мощности заводского оборудования, поставленного Китаю капиталистическими странами для производства контейнеров, в начале 80-х годов почти в четыре раза превышали реальные потребности народного хозяйства, примерно такая же ситуация сложилась в области поставок ЭВМ, некоторых видов горнодобывающего оборудования, оборудования для металлообрабатывающей промышленности и т. д.³⁵ Только в 1978 г. не оправданные реальными экономическими потребностями контракты на поставку комплектного оборудования Китаю составили 2 млрд. долл., или почти $\frac{1}{3}$ общей стоимости заключенных за год контрактов³⁶.

Потери китайской стороны при сотрудничестве с Западом весьма болезненны. Уже через год после объявления «программы четырех модернизаций» непредвиденные затраты на импорт и внедрение иностранной техники во многом обусловили возникновение бюджетного дефицита — в 17,06 млрд. юаней, или 15,5 % доходной части бюджета³⁷. В дальнейшем, несмотря на принятие ряда срочных мер — от консервации многих строительных объектов и закрытия большого числа нерентабельных предприятий до отказа от значительной части уже законтрактованного за рубежом оборудования, — бюджетный дефицит так и не удалось преодолеть. Решение этой проблемы выдвигается в качестве одной из главных экономических задач в период до 1985 г. Однако достижение бюджетной сбалансированности осложняется тем, что под давлением западных партнеров Китай вынужден по-прежнему принимать заказанное оборудование, от которого еще недавно официально отказывался. А поскольку возможности для его освоения весьма

³³ In: "Business America", 29.I.1979; H. G. Gelber, Technology, Defense and External Relations in China, 1975—1978; Balder, 1979, p. 121.

³⁴ In: "Financial Times", 23.VIII.1978.

³⁵ См.: «Жэньминь жибао», 4.VIII и 15.XII.1980; «China Business Review», 1981, N 1, p. 10.

³⁶ In: "China Trade Report", October 1981, p. 9; "China Letter", July 1981, p. 5.

³⁷ См.: «Жэньминь жибао», 31.VIII.1980.

ограниченны, заранее предполагается его длительная консервация. По оценке зарубежных экспертов, стоимость складированной техники, включая затраты на строительство хранилищ, составит 10 млрд. юаней³⁸. Выпадение в ближайшие годы столь крупных средств из экономического оборота означает дальнейшее нарастание и без того весьма ощутимых убытков Китая в его экономическом обмене с империалистическими державами.

Вовлечение Китая в систему международного капиталистического разделения труда, по-видимому, ведет к усилению элементов нестабильности в его внешнеторговой сфере. Ведь если в 50-е годы при общей сбалансированности внешней торговли Китай оплачивал до 9/10 ввоза машин и оборудования поставками по клирингу своих традиционных экспортных товаров в СССР и другие социалистические страны, то ныне такой возможности нет³⁹. Вывоз целого ряда важных товаров китайского экспорта на рынки развитых капиталистических стран подвергается там жестким количественным ограничениям. Итогом этого является несбалансированность торговли в последние годы. В 1978—1981 гг. дефицит Китая в торговле со странами Запада и Японией, вызванный главным образом быстрым ростом его машинного импорта, составил около 20 млрд. долл., или свыше 45 % стоимости китайского импорта из этих стран.

Нехватка валютных средств уже в 1978 г. вынудила КНР впервые обратиться к ресурсам международного капиталистического денежного рынка в форме привлечения иностранных банковских кредитов. К осени 1982 г. КНР заключила соглашения на привлечение из развитых капиталистических стран около 31 млрд. долл., в том числе примерно 25 млрд. долл. в виде среднесрочных и долгосрочных кредитов. В числе этих стран Япония (37 % общей суммы подписанных соглашений), Франция (25 %), Великобритания (18 %), Канада (7 %), а также Италия, ФРГ, Швеция, США и др.

Размеры заемных средств, выделенных капиталистическими странами для КНР, казалось бы, должны говорить об известном осознании ими проблем развития внешнеэкономической сферы китайской экономики. Однако анализ условий подписанных соглашений свидетельствует скорее об обратном. Около 60 % суммы средств, согласованных к получению Китаем, приходится на долю связанных экспортных кредитов под государственные гарантии. Срок их погашения — 5—10 лет, процентная ставка — 7,25—7,5 % годовых. Почти 1/3 предложенных Западом кредитов падает на консорциальные рыночные займы, предоставляемые по плавающей процентной ставке (в последнее время — 15—20 % годовых) на срок от полугода до 5 лет. И наконец, немногим более 7 % заемных средств составляют льготные (низкопроцентные и беспроцентные) кредиты, включая государственные займы и кредиты международных финансовых организаций.

В целом усредненная процентная ставка по всем видам предложенных Китаю кредитов составляет около 10 % годовых при среднем сроке погашения всего лишь 7 лет. Уместно вспомнить, что в 50-е годы СССР предоставлял Китаю кредиты на срок 10—15 лет лишь из 1 % годовых. Сегодня же одни только выплаты в погашение начисленных процентов за каждый миллиард долларов, получаемый Китаем на условиях западных стран, превышают 400 млн. долл. к концу срока кредита. Использование заемных средств на таких условиях, как показывает практика самих капиталистических стран, экономически целесообразно, если сроки сооружения запасных в кредит предприятий не превышают

³⁸ Ип: "China Letter", July 1981, p. 5.

³⁹ См.: Социально-экономический строй и экономическая политика КНР. 1949—1975. М., 1978, с. 131.

3—4 лет. Китай же с его более чем 10-летним строительным циклом вынужден расплачиваться еще задолго до получения отдачи на привлеченный капитал.

В результате уже к концу 1981 г. абсолютные размеры внешнего долга Китая почти в пять раз превысили уровень 1978 г., составив, по свидетельству министра финансов КНР, 4,7 млрд. долл. Дальнейшее привлечение крупных иностранных кредитов на предложенных Западом условиях может привести к серьезному перенапряжению платежного баланса Китая. Тем более что в последнее время происходит постепенное ужесточение условий капиталистического кредита. Согласно договоренности стран Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), ставки гарантированных экспортных кредитов в ноябре 1981 г. подняты с 7,25—7,5 % до 10 % годовых; почти одновременно ставки по займам Международного банка реконструкции и развития (МБРР) повысились с 9,6 до 11,6 годовых⁴⁰. Ситуация усугубляется ограниченностью экспортных возможностей КНР: по подсчетам китайских экономистов, среднегодовые темпы прироста экспорта КНР в 80-е годы составят лишь 5 %, сократившись почти вдвое по сравнению с уровнем предыдущего десятилетия⁴¹.

В этих условиях уже в начале 80-х годов КНР пришлось заметно снизить активность на рынке банковских кредитов, переключившись на привлечение ссудного капитала в более приемлемых формах. Главные надежды в Китае были связаны со вступлением весной 1980 г. в Международный валютный фонд и Международный банк реконструкции и развития. Особенно привлекательно выглядели займы дочерней организации МБРР — Международной ассоциации развития (МАР), которые, как известно, имеют 10-летний льготный период и продолжительность до 50 лет при взимании почти символической «процентной платы за услуги» — в размере 0,75 % годовых. Согласно заявлению тогдашнего президента МБРР Р. Макнамары, в 1980—1985 гг. Китай мог рассчитывать на получение до 9 млрд. долл. на столь выгодных условиях.

Однако в 1981 г. было официально объявлено, что в период до 1984 г. Китай сможет получить от МБРР на развитие народного образования, сельского хозяйства, портового хозяйства и нефтедобычи лишь 800 млн. долл., в том числе только 400 млн. долл. по линии кредитного фонда МАР⁴². Таким образом, на практике размеры финансового содействия МБРР оказались значительно скромнее, чем предполагалось. Более того, использование даже этих средств с самого начала поставлено в прямую зависимость от готовности Китая следовать целому ряду вполне определенных рекомендаций МБРР в области социально-экономического развития, направленных на децентрализацию управления экономической страны. В области внешнеэкономических связей Китай подталкивают к активному использованию иностранных кредитов на рыночных условиях с доведением внешнего долга к концу нынешнего десятилетия до 41—79 млрд. долл., а к 1995 г. — даже до 214 млрд. долл. Погашение же задолженности, по мнению МБРР, может быть обеспечено путем ускоренного роста экспорта готовых изделий, для достижения которого Китаю рекомендуют развивать экономику с упором на легкую промышленность, а также провести комплекс мероприятий, ослабляющих государственную монополию внешней торговли⁴³.

Очевидно, что в основе таких рекомендаций лежит стремление к подрыву экономических основ социализма в Китае, и на Западе, по сути дела, не скрывают этого. В частности, в опубликованном в начале 1982 г.

⁴⁰ In: «OECD Observer», 1981, N 113, p. 14; «Шинзе цзинцизи даобяо», 5.X.1981.

⁴¹ Данные в неизменных ценах. См.: «Гоцзи маон вэньши», 1981, № 3, с. 13; № 4, с. 12.

⁴² In: «Far Eastern Economic Review», vol. 112, № 23, 1981, p. 49.

⁴³ In: «China Business Review», 1981, N 4, p. 7—8.

докладе Министерства финансов США прямо говорится, что Соединенные Штаты будут добиваться, чтобы, принимая решения о кредитовании КНР, МВФ и МБРР требовали жесткой увязки своего финансового содействия с готовностью Китая всемерно активизировать рыночные тенденции в экономике. В то же время невыполнение условий МБРР и МВФ, как показывает практика других стран, чревато самыми жесткими санкциями в отношении страны-заемщика вплоть до полного прекращения финансового содействия. Так, например, в 1981 г. МВФ отказал Бангладеш в обещанных ранее кредитных средствах. Это — санкции за невыполнение правительством Бангладеш требования Международного валютного фонда в указанные им сроки резко сократить государственные расходы путем свертывания программы продовольственной помощи беднейшим слоям населения. В результате Бангладеш пришлось срочно прибегнуть к крайне дорогостоящим рыночным займам и полностью запретить закупку какой-либо продукции за рубежом, кроме нефти и нефтепродуктов. По словам гонконгской «Саут Чайна морнинг пост», эта страна вследствие «воспитательных» санкций МВФ понесла огромный ущерб. Подобные факты, а они далеко не единичны, говорят о том, что никакие, даже самые «льготные», условия не меняют сущности империалистического кредита как орудия эксплуатации и подчинения.

Китай, стремясь по возможности сократить бремя внешней задолженности, пытается разнообразить формы привлечения экономических ресурсов капиталистических стран, прибегая, в частности, к использованию прямых предпринимательских инвестиций.

В связи с этим в Китае принято более 30 различных нормативных актов, регламентирующих деятельность иностранного капитала на территории страны. В их числе «Закон о совместных предприятиях с использованием китайских и иностранных капиталовложений» (1979 г.), «Закон о подоходном налоге с совместных предприятий» (1980 г.), постановление Госсовета КНР о порядке регистрации совместных предприятий и о порядке регулирования на совместных предприятиях вопросов трудового законодательства (1980 г.), «Положение о создании особых экономических зон в провинции Гуандун» (1980 г.), «Закон о подоходном налоге с иностранных предприятий» (1981 г.), «Закон о фирменных знаках» (1982 г.) и др. Разработка целостной правовой основы деятельности иностранного капитала в КНР еще далека от завершения.

На сегодня общая сумма вложений иностранного капитала в экономику КНР достигает 2,9 млрд. долл.⁴⁴ В соответствии с решением Госсовета КНР на юге страны созданы так называемые особые экономические зоны, призванные за счет предоставления льготных условий иностранному капиталу уже в ближайшие годы превратиться в главные центры иностранного предпринимательства. К середине 1982 г. общая сумма контрактов на сооружение предприятий с различными формами иностранного участия только в особой экономической зоне Шэньчжэнь (провинция Гуандун) составила около 1,5 млрд. долл.⁴⁵

Приступая к привлечению иностранного капитала, в Китае рассчитывают заметно усилить приток современной техники и технологии в национальную экономику, избежав при этом со своей стороны существенных расходов на импорт и освоение дорогостоящего иностранного оборудования. Всему этому в наибольшей мере отвечало бы создание компаний со смешанным капиталом, рассчитанных на сравнительно долгий срок действия и предусматривающих тесные контакты и взаимную ответственность сторон на всех стадиях сооружения и деятельности совместных предприятий (включая реализацию произведенной продукции).

⁴⁴ In: "Beijing Review", 1982, N 14, p. 9.

⁴⁵ In: "China Business Review", 1982, N 5, p. 21.

На создание именно таких объектов в форме пассивных акционерных компаний и ориентирует западных инвесторов принятый в КНР закон о совместных предприятиях с долевым участием иностранного капитала.

Однако в действительности львиная доля поступающих в КНР иностранных капиталовложений направляется в так называемые «контрактные» смешанные предприятия, действующие главным образом на основе краткосрочных соглашений без юридического оформления долевого участия сторон в совместных инвестициях. Подобные предприятия зачастую играют роль обычных субподрядных компаний, выполняющих отдельные заказы иностранных монополий, которые, сохраняя в своей собственности временно передаваемые Китаю технические средства и технологию производства заказанной продукции, оставляют за собой право по истечении срока соглашений вывезти из КНР промышленное оборудование. На таких условиях и предлагают свое «сотрудничество» китайской стороне американские компании «Макдоннел Дуглас», «Рейнолдс табако», «Бэйкер марин компани» и др.

В целом на долю «контрактных» предприятий приходится около $\frac{2}{3}$ иностранного капитала, вложенного в китайскую экономику в 1979—1981 гг. При этом наблюдается падение интереса зарубежных вкладчиков к созданию пассивных компаний: если в 1980 г. на долю таких предприятий приходилось примерно 5 % притока иностранных инвестиций в Китай, то в 1981 г. их удельный вес упал до 1,3 %, а абсолютные размеры новых вложений сократились в три с лишним раза, составив лишь 20 млн. долл. Это объясняется нежеланием западных монополий связывать себя обязательствами долгосрочного характера, их стремлением поскорее получить максимальную прибыль, используя изменчивую конъюнктуру международного рынка и дешевый труд китайских рабочих. В итоге краткосрочный характер сотрудничества, разорванность производственных циклов, привязанность производства к поставкам из-за рубежа сырья, оборудования и технологии — все это препятствует комплексной передаче современных технических знаний Китаю, ставит «контрактные» предприятия в одностороннюю технологическую зависимость от зарубежных инвесторов.

Возможности стимулирующего воздействия иностранных инвестиций на модернизацию экономики КНР ограничиваются и их преимущественно непроективным характером. Стремясь добиться наиболее быстрой окупаемости вложенных средств, зарубежные инвесторы направляют подавляющую их часть на развитие международного туризма, в предприятия внешней торговли, а также на финансирование операций с недвижимостью. В частности, на указанные сферы деятельности приходится 75 % вложений иностранного капитала в особой экономической зоне Шэньчжэнь, в то время как промышленные инвестиции составляют лишь 15 % их общей суммы⁴⁶. По сообщению агентства Синьхуа, только на долю туризма приходится более половины общего числа совместных предприятий, открывших текущие счета в отделениях Банка Китая в различных районах страны.

Что же касается производительной части иностранных инвестиций, то в настоящее время их реальное содержание определяется главным образом заинтересованностью западных предпринимателей в извлечении из КНР максимальной прибыли за счет эксплуатации живого труда. По оценке, расходы на оплату рабочей силы с приблизительно равной производительностью труда в промышленности КНР примерно в 2,5 раза ниже, чем в Гонконге — ведущем азиатском центре иностранного предпринимательства⁴⁷. Не удивительно, что в таких условиях норма при-

⁴⁶ См.: «Шинце цзинцан даобао», 28.IX.1981.

⁴⁷ См.: «Экономическая газета», 1981, № 3; «China Business Review», 1981, N 5, p. 44.

были на вложенный в Китае иностранный капитал в ряде случаев достигает 20—25 %⁴⁸. Ориентированность на преимущественное использование технически не вооруженного труда китайских рабочих сдерживает активное привлечение в КНР современной техники и технологии путем создания совместных предприятий. Как свидетельствуют данные по особой зоне Шэньчжэнь, на создание совместного предприятия в промышленности зарубежные инвесторы расходуют 145 тыс. долл. — в среднем в 22 раза меньше, чем на смешанное внешнеторговое предприятие, и в 36 раз меньше, чем при сооружении объекта сотрудничества в сфере туризма⁴⁹. Такие промышленные объекты большей частью невелики по размерам, обладают невысокой технической оснащенностью и, как правило, ограничивают свою производственную активность сборкой из готовых деталей или переработкой сырья.

Особое место в деятельности иностранного капитала в КНР принадлежит объектам сотрудничества в области эксплуатации природных ресурсов страны, действующим в значительной мере на компенсационных началах. К середине 1982 г. Китаем заключены контракты на совместную разведку и добычу нефти на континентальном шельфе с японской «Джапан нэшнл ойл корпорейшн», а также с компаниями «Эльф Акитэн» и «Тоталь» (Франция). Сумма иностранных капиталовложений по указанным проектам достигает 500 млн. долл. Повышенный интерес иностранных монополий к сырьевым отраслям экономики КНР легко понять — ведь по условиям подписанных соглашений до 50 % совместно добытой нефти в течение 15 лет будет поступать иностранным участникам сделки. Кроме того, поставляя в КНР высокопроизводительное нефтедобывающее оборудование, западные монополии, по сути дела, не скрывают своего расчета практически полностью исчерпать нефтяной потенциал закрепленных за ними участков к концу концессионного срока⁵⁰.

Ясно, что развитие иностранного предпринимательства в КНР во многом определяется стремлением международных монополий к максимализации нормы и массы прибыли, к закреплению своего технологического превосходства и получению новых источников особо ценного сырья. Что же касается Китая, то, судя по заявлениям китайских руководителей, КНР — за развитие отношений с иностранными государствами в области экономики и техники на базе принципов равенства и взаимной выгоды. Как указывалось на XII съезде КПК (сентябрь 1982 г.), а также на 5-й сессии ВСНП (ноябрь — декабрь 1982 г.) расширение технико-экономического обмена с зарубежными странами имеет целью усилить способность Китая опираться на собственные силы и ни в коем случае не должно наносить ущерб развитию национальной экономики⁵¹.

Все это говорит о том, что китайская сторона пытается в известной мере противостоять усилиям мирового империализма с целью навязать Китаю роль «младшего партнера», вынужденного в силу собственной отсталости мириться с самыми жесткими условиями получения технико-экономического содействия Запада. Время покажет, насколько плодотворными в современных условиях окажутся предпринимаемые Китаем попытки добиться действительно эффективного подключения внешних факторов к процессам своего внутреннего экономического строительства.

⁴⁸ In: "Ta Kung Pao", 9.VII.1981, p. 1.

⁴⁹ Рассчитано по: «Шицзе цзинци даобао», 28.IX.1981.

⁵⁰ In: "China Business Review", 1980, N 4, p. 55; N 6, p. 20—22.

⁵¹ См.: «Жэньминь жибао», 8.IX.1982; «Гуанмин жибао», 1.XII.1982.

Американская политика вооружения тайваньского режима

*В. Н. Барышников,
кандидат исторических наук*

«Тайваньский вопрос», возникший в результате империалистического вмешательства США в гражданский конфликт в Китае, до сих пор является камнем преткновения в китайско-американских отношениях. На справедливые и настойчивые требования китайского правительства прекратить вмешательство во внутренние дела Китая и поддержку гоминьдановского режима, окопавшегося на китайском острове Тайвань, сменяющиеся администрации США отвечают лишь туманными обещаниями, облакаемыми такими «дипломатичными» формулировками, которые позволяют им проводить неизменно экспансионистский курс в отношении Тайваня. Сегодня этот курс можно выразить формулой «два Китая», а в будущем, если на смену дряхлеющему гоминьдановскому режиму на острове придет другой режим, который откажется исповедовать мифическую доктрину «освобождения материкового Китая», указанная формула, как отмечают некоторые американские обозреватели, может трансформироваться в политику «одного Китая и одного Тайваня». Это, разумется, не меняет сути враждебной Китаю политики, нацеленной на фактическое отторжение части его территории.

Возникает вопрос, почему же американцы не идут на снятие вопроса о Тайване даже после нормализации китайско-американских отношений, тем более что в Вашингтоне постоянно подчеркивают надежды на «стратегические выгоды» этого шага, в первую очередь в деле противостояния Советскому Союзу.

Ответ на поставленный вопрос кроется в целом комплексе причин, создающих ситуацию, при которой американские империалистические круги никак не решатся расстаться с островом Тайвань, хотя это не может не осложнять отношения США с Китаем. В ряду стимулов, определяющих позицию упомянутых кругов, на первом месте стоят военно-стратегические расчеты Вашингтона, связанные с обладанием этим островом.

Еще в декабре 1949 г. командующий американскими войсками на Дальнем Востоке генерал Д. Макартур, крестный отец политики отчуждения Тайваня от КНР, открыто ратовал за удержание острова в сфере американского влияния. Он аргументировал это тем, что КНР, «захватив» Тайвань, «угрожала» бы Филиппинам, Японии, а также «вытеснила бы оборону» США на Марьянские и Гавайские острова, а также и на Тихоокеанское побережье самих Соединенных Штатов¹.

Президент США Г. Трумэн, отдавая 27 июня 1950 г. приказ 7-му флоту «воспрепятствовать любому нападению на Формозу», мотивировал свое решение тем, что в случае освобождения острова Народно-освободительной армией возникла бы «угроза безопасности» району Ти-

¹ In: "New York Times", 30.XII.1949.

хого океана и вооруженным силам США в этом районе². В том же документе, подписанном Трумэном, содержался официальный пересмотр прежней позиции США, состоявшей в признании Тайваня неотъемлемой частью китайской территории³. Решение о будущем статусе Формозы, говорилось в упомянутой директиве Трумэна, должно быть принято после восстановления безопасности на Тихом океане, заключения мирного договора с Японией или обсуждения данного вопроса в Организации Объединенных Наций⁴.

С тех пор прошло более 30 лет. Существенно изменилась обстановка в мире (в том числе и в районе Тихого океана), давно нормализованы отношения и США, и Китая с Японией, прошли многочисленные обсуждения вопроса о Тайване в ООН. За указанный период подавляющее большинство стран, а равно и ООН, которые когда-то следовали за США в вопросе о признании политической фикции, каковой всегда была «Китайская Республика» на Тайване, перешли на реалистические позиции, на позиции уважения законных прав китайского народа, касающихся Тайваня.

Соединенные Штаты также были вынуждены изменить свои прежние взгляды относительно непризнания КНР, отказа от допуска ее в Организацию Объединенных Наций и пр. После китайско-американских переговоров в Пекине в феврале 1972 г. администрация США, признав правительство КНР единственно законным правительством Китая, согласилась с тем, что будущий статус Тайваня должен быть решен «китайцами, живущими по обе стороны Тайваньского пролива». Это тем не менее отнюдь не означало, что Соединенные Штаты признали принадлежность Тайваня КНР и прекратили поддержку гоминьдановской группировки.

Лишь в декабре 1978 г. ради нормализации связей с КНР администрация Дж. Картера пошла на разрыв дипломатических отношений с тайваньским режимом, заявила об аннулировании американско-гоминьдановского военного договора 1954 г. и о выводе американских войск с Тайваня.

Однако практически одновременно с этим шагом Соединенные Штаты подтвердили политику противодействия воссоединению острова с Китаем, поскольку президент Картер лишь «принял во внимание», а отнюдь не признал справедливой позицию КНР о существовании «только одного Китая, частью которого является Тайвань»⁵. 29 марта 1979 г. конгресс США подавляющим большинством голосов принял Закон об отношениях с Тайванем (Картер подписал этот акт 10 апреля того же года), который гарантировал «безопасность» острова, то есть сепаратизацию его от Китая. Часть 2 (в) указанного закона 2479 устанавливала, в частности, следующее:

— политика США состоит в том, чтобы сохранять и содействовать дальнейшему развитию «тесных и дружественных коммерческих, культурных и прочих отношений с Тайванем»;

— решение США установить дипломатические отношения с КНР основано на ожидании, что будущее Тайваня «будет определяться мирными средствами»;

— Соединенные Штаты будут считать любые попытки решать будущее Тайваня «любыми другими средствами, помимо мирных, включая бойкот и эмбарго, угрозой миру и безопасности района западной части Тихого океана и предметом серьезной озабоченности для Соединенных Штатов».

² In: "Department of State Bulletin", vol. 23, N 574, 3.VII.1950, p. 5.

³ Подробнее см.: «Проблемы Дальнего Востока», 1982, № 3, с. 40—41.

⁴ In: "Department of State Bulletin", vol. 23, N 574, p. 5.

⁵ Hungdah Chiu. The Future of US—Taiwan Relations.—"Asian Affairs. An American Review", vol. 9, N 1, September—October 1981.

Тот же закон вменил в обязанность правительству США снабжать Тайвань «оборонительным» оружием и поддерживать способность Соединенных Штатов «сопротивляться любому применению силы или других форм насилия, которое подорвало бы безопасность или социально-экономическую систему народа Тайваня».

Помимо военных обязательств США в отношении Тайваня, американский конгресс санкционировал продолжение действия всех заключенных прежде американо-тайваньских договоров и соглашений, а также создание «неофициальных» представительств, наделенных дипломатическим иммунитетом и выполняющих те же функции, что и упраздненные посольства и консульства⁶. Ради «укрепления доверия предпринимателей» конгресс предусмотрел сохранение правительственных гарантий в отношении инвестиций американских корпораций в экономику острова. Контроль за строгим выполнением этого закона конгресс возложил на соответствующие комиссии.

Таким образом, установление дипломатических отношений с КНР, по существу, не изменило прежние отношения между США и гоминьдановским режимом на Тайване, более того, на практике и в наиболее откровенной форме создало ситуацию «двух Китаев». Вашингтон игнорировал протест правительства КНР⁷.

Составной частью этого враждебного Китаю курса США в отношении Тайваня является перманентная линия Вашингтона на укрепление гоминьдановской военной машины, которая с самого начала служила важным рычагом в политике американского империализма в западных районах Тихого океана.

Взгляд военных стратегов США на Тайвань как на «непотопляемый авианосец», позволяющий «держаться под угрозой каждый азиатский порт от Владивостока до Сингапура»⁸, обусловил выделение американским правительством колоссальных средств на укрепление и модернизацию гоминьдановских вооруженных сил. Начиная с 1950 г., когда на Тайване побывала с инспекционной миссией военная делегация США во главе с заместителем начальника штаба американских сил на Дальнем Востоке генералом А. Фоксом, которая предложила меры для повышения боеспособности гоминьдановцев и оказания им с этой целью соответствующей помощи, Соединенные Штаты осуществили целый ряд программ боевой подготовки и обеспечения армий Чан Кайши. Уже в 1950 г. на эти цели было ассигновано 75 млн. долл. В январе 1951 г. в США была утверждена конкретная программа помощи сухопутным силам Чан Кайши, а в феврале — военно-морским и военно-воздушным силам. 30 января 1951 г. американское правительство официально объявило, что на Тайвань будет направляться помощь в рамках программы взаимной обороны. Эта программа предусматривала поставки гоминьдановскому режиму американского оружия, боеприпасов, техники и других военных материалов, а также предоставление консультаций.

Это сотрудничество было закреплено обменом нотами между администрацией США и властями «Китайской Республики» об оказании военной помощи Тайваню⁹. В марте того же года американское правительство по рекомендации Объединенной группы начальников штабов приняло решение об учреждении на Тайване Группы американских

⁶ В США был создан Американский институт по Тайваню с девятью отделениями в крупнейших американских городах, а в Тайбэе начал функционировать Координационный совет по делам Северной Америки. Штаб этих учреждений укомплектован профессиональными дипломатами.

⁷ См.: «Жэньминь жибао», 17.III.1979.

⁸ Заявление генерала Д. Макаптура в августе 1950 г. — «US News and World Report», 1.IX.1950.

⁹ In: UN Treaty series, vol. 132, 1952, p. 274—275.

военных советников (МАОГ) для работы непосредственно в соединениях армии Чан Кайши.

В мае 1951 г. военные советники приступили к выполнению своих функций на острове. Подготовка гоминьдановской армии строилась по программам и боевым уставам американской армии. На Тайване были открыты многочисленные военные училища, а также две военные и две полицейские академии для подготовки командных кадров. Под руководством МАОГ были созданы учебные центры, аэродромы, полигоны. Кроме того, многие гоминьдановские офицеры были направлены в США для изучения новейших типов оружия и ознакомления с тактикой современной войны. На Тайвань стали прибывать крупные партии оружия и боеприпасов, причем гоминьдановцы получили право на первоочередное снабжение военными припасами наряду со странами — членами Североатлантического пакта. Под руководством американских военных советников началась целенаправленная боевая подготовка гоминьдановских войск в ходе периодических военных учений, цель которых состояла в особенно тщательной отработке операций по высадке морского десанта и взаимодействия различных родов войск. В 1950—1953 гг. было реорганизовано и перевооружено 24 гоминьдановские дивизии, воссозданы модернизированные военно-воздушные и военно-морские силы.

Чанкайшистская военщина играла роль боевого резерва в американской стратегии на Дальнем Востоке. «Если бы не было войск националистов в том районе,— заявил в связи с этим сенатор Хэмфри.— нужно было бы немедленно послать туда сотни тысяч американцев. Поэтому мы должны быть благодарны этим силам и делать все для их поддержки»¹⁰. В годы, когда США исповедовали открыто враждебный курс в отношении Китайской Народной Республики¹¹, гоминьдановцы служили орудием давления на новый строй в этой стране. Несмотря на приказ Трумэна о «нейтрализации» Тайваня, гоминьдановцы осуществляли непрерывные вооруженные провокации против КНР, в которых в 1950—1954 гг. участвовало около 30 тыс. гоминьдановских военнослужащих (имело место 41 нападение на китайское побережье)¹². Гоминьдановцы пытались также создать военный плацдарм для акций против КНР на бирманско-китайской границе, где действовали банды генерала Ли Ми. Вооруженные и экипированные с помощью Центрального разведывательного управления США, воинские формирования Ли Ми совершали нападения на китайскую провинцию Юньнань, а также дестабилизировали ситуацию в Бирме. С подобными же целями гоминьдановцы использовались в Индонезии во время антиправительственного мятежа 1958 г.

Вслед за объявленным в декабре 1950 г. правительством США эмбарго на торговлю с Китаем гоминьдановцы пытались организовать морскую блокаду китайского побережья, нападая на торговые суда КНР, а также на суда других стран, следовавшие в китайские порты. Эти акции зачастую совершались во взаимодействии с американской авиацией, предоставлявшей необходимые разведанные. Объектами пиратских действий в 1950—1954 гг. стали 470 судов КНР, 40 английских судов, торговые корабли СССР, Польши, Греции, Западной Германии, Италии, Дании, Норвегии и других стран. В тот же период боевые суда и самолеты США совершили более 7 тыс. вторжений в

¹⁰ Congressional Record, vol. 101, p. 935.

¹¹ В послании 51-му Конгрессу ветеранов генерал Д. Макартур прямо заявлял в августе 1950 г., что США должны «разгромить и ликвидировать Китайскую Народную Республику». С подобными призывами выступали и другие политические деятели США.

¹² См.: «Народный Китай», 1954, № 21, с. 12.

воздушное пространство и свыше 300 раз нарушали территориальные воды КНР¹³.

После заключения в декабре 1954 г. американо-гоминьдановского договора «о взаимной обороне» американская военная поддержка Тайваня продолжалась, хотя начало переговоров на уровне послов между США и КНР в 1955 г. обнаружило очевидное стремление Вашингтона сократить военную активность гоминьдановской группировки в интересах создания ситуации «двух Китаев». Легализации такого положения Соединенные Штаты пытались добиться прежде всего путем дальнейшего укрепления военного потенциала гоминьдановского режима и превращения острова в крупнейший американский военный бастион на Дальнем Востоке. В 50—60-х годах США построили на Тайване 50 новых военных баз, аэродромов и полигонов, создали систему радарных установок и радиостанций. Были проведены большие работы по реконструкции гаваней Цзилун, Гаосюн, Цзоин, Тайнань, а также по строительству военной морской базы в Магуэе (Пэнхуледао). Американские военные поставки на Тайвань производились в основном в счет ассигнований на военную помощь гоминьдановской группировке, которая к 1960 г. составила почти 2 млрд. долл.¹⁴ Эта форма американской военной поддержки продолжалась до июля 1973 г. Ассигнования на безвозмездную военную помощь США Тайваню в 1950—1973 гг. составили 4,1 млрд. долл.¹⁵ Начиная с 1973 г. Соединенные Штаты перешли в основном к продаже оружия и военных материалов Тайваню.

Вместе с тем на острове функционировали и американские военные базы, находившиеся в ведении созданного в 1958 г. командования вооруженных сил США на Тайване. В 1957 г. США перебазировали на остров военно-воздушные подразделения, оснащенные атомным оружием. Военные формирования США на Тайване послужили главной силой для осуществления американского военного нажима на КНР в ходе вооруженного кризиса, возникшего в Тайваньском проливе осенью 1958 г.

Во время американской интервенции в Индокитае Тайвань использовался как важный коммуникационный и транспортный центр, а также тыловая база американских войск. В декабре 1972 г. гоиньдановцы — разумееся, не без ведома США — передали половину своих истребителей южновьетнамским военно-воздушным силам для усиления их боевых действий¹⁶. Соединенные Штаты компенсировали затем гоиньдановцам эту «жертву».

Последовательная линия Вашингтона на усиление вооруженной мощи гоиньдановской группировки привела в конечном счете к тому, что Тайвань к середине 70-х годов в военном отношении вышел на одно из первых мест в Восточной Азии.

Согласно данным Лондонского института стратегических исследований, Тайвань при населении 18,1 млн. человек располагает в настоящее время вооруженными силами численностью свыше 450 тыс. человек, из которых 80 тыс. размещены на прибрежных островах Цзиньмэнь и Мацзу, превращенных в сильные опорные пункты в непосредственной близости от китайского побережья. При этом гоиньдановские сухопутные силы насчитывают 310 тыс. человек и имеют на вооружении различные типы автоматического оружия, управляемые снаряды, средние и тяжелые танки, дальнобойную артиллерию и пр.

¹³ См.: Генеральная Ассамблея, IX сессия. Специальный политический комитет. Официальные отчеты, Нью-Йорк, 1955, с. 207.

¹⁴ In: J. D. Montgomery. Foreign Aid in International Politics. Prentice Hall, 1967, p. 282.

¹⁵ In: "Newsweek", 10.II.1979.

¹⁶ In: "Christian Science Monitor", 3.I.1973.

На боевых кораблях военно-морского флота служат 35 тыс. человек. Гоминьдановские ВМС располагают несколькими подводными лодками, 22 миноносцами, 11 фрегатами и 40 другими кораблями, в основном американского производства. Морская пехота насчитывает около 40 тыс. человек. Военно-воздушные силы гоминьдановской группировки состоят из 400 боевых самолетов и вертолетов с персоналом в 67 тыс. человек. Боевой резерв тайваньской армии составляет 1175 тыс. человек¹⁷.

Следует подчеркнуть, что укреплением своего военного потенциала гоминьдановцы целиком и полностью обязаны сотрудничеству с Соединенными Штатами, которые не скрывают своей заинтересованности в поддержании вооруженной мощи Тайваня. В американском военном планировании Тайвань остается важным звеном системы «обороны» в западной части Тихого океана. Одобряя в феврале 1955 г. американо-гоминьдановский военный договор, сенат США записал в своей резолюции, что «Тайвань составил неотъемлемую часть оборонительной цепи, простирающейся от Алеутских островов до Филиппин, откуда может осуществляться решающий контроль за военными операциями вдоль периферии Восточной Азии. В недружественных руках Тайвань представлял бы существенную угрозу для этой части цепи — островам Рюкю и Филиппинам»¹⁸. Очевидно, что коренного изменения в отношении США к Тайваню не произошло. И сегодня этот остров продолжает играть важную роль в американской стратегии в западной части Тихого океана, поскольку гоминьдановский режим с его военной машиной служит для поддержания интересов США в указанном регионе.

Попутно можно заметить, что о сохранении важного стратегического значения цепи военных плацдармов США, расположенных вдоль Восточной Азии (сюда входит и Тайвань), свидетельствует пересмотр обнародованного в марте 1977 г. обещания Картера вывести американские войска из Южной Кореи. В 1979 г. вывод был «отложен» на неопределенный срок в связи с военно-стратегическими соображениями, диктуемыми интересами американского империализма в этом регионе.

Этого же курса придерживается и администрация Рейгана. Представитель министерства обороны США М. Армакоуст в марте 1981 г. прямо заявил, что «прочные стратегические позиции в Восточной Азии и на Тихом океане являются существенным элементом нашей глобальной мощи»¹⁹.

Вряд ли также следовало ожидать, что после нормализации отношений с КНР американский империализм коренным образом пересмотрел свое враждебное отношение к народу, который под руководством коммунистической партии совершил революцию, выбросил из своей страны американских интервентов и их чанкайшистских марионеток и начал строительство новой жизни. Весьма убедительным свидетельством неизменности враждебной позиции США в отношении Китайской Народной Республики может служить, в частности, преданная гласности американской газетой «Вашингтон пост» секретная часть директивы № 59 президента Картера о «новой ядерной стратегии», которая в случае развязывания Соединенными Штатами так называемой ограниченной ядерной войны предусматривает нанесение ядерных ударов по 100 целям в Китае²⁰.

¹⁷ In: Military Balance 1981—1982. The Institute for Strategic Studies. London, 1981, p. 79.

¹⁸ US Congress, Senate Committee on Foreign Relations, United States Relations with the People's Republic of China, 92d Congress, 1st Sess., June 24, 25, 28 and 29, and July 20, 1971. Washington, p. 378.

¹⁹ US Military Posture for FY 1981. Washington, 1981, p. 3.

²⁰ In: "Washington Post", 2.X.1980.

Иными словами, нынешней официальной политике Вашингтона, направленной на налаживание «стратегического партнерства» с КНР в целях борьбы против мирового революционного движения, одновременно свойственна враждебность к этой стране, уходящая корнями в классовое неприятие американским империализмом того пути, который избрал китайский народ после 1949 г. И это обстоятельство в полной мере проявляется в американских маневрах вокруг Тайваня.

Двуличие американской дипломатии в вопросе о Тайване сказывается в том, что, формально отказав гоминьдановскому режиму в дальнейшем дипломатическом признании и согласившись с тем, что правительство КНР — единственный законный представитель Китая, американское правительство де-факто продолжает сохранять межгосударственные связи с тайваньскими властями и препятствовать воссоединению острова с КНР, по-прежнему оказывает гоминьдановцам всестороннюю поддержку, в частности не прекращает вооружения тайваньской армии. «Подобные действия,— говорилось в докладе Ху Яобана на XII съезде КПК,— являются посягательством на суверенитет Китая и вмешательством в его внутренние дела»²¹.

На нынешнем этапе американская администрация стремится не допустить воссоединения Тайваня с Китаем, навязывая последнему обязательство «не применять силу». Что же кроется за этими «миротворческими маневрами» Соединенных Штатов, которые в других случаях, например при подходе к ситуации на Ближнем Востоке или в ряде стран Латинской Америки, отнюдь не возражают против использования силы, если дело идет об обеспечении господства реакционных проамериканских режимов? Причины такого подхода США совершенно очевидны. Поскольку гоминьдановский режим категорически отвергает все предложения правительства КНР о переговорах по вопросу о мирном воссоединении страны, то, согласись КНР на принцип отказа от применения силы, она, по мнению американских стратегов, смирилась бы с потерей Тайваня и это сохранило бы остров в американской орбите.

В Вашингтоне не скрывают, что воссоединение Тайваня с КНР не отвечает военно-стратегическим интересам США. Более того, в американских выкладках в связи с вопросом о Тайване КНР фигурирует не как дружественная Соединенным Штатам держава, а как их потенциальный противник. Отражением подобных позиций может служить статья профессора Брэндонского университета Лео Лю «Роль Тайваня в западной части Тихого океана», опубликованная в журнале «Каррент хистори». Объединение Тайваня с КНР, указывает автор, повлекло бы за собой серьезные последствия. Это усилило бы Китай, и Япония, скорее всего, стала бы добиваться более близких связей с ним, отходя от США, что нанесло бы ущерб интересам американской «безопасности». В статье сквозит явное опасение, что выпадение Тайваня из американской военной системы на Дальнем Востоке затруднило бы Соединенным Штатам поддержание своих военных и экономических позиций в этом районе. Л. Лю при этом делает упор на стратегическом значении острова для контроля над Тайваньским проливом, судоходными путями, ведущими в США, Японию, Корейский полуостров, Филиппины и т. д. Заключение автора недвусмысленно: Соединенные Штаты должны и впредь вооружать Тайвань, который «на сегодняшний день в военном отношении обладает способностью сдерживать коммунистический Китай»²².

Подобные умонастроения характерны и для ряда других влиятельных американских политологов, таких, как, например, Р. Клайн и

²¹ Ху Яобан. Создать новую обстановку на всех фронтах социалистической модернизации. Пекин, 1982, с. 40 (на кит. яз.).

²² "Current History", April 1982, p. 177.

Э. Литтвак из Центра стратегических и международных исследований Джорджтаунского университета²³.

Сильное протайваньское лобби в американском конгрессе сегодня представляют Б. Голдуотер, С. Термонд, С. Хайякава и ряд других деятелей, которые, отражая позиции военно-монополистических сил США, добивающихся сохранения Тайваня в качестве звена американской военной системы на Дальнем Востоке, выступают за продолжение вооруженной поддержки гоминьдановского режима.

В этих условиях правящие круги США вынуждены осуществлять сложное маневрирование, чтобы, с одной стороны, получать дивиденды от нормализации отношений с Китаем, а с другой — воздвигать помеху на пути воссоединения с ним его неоспоримой части — острова Тайвань.

Исходя из этого, правящие круги США одновременно с нормализацией отношений с КНР и последовавшим за этим сокращением прямого американского военного присутствия на Тайване взяли курс на сохранение своей вооруженной поддержки Тайваня и обеспечение такого баланса сил в Тайваньском проливе, который давал бы гоминьдановскому режиму возможность по-прежнему осуществлять свое господство на острове. С этой целью администрация Картера обязалась продолжать поставлять «оборонительное» оружие на Тайвань после года моратория на поставки, который последовал после обмена посольствами между США и КНР. Вашингтон в январе 1980 г. объявил о возобновлении продажи оружия гоминьдановцам на 280 млн. долл. Вместе с ранее заключенными контрактами сумма американских обязательств на военные поставки Тайваню составила около 1 млрд. долл.²⁴ Более того, Дж. Картер санкционировал продолжение американо-гоминьдановского военного сотрудничества, включая проведение совместных военных маневров, заходы в тайваньские порты американских военных кораблей и пр. В конфиденциальных руководящих указаниях, разработанных З. Бжезинским, предусматривалось, что в течение каждого 4-месячного периода можно будет осуществлять от 7 до 13 визитов военных кораблей США. Было предусмотрено также продолжение боевой подготовки сотрудниками Пентагона гоминьдановского военного персонала как на Тайване, так и за его пределами (в этом случае гоминьдановские военнослужащие должны были маскироваться под гражданских служащих и приезжать в США с паспортами частных лиц)²⁵. Разведывательные службы США продолжали использовать специальные объекты на Тайване для контроля военной радиосвязи в КНР. На один из подобных объектов, построенный в горах к северу от Тайбэя, периодически наезжали сотрудники спецслужб США²⁶.

Аналогичную линию в отношении Тайваня сохранила и администрация Р. Рейгана, который в ходе предвыборной кампании объявил о намерении осуществлять свою политику в западной части Тихого океана в сотрудничестве с Тайванем²⁷. Весьма лояльную позицию Рейгана в отношении гоминьдановского режима²⁸ подкрепляло влиятельное протайваньское лобби в конгрессе США, которое настаивало

²³ In: "Peking Informers", 1981, vol. 43, № 10.

²⁴ In: A. J. Pierre. The Global Politics of Arms Sales. Princeton, 1982, p. 216.

²⁵ In: "Washington Post", 10.IV.1979.

²⁶ Ibid., 18.VI.1981.

²⁷ In: "Asian Affairs. An American Review", vol. 9, № 1, September—October 1981, p. 24.

²⁸ В начале августа 1982 г. Рейган публично заявил, имея в виду гоминьдановцев на Тайване: «Мы не бросим на произвол судьбы своих давних друзей и союзников». Это заявление газета «Крисчен сайенс монитор» 6 августа 1982 г. охарактеризовала как «неосторожную формулировку», учитывая позицию КНР в отношении Тайваня.

на «неограниченных» поставках вооружения на Тайвань, чтобы он сохранил «превосходство на море и в воздухе в районе Тайваньского пролива». Это усиливало стремление Р. Рейгана продолжать вооружение Тайваня.

Такая позиция вызвала резкие протесты китайского правительства, которое обвинило США в пренебрежении к своим обязательствам, принятым «в соответствии с международными нормами и совместным коммюнике об установлении дипломатических отношений между двумя странами». «Китай всегда выступал против продажи оружия тайваньским властям другими странами,— писала «Жэньминь жибао» 31 декабря 1981 г.— Те страны, которые поддерживают дипломатические отношения с КНР, не должны продавать оружие местным властям китайской провинции Тайвань, если они признают, что существует только один Китай и что правительство Китайском Народной Республики является единственным законным правительством Китая, а Тайвань является частью Китая. Те, кто настаивает на продаже оружия Тайваню, ущемляют китайский суверенитет и вмешиваются во внутренние дела КНР. В этом отношении Соединенные Штаты не являются исключением»²⁹.

Стремясь не потерять возможность манипулировать «китайской картой», Рейган был вынужден сделать тактический ход и пообещать китайскому правительству «когда-нибудь» прекратить поставки вооружения на Тайвань, а пока не повышать их уровень. Это обещание было зафиксировано в совместном американо-китайском коммюнике от 17 августа 1982 г. В этом документе, содержащем формулировки трех писем Р. Рейгана китайскому руководству и заявления правительства КНР относительно Тайваня, проблема поставок американского оружия не была снята. Появление на свет сформулированного в весьма туманной форме указанного обещания Р. Рейгана объяснялось в основном лишь внутривнутриполитическими соображениями, а именно: в преддверии предстоящих через два года президентских выборов Рейган желал избежать обвинений в том, что в период его пребывания в Белом доме отношения США с Китаем ухудшились. В тот же день, когда было подписано совместное коммюнике, Р. Рейган в телефонном разговоре с ведущим радиотелевизионной компании «Си-би-эс» заявил: «Никакого отступления с моей стороны не было, не изменилось абсолютно ничего. Мы будем и впредь вооружать Тайвань. Я связан обязательствами по Закону об отношениях с Тайванем и буду его соблюдать».

«Нью-Йорк таймс», комментируя сущность американской позиции, отраженной в совместном коммюнике от 17 августа, писала, что обтекаемая формулировка намерения США не увеличивать количества и не повышать качества поставляемого Тайваню оружия и постепенно сокращать поставки, с тем чтобы «окончательно решить этот вопрос через какой-то период времени», может означать все, что будет угодно подразумевать под этим любому будущему американскому президенту³⁰.

Свою позицию Р. Рейгану, по сообщениям американской печати, пришлось утверждать в противоборстве с влиятельными кругами в государственном департаменте, министерстве обороны и ЦРУ, которые отстаивали тезис о большем значении хороших отношений с КНР по сравнению с вопросом о будущем Тайваня³¹. Разногласия по этому вопросу, кстати сказать, явились одной из наиболее важных причин

²⁹ О позиции КНР по рассматриваемому вопросу см. также: «Жэньминь жибао», 4.VII.1981; «Peking Review», 12.I.1981.

³⁰ In: «New York Times», 18.VIII.1982.

³¹ In: «Washington Post», 30.VII.1982.

отставки А. Хейга с поста государственного секретаря. Новый государственный секретарь Дж. Шульц, который раньше имел деловые интересы на Тайване³², при утверждении его кандидатуры во время слушаний в конгрессе заявил, что Тайвань получит все необходимое для его «обороны»³³.

Характерно, что в момент переговоров с КНР о поставках вооружений Тайваню Вашингтон вел закулисные переговоры и с Тайбэем. Как говорится в заявлении «МИД» Тайваня, помещенном в «Чжунянь жибао» от 18 августа 1982 г., правительство США по «удобным каналам» уведомило Тайбэй в следующем: «1) американская сторона не согласна на установление срока окончания продажи нам оружия; 2) американская сторона еще не дала согласие на требование КПК заранее сообщать ей о продаже нам оружия; 3) американская сторона не собирается играть роль какого-либо «миротворителя» между нами и КПК; 4) американская сторона не согласится на внесение изменений в «Закон об отношениях с Тайванем»; 5) американская сторона отнюдь не изменила своей последовательной позиции в отношении суверенитета Тайваня; 6) американская сторона не намеревается оказывать на нас давление, с тем чтобы мы начали переговоры с КПК».

Соединенные Штаты вновь потребовали от Китая принять на себя обязательства прибегать исключительно к мирным средствам при подходе к вопросу о Тайване. Это выдвигалось как предварительное условие коренного изменения американской позиции в отношении поставок оружия Тайваню. «Администрация США не думает, — заявил на брифинге для журналистов ответственный сотрудник государственного департамента, — что КНР может изменить свой курс на мирное урегулирование тайваньской проблемы. Однако если это произойдет, то Соединенные Штаты также, естественно, пересмотрят свою позицию».

В ответ на эти плохо скрытые угрозы агентство Синьхуа в комментарии от 22 августа 1982 г. отвергло подобную постановку вопроса. «Любая попытка истолковать содержание коммюнике так, — говорилось в комментарии, — будто прекращение Соединенными Штатами военных поставок Тайваню должно предполагать мирное разрешение тайваньского вопроса, может служить только свидетельством дальнейшего умышленного вмешательства США во внутренние дела Китая».

Подобные протесты, а также стремление самих Соединенных Штатов не слишком обострять отношения с КНР и не упускать из рук возможностей, которые можно извлечь из американо-китайской нормализации, заставляли Вашингтон вводить известные ограничения на поставки американских вооружений Тайваню (американская администрация, например, воздержалась от предоставления гоминьдановцам реактивных самолетов новейших типов: «FX», «F-16», «F-5G»). Однако это отнюдь не снимало проблему в целом.

Во-первых, продолжение поставок «оборонительного» оружия, несомненно, служит дальнейшему наращиванию гоминьдановского военного потенциала. Может ли свидетельствовать об обратном данное администрацией Рейгана разрешение на постройку на Тайване по американской лицензии нескольких сот самолетов «F-5E» (совместно с корпорацией «Нортроп»), поставки запасных частей, крупной партии бронетранспортеров на 97 млн. долл. и пр.³⁴ Военные закупки Тайваня (в основном в США) в 1977—1980 гг. составили 737 млн. долл.³⁵

³² Дж. Шульц неоднократно бывал на Тайване, а фирма «Бектел», где он работал, участвует в осуществлении программы развития ядерной энергетики на острове.

³³ "Washington Post", 2.VIII.1982.

³⁴ См.: «Известия», 2.XII.1982.

³⁵ In: A. J. Pierre. Op. cit., p. 133.

Во-вторых, поставки вооружений, техники и боевого снаряжения на Тайвань могут производиться союзниками США — такая практика уже имеет место, и американская администрация не возражает против этого. Известно, например, что гоминьдановские вооруженные силы располагают японскими военными катерами, израильскими ракетами «Габриэль» (поверхность — поверхность) и «Шафрир» (воздух — воздух), танками «Элефант», полевой артиллерией и другим вооружением производства ЮАР. В ноябре 1980 г. правительство Голландии выдало лицензии на передачу Тайваню двух подводных лодок, которые были казаны судоверфям Роттердама.

И, наконец, следует иметь в виду американскую линию на создание военной промышленности на самом Тайване. Эта линия стала особенно явственной после опубликования американо-китайского шанхайского коммюнике в преддверии нормализации отношений между странами, что накладывало определенные лимиты на военные контакты США с гоминьдановской группировкой. Начало этому процессу было положено совместным американо-тайваньским производством на тайваньских заводах реактивных самолетов «F-5E» (до 1979 г. было изготовлено 139 самолетов), вертолетов «Бэлл» и управляемых снарядов «Сайдуиндер». Американские военные специалисты помогли наладить на тайваньских предприятиях также производство управляемых снарядов, зенитных и корабельных ракет, военных катеров, пулеметов «М-60», винтовок «М-16», военных машин, тактических средств связи, учебных самолетов, боеприпасов, горючего и пр. 10 октября 1981 г. на военном параде в Тайбэе были продемонстрированы построенные на острове управляемые снаряды «земля — земля» и противотанковые орудия, а также новая модель танка «М-14А2».

На установление дипломатических отношений между США и КНР гоминьдановцы ответили приведением в состояние повышенной боевой готовности своих вооруженных сил. Тайваньский «премьер» Сунь Юньсуань объявил, что военный бюджет будет увеличен с целью получить возможность самообеспечения в области вооружений и создания соответствующей индустриальной базы³⁶. Расходы на военные нужды составляют около половины всех расходных статей тайваньского бюджета. Был создан «комитет реформ», который рекомендовал сделать еще больший упор на развитие военной промышленности и организовать научно-исследовательский центр по разработке новой военной техники.

Следует вместе с тем подчеркнуть, что, создавая собственную военно-производственную базу, гоминьдановское руководство рассчитывает сохранить Соединенные Штаты в качестве основного и неиссякаемого источника снабжения вооружением. «Соединенные Штаты, — уверенно заявил недавно «президент» Цзян Цзинго, — и впредь останутся нашим главным поставщиком оружия»³⁷. Подобная уверенность покоится на продемонстрированной всеми за истекшие три десятилетия администрациями Соединенных Штатов заинтересованности в том, чтобы не допустить воссоединения Тайваня с КНР и использовать эту китайскую территорию в своих империалистических целях в Восточной Азии, в том числе и против самого Китая.

³⁶ In: A. J. Pierre. Op. cit., p. 218.

³⁷ "Newsweek", November 1, 1982, p. 27.

Токио: курс на милитаризацию

В. Н. Бунин

Военные приготовления возглавляемых США военно-политических блоков и союзов, направленные против социалистического лагеря и национально-освободительного движения во всем мире, являются одной из форм реализации военной силы в послевоенных международных отношениях. Ставка на военную силу как главное средство внешней политики всегда оказывала значительное влияние на внешнеполитические концепции и практическую деятельность империалистических держав. Осуществляемая реакционными кругами милитаризация сопровождается беспрецедентным ростом военных ассигнований. Почти вдвое увеличив свой военный бюджет на 1983 финансовый год по сравнению с 1980 финансовым годом, правящие круги США вовлекают партнеров по НАТО и другим агрессивным блокам в глобальную орбиту наращивания вооружений, толкают на путь перевооружения свою союзницу в Азии — империалистическую Японию.

В Японии в связи с требованиями Вашингтона и активизацией националистических и милитаристских элементов в стране в последнее время усиливается стремление к наращиванию военной мощи. В военно-политических кругах укрепляется намерение осуществить полномасштабную переоценку проблем безопасности и выработать новый комплексный подход к ним в глобальном масштабе, при котором наряду с милитаристскими приготовлениями заметное место уделяется внешнеполитическим и экономическим мероприятиям; в обход конституционных запретов ведутся поиски путей к участию совместно с другими империалистическими странами в военно-стратегических акциях, направленных против социалистического лагеря; существенное значение придается военному фактору как одному из важных средств достижения целей на международной арене.

Темпы и масштабы происходящих в Японии военных приготовлений, которые поощряются правящими кругами Вашингтона, приобретают все более широкий международный резонанс. В выступлении Л. И. Брежнева на торжественном собрании в Алма-Ате указывалось, что империалистические силы толкают Японию «на опасный путь милитаризации и враждебных Советскому Союзу действий»¹.

Одним из главных положений японской военной доктрины является наращивание собственного военного потенциала на основе дальнейшего укрепления и развития японо-американского военно-политического союза.

Как явствует из правительственных заявлений, «Япония прилагает усилия к тому, чтобы укреплять... силы самообороны... количественно и качественно», делая упор на модернизацию военной техники; ее правящие круги полны решимости продолжать и впредь неуклонно добиваться прогресса в этом направлении².

¹ «Правда», 30.VIII.1980.

² «Japan Times», September 3, 1981.

Военно-политические концепции правящих кругов Японии

В конце 60-х — начале 70-х годов, когда Япония по экономическим показателям прочно закрепилась на втором месте в капиталистическом мире и в стране стали активно возрождаться националистические и реваншистские тенденции, в ее военных кругах сформировался так называемый курс самостоятельной обороны (дзисю бозэй), автором которого является нынешний премьер-министр Я. Накасонэ, находившийся в то время в должности начальника Управления национальной обороны (УНО). Суть «дзисю бозэй» сводится к обеспечению обороны японских островов собственными силами до подхода помощи из США. Курс «самостоятельной обороны» с упором на получение большей независимости от США в военной политике обосновывал дальнейшее наращивание боевой мощи японских вооруженных сил, которые были бы способны к «отражению всех видов ограниченной внешней агрессии»³. В целях получения большей самостоятельности от США курс предусматривал развертывание военного производства и сокращение до минимума закупок американской боевой техники.

Курс «самостоятельной обороны» получил дальнейшее развитие в принятой в 1976 г. Общей программе национальной обороны, содержащей суть японской военной доктрины. Фундамент программы, которая сформулировала долгосрочную перспективу военного строительства, составляет концепция «базовых сил обороны», предусматривающая создание таких вооруженных сил, которые служили бы основой для развертывания крупной армии в военный период. Программа намечала контрольные уровни «базовых сил», срок достижения которых — 1987 г. — был определен Советом национальной обороны Японии в апреле 1981 г.⁴

В соответствии с программой японская армия должна быть готова к ведению всех видов боевых действий в условиях применения обычного и атомного оружия в оперативно-тактических масштабах. Что касается решения стратегических задач, то программа полностью полагается на военную мощь США, включая использование их ракетно-ядерного потенциала. При этом японские военные концепции исходят из предпосылки, что главным противником Японии является Советский Союз, и соответственно готовят свои вооруженные силы.

По мере роста экспансионистских амбиций японских правящих кругов в их среде все чаще стали раздаваться призывы перейти во внешней политике от пассивного созерцания к решению крупных политических, финансово-экономических и военных проблем в глобальном масштабе. В этих условиях к концу 70-х — началу 80-х годов в военно-политическом руководстве Японии начинает складываться новая концепция, получившая название «комплексного обеспечения национальной безопасности» (КОНБ).

Суть концепции, как явствует из ее официального определения и правительственных заявлений, состоит в сбалансированном сочетании политических, экономических и военных мер в области внутренней и главным образом внешней политики страны, направленных на обеспечение выживаемости Японии в различных кризисных ситуациях, то есть на обеспечение ее национальной безопасности в широком плане.

Приняв эту концепцию в качестве основы государственной политики в области военного строительства, правительство Японии образо-

³ Japan's Contribution to Military Stability in Northeast Asia. Washington, 1980, p. 39.

⁴ In: "Japan Times", April 22, 1981.

вало 2 декабря 1980 г. при премьер-министре Совет комплексного обеспечения национальной безопасности, в состав которого вошли почти все министры и часть руководства Либерально-демократической партии. В функции совета входит разработка конкретных комплексных мероприятий в экономике, дипломатии и военном строительстве, направленных на обеспечение «национальной безопасности».

Знаменуя новый подход к задачам своей внешней политики с глобальной точки зрения и осуществляя их в тесной связи с мировой стратегией США, Япония в рамках новой концепции активизирует политические, торгово-экономические и военные отношения с государствами западной ориентации, прежде всего со странами НАТО, а также с режимами, связанными с США военными договорами и соглашениями, в частности с Южной Кореей.

Планы наращивания военной мощи

Планирование строительства вооруженных сил Японии в послевоенный период осуществлялось на основе последовательных пятилетних программ, четвертая из которых была завершена в марте 1977 г.

Мощный подъем антимилитаристского движения в стране явился основной причиной того, что с 1977 г. Управление национальной обороны (УНО) вынуждено было отказаться от пятилетних программ, которые при их обсуждении в парламенте были постоянно объектом острой критики со стороны оппозиции. Отдельные источники указывают также на трудности, которые испытывало УНО при получении от правительства крупных ассигнований на пятилетний период строительства «сил самообороны». Перейдя в 1977 г. на составление годовичных планов укрепления и развития вооруженных сил, УНО рассчитывало, таким образом, облегчить процедуру финансирования армии. Однако новая система планирования укрепления и развития «сил самообороны» вызвала большие нарекания со стороны комитета оборонного производства при «Кэйданрэн» (Федерация экономических организаций), поскольку в годовых планах не предусматривались перспективы распределения заказов УНО в военной промышленности. По настоянию комитета УНО с 1980 г. вновь вернулось к пятилетнему планированию военного строительства.

Планирование строительства вооруженных сил Японии осуществляется в настоящее время в соответствии со специальной директивой, принятой УНО 17 апреля 1977 г.⁵ и существенно отличается от планирования прежних лет. Все планы военного строительства, начиная от пятилетних и кончая годовичными, являются внутренними документами УНО, утверждаются его начальником и не выносятся, как практиковалось раньше, на обсуждение парламента. По этому поводу ведущая буржуазная газета «Асахи» писала: «Планы укрепления военной мощи осуществляются втайне от народа»⁶. Если в прошлом каждая из последующих программ военного строительства публиковалась, то о новой программе стало известно только в связи с требованием США о досрочном ее выполнении. Поскольку правительство признает ее де-факто официальной программой строительства вооруженных сил, то она, по мнению газеты, не может рассматриваться лишь как внутренний план УНО и подлежит обсуждению в Совете национальной обороны и в Специальной комиссии по проблемам безопасности палаты представителей японского парламента.

В настоящее время в процессе завершения находится пятый план укрепления и развития «сил самообороны», рассчитанный на 1980—

⁵ См.: Бэй хакусэ 1980 («Белая книга» обороны), с. 301; Wing Newsletter. Japan's Aerospace and Aviation Weekly, vol. 13, May 14, 1980, № 20, p. 5.

⁶ «Асахи симбун», 9.V.1980.

1984 г. С учетом требований США Япония взяла обязательство сократить срок выполнения плана на один год, то есть завершить его в 1983 финансовом году.

Все «планы обороны», последовательно включая в себя основные требования эволюционирующей военной доктрины и разрабатываемых в ее рамках военных концепций, ставят своей целью строительство таких вооруженных сил, которые могли бы, с одной стороны, безотказно функционировать в японо-американской системе безопасности, а с другой — были бы способны решать задачи в рамках концепции «самостоятельной обороны» и могли бы быть развернуты в военное время в крупную армию. Эти задачи достигаются методами качественного совершенствования «сил самообороны», повышения их боевой готовности, оснащения современными видами вооружения и военной техники.

Текущий план не предусматривает количественного увеличения «сил самообороны», а ставит основной целью качественное улучшение всех видов вооруженных сил, в первую очередь военноморского флота, а также дальнейшее развитие и совершенствование средств борьбы с подводными лодками и модернизацию противовоздушной обороны путем оснащения ее новейшими радиолокационными станциями и аппаратурой для создания электронных помех.

Конечная цель плана сводится к приведению всех видов вооруженных сил в соответствие с контрольными цифрами концепции «базовых сил обороны». Однако УНО считает, что за текущий пятилетний период не все контрольные цифры будут достигнуты.

Выполнение оставшихся позиций по уровню контрольных цифр «базовых сил обороны» намечается шестым пятилетним планом укрепления и развития «сил самообороны» на 1983—1987 гг. (с учетом выполнения пятого плана на год ранее намеченного срока).

Офицеры Пентагона, участвовавшие в работе ежегодного рабочего совещания по вопросам «обеспечения безопасности» в Гонолулу 13—14 июня 1981 г., высказали японским партнерам резкое неудовлетворение по поводу намеченных правительством Японии на 1987 г. сроков выполнения контрольных цифр «базовых сил обороны», а также всей японской концепции военного строительства, изложенной в Общей программе национальной обороны 1976 г. и текущем пятилетнем плане. Уровень «базовых сил обороны», по их оценке, рассчитан для мирного времени, не учитывает перспективы военного строительства и сложной международной обстановки, поэтому вся программа должна быть коренным образом переработана⁷. Эти же претензии были высказаны начальнику УНО Д. Омура министром обороны США К. Уайнбергером при встрече в Вашингтоне 29—30 июня 1981 г. Уайнбергер отметил, что «будет уже поздно», если Япония выполнит программу только 1987 г.⁸

На встрече в Гонолулу представители США предложили Японии сделать новый качественный скачок в наращивании боевой мощи «сил самообороны»: довести число истребителей в японских ВВС до 500, заменить весь противолодочный патрульный парк морской авиации последними образцами самолетов Р-3С «Орион», закупив их в США в количестве 100 единиц; вдвое увеличить подводный флот Японии, причем 50 % флота должно приходиться на атомные подводные лодки. Такие меры, по заявлению представителей Пентагона, позволят Японии создать вооруженные силы, способные противостоять «советской военной угрозе»⁹.

⁷ См.: «Асахи симбун», 12.VIII.1981.

⁸ In: "Japan Times", June 17, 1981.

⁹ Ibid., July 1, 1981.

Оценки боевой мощи и перспектив развития «сил самообороны»

В соответствии с шестым планом укрепления и развития «сил самообороны» на 1983—1987 гг. сухопутные войска будут иметь в своем составе 13 дивизий, в том числе одну бронетанковую, сформированную 25 марта 1981 г. Их боевое оснащение к моменту завершения плана будет насчитывать: 1000 танков М-74, 900 бронетранспортеров, 91 203-миллиметровое самоходное орудие, способное вести огонь тактическими ядерными снарядами, противотанковые вертолеты AHIS-56, улучшенные зенитные ракеты «Хок», пусковые установки зенитных ракет образца 1981 г., предназначенные для поражения низколетящих целей и пр.

Военно-морской флот будет иметь в своем составе 200 боевых кораблей общим водоизмещением 320 тыс. бр.-рег. т, в том числе: 60 противолодочных эсминцев, 16 подводных лодок, 40 минных тральщиков; парк морской авиации будет насчитывать 220 боевых самолетов, включая 72 противолодочных патрульных самолета Р-3С и 91 противолодочный вертолет.

Планом намечено, в частности, конструирование самого крупного в японском военно-морском флоте ракетного эсминца водоизмещением 6 тыс. т. Этот корабль предполагается оснастить комплексной системой противовоздушной, противокорабельной и противолодочной обороны, как на американских крейсерах. Его стоимость определена в 100 млрд. иен, то есть в два раза дороже обычного ракетного эсминца, а предназначение должно соответствовать задачам расширения сферы действия ВМС¹⁰.

Количество боевых самолетов в военно-воздушных силах достигнет 400. В это число войдут 138 истребителей-бомбардировщиков F-15 и 82 истребителя непосредственной поддержки F-1 и FSX. Кроме того, авиация будет усилена шестью группами зенитных ракет следующего после «Найк» поколения и 30 пусковыми установками ракет образца 1981 г.¹¹

Новый пятилетний план свидетельствует о том, что на оснащение японской армии будет поступать современная боевая техника, преимущественно наступательного характера, которая значительно повысит боевые возможности «сил самообороны». Оценивая программу военного строительства на следующее пятилетие, даже буржуазная японская печать вынуждена признать, что ее реализация превратит Японию в «военную державу». Японские обозреватели акцентируют внимание на той «поспешности», с которой был одобрен предложенный УНО план «наращивания боевой мощи», делая вывод, что программам военного строительства в нынешней администрации отдается самый высокий приоритет¹².

Несмотря на высокую степень боевой готовности «сил самообороны» и оснащение их вполне современным вооружением, японские военные круги и некоторые буржуазные политологи пытаются доказать их слабость и настаивают на необходимости принять кардинальные меры для дальнейшего увеличения и качественного укрепления вооруженных сил страны¹³.

¹⁰ См.: «Акахата», 3.V.1982.

¹¹ См.: Хансэн, хэйва, хан-нисэ гёкаку тосо-но дзэнсэ-но тамэ-ни (За успешное борьбу за мир, против войны и фальшивой административной реформы). Фукуока, 1982, с. 9.

¹² In: "Asahi Evening News", July 26, 1982.

¹³ См.: К. М а т и м у р а. Гундзи кён-ни куссинай боэйрёку-о (За военную мощь, которая не сгибалась бы перед военной угрозой). — «Дзюню минсю», 1980, № 3, с. 106—110.

Совет по изучению проблем безопасности при ЛДП, состоящий в основном из отставных офицеров и генералов «сил самообороны» и возглавляемый бывшим начальником УНО С. Канэмару, 13 февраля 1981 г. представил на имя премьер-министра доклад, основная цель которого заключалась в том, чтобы доказать слабость японских вооруженных сил и обратить внимание ЛДП на необходимость укрепления армии. В докладе перечислены 8 основных недостатков «сил самообороны», включая слабость противовоздушной обороны, неспособность охранять морские коммуникации, блокировать проливы Лаперуза, Сангарский, Корейский и пр. Выводы доклада призывают к созданию армии, способной самостоятельно вести длительные боевые операции, для чего потребуется увеличить бюджетные ассигнования до 2,5 % ВВП¹⁴.

В военно-теоретическом журнале «Гундзи мондай кэнкю» была опубликована статья, подготовленная японским центром стратегических исследований, в которой доказывается неадекватность «сил самообороны» требованиям современной международной обстановки. Делаются расчеты и обоснования количественных уровней вооруженных сил Японии к концу 80-х годов. Ставится вопрос о значительном расширении резерва и доведении его численности до 510 тыс. человек, увеличении числа пехотных дивизий до 15, создании воздушно-десантной дивизии. Предусмотрено существенное усиление полевых армий, формирование ракетных групп класса «земля — земля» и специальных подразделений обороны морских проливов, увеличение вдвое числа зенитно-ракетных дивизионов, доведение числа противолодочных эсминцев до 90, боевой авиации — до 500 самолетов¹⁵.

Большинство японских военных экспертов буржуазного толка дают тенденциозно негативные отзывы о боевых качествах «сил самообороны». Иностранцы в своих выводах более сдержанны, отмечая наряду с недостатками и положительные качества «сил самообороны». Они, в частности, считают, что японский флот представляет собой «современные военно-морские силы, способные эффективно осуществлять противолодочные и минно-тральные операции в прибрежных водах Японии»¹⁶, что японские эсминцы, оснащенные ракетными установками и торпедными аппаратами, сопоставимы с американскими кораблями этого класса, а японские минно-тральные силы являются «одними из самых современных в мире»¹⁷.

В докладе министра обороны США Г. Брауна конгрессу по военному бюджету на 1982 финансовый год также дана в общем положительная оценка японским «силам самообороны». «С помощью усилий со стороны США, — отмечается в докладе, — Япония хотя и медленно, но начала развивать более значительный оборонительный потенциал. Сегодня военно-морские силы имеют больше конвойно-эскортных кораблей, самолетов морской авиации и минных тральщиков, чем 7-й флот США, а военно-воздушные силы Японии — больше самолетов тактической авиации, чем 5-я воздушная армия США»¹⁸.

По заключению американского эксперта Дж. Лорна, военно-морские силы Японии являются «одними из самых профессиональных и в некоторых аспектах самыми высококачественными морскими силами мира, имеющими наилучшее оснащение для проведения минных операций»¹⁹.

¹⁴ In: «Japan Times», February 15, 1981; С. Канэмару. Бэй-о кангаэру (Размышляя об обороне). — «Бунгэй сюндзю», 1978, № 12, с. 402—409.

¹⁵ См.: «Гундзи мондай кэнкю», 1981, № 4, с. 124—145.

¹⁶ Japan's Contribution to Military Stability in Northeast Asia, p. 34.

¹⁷ «Far Eastern Economic Review», vol. 107, 1980, № 11, p. 23.

¹⁸ Department of Defence Annual Report for FY 1982, p. 86.

¹⁹ «Far Eastern Economic Review», vol. 107, 1980, № 11, p. 23.

Многие иностранные источники отмечают, что «силы самообороны» представляют собой достаточно боеспособную армию, оснащенную современным вооружением, которая по своей боевой мощи занимает шестое место в мире среди крупных капиталистических государств.

Наращивание военных расходов

Материальную основу роста военного потенциала составляют увеличивающиеся из года в год военные расходы, что составляет характерную особенность любого буржуазного государства. В Японии их сумма начиная с 1960 г. практически удваивалась каждые пять лет.

С целью успокоения общественного мнения и оппозиции, болезненно реагировавших на крупный рост военных затрат, кабинет министров в декабре 1976 г. принял решение о том, что ассигнования на оборону не должны превышать 1 % валового национального продукта Японии. Этот предел соблюдался на протяжении 60-х и 70-х годов, хотя фактически происходило ежегодное увеличение бюджета примерно на 6—8 %, или на 100 млрд. иен, что объясняется соответствующим ростом японского ВВП (примерно на 6 % в год). Военный бюджет на 1982 финансовый год, составивший 0,93 % ВВП, выразился в сумме 2500 млрд. иен и по уровню прямых военных расходов закрепил Японию на седьмом месте в мире.

Несмотря на относительно высокие абсолютные цифры прямых военных расходов Японии, правительство Соединенных Штатов Америки в последние два года по всем доступным каналам усилило давление на Токио, чтобы заставить резко повысить ассигнования на военные цели и довести их до уровня военных бюджетов стран НАТО, то есть до 3 % ВВП. Под нажимом Вашингтона расходы Японии на армию в 1983 финансовом году, начинающемся с апреля, вновь увеличены на 6,5 %²⁰. В докладе министра обороны США на 1982 финансовый год подчеркнуто, что Япония с ее экономикой и «превосходными технологическими возможностями просто обязана делать больше для обеспечения потребностей внутренней обороны и этим вносить вклад в интенсивные и дорогостоящие усилия США в Юго-Восточной Азии как ради самой Японии, так и для благополучия США»²¹.

Официальная сумма военного бюджета не отражает, однако, реальных затрат Японии на военные цели. Если произвести подсчет по формуле НАТО, то есть учесть расходы на выплату пенсий офицерам и генералам, ушедшим в отставку, и пособий семьям погибших военнослужащих, то фактические затраты Японии на военные цели возрастут до 1,5 % ВВП. Это составит 17,4 млрд. долл., что почти вплотную приближается к уровню военных бюджетов Англии и Франции. Кроме того, сюда не включаются такие скрытые военные расходы, как ассигнования на исследования космоса и другие научно-исследовательские разработки в военных целях, финансируемые гражданскими ведомствами.

Японские специалисты подсчитали, однако, что, если затраты на вооружение останутся даже на нынешнем уровне, в ближайшие 10 лет Япония израсходует на модернизацию «сил самообороны» примерно 20 млрд. долл. в ценах 1977 г. (более 4 трлн. иен), в то время как на реализацию шестого плана обороны на 1983—1987 гг. предполагается израсходовать 16,4 трлн. иен²². По оценке УНО, в период выполнения шестого плана военные расходы уже в 1948 г. составят 1,02 % ВВП.

²⁰ In: "Japan Times", July 13, 1982.

²¹ Department of Defence Annual Report for FY 1982, p. VI—VII.

²² In: "Asahi Evening News", July 26, 1982.

Развитие военных НИОКР как средства стимулирования военного производства

Важное место в планах наращивания военной мощи Японии отводится развитию военной промышленности. В связи с этим в последние годы в УНО происходит переоценка значения военных научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок (НИОКР) как средства стимулирования военного производства и модернизации армии.

Программы НИОКР УНО тесно увязываются с перспективными планами военного производства, координацию которого осуществляет Комитет оборонного производства при Федерации экономических организаций (Кэйданрэн бэй сэйсан иинкай). В декабре 1978 г. комитет принял решение о всемерном развитии научно-исследовательских работ в области вооружений, включая повышение уровня научных исследований в наиболее важных отраслях вооружений до существующего в странах Западной Европы и США и доведение размеров ассигнований на военные НИОКР до 5 %. В настоящее время УНО затрачивает на научные разработки в военных целях немногим более 1 % своего бюджета, в то время как в США в 1979 г. было израсходовано 10,6 %, в Великобритании — 13,6, во Франции — 12, в ФРГ — 5 %²³.

УНО использует в настоящее время свыше 2200 компаний, которые производят вооружение. Однако более 80 % военных заказов приходится на 10 крупнейших японских фирм, а одна только корпорация «Мицубиси дзюкогё» сосредоточивает в своих руках треть военных заказов²⁴.

Планы военных НИОКР особое внимание уделяют разработке таких образцов боевой техники и вооружения, которые соответствовали бы техническим стандартам передовых капиталистических стран. В пяти научно-исследовательских институтах УНО создается лазерное оружие, боевая машина пехоты, оснащенная 30-миллиметровым пулеметом и противотанковыми ракетами, новая глубинная мина КИХ, предназначенная для блокирования основных японских проливов. Ведутся работы над образцом нового танка, на котором в целях стандартизации намечается использование 120-миллиметровой гладкоствольной пушки, устанавливаемой на американских танках XM-1. Планируется освоить производство собственной аппаратуры для борьбы с радиоэлектронными помехами, ракет класса «земля — воздух» для запуска по низколетящим целям²⁵.

В перспективный план включаются мероприятия по стимулированию научно-технического сотрудничества и обмена технической информацией с США на основе двустороннего соглашения 1962 г. В частности, обеспечено получение в США технической документации о новом сверхзвуковом самолете повышенной маневренности, чтобы использовать ее при создании на базе отечественной модели тренировочного самолета собственного легкого истребителя FX, обладающего большой маневренностью, скоростью 2 М, коротким разбегом при взлете и посадке. На создание данного образца было выделено 3415 млрд. иен²⁶.

Активизация военных НИОКР неразрывно связана с общим курсом правящих кругов Японии на наращивание военного потенциала страны. Повышение эффективности военных НИОКР рассматривается как важное средство развития военной промышленности, увеличения доли воен-

²³ См.: Дзэнэтай соби нэнкан 1980 (Ежегодник «сил самообороны»), с. 481.

²⁴ См.: Дзэнэтай соби нэнкан 1981, с. 503.

²⁵ См. там же, с. 481—483.

²⁶ См.: Дзэнэтай соби нэнкан 1979, с. 453.

ных заказов в общем объеме промышленного производства, которая в настоящее время не превышает 0,4 %, решения программы полного оснащения «сил самообороны» отечественными образцами вооружения²⁷.

Интеграция Японии в американскую глобальную военную стратегию

Возрастающей военной мощи Японии отводится все более заметное место в азиатско-тихоокеанской стратегии США, которые рассматривают японские острова как передовую базу ударной группировки своих войск. На территории страны в настоящее время насчитывается 119 баз, где расквартировано 46 тыс. солдат и офицеров. На содержание американских баз Япония затрачивает в год свыше 1 млрд. долл.²⁸

Удерживая Японию в русле своей тихоокеанской политики, правящие круги США стремятся обеспечить себе эффективные средства воздействия на Японию в вопросах строительства ее вооруженных сил. Действенным каналом контроля является интеграция «сил самообороны» в американскую военную стратегию, а также активное подключение Японии к совместным планам разработки военных операций.

В ходе реализации «Руководящих принципов японо-американского сотрудничества в вопросах обороны» (1978) осуществляется широкий спектр мероприятий, направленных на более широкое вовлечение «сил самообороны» в тихоокеанскую стратегию США:

— разрабатываются совместные боевые операции, в том числе планы блокады морских проливов Лаперуза, Сангарского, Корейского²⁹;

— увеличивается число совместных учений и маневров (с 1970 по 1982 г. проведено около 50 крупных военно-морских учений продолжительностью от одного дня до двух недель³⁰, только за один 1979 финансовый год проведено 11 совместных авиационных учений³¹; в 1980 и 1982 гг. военно-морские подразделения «сил самообороны» впервые приняли участие в многосторонних морских маневрах «Римпак-80» и «Римпак-82», проходивших за тысячи миль от японских берегов;

— организуется сбор разведывательной информации о действиях советских вооруженных сил и обмен такими разведанными с США³²;

— японские боевые корабли, в том числе подводные лодки, используют американскую систему «Лоран-С» для уточнения координат обнаруженных советских кораблей; японские военные эксперты отмечают, что использование японскими «силами самообороны» системы «Лоран-С», которая служит для привязки места запуска ракет ударными атомными подводными лодками США, является несомненным доказательством их тесной интеграции с вооруженными силами США³³;

— разрабатываются меры по стандартизации вооружения;

— налаживается обмен в области военной технологии; накануне визита в Вашингтон Я. Накасонэ правительство Японии вопреки существующим в стране запретам на экспорт боевой техники приняло решение о передаче Пентагону передовой технологии в области микрокомпьюте-

²⁷ См.: К. Томи я ма. Вага куни боэй сангё-но гэнкё (Состояние оборонной промышленности Японии). — Нихон кэйдзай кэнкю сэнта кайхо, Токио, 1980, № 380, с. 47—53.

²⁸ См.: Боэй хакусё 1980, с. 299.

²⁹ In: Department of Defense Annual Report for FY 1982, p. 87.

³⁰ См.: Сэйдзи кэйдзай соран 1980 (Сборник по политическим и экономическим проблемам 1980). Токио, 1980, с. 157; Хансэн, хэйва, хан-писэ гёкаку тосо-но дзэн-син-но тамэ-ни, с. 12.

³¹ См.: Боэй хакусё 1980, с. 282—283.

³² См.: Има косо хибусо, тюрицу-о (За разоружение и нейтралитет именно сегодня). Токио, 1980, с. 88.

³³ См. там же.

ров, интегральных схем сверхвысокой точности, микроволновых радиоприемников и другого оборудования, которое, по заключению японских специалистов, может быть использовано для наведения американских межконтинентальных баллистических ракет (МБР);

— предусматривается создание координационных органов на случай чрезвычайных обстоятельств, которые по существу будут выполнять функции объединенного командования; а также совместное использование военных баз и объектов на территории Японии.

Принятие Японией новых военных обязательств в мае 1981 г. по расширению сферы действия «сил самообороны» на 1000 миль от японских берегов, а также достигнутая осенью 1982 г. договоренность о размещении на базе японских ВВС Мисава 48 американских истребителей-бомбардировщиков F-16 вместе с так называемым обслуживающим персоналом расцениваются как очередной шаг на пути дальнейшего укрепления военно-политического сотрудничества с Соединенными Штатами, которое определяет место Японии в мировой политике в качестве активного сторонника антикоммунистической стратегии империализма.

Идеологическая обработка населения страны в милитаристском духе

Главную цель обработки японского населения в нужном идеологическом плане правящие круги Японии видят в формировании общественного мнения в поддержку мероприятий правительства в области военной политики и обеспечения безопасности. Выступая в Национальном клубе печати в Вашингтоне 8 мая 1981 г., бывший премьер Д. Судзуки заявил, что для осуществления планов военного строительства необходимо, чтобы японский народ понимал и поддерживал правящие круги. «Имея это в виду,— подчеркнул Судзуки,— правительство Японии делает все возможное, чтобы помочь японскому народу понять важные аспекты проблемы обороны»³⁴.

Активную помощь правительству оказывают многочисленные реваншистские и милитаристские организации, насчитывающие в своих рядах свыше 1,5 млн. членов. Наиболее крупные из них — «Нихон го рэммэй» (Японская федерация бывших военнослужащих), «Гунон рэммэй дзэнкоку рэнгокай» (Всеяпонская федерация обществ военных пенсионеров), «Нихон сэн гундзинкай» (Японское общество инвалидов войны) и другие — в своих программах выступают за пересмотр конституции, за перевооружение страны и популяризацию идей милитаризма³⁵.

Развернутые в национальном масштабе дискуссии и парламентские дебаты по вопросам военной политики страны, перераставшие порой в ожесточенные схватки между правящей консервативной партией и оппозицией, касались в последнее время в основном проблем создания правовых основ для перевооружения и целесообразности военного выбора Японии, предлогом для чего служил интенсивно муссируемый тезис о росте советского военного присутствия на Дальнем Востоке.

Несмотря на принимаемые правительством меры, планы милитаризации Японии встречают мощный отпор. Волну народных протестов вызвали весной 1981 г. потопление американской атомной подводной лодкой «Джордж Вашингтон» японского сухогруза «Ниссё мару» и при-

³⁴ "Japan Times", May 9, 1981.

³⁵ См.: Уёку дзэнэн. Сякай мондай кэнкюкай (Справочник правых организаций. Исследовательское общество социальных проблем). Токно, 1970, с. 275.

знание бывшим послом США в Токио Э. Рейшауэром того факта, что между Японией и США существует соглашение, в соответствии с которым американские боевые корабли с ядерным оружием на борту неоднократно заходили в японские порты. Слова посла подтвердила газета «Акахата», которая в подборке материалов информировала читателей о том, что за период с 1974 по 1980 г. это произошло 80 раз³⁶.

Проведенный газетой «Майнити» 18—20 июня 1981 г. опрос общественного мнения показал, что более половины опрошенных поддержали три безъядерных принципа; 37 % высказали требование заставить США признать заход американских кораблей, несущих ракетно-ядерные системы, и проход их через территориальные воды Японии как нарушение Вашингтоном обязательства не ввозить стратегические виды вооружения в страну; 56 % категорически отрицали возможность ядерного вооружения Японии³⁷.

Весной и осенью 1982 г. по всей Японии прошла самая мощная за последние 15 лет волна антивоенных выступлений. Они начались 22 марта в Хиросиме и вылились 23 мая и 5 августа в грандиозные манифестации за предотвращение угрозы развязывания термоядерной войны, против реакционного милитаристского курса правительства, направленного на пересмотр конституции с целью ликвидации 9-й статьи, против намерений Пентагона разместить на Дальнем Востоке крылатые ракеты, а также против одобренных правительством планов дислокации на авиабазе Мисава (северо-восточная часть острова Хонсю) двух эскадрилий F-16 «Фалкон» — носителей ядерного оружия.

* * *

В конце 70-х — начале 80-х годов в Японии под влиянием глобального агрессивного курса американского империализма, а также под воздействием усилившихся в стране национальных и реваншистских тенденций заметно расширились милитаристские приготовления.

Реализация текущих и перспективных программ наращивания военного потенциала сопровождается значительным ростом расходов. Предполагается, что в ближайшие годы установленный в 1976 г. рубеж затрат на армию в размере 1 % ВВП будет превышен, а к концу 80-х годов может достичь 2 % ВВП. Это будет означать, что военные ассигнования Японии достигнут 25—30 млрд. долл. и она займет второе место после США среди капиталистических держав, оставив позади себя ФРГ и такие ядерные державы, как Англия и Франция.

Выход за рамки 1 % ВВП в области военных расходов сделает реальностью — даже без пересмотра действующей конституции — превращение Японии к концу 80-х годов в одну из ведущих военных держав, что внесет существенный дестабилизирующий элемент в расстановку военно-политических сил в Азиатско-тихоокеанском регионе.

Усиление милитаристских приготовлений в Японии, которые, как отмечают местные обозреватели, при правительстве Я. Накасонэ могут получить ускоренное развитие, с большой тревогой воспринимаются не только советскими людьми. Народы Юго-Восточной Азии расценивают их как прямую угрозу миру и безопасности своих стран и решительно выступают против перевооружения японской армии.

³⁶ См.: Акахата», 31. V, 5 и 8.VI.1981.

³⁷ См.: «Майнити симбуи», 20.VI.1981.

Тенденции изменений форм хозяйственной организации в китайской деревне в начале 80-х годов

*Л. А. Волкова,
кандидат экономических наук*

Социально-экономические преобразования в аграрном секторе в странах с преимущественно сельским населением представляют значительные трудности. В Китае этот процесс, осложненный рядом объективных и субъективных факторов, происходил не всегда по линии поступательного развития.

Формы организации производства в китайской деревне за время существования КНР претерпели ряд изменений. Создание коллективного сектора хозяйства и его утверждение в масштабе страны в середине 50-х годов знаменовало коренное изменение социально-экономической структуры китайской деревни. В конце 50-х годов было предпринято резкое укрупнение хозяйственных единиц, которое сопровождалось высокой степенью обобществления средств производства и даже предметов домашнего обихода, преобладанием метода массовых кампаний в организации производства и уравнительного распределения, но не было подкреплено экономическими и материально-техническими условиями.

В начале 60-х годов происходил процесс разукрупнения хозяйственных единиц, завершившийся в большинстве районов страны утверждением в качестве «основной хозрасчетной единицы» производственной бригады, объединяющей в среднем 30—40 крестьянских дворов.

В конце 60-х годов, в ходе «культурной революции», как и в годы «большого скачка», вновь были предприняты попытки изменить структуру хозяйственной организации в деревне. Однако масштабы и степень укрупнения коллективных хозяйств в этот период не были столь всеобъемлющими, как в 1958 г. Тенденция к усилению централизации хозяйственного управления и «скачковых» методов ведения хозяйства вновь активизировалась в середине 70-х годов.

С конца 70-х годов, главным образом после III пленума ЦК КПК, состоявшегося в декабре 1978 г., в китайской деревне происходил нарастающий процесс сокращения размеров хозяйственных единиц, изменения форм организации производства в направлении усиления экономической роли отдельного крестьянского двора.

Изменение ряда аспектов политики в деревне проводилось в русле общей экономической ориентации нынешнего китайского руководства на использование «различных форм собственности и хозяйственных укладов в экономике страны»¹. В отношении сельских районов считалось целесообразным, учитывая большое разнообразие их экономических и природных условий, не ограничиваться одной лишь формой хозяйства².

¹ «Шинцзе цзинцзи даобао», 7.XII.1981.

² См.: «Хунци», 1981, № 19, с. 17.

В первое время после III пленума ЦК КПК организационно-хозяйственные изменения проводились в форме децентрализации управления в коммунах и бригадах: сокращались размеры и росло число основных хозрасчетных единиц, которыми были главным образом производственные бригады³. Они составляют почти 99 % основных хозрасчетных единиц. Их структура в 1979 г. характеризовалась следующими данными:

Всего хозрасчетных единиц	5 065 821	100%
В том числе:		
коммуны	54	0,01%
большие производственные бригады	51 767	1,02%
производственные бригады	5 014 000	98,97%

Принимались меры с целью наделить производственные бригады элементарными хозяйственными правами, определенной хозяйственной самостоятельностью. Число основных хозрасчетных единиц с 1979 по 1982 г. увеличилось почти на 20 % — с 5 до 6 млн.⁴

Одновременно ширилось использование различных форм производственной ответственности, в 1980—1982 гг. оно стало основным содержанием организационно-хозяйственных изменений в деревне.

Система производственной ответственности представляет собой совокупность тех или иных методов и форм организации труда, производства, распределения доходов в рамках коллективного хозяйства.

Производственная ответственность может использоваться в отдельных отраслях хозяйства, на определенных видах работ. Она может возлагаться на отдельного работника, звено или семью, чаще выступающую как двор. Способы распределения и формы вознаграждения членов коммун также включаются в систему производственной ответственности. Таким образом, система производственной ответственности является очень емким понятием, объединяющим масштабы, способы и формы организации производства, то есть непосредственно характеризующим параметры экономической структуры деревни. Его содержание в 1980—1982 гг. не оставалось постоянным, поскольку преобладающими выступали то одни, то другие формы ответственности. Решение ЦК КПК о некоторых вопросах ускорения развития сельского хозяйства, принятое в октябре 1979 г. IV пленумом ЦК КПК, так же как и его «Проект», принятый III пленумом, рекомендовало шире использовать такие формы производственной ответственности, как начисление трудовых единиц на основе нормирования труда, закрепление производственных заданий за звеньями, но при условии ведения единого хозяйства и распределения в бригаде; трудовое вознаграждение в зависимости от полученного объема производства, премирование за перевыполнение плана производства. Вместе с тем запрещалось закреплять производственные задания за дворами, разделять поля для индивидуальной обработки⁵. Исключение составляли некоторые районы, специализировавшиеся на производстве продукции подсобных промыслов, отдаленные горные районы и районы с плохим сообщением. Документ ЦК КПК «О дальнейшем укреплении и совершенствовании системы производственной ответственности в сельском хозяйстве» (сентябрь 1980 г.), называемый также документом ЦК КПК № 75, рекомендовал применять закрепление заданий за дворами только в бедных районах⁶.

В 1979—1980 гг. преобладали формы производственной ответственности, применяемые в рамках единого коллективного хозяйства. Они предусматривали более тесное увязывание результатов труда крестьян

³ См.: Чжунго нунъе няньцзянь. Пекин, 1980, с. 6.

⁴ См.: «Нунъе цзинцзи вэньцзи», 1981, № 12, с. 29; «Хунци», 1982, № 16, с. 47.

⁵ См.: «Жэньминь жибао», 6.X.1979.

⁶ См. там же, 2.III.1981.

Таблица

Распространение форм производственной ответственности в сельском хозяйстве
(в % от общего числа основных хозрасчетных единиц)

Формы производственной ответственности	Январь 1980 г.	Декабрь 1980 г.	Июнь 1981 г.	Октябрь 1981 г.	Октябрь 1982 г.
1. Предусматривающие единое ведение коллективного хозяйства В том числе:	83,7	75,9	63,2	49,0	Более 16
Подряд на выполнение отдельных видов работ с вознаграждением на основе нормирования труда	55,7	39,0	27,2	16,5	—
Специализированный подряд	—	4,7	7,8	5,9	—
Закрепление заданий за звеньями	24,9	23,6	13,8	10,8	—
Закрепление заданий за отдельным работником	3,1	8,6	14,4	15,8	—
2. Допускающие индивидуальное ведение производства В том числе:	1,046	14,9	28,2	48,8	74
Частичное закрепление заданий за дворами	0,026	0,5	—	3,7	—
Закрепление заданий за дворами	1,0	9,4	16,9	7,1	—
Полная ответственность двора за производство	0,02	5,0	11,3	38,0	—
Всего:	84,7	90,8	91,4	97,8	Свыше 90

Источники: «Цзинцзи сюе чжоубао», 11.1.1982; «Жэньминь жибао», 5.X.1982.

с его вознаграждением: закрепление заданий за звеньями на период проведения тех или иных сельскохозяйственных работ, расширение масштабов и улучшение практики нормирования труда. К концу 1980 г. эти формы производственной ответственности были распространены более чем в 60 % производственных бригад страны (см. таблицу).

В 1980—1982 гг. в китайской деревне использовался и целый ряд других форм производственной ответственности, которые можно свести к трем основным: специализированный подряд, закрепление производственных заданий за отдельным работником при едином ведении хозяйства в производственной бригаде, а также закрепление производственных заданий за крестьянским двором и полная ответственность двора за производство. Первые две формы — специализированный подряд и закрепление производственных заданий за отдельным работником — осуществляются при сохранении единого хозяйствования в рамках производственных бригад. Третья — закрепление производственных заданий за крестьянским двором и полная ответственность двора за производство — допускает индивидуальное ведение производства.

В китайской печати подчеркивается наличие множества форм производственной ответственности в конкретных условиях деревни. Однако формы в различных районах могут называться по-разному, так же как и различные формы могут иметь одно и то же название.

Форма специализированной ответственности за производство, или специализированный подряд, практикуется в подсобных отраслях хозяйства в сочетании с вознаграждением на основе нормирования труда в основной отрасли. Задания по производству продукции подсобных промыслов закрепляются за специализированными звеньями или группами, которые создаются в бригадах и коммунах, ведущих многоотраслевое хозяйство. Эта форма ответственности не используется там, где коллективное хозяйство занимает прочные позиции. В середине 1981 г. около 8 % производственных бригад применяли эту форму ответственно-

сти, к концу 1981 г. — примерно 6%. В ряде провинций удельный вес бригад, использовавших специализированный подряд и вознаграждение по результатам производства, был значительно выше: в провинциях Хэйлуцзян — 45, Цзилинь — 41,4, Ляонин — 24,5, Хунань — 18, Шэньси — 17,4, Шаньси и Гуанси-Чжуанском автономном районе — 15%⁷.

В 1982 г. к форме специализированного подряда стали относиться и отдельные дворы, специализирующиеся на производстве той или иной сельскохозяйственной продукции, чаще всего продукции животноводства. Так, по неполным данным, в провинциях Шаньдун, Ляонин, Хэйлуцзян, Шаньси, Ганьсу и ряде других число дворов, специализирующихся на откорме скота, в середине 1982 г. составляло 560 тыс. Там, где уровень специализации и товарности производства еще сравнительно низок, существует переходная к специализированным дворам форма — дворы с преимущественным развитием той или иной отрасли. Их численность в середине 1982 г. превышала 1 млн. 770 тыс.⁸

Число специализированных дворов быстро увеличивается. Например, в районе Дуннань провинции Шаньси в начале 1982 г. было несколько более 16 тыс. специализированных дворов обоих видов, а в августе — уже более 130 тыс. (увеличение более чем в 8 раз), что составляет свыше 14% общего числа дворов в районе⁹. Специализированные дворы становятся таковыми в результате или получения подряда от коллективного хозяйства на ведение той или иной отрасли производства, или усиления и обособления специализации двора в домашних подсобных промыслах.

Вторая основная форма производственной ответственности — закрепление производственных заданий за отдельным работником при едином ведении хозяйства в производственной бригаде — в течение ряда лет использовалась при возделывании технических культур. В 1979—1981 гг. ее стали применять и при выращивании зерновых. Суть ее состоит в следующем. Производственная бригада производит вспашку. Уход за посевами и уборка урожая поручаются отдельному члену бригады. Вознаграждение его зависит от полученного объема производства, при невыполнении задания — премия, при невыполнении — штраф. Основные средства производства находятся в распоряжении бригады.

К концу 1981 г. свыше 15% производственных бригад использовали эту форму ответственности (по данным на середину 1981 г.): в провинциях Хэнань — 53%, Хэбэй — 47, Шаньдун — 30, Шаньси — 25, Хубэй — 21%¹⁰.

При закреплении заданий за дворами производственная бригада передает крестьянскому двору задание на проведение всех полевых работ и производство определенного количества продукции. Объем производства, закрепляемый в договоре бригады с крестьянским двором, устанавливается в зависимости от площади земли, переданной в пользование двору. В соответствии с установленным объемом производства крестьянской семье начисляются трудовые единицы. В пользование двора передаются также формально остающиеся коллективной собственностью сельскохозяйственные орудия и другие средства производства. В ряде районов крестьяне имеют право выкупать их у бригады. Сельскохозяйственная продукция в установленном по договору объеме должна быть передана бригаде и подлежит единому распределению. Продукция, произведенная сверх задания, поступает в распоряжение двора. При невыполнении задания налагается штраф.

Полная ответственность двора за производство предусматривает, как и в предыдущем случае, передачу в его пользование участка земли и

⁷ См.: «Нунъе цзинцзи вэньти», 1981, № 9, с. 16.

⁸ См.: «Цзинцзи яньцзю», 1982, № 10, с. 16.

⁹ См.: «Жэньминь жибао», 21.VIII.1982.

¹⁰ См.: «Нунцунь гуицзо тунсюнь», 1981, № 8, с. 11.

орудий производства. Пахотная площадь закрепляется за двором на определенный срок, в ряде районов он определен в 3 года, в других — в 5 лет. Крестьянская семья самостоятельно организует производство, обязуясь сдать определенное количество продукции государству в счет налога и поставок и сделать отчисления в фонды бригады. Оставшаяся часть продукции находится в распоряжении двора. Хозяйствование при этой форме, как отмечалось в китайской печати, ведется по принципу: «гарантируй сдачу продукции государству, оставь положенное коллективу, все остальное принадлежит тебе»¹¹.

Закрепление производственных заданий за дворами отнюдь не новая для китайской деревни форма организации производства. Она использовалась в ряде районов в 1957, 1962 и 1964 гг.¹², а в некоторых местах сохранялась и до середины 70-х годов.

В конце 1981 г. закрепление производственных заданий за дворами и полную ответственность двора за производство применяли более 45 % производственных бригад¹³, а с частичным закреплением заданий за дворами — почти 49 %. Резкий рост использования этих двух форм производственной ответственности произошел в течение 1981—1982 гг. Так, если в декабре 1980 г. полную ответственность двора за производство применяло 6 % производственных бригад, то в конце 1981 г. — уже 38 %. В первой половине 1981 г. закрепление заданий за дворами охватило почти 17 % бригад против 9,4 % в конце 1980 г., к концу года сфера этой формы ответственности сократилась более чем вдвое — до 7,1 % бригад, то есть крестьяне предпочитали полную ответственность за производство.

В августе — сентябре 1982 г. эти две формы производственной ответственности практиковались уже в 74 % производственных бригад страны¹⁴, преобладание в них удельного веса полной ответственности двора за производство по-прежнему сохранялось.

Удельный вес производственных бригад, применяющих эти две формы производственной ответственности, в провинциях Аньхуэй, Гуйчжоу и Ганьсу к концу 1981 г. превышал 80 %, в провинции Гуандун в середине 1982 г. — 85 %¹⁵.

В китайских официальных документах отмечалось, что закрепление за крестьянскими дворами производственных заданий и полной ответственности за производство следует осуществлять прежде всего в бедствующих районах с низким уровнем производства и доходов крестьян, где коллективное хозяйство находится на грани развала.

Китайская печать так характеризовала положение дел в этих хозяйствах: «Продовольственное зерно поступало от государства, производство велось на основе кредитов, и жизнь поддерживалась благодаря помощи государства»¹⁶.

Однако, как показывают сообщения печати, эти формы производственной ответственности получили распространение и в районах, где коллективное хозяйство обеспечивает относительно высокие доходы своим членам, и в хозяйствах, занимающих промежуточное положение (последние составляют примерно половину всех производственных бригад)¹⁷.

В ряде районов используются различные формы производственной ответственности даже в рамках одного хозяйства. Например, при вы-

¹¹ «Жэньминь жибао», 1.IX.1981.

¹² См.: Лекции о системе производственной ответственности в сельском хозяйстве. Пекин, 1981, с. 27.

¹³ См.: «Нунъе цзинцзи вэньпи», 1981, № 12, с. 29.

¹⁴ См.: «Жэньминь жибао», 22.VIII и 5.X.1982.

¹⁵ См.: «Нунъе цзинцзи вэньпи», 1981, № 12, с. 29; «Цзинцзи гуаньли», 1982, № 1, с. 64; «Жэньминь жибао», 28.V.1982.

¹⁶ «Жэньминь жибао», 1.IX.1981.

¹⁷ См. там же, 5.XI.1980.

ращивании зерновых ответственность возлагается на отдельного работника, при выращивании хлопка производственное задание дается звену, в коллективном свиноводстве используется специализированный подряд. При выращивании и сборе лекарственных трав производственное задание доводится до двора, в коллективном рыболовстве — полная ответственность двора за производство¹⁸. Это, несомненно, способствует более полному учету конкретных условий, но вместе с тем и усложняет работу управленческого звена.

Широкое распространение форм производственной ответственности, допускающих индивидуальное ведение производства (74 % всех производственных бригад), свидетельствует об определенном ослаблении позиций коллективного хозяйства.

Процесс обособления от коллективного хозяйства крестьянских дворов, получивших полную ответственность за производство, продолжается и набирает силу. Значительная часть средств производства (исключая землю) становится собственностью крестьянских семей в результате выкупа их у коллективного хозяйства или простого распределения их между дворами. Иногда их самостоятельно приобретают. Например, в провинции Аньхуэй отдельные крестьяне или несколько дворов совместно в 1981 г. купили более 40 тыс. тракторов, что составило $\frac{1}{3}$ тракторного парка провинции. В провинции Гуандун крестьяне самостоятельно приобрели более 30 тыс. тракторов, что составило примерно 20 % ее тракторного парка¹⁹.

Крестьянские хозяйства, ведущие производство на закрепленной за ними земле с помощью принадлежащих им орудий производства, сохраняют лишь формальные связи с коллективным хозяйством.

Вместе с тем в официальных документах подчеркивается незыблемость коллективной собственности на землю и другие основные средства производства, равно как и долговременный характер применения различных форм производственной ответственности, в том числе и предусматривающих индивидуальное пользование основными средствами производства²⁰. В китайской печати проводится мысль о том, что «единообразие форм хозяйства в деревне» было одной из важнейших причин, отрицательно сказавшихся на развитии сельского хозяйства²¹⁻²².

В материалах XII съезда КПК, состоявшегося в сентябре 1982 г., отмечалось, что следует поощрять соответствующее развитие индивидуального хозяйства в деревне, причем его существование уже не ограничивалось горными и бедными районами²³.

Чем объясняется быстрое распространение системы производственной ответственности в деревне и прежде всего ее индивидуальных форм? Прежде всего возможностью увеличить производство и доходы крестьян, простотой и доходчивостью форм организации труда и оплаты, сокращением численности и роли звеньев, опосредствующих производство и распределение.

Китайская печать единодушна в оценке возможностей увеличения сельскохозяйственного производства в результате использования различных форм производственной ответственности. Отмечалось, в частности, что в некоторых местах закрепление производственных заданий или ответственности за производство за крестьянским двором позволяет увеличить производство на 30 %, а иногда и в 2—3 раза, производительность труда возрастает в 2 раза и даже в 6—7 раз²⁴. Этого уда-

¹⁸ См.: «Чжунго нунминь бао», 25.IV.1982.

¹⁹ См.: «Цзицзи гуаньли», 1982, № 1, с. 64.

²⁰ См.: «Жэньминь жибао», 6.IV.1982.

²¹⁻²² См.: «Хунци», 1982, № 10, с. 34.

²³ См.: «Жэньминь жибао», 8.IX.1982.

²⁴ См.: «Хунци», 1981, № 19, с. 23; № 17, с. 15.

ется достичь благодаря повышению заинтересованности крестьянина в результатах своего труда, усилению интенсификации труда, более тщательному проведению работ, поскольку при этой форме вознаграждение непосредственно зависит от трудовых усилий работника, а не от положения дел во всем коллективном хозяйстве.

Китайская печать связывает известное улучшение положения в сельском хозяйстве в последние годы с использованием различных форм производственной ответственности. Отмечается, что темпы роста производства некоторых сельскохозяйственных культур за 1979—1981 гг. превышали среднегодовые темпы роста за период 1952—1978 гг.: по валовой продукции сельского хозяйства — на 2,4 %, по хлопку — почти на 9, сахароносным — на 10 %. Говорится о росте производительности труда: стоимость продукции, созданной одним занятым в сельском хозяйстве, увеличилась в 1981 г. на 10,3 % по сравнению с 1978 г.²⁵ Однако следует иметь в виду, что увеличение производства и рост производительности труда при индивидуальных формах производственной ответственности носят временный характер, поскольку основываются на не использованных еще возможностях мелкого производства.

Применение различных форм производственной ответственности, и особенно специализированного подряда, позволяет повысить товарность производства. В журнале «Цзинци яньцзю» отмечалось, например, что в ряде районов в 1981 г. при специализированном подряде товарность поднималась до 50—60, а иногда и 70—80 %. По данным восьми провинций (Хэбэй, Шаньдун, Ляонин и др.), товарность дворов, специализирующихся на откорме свиней, превышает 70 %²⁶.

При передаче подряда отдельным дворам, специализирующимся на производстве той или иной продукции, удается свести к минимуму затраты государственных средств и средств коллективных хозяйств на ее производство. Например, затраты на строительство свинарника на тысячу голов в пригороде Шэньяна определяются в 300 тыс. юаней. Водной из коммун района Суцзятунь (под Шэньяном) в 1981 г. 800 специализированных дворов продали государству 5 тыс. голов свиней, построили свинарники для откорма такого же количества свиней. При этом государство и коллективное хозяйство почти не затратили на это средств²⁷.

Специализированный подряд, в том числе и специализированные дворы, получает наибольшее распространение и обеспечивает лучшие хозяйственные показатели прежде всего в пригородных районах.

Различные формы производственной ответственности позволяют добиться некоторого роста доходов крестьян как от коллективного, так и от домашнего подсобного хозяйства. Так, в ряде районов после закрепления производственных заданий и полной производственной ответственности за дворами у 30 % членов коммун доходы росли довольно быстро, у 40—50 % намечался поворот к зажиточности, 15—20 % дворов по-прежнему испытывали трудности. В 1980 г. общий годовой доход члена коммуны составил 191 юань²⁸, причем коллективное хозяйство обеспечило лишь 45 % общего дохода²⁹. По данным выборочных обследований, в 1981 г. средний годовой доход члена коммуны составил 223 юаня. Данные о доходах за 1980 и 1981 гг. трудно сопоставлять в силу разного представительства (в 1981 г. — данные лишь выборочного обследования). Вместе с тем, как показывает анализ данных по отдельным коммунам и бригадам, рост доходов крестьян в 1981 г. происходил не только в результате увеличения производства, но и за

²⁵ См.: «Жэньминь жибао», 22.VIII.1982.

²⁶ См.: «Цзинци яньцзю», 1982, № 10, с. 16.

²⁷ См. там же.

²⁸ См.: «Жэньминь жибао», 9.III.1982, 1.XII.1982.

²⁹ Рассчитано по данным «Жэньминь жибао», 30.IV.1981 и 1.XII.1982.

счет других факторов, в частности повышения закупочных цен, в результате уменьшения отчислений в общественные фонды, а в ряде случаев и раздела их³⁰. В 1981 г. доходы крестьян от повышения закупочных цен и увеличения объема продукции, продаваемой по договорным ценам, возросли на 19,8 млрд. юаней. По сравнению с 1979 г. рост доходов в расчете на каждого члена коммуны составил 24 юаня. В дальнейшем, как подчеркивает китайская печать, рост доходов крестьян должен происходить не за счет повышения закупочных цен, а благодаря развитию производства, снижению себестоимости продукции и повышению производительности труда³¹.

Китайская печать пишет об уменьшении числа бедных бригад, испытывающих экономические трудности. Это производственные бригады, в которых среднедушевой доход от коллективного хозяйства составляет 50 юаней в год и ниже³². В 1981 г. число таких бригад сократилось более чем на 250 тыс. по сравнению с 1980 г.³³ Тем не менее их количество весьма значительно.

Хозяйственная реорганизация в китайской деревне, связанная с внедрением различных форм производственной ответственности, еще не завершена. Как показывает практика, она помогает решить ряд проблем деревни, и в то же время ее осуществление выдвигает новые проблемы, а подчас обостряет и уже имеющиеся.

Индивидуальные формы производственной ответственности — закрепление за дворами производственных заданий, полная ответственность за производство и т. д., занимающие доминирующее положение, обладают и негативными признаками с точки зрения перспектив развития сельскохозяйственного производства. В частности, затрудняют проведение работ, требующих усилий нескольких коллективов — ирригационного и другого строительства, борьбы со стихийными бедствиями, — порождают проблемы использования механизмов и техники, содержания общественного скота и др. Сокращаются возможности непосредственного регулирования сельскохозяйственного производства и экономических процессов в деревне, усложняется процесс планирования. Для государства возрастают сложности изъятия сельскохозяйственной продукции из деревни, хотя и отмечается оживление рыночной торговли.

Как признавалось в журнале «Хунци», в некоторых районах, не считаясь с требованиями государственного плана, произвольно расширяют посевную площадь под более высокодоходными техническими культурами в ущерб посевам зерновых; стремятся продать сельскохозяйственную продукцию и продукцию подсобных промыслов на сельских рынках по высоким ценам независимо от того, выполнен ли план государственных поставок и закупок. Некоторые крестьяне не выполняют заданий по отчислениям в коллективные фонды, не хотят участвовать в общественных работах, помогать семьям погибших воинов, семьям, живущим за счет «пяти обеспечений», и семьям, испытывающим трудности³⁴.

Существует целый ряд вопросов организационного плана, снижающих положительные качества производственной ответственности. При индивидуальной форме ответственности, особенно в случае со специализированными дворами, возрастают трудности сбыта продукции и снабжения средствами производства. Система договоров, регламентирующих отношения двора, коллективного хозяйства и соответствующих

³⁰ См.: «Гуншэ цайфу», 1982, № 1, с. 17.

³¹ См.: «Хунци», 1982, № 21, с. 47.

³² Прожиточный минимум в сельских районах составляет приблизительно 70—90 юаней в год. — См.: «Нунье цзинци зньти», 1980, № 7, с. 43; № 10, с. 13.

³³ См.: «Жэньминь жибао», 21.VIII.1982.

³⁴ См.: «Хунци», 1982, № 8, с. 37.

государственных организаций, еще не отработана, договоры не всегда выполняются сторонами, что ведет к непроизводительному расходованию средств.

Широкое распространение в сельских районах системы закрепления производственной ответственности за дворами чревато обострением социальных проблем, поскольку ухудшается положение семей, находящихся на обеспечении коллектива или получающих от него какую-то помощь, резко возрастают различия в уровне доходов семей. Если раньше большой считалась разница в уровне доходов в 6—10 раз, то теперь она достигает нескольких десятков раз. Отличительной особенностью распределения доходов в 1981 г. был большой разрыв между верхними и нижними границами дохода: «у некоторых средний годовой доход составлял 500 и даже 1000 юаней», в отдельных семьях совокупный годовой доход достигал 15 тыс., а у иных лишь несколько десятков юаней³⁵.

Система ответственности порождает и новые конфликты, связанные с борьбой за лучшие земельные участки, воду, инвентарь, сельхозтехнику и т. д.

С введением различных форм производственной ответственности остро встал вопрос об избыточной рабочей силе в сельском хозяйстве. В некоторых районах она превышает 30 % всей рабочей силы деревни, иногда доходит до 45 %³⁶.

Усиление хозяйственной самостоятельности отдельной крестьянской семьи в результате распространения индивидуальных форм ответственности за производство сокращает возможности регулирования рождаемости в сельских районах.

Стихийное распространение этой формы ответственности при слабости экономических позиций большинства коллективных хозяйств и руководства ими ведет к быстрому росту частнособственнических тенденций в деревне. В некоторых районах руководящие звенья в производственных бригадах «полностью или наполовину парализованы», за многие участки работы никто не отвечает³⁷.

Наблюдался рост спекуляции на сельских рынках, нередки случаи невыполнения крестьянами обязательств по договорам с производственными бригадами, продажи земли или сдачи ее в аренду (передачу земли в пользование крестьяне в ряде мест восприняли как возвращение ее прежним владельцам со всеми вытекающими из этого правами), продажи или сдачи в аренду некоторых средств производства, являющихся коллективной собственностью, и т. д. Эти процессы имели тенденцию к нарастанию.

Особенно широкий размах получила спекуляция земельными участками. Землю продают руководители бригад и коммун предприятиям и учреждениям, как правило в пригородных районах, продают отдельным крестьянам, крестьяне продают друг другу³⁸. Довольно часто крестьяне, получившие участок земли, используют часть его под строительство жилищ. В связи с этим в апреле 1981 г. Госсоветом было издано Уведомление относительно самовольного захвата пахотных земель в сельской местности под строительство жилищ. В новой Конституции КНР подчеркивается, что земля, занятая под жилища, приусадебные участки, участки горных районов, находящиеся в личном пользовании, являются коллективной собственностью и что никаким организациям или отдельным лицам не разрешается присвоение, купля-продажа или аренда земли³⁹.

³⁵ См.: «Жэньминь жибао», 18.V и 8.VI.1982.

³⁶ См.: «Нунъе цзинцзи вэньпи», 1981, № 11, с. 9; № 12, с. 11.

³⁷ См.: «Жэньминь жибао», 6.IV.1982.

³⁸ См. там же, 13.V.1982; «Чжунго нунминь бао», 22.IV.1982.

³⁹ См.: «Жэньминь жибао», 28.IV.1982.

В Тезисах Всекитайского совещания по работе в деревне, разосланных в начале 1982 г. по всей стране, коллективному хозяйству предоставлено право вернуть участок земли в свое распоряжение в случае нарушения крестьянским двором правил пользования им. Подчеркнута необходимость использования всех земельных фондов, находящихся в собственности коллективного хозяйства, в соответствии с единым планом.

В китайской печати отмечалось, что форма полной подворной ответственности за производство не может быть постоянно неизменной. Идеи коллективного труда и взаимной помощи, характерные для китайского крестьянина, проявляются в том, что дворы, получившие задания, объединяются для проведения сельскохозяйственных работ и подсобных промыслов. Такие случаи еще редки, но это возможный путь нового объединения крестьянских хозяйств. Как отмечалось в статье известного китайского экономиста Сюй Дисня, крестьян не торопят создавать такие объединения⁴⁰.

В материалах XII съезда КПК и 5-й сессии ВСНП (ноябрь — декабрь 1982 г.) подчеркивалась необходимость придерживаться системы производственной ответственности в течение длительного времени, необходимость ее стабилизации и усиления, содержалось предостережение против «непродуманных перемен наперекор воле масс»⁴¹. И вместе с тем выражалась надежда, что в не столь отдаленном будущем в деревне появятся многообразные формы совместного хозяйствования, более совершенные кооперативные хозяйства.

⁴⁰ См.: «Цзинцзи яньцзю», 1981, № 7, с. 4.

⁴¹ «Жэньминь жибао», 7.IX.1982.

Профсоюзное движение Японии

И. И. Тамгинский

Японский рабочий класс выступает сегодня как наиболее передовая и организованная сила общества, как основной носитель социального и научно-технического прогресса страны. Именно он стоит в центре борьбы широких масс японских трудящихся против империализма и реакции, оказывает огромное воздействие на все стороны материальной и духовной жизни японского народа.

Современное состояние японского общества определяется в первую очередь теми социальными-экономическими сдвигами, которые произошли в стране в результате политических битв японского рабочего класса против монополистического капитала, против старого и нового милитаризма, за построение демократической и миролюбивой Японии.

Важно отметить, что эти сдвиги произошли в условиях научно-технической революции, наложившей свой отпечаток на характер рабочего движения, на формы и методы его борьбы.

Быстрое развитие японской промышленности вызвало крупные сдвиги в структуре рабочего класса, повлекло за собой перераспределение трудовых ресурсов. Огромные массы крестьян, главным образом молодежи, оказавшихся перед лицом аграрного кризиса, устремились в города, на промышленные предприятия, строительство, в сферу обслуживания. Только за 10 лет, с 1961 по 1971 г., численность рабочих и служащих возросла с 24,2 млн. до 33,8 млн. человек¹, а их удельный вес в самодостаточном населении без сельского хозяйства увеличился с 1960 г. с 51,3 до 66,1 %.

К 1975 г. по сравнению с 1955 г. общая численность рабочего класса выросла почти в два раза, достигнув 32,5 млн. человек, или 70,2 % всего занятого населения². Таким образом, рабочий класс превратился в самый многочисленный класс современной Японии.

Рост удельного веса лиц наемного труда является следствием не только притока рабочей силы из деревни, но и перехода в эту категорию значительных масс населения из городских его слоев и мелкой буржуазии. Однако самым крупным отрядом японского рабочего класса, его становым хребтом, как и прежде, является промышленный пролетариат, на долю которого приходится около половины его общей численности (15,24 млн. человек, или 39,6 % всех рабочих)³.

Для современной структуры рабочего класса характерен значительный рост числа женщин, занятых в сфере наемного труда. За 20 лет (1955—1975) их абсолютная численность увеличилась в 2,4 раза и до-

¹ См.: Родо кумнай тэса хококу (Доклад об основном обследовании профсоюзов). Токно, 1972, с. 14.

² См.: Х. Арабори. Родо кумнай ундо-рои (Исследование вопроса о положении в японских профсоюзах). Токно, 1981, с. 34.

³ См.: Нихон родо энкан (Японский ежегодник по труду), Токно, 1975 с. 83.

стигла почти 12 млн.⁴ Дешевый женский труд широко применяется во всех отраслях промышленности, особенно велик его удельный вес в сфере услуг, торговли, финансов, страхования.

Научно-техническая революция предъявила особый спрос на молодежь. Японские предприниматели охотно берут на работу молодых людей, имеющих среднее образование, используя их на многих крупных предприятиях. Удельный вес рабочих старше 50 лет не превышает 7—10 %, в то время как в 1970 г., например, молодежь в возрасте от 15 до 30 лет составляла более 53 % всех рабочих и служащих страны⁵.

В составе рабочего класса Японии появился значительный отряд занятых в сфере обращения (свыше 12 млн. человек) и услуг (свыше 4 млн. человек).

Расширение границ рабочего класса имеет как позитивные, так и негативные последствия. С одной стороны, это повышает общеобразовательный уровень и профессиональные знания современного пролетариата, укрепляет его позиции в борьбе против монополистического капитала и господствующего класса в целом. Как указывает видный деятель КПЯ Х. Арабори, «включение пролетаризирующихся «белых воротничков» и технических специалистов в ряды рабочего класса будет оказывать позитивное воздействие на развитие профсоюзного движения. При этом само движение будет оказывать все более глубокое влияние на широкие слои народа, укреплять связь с ним, способствовать созданию широкого единого фронта народа»⁶.

Вместе с тем нельзя не признать, что усложнение состава рабочего класса за счет представителей интеллигенции, так называемых пролетариев умственного труда, рекрутируемых в основном из мелкобуржуазных слоев, создает ряд новых проблем в рабочем движении. Это прежде всего проблема борьбы с усилением влияния мелкобуржуазной идеологии внутри рабочего класса, задача сближения его отдельных отрядов на основе общих классовых интересов, повышения идейно-политической сознательности и классовой солидарности в борьбе против тред-юнионизма, выдвижение политических лозунгов борьбы и т. п.

Как известно, специфической особенностью японской экономики является ее двойственный характер. На одном полюсе действуют современные промышленные гиганты, а на другом — огромная масса средних, мелких и мельчайших предприятий. Если в крупных промышленных центрах, принадлежащих японскому монополистическому капиталу, в 1978 г. было занято 4,57 млн. (16,8 %) рабочих, то более 2/3 наемных работников трудятся в сфере мелкого бизнеса, на предприятиях обрабатывающей промышленности. На их долю приходится половина всей фабрично-заводской продукции⁷.

Наличие огромного числа мелких производителей не только оказывает сдерживающее влияние на внедрение результатов научно-технической революции, но и тормозит развитие организованного рабочего движения. Рабочие и служащие, занятые на мелких и средних предприятиях, являются наиболее эксплуатируемой и наименее оплачиваемой частью рабочего класса. Они, как правило, не объединены в профсоюзы, поэтому не в состоянии отстаивать свои права и интересы в борьбе против крупных монополий.

Изменения в сфере материального производства, расширение состава японского пролетариата отнюдь не ослабили степень его эксплуатации. Японские монополии используют достижения научно-технической революции для усиления потогонной системы. Они умело приспособили-

⁴ См.: Родо токэй ёран (Обзор статистики по труду). Токио, 1980, с. 26.

⁵ См.: Нихон родо энкай. Токио, 1972, с. 64.

⁶ Х. Арабори. Родо кумнай ундорой, с. 42.

⁷ См.: В. Н. Хлынов. Рабочий класс в условиях научно-технической революции. М., 1978, с. 25.

вают механизм капиталистической эксплуатации к новым условиям. В Японии был разработан и введен в действие целый комплекс государственно-монополистических мероприятий, направленных на извлечение максимальных прибылей за счет более интенсивной эксплуатации рабочего класса.

Осуществляя рационализацию производства, японские монополии не забыли и о «рационализации» труда, которая проводилась путем увольнения рабочих, непомерного уплотнения рабочего дня, сокращения реальной заработной платы. И рационализация производства, и «рационализация» труда проводились таким образом, чтобы обеспечить увеличение нормы прибыли и прибавочной стоимости, присваиваемой монополиями.

Отличительной чертой капиталистической рационализации производства и труда в Японии является сочетание новейших форм эксплуатации, заимствованных у американских предпринимателей, со старыми японскими методами, основанными на системе пожизненного найма, с одновременным применением найма временных и внештатных рабочих, оплате труда в соответствии с выслугой лет, с двойной системой промышленного производства, построенной на жесточайшей эксплуатации рабочих средних, мелких и мельчайших предприятий.

Труд японских рабочих отличается большой продолжительностью и крайней степенью интенсивности, на предприятиях возрастает производственный травматизм, каждые три часа несчастные случаи на производстве уносят одну человеческую жизнь. Обыденным явлением стала официально признаваемая более чем миллионная армия безработных.

При этом следует отметить, что официальная статистика включает в разряд безработных только тех, кто за отчетный период вообще не работал ни единого часа. Много людей работает неполную рабочую неделю и даже по несколько часов в неделю. В японской статистике не считаются безработными и те, кто по тем или иным причинам временно не используются нанимателями. В официальной статистике не находит отражения такая группа безработных, как пожилые мужчины, которые в возрасте 55—60 лет вышли на пенсию, но по-прежнему вынуждены искать работу, чтобы обеспечить себе приемлемый уровень жизни. Еще в более трудном положении находятся женщины. Многие из них после окончания учебы не находят работы и живут за счет работающих родителей. Лишь ничтожное меньшинство из них числятся официально безработными. Японская статистика не учитывает примерно 36 % замужних женщин, которые изъявляют желание иметь постоянную работу.

Обычно японская статистика определяет безработицу в размере 2—2,5 %, в то время как частные научно-исследовательские экономические институты называют цифру 4 и более процентов, а профсоюзы считают, что скрытая безработица достигает 8 %. Значит, фактическая безработица в Японии составляет по меньшей мере 4—5 млн. человек.

Специфически японской особенностью ведения экономики является то, что правящие круги и монополии несколько не заботятся о создании элементарных условий для воспроизводства рабочей силы. Япония относится к числу стран, в которых вопросы социального страхования и медицинского обслуживания трудящихся находятся на весьма низком уровне. Японский экономист С. Цудзюка пишет: «Осуществляемая ныне в Японии «рационализация» производства основывается на крайне жестоких принципах, и таковы же методы ее практического осуществления»⁸.

Высокие темпы роста промышленного производства в 60-е годы привели к концентрации громадных богатств в руках монополий на одном

⁸ С. Цудзюка. Гэндай-но горика (Современная рационализация). Токио, 1969, с. 88.

полюсе и накоплению различных форм нищеты широких народных масс — на другом. За 10 лет (1960—1970) валовой национальный продукт вырос в 4 раза, а сумма прибылей крупных предприятий за это время увеличилась в 4,5 раза⁹.

Японские монополии получают баснословные прибыли, накапливают колоссальные богатства. 835 компаний в 1979 г. имели прибыли на 24,4 % выше, чем в предыдущем финансовом году. Высокие темпы накоплений достигаются путем массовых увольнений под предлогом «сокращения расходов на управление», а также путем «рационализации», ведущей к сокращению штатов, увольнению рабочих среднего и пожилого возраста, дальнейшей интенсификации труда и других способов перекалывания всей тяжести экономического кризиса на плечи трудящихся. Одновременно сдерживается рост заработной платы.

При небывало высоких темпах роста стоимости дороговизны (на 64 % за 10 лет) реальная заработная плата трудящихся далеко отставала от повышения цен на товары. Как отмечает газета «Акахата», только в 1980 г. реальная зарплата сократилась на 1,3 %¹⁰.

Монополистический капитал под предлогом роста импортных цен на нефть и другие виды сырья произвольно повышает цены на промышленную продукцию, а правительство, идущее на поводу у монополий, приспособливает налоговую систему к интересам крупных предприятий, увеличивает военные расходы, урезывает расходы на благосостояние и социальное обеспечение, повышает стоимость проезда на государственных железных дорогах, взвинчивает плату за коммунальные услуги, поднимает потребительские цены на рис и другие продукты питания. По подсчетам японских экономистов, издержки на заработную плату в Японии составляют около 10 % выручки монополий, получаемой от реализации готовой продукции, в то время как в Европе и США эти издержки составляют 30—40 %. А если учесть, что налоги за последние 10 лет в расчете на душу населения увеличились в 4 раза, то можно сделать вывод, что японский рабочий класс мало что выиграл от научно-технической революции.

Японские рабочие находятся в явно неравном положении по сравнению с рабочими других развитых капиталистических стран. Так, в 1973 г. расходы на социальное страхование в Японии на одного человека составляли 52,3 долл., что в 4,4 раза меньше, чем в Англии, почти в 5 раз меньше, чем в США, в 7 раз меньше, чем во Франции, в 6,4 раза меньше, чем в ФРГ, и в 8,3 раза меньше, чем в Швейцарии¹¹.

Если ко всему этому прибавить такие факты, как разрушение окружающей среды, принявшее в Японии катастрофические масштабы, рост производственного травматизма и профессиональных заболеваний, хроническое чрезмерное утомление рабочих в результате высокой интенсивности трудового процесса, тяжелое жилищное положение трудящихся, серьезные трудности в области городского транспорта, перебор в водоснабжении, плохое состояние канализации и очистных сооружений, культурных и прочих учреждений общественного назначения, то можно представить себе всю лживость утверждений буржуазной пропаганды об «исключительности» японского капиталистического пути развития, о создании «общества всеобщего благоденствия», которое якобы принесло всем японцам, в том числе и пролетариату, обеспеченную жизнь. Журнал «Кэйдзай», разоблачая теорию «всеобщего благоденствия», состряпанную буржуазными социологами, писал: «Эта политика привела к небывалому обогащению монополистического капитала, бас-

⁹ См.: Х. Арабори. Родо кумнай уидо-роп, с. 23.

¹⁰ См.: «Акахата», 24.IX.1982.

¹¹ См.: Когай хакусэ 1972 (Белая книга о загрязнении окружающей среды). Токио, 1972, с. 1.

пословно повывисив его прибыли и серьезно расширив масштабы производства. Напротив, рабочему классу и народу наряду с незначительными улучшениями она принесла угрожающую здоровью и жизни нищету в результате неимоверно высоких цен, усугубления экономического кризиса и других социальных проблем»¹².

Таким образом, быстрые темпы промышленного производства, приведшие к значительным переменам в жизни японского общества, не решили, да и не могли решить основного противоречия капиталистического общества — между общественным характером производства и частным характером присвоения его результатов. Научно-техническая революция, улучшив до некоторой степени условия для воспроизводства наемной рабочей силы, еще больше обострила противоречия между трудом и капиталом.

Японский рабочий класс не может мириться со своим тяжелым положением и ведет решительную борьбу против гнета монополий. Вся послевоенная история Японии заполнена острыми классовыми битвами.

Мощный подъем рабочего и демократического движения в первые годы послевоенной Японии объяснялся не только объективными факторами, коренившимися в тех трудностях, которые переживала страна после безоговорочной капитуляции, но и тем обстоятельством, что во главе рабочего и профсоюзного движения стояла Коммунистическая партия Японии, которая выработала ясную программу борьбы за политические и экономические права рабочего класса, против наступления капитала на жизненные интересы трудящихся.

Коммунистическая партия вместе с Социалистической партией смогли объединить вокруг себя широкие слои трудящихся, привлечь к борьбе другие политические силы, наладить с ними совместные действия против японо-американской реакции, за демократизацию и демилитаризацию Японии, за продвижение страны по пути мира и социального прогресса.

Вопросы рабочего движения всегда стояли в центре внимания КПЯ. Большой вклад в разработку проблем профсоюзного движения внес VII съезд партии (1958), который наряду с другими вопросами глубоко проанализировал положение в рабочем движении и определил задачи коммунистов на этом решающем участке партийной работы. Наряду с выдвижением конкретных задач в области борьбы за повышение жизненного уровня рабочего класса и всех трудящихся VII съезд призвал коммунистов «двигать вперед дело обеспечения единства и сплочения всего рабочего класса, укрепления союза рабочего класса и крестьянства и создания на его основе единого национально-демократического фронта, который сплотит всех трудящихся, всех прогрессивных людей»¹³.

В принятой на VIII съезде Программе КПЯ подчеркивалось, что в процессе борьбы за новую, демократическую Японию КПЯ «создает, расширяет и укрепляет массовые организации различных слоев народа, и прежде всего профсоюзы и крестьянские союзы, и вместе с ними создает единый национально-демократический фронт», который «под руководством рабочего класса, на базе союза рабочих и крестьян объединяет вокруг себя всех трудящихся города, интеллигенцию, женщин, молодежь, студентов, мелких и средних предпринимателей и всех, кто любит мир и родину и защищает демократию»¹⁴.

Наиболее детальное изложение линии КПЯ в профсоюзном движении нашла в решениях VI пленума ЦК, состоявшегося в марте 1966 г.

¹² «Кэйдзай», 1972, № 11, с. 9.

¹³ VII съезд Коммунистической партии Японии. Токно, 23 июля — 1 августа 1958 года. М., 1959, с. 37.

¹⁴ VIII съезд Коммунистической партии Японии. М., 1961, с. 239.

В документе «За новое развитие профсоюзного движения во имя классового единства рабочего фронта»¹⁵ указывалось, что основными причинами, тормозящими его развитие, являются давление капиталистических монополий и правительства, развернувших широкое идеологическое и экономическое наступление на рабочий класс. Пленум поставил задачу: отразить наступление господствующего класса, расстроить его попытки расколоть и ослабить профсоюзное движение, поставить его под свой контроль.

Вместе с тем пленум указал на ряд слабых сторон, присущих самому рабочему движению. В частности, было обращено внимание на недопустимость такого положения, когда отдельные профсоюзы и национальные центры принуждают своих членов поддерживать определенные политические партии, оказывать им экономическую, политическую и организационную поддержку. Это, как указывалось на пленуме, задерживает развитие профсоюзного движения на классовой основе, тормозит формирование политического самосознания рабочего класса.

Пленум указал и на другую слабость профсоюзного движения — принцип построения японских профсоюзов по предприятиям и компаниям, что ведет к ограничению деятельности профсоюзов рамками одного предприятия, затрудняет воспитание рабочих в духе пролетарской солидарности и создание единых отраслевых профсоюзов.

VI пленум подчеркнул важность правильного сочетания экономической и политической борьбы как одного из главных вопросов классовой борьбы пролетариата. В том случае, когда рабочие и профсоюзы поднимаются на борьбу за экономические требования, коммунистическая партия поддерживает их, поскольку эта борьба отражает жизненные интересы рабочих, и стремится придать ей всесторонний характер. В этом случае борьба рабочих и народа за улучшение условий жизни неизбежно перерастает в политическую борьбу против господствующего класса.

Вопросы профсоюзного движения, его сплочения на классовой основе стояли в центре внимания и на последующих съездах и пленумах партии. При этом КПЯ, как и прежде, считает одним из ключевых вопросов профсоюзного движения отказ от принципа поддержки определенной политической партии, поскольку привязка профсоюзов к той или иной партии нарушает профсоюзную демократию, лишает членов профсоюзов свободы политической деятельности.

КПЯ выступает за то, чтобы организации политических партий, действующие на предприятиях и заводах, сотрудничали с профсоюзами, не навязывая им политических установок. Профсоюзы и политические партии должны строить свои отношения на основе взаимного сотрудничества и уважения позиций сторон, каждый член профсоюза должен иметь свободу в политической деятельности, в поддержке политических партий. В этом, по мнению КПЯ, состоит основной принцип профсоюзной демократии. Отказ от принципа поддержки определенной политической партии, обеспечение свободы членов профсоюзов поддерживать любую политическую партию и вместе с тем установление правильных отношений сотрудничества и союза между политическими партиями и профсоюзами, подчеркивается в резолюции XII съезда КПЯ (ноябрь 1973 г.), являются «предпосылками освобождения профсоюзного движения от сектантской системы, превращающей профсоюзы в принадлежность партий социал-демократии, а также и восстановления профсоюзов как организаций солидарности рабочего фронта»¹⁶.

Основываясь на этом важном указании XII съезда, японские коммунисты разъясняют массам ошибки японской социал-демократии в

¹⁵ См.: «Акахата», 6.III.1978.

¹⁶ Main Documents of the Twelfth Congress of the Communist Party of Japan. Tokyo, 1973, p. 227.

вопросах профсоюзного движения, показывают неприемлемость поддержки центристских партий, не способных по-настоящему защищать права рабочих.

XII съезд поставил перед партией задачу создания на всех предприятиях страны партийных организаций, которые призваны вести активную работу по укреплению и расширению имеющихся заводских партийных организаций, бороться за ликвидацию «вакуума», то есть таких предприятий, где нет ни одного члена партии и ни одного читателя газеты «Акахата». Съезд потребовал улучшения политико-воспитательной работы среди рабочих с целью повышения их классового сознания.

Мощный размах профсоюзного движения, новые условия общественной жизни, обострение социальных противоречий вынуждают господствующие классы искать новые подходы к рабочему классу, отыскивать в его рядах уязвимые места, чтобы использовать их в интересах разобщения его рядов, ослабления общего натиска прогрессивных сил на устой капиталистического общества.

В этих целях господствующие классы используют все имеющиеся в их распоряжении средства, и прежде всего разветвленный пропагандистский аппарат. Особенность буржуазной пропаганды в Японии состоит в том, что она апеллирует прежде всего к национальным чувствам японского народа, подогревает и раздувает традиционно сложившийся миф об «исключительности» японской нации. Японским рабочим внушают, что от их стараний на производстве зависит успех компаний, а благополучие компаний есть благополучие самих рабочих. Всячески обыгрывается тезис о том, что чем выше прибыли компании, тем у нее больше возможностей для повышения зарплаты рабочим и предоставления им различных льгот. На японских предприятиях можно видеть плакаты: «Повысим производительность труда!», «Ни одной минуты простоя!», «Сделаем изделия фирмы самыми конкурентоспособными в мире!», «Превратим Японию в общество всеобщего благосостояния!»

Пытаясь расчистить путь для сближения с рабочим классом, закрепить его на позициях сотрудничества труда и капитала, правящая ЛДП направляет свои усилия прежде всего на дискредитацию марксистско-ленинского мировоззрения, на подрыв влияния коммунистической партии. Радио и телевидение, кино, все виды искусства, находящиеся на службе японских монополий, ведут систематическую обработку широких масс трудящихся в духе восхваления капиталистических порядков, буржуазных свобод, в духе неприязни к социалистическим странам. Запугивая население так называемой «советской угрозой», японская буржуазная пропаганда искажает миролюбивую внешнюю политику СССР, в извращенном виде изображает положение рабочих в Советском Союзе, пытается доказать, будто социализм является тоталитарной системой, лишаящей рабочих элементарных человеческих прав.

Одновременно господствующие классы используют государственную власть, ее различные институты, включая парламент, чтобы ослабить натиск рабочего движения, расколоть его с помощью различного рода законодательных мер. Правительство в союзе с крупным капиталом пытается изолировать выступления рабочих, объединенных в самые боевые профсоюзные центры. Еще в 1948 г. специальным указом правительства рабочие и служащие государственных и муниципальных предприятий и учреждений (более 3 млн. человек) были лишены права на проведение забастовок под тем предлогом, что они находятся на государственной службе. Когда рабочие и служащие государственных железных дорог, учителя, связисты, почтовые работники, рабочие и служащие табачных и соляных предприятий объявляют забастовку или включаются в «весеннее наступление», власти выступают с угрозой расправы в отношении этих категорий трудящихся. Особенно жестоко

расправляются с профсоюзными активистами: увольняют их с работы, подвергают денежным штрафам, лишают премий и других поощрительных пособий.

Правящая верхушка вынашивает планы реформирования всего рабочего фронта на правореформистской основе, на основе сотрудничества труда и капитала. Всякий раз, когда правительство ЛДП попадает в трудное положение и не может справиться с недовольством трудящихся масс своими силами, ему на помощь приходят правореформистские партии и организации, которые путем социальной демagogии и всяческих посулов пытаются удержать рабочий класс от революционных выступлений, закрепить его на позициях тред-юнионизма.

Когда монополистический капитал испытывал особые трудности в борьбе против рабочего и революционного движения в Японии, появилась правореформистская Партия демократического социализма, образовавшаяся в 1961 г. на базе правого крыла Социалистической партии Японии. Активную помощь господствующим классам в наведении «социального порядка» в стране оказывает и образовавшаяся в 1964 г. партия Комэйто (партия чистой политики). Выдавая себя за выразительницу интересов наиболее отсталой части японских трудящихся, мелкой буржуазии и определенной части средних слоев городского населения, Комэйто фактически проводит линию Либерально-демократической партии в массовом движении, отвлекает широкие слои трудящихся от активной борьбы против гнета капитала. Придерживаясь идеологии антикоммунизма, эти партии взяли на себя неблагоприятную роль исполнителей планов японо-американской реакции по расколу рабочего движения и ослаблению демократических сил.

Обострение классовых противоречий и деятельность правореформистских сил в рабочем движении привели к дифференциации в среде профсоюзных лидеров социал-демократического толка. В 1964 г. правыми элементами была создана Всеяпонская конфедерация труда (Домэй) — профцентр, ставший на позиции классового сотрудничества и антикоммунизма. Домэй объединяет в настоящее время свыше 2 млн. рабочих и служащих, занятых в наиболее технически оснащенных отраслях промышленности, работающих в основном на экспорт. Это хорошо оплачиваемая часть японского рабочего класса, поставленная в сравнительно привилегированное материальное положение. Здесь зарплата в два, а иногда и в три раза выше зарплаты рабочих и служащих, занятых на других предприятиях. Лидеры Домэй поддерживают Партию демократического социализма и вместе с ней ведут подрывные действия в левых профсоюзах, пытаются навязать им правореформистскую идеологию.

Еще более правые позиции в рабочем движении занимает профсоюзное объединение металлистов Джэй-Си (Японский совет Международной федерации металлистов)¹⁷, созданное в 1964 г. при содействии американских профсоюзных лидеров и Международной конфедерации свободных профсоюзов. Джэй-Си вынашивает амбициозные планы создания общенационального профсоюзного центра, объединяющего все отрасли металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности по типу американских профсоюзов АФТ — КПП. Джэй-Си хочет увести японские профсоюзы от политической борьбы, ограничив их деятельность чисто экономическими функциями.

Джэй-Си, так же как и Домэй, ведет раскольническую работу в наиболее крупном национальном профсоюзном центре Сохё и Совете нейтральных профсоюзов (Тюрицу рорэн), пытается сбить их с классовых позиций. Главной мишенью правых профсоюзных лидеров является

¹⁷ International Metalworkers Federation — Japan Council, сокр. IMF — JC, или просто JC.

ся Генсовет японских профсоюзов (Сохё), занимающий боевые анти-монополистические позиции и придерживающийся курса на сочетание экономической борьбы с борьбой за политические цели.

Генеральный совет японских профсоюзов, созданный в значительной мере на базе левых профсоюзов, входивших в свое время в Конгресс производственных профсоюзов (Самбэцу кайги, находившийся под влиянием КПЯ), объединяет в своих рядах 4 млн. 550 тыс. членов. В течение последних 30 лет проделал огромную работу по мобилизации рабочего класса на борьбу против гнета монополий, за улучшение жизненных условий японских трудящихся. Он активно участвовал и участвует в проведении различных политических движений.

Особенно большую роль Сохё сыграл в движении против заключения японо-американского «договора безопасности», за развитие Японии по пути мира и нейтралитета. Он остается неизменным участником различных кампаний, направленных против милитаризации страны, в защиту действующей конституции, за мирный путь развития Японии. Сохё является основным организатором ежегодно проводимых «весенних наступлений» трудящихся, в ходе которых наряду с экономическими требованиями выдвигаются и политические лозунги борьбы.

Слабым местом Сохё является то, что в его состав входят главным образом рабочие и служащие государственных и коммунальных учреждений и предприятий, и то, что он слабо связан с рабочими ведущих отраслей промышленности.

В последнее время правореформистские лидеры активизировали свою раскольническую деятельность, прикрываясь лозунгом создания единого рабочего фронта якобы с целью объединения усилий профсоюзов в борьбу против монополистического капитала.

Движение за перестройку структуры профсоюзов на соглашательской основе было начато по инициативе профсоюзов частных предприятий летом 1972 г. Тогда руководство Японской федерации профсоюзов рабочих текстильной промышленности (Дзэнсэн домэй), входящей в Домэй, и руководство Национальной федерации профсоюзов рабочих металлургической промышленности (Тэкко рорэн), примыкающей к Сохё, выступили с призывом «создать в начале 80-х годов единый рабочий фронт во главе с профсоюзами частных капиталистических предприятий». В сентябре 1980 г. был создан Совет за ускорение создания такого фронта, в который вошли представители шести отраслевых профсоюзов — автомобилестроителей, рабочих электро- и электронной промышленности, черной металлургии, текстильщиков, рабочих электростанций, связистов. При активной поддержке Домэй эти профсоюзы учредили Общество содействия единству рабочего фронта (Родо сэнсен тоицу сокусникай), которое на протяжении последних двух лет вело интенсивную деятельность по учреждению нового национального профцентра на базе профсоюзов частных предприятий. По замыслу инициаторов, в дальнейшем к этому новому профцентру должны примкнуть работники государственных и муниципальных учреждений, а затем и другие профсоюзы, входящие в Сохё и Тюрицу рорэн.

3 июня 1980 г. общество опубликовало документ под названием «Базовая теория единства рабочего фронта», в котором нашли отражение взгляды правореформистского крыла профсоюзного движения в Японии. В документе, в частности, предлагалось ограничить задачи профсоюзов исключительно рамками экономической борьбы. Авторы документа обрушиваются на профсоюзы, стоящие на классовых позициях, требуя от них разрыва с Коммунистической партией.

Попытки сдвинуть рабочий фронт вправо сопровождалась развертыванием антикоммунистической пропаганды, активизацией усилий правых профсоюзных лидеров. Так, например, бывший председатель Домэй, а ныне генеральный секретарь Национальной федерации профсоюзов

металлистов Сэйдзи Аманкэ открыто заявлял о необходимости размежевания между так называемыми демократическими профсоюзами и профсоюзами, находящимися под влиянием коммунистов. Выступая на съезде профсоюзов электротехнической промышленности, он говорил: «Тред-юнионизм означает демократическое рабочее движение, противоположающееся коммунистическому движению». «Следует, — подчеркивал он, — активно осуществлять реорганизацию политических сил. В качестве одного из звеньев этой важной задачи необходимо развить дело „единого рабочего фронта“»¹⁸. Тот же Аманкэ требовал, чтобы в основу объединения профсоюзов был положен принцип противостояния коммунизму. Позже он заявил, что в «Базовой теории единства» недостаточно четко отражена позиция «противодействия коммунизму».

Под давлением правореформистских лидеров часть профсоюзов, входящих в Сохё, в последнее время стала постепенно отходить от своего антимонополистического курса и скатывается на соглашательские позиции. Важным симптомом сдвига Сохё вправо являются неоднократные заявления некоторых его лидеров о необходимости сотрудничества с правым профцентром Домэй фактически на его основе. На 60-м чрезвычайном съезде Сохё (1980) было признано целесообразным стремиться к «достижению соглашения» в отношении выдвинутых Домэй условий единства рабочего фронта и признания таких его требований, как перестройка профсоюзов на тред-юнионистской основе и присоединение к Международной конфедерации свободных профсоюзов.

Однако курс правых лидеров Сохё на создание единого рабочего фронта на реформистской основе встретил сопротивление рядовых членов профцентра. Два чрезвычайных съезда Сохё, состоявшихся на протяжении 1981—1982 гг., так и не смогли определить окончательную позицию профцентра в отношении планов «единого трудового фронта» из-за резких разногласий между его левым и правым крылом. Как показали эти съезды, входящие в состав Сохё отраслевые профсоюзы придерживались разных взглядов на цели единства профсоюзного движения и способы его достижения. Одни безоговорочно поддержали «Базовую теорию», другие столь же безусловно ее отвергли как выражение правого уклона, а некоторые требовали внесения в нее коррективов.

Попытка правого руководства Сохё выработать компромиссную форму, которая дала бы возможность профсоюзам, согласным с «Базовой теорией», принять участие в работе комитета по подготовке «объединенного рабочего фронта», также натолкнулась на серьезное сопротивление левых элементов внутри профцентра.

В противовес правореформистским лидерам левые профсоюзы выдвинули идею создания единого национального профцентра на классовой основе (Кайкютэки насянару сэнта). Эта идея была поддержана на XV съезде КПЯ (1980). В принятой съездом резолюции указывается, что объединение рабочего фронта никоим образом нельзя сводить к созданию более крупной организации путем механического слияния нескольких профцентров. Речь идет о том, чтобы профдвижение, действующее в условиях государственно-монополистического капитала, могло противостоять сильному, хорошо организованному противнику. Таким объединением, способным дать отпор монополистическому капиталу и его правительству, должен быть общеяпонский профсоюзный центр, твердо стоящий на классовых позициях. Только такое профсоюзное объединение, по мнению КПЯ, может последовательно отстаивать экономические и политические интересы рабочего класса. В резолюции XV съезда КПЯ подчеркивается, что конкретно задача состоит в том, чтобы на основе правильных, классовых, демократических прин-

¹⁸ «Дзэнъэй», 1979, № 8, с. 24.

ципов утвердить такой профцентр, который смог бы объединить борьбу профсоюзов в масштабе всей страны и направить ее в нужное русло.

В качестве первого шага на пути создания национального центра следует рассматривать создаваемые демократическими профсоюзами Советы содействия единому рабочему фронту на классовых началах (Тонцу росокон).

Советы призваны организовать широкое обсуждение вопросов, связанных с созданием нового центра, для чего как в центре, так и на местах создаются кружки (конданкай) с участием представителей профсоюзов, общественных и политических деятелей, ученых и других компетентных лиц. Такие кружки уже действуют не только в отраслевых профсоюзах, но и среди работников местных органов самоуправления, среди учителей и других категорий трудящихся. Перед советами поставлена задача усиления работы прежде всего в профсоюзах крупных частных предприятий и в профсоюзе работников госучреждений и предприятий (Корокё), являющихся объектами усиленной подрывной деятельности правых элементов. Особое внимание советов обращено на решение проблемы вовлечения в профсоюзы неорганизованных рабочих, являющихся крупным резервом дальнейшего развития рабочего движения.

В настоящее время численность членов Росокон вместе с региональными профсоюзами достигает 1,5 млн. человек. В него входят 18 отраслевых профсоюзов, включая 4 из Сохё.

Совет содействия единому фронту опубликовал программу своей деятельности «За подлинное единство рабочего фронта», состоящую из пяти пунктов: бороться против эксплуатации и угнетения, проводить массовые совместные действия в защиту жизни и прав рабочих; утверждать принципы независимости от капитала и независимости от политических партий в профсоюзном движении, строго оберегать классовую самостоятельность; бороться против принципа отбора членов профсоюзов, основанного на антикоммунизме, за открытое единство; не выдвигать в качестве предварительного условия следование определенной международной линии, добиваться самостоятельного единства; вовлекать в профсоюзы неорганизованных рабочих.

Совет содействия единому фронту проводит большую разъяснительную работу среди трудящихся, разоблачает раскольнические действия ЛДП и правых профсоюзов, организует массовую борьбу за повышение жизни народа, за реорганизацию японской экономики на демократических началах, активно поддерживает весеннее наступление трудящихся, выступает против милитаризации страны, за расторжение «договора безопасности», за упрочение мира на японской земле. На многочисленных митингах были приняты решения о проведении массовых мероприятий против усиливающегося гнета монополий, за улучшение жизни народа, в защиту мира и демократии, за создание классового национального профцентра. Совет содействия единому фронту и входящие в него профсоюзы ведут активную работу и по вовлечению неорганизованных рабочих в профсоюзы. Например, осакское отделение общества провело опрос 150 тыс. неорганизованных рабочих, большинство которых поддержало идею создания единого национального профсоюзного центра на классовой основе.

Домэй и другие правые силы рассматривают Совет содействия единому фронту как серьезное препятствие на пути осуществления своих замыслов. Так, председатель Домэй Усами, касаясь переговоров по вопросу единства рабочего фронта, заявил: «Условием создания единого фронта является четкая негативная позиция отраслевых профсоюзов по отношению к Совету содействия единому фронту»¹⁹.

¹⁹ Цит. по: Х. Арабори. Родо кумнай ундо-рон, с. 94.

Вслед за Домэй с критикой в адрес Совета содействия единому фронту выступили некоторые лидеры Сохё, которые обвинили совет в «фракционистских, раскольнических действиях» и дали понять, что к нему будут применены санкции организационного порядка. Правые лидеры Сохё на съезде, состоявшемся в 1980 г., добились принятия решения о роспуске Росокон, действующих внутри профсоюзов, которые входят в Сохё или находятся под его влиянием. Руководство профсоюза учителей также вынесло порицание своей токийской организации за присоединение к Росокон.

В отчетном докладе XV съезду КПЯ подчеркивалось, что «существующие национальные профцентры заняты не выполнением, а сдерживанием требований рабочих, не претворением в жизнь великого дела прогрессивных сил, а переходом на правые позиции в политике, не укреплением единства рабочего фронта, а углублением раскола в его рядах». В докладе указывалось, что «роль, которую играют эти профцентры, функции, которые они выполняют, прямо противоположны изначальной роли и функциям национальных профцентров. Естественным правом рабочих и профсоюзных организаций, долгом всех тех, кто задумывается о правильном пути развития профсоюзного движения, является право высказывать озабоченность таким положением, проводить дискуссии по вопросу о классовом и демократическом характере национальных центров, выбирать, к какому национальному центру присоединится данная профорганизация, принимать решения о создании новых национальных центров совместно с другими профсоюзами»²⁰.

Что касается критики со стороны Сохё и Домэй в адрес Росокон как раскольнической организации, то в решении XV съезда КПЯ подчеркивалось, что «критиковать» такие действия как «раскольнические» — значит не признавать естественных прав рабочих и профсоюзов, насильно заставлять рабочих и профорганизации, критически настроенные по отношению к антикоммунистическому, антиновленческому курсу нынешних национальных центров, подчиняться этому курсу»²¹.

Пытаясь увести за собой профсоюзное движение, правые лидеры социал-демократического толка встали на путь форсированного создания нового объединения на базе профсоюзов частных предприятий, имея в виду в дальнейшем втянуть в него также и другие профсоюзы, стоящие на нейтральных позициях. В декабре 1982 г. они провозгласили создание Всеяпонского совета профсоюзов частных предприятий (Дзэннихон минкан родокумнай кёгикай, или, сокращенно, Дзэнминрокё). В состав совета вошел 41 профсоюз, общая численность членов которых составляет 4230 тыс. человек. Основу нового профцентра составляют 17 профсоюзов, входящих в Конфедерацию японских профсоюзов (Домэй), 8 — в Совет нейтральных профсоюзов (Тюрицу рорэн), 5 — в Генсовет японских профсоюзов (Сохё), и 7 независимых профсоюзов. Председателем нового объединения избран Татэяма Тосифуми (бывший лидер Тюрицу рорэн), а генеральным секретарем — Ямада Сэйго (заместитель председателя профсоюза текстильщиков из профцентра Домэй).

Организаторы нового объединения заявили, что намерены привлечь на свою сторону еще 12 отраслевых профсоюзов частных предприятий, с тем чтобы занять ведущее положение в профсоюзном движении страны. Следует отметить, что вошедшие в Дзэнминрокё профсоюзы не заявляют о своем выходе из профцентров, в которых они состоят, что придает новому профсоюзному объединению характер консультативного или совещательного органа по координации действий вошедших в него профсоюзов по вопросам экономического характера, то есть за «улучше-

²⁰ «Акахата», 9.III.1980.

²¹ См. там же.

ние жизненных условий на основе поддержания социального мира в промышленности», на основе гармонии труда и капитала.

Новое объединение объявило о своем намерении установить и поддерживать тесные отношения с реформистским профсоюзным движением США и стран Западной Европы. Многие наблюдатели предсказывают, что новое профобъединение столкнется с многими трудностями внутреннего характера, поскольку в него вошли отраслевые профсоюзы разной политической ориентации.

Многие профсоюзы уже сделали заявления об отказе сотрудничать с этим правореформистским центром, обвинив его в намерении сдвинуть профсоюзное движение страны с позиций классовой борьбы и направить его в соглашательское русло. Резко отрицательную оценку новому объединению дала Компартия Японии, выступающая за реорганизацию профсоюзного движения на классовой и демократической основе.

Сегодня вопрос о том, каким быть новому национальному профцентру, становится важнейшим вопросом борьбы между двумя направлениями в рабочем движении, между КПЯ и правой социал-демократией.

В резолюции XV съезда КПЯ указан путь создания классового демократического национального центра, который призван стать основой единства рабочего фронта. Создание такого центра КПЯ связывает с утверждением трех следующих принципов. Во-первых, принципа независимости от капитала, который должен стать основой профсоюзной деятельности. Во-вторых, принципа свободы выбора в вопросе поддержки той или иной политической партии и гарантирования членам профсоюзов такой свободы. В-третьих, принципа единства действий партий, выступающих за обновление. Это единство должно выражаться в проведении единых действий как в общенациональном, так и в региональном масштабах. По мнению КПЯ, Национальный центр должен открыть свои двери для всех рабочих, всех профорганизаций, признающих указанные выше основополагающие принципы его организации. Как отмечалось на XV съезде КПЯ, подлинным создателем единого рабочего фронта сможет стать лишь тот национальный центр, который в своей деятельности будет опираться на эти принципы. КПЯ призывает развернуть массовые дискуссии по вопросу о создании классового демократического национального центра, которые должны сопровождаться проведением общенациональных и местных единых действий в поддержку экономических и политических требований рабочих. Такая тактика, по мнению КПЯ, будет способствовать привлечению широких слоев рабочих к участию в создании единого трудового фронта, содействовать лучшему пониманию рабочими сущности правореформистских махинаций по созданию «единого рабочего фронта» на тред-юнионистской основе.

В обстановке обострения борьбы двух противоположных тенденций в развитии страны за последние годы еще более открыто проявилась сущность правооппозиционных партий как силы, способствующей сохранению нынешнего строя. Так, Комэйто в таких политических вопросах, как пожертвования предприятий на политические цели, система выборов, «силы самообороны», «договор безопасности», строительство атомных электростанций и т. д., открыла путь к созданию так называемой дополняюще-поддерживающей коалиции, то есть фактически встала на сторону ЛДП. Партия демократического социализма выдвинула в качестве первоочередной задачи создание коалиционного правительства совместно с консервативными силами страны. Оказывается сильное давление на СПЯ с целью сдвинуть ее на позицию сотрудничества с капиталом. Правые деятели в СПЯ под предлогом придания курсу партии «реалистичности» требуют пересмотра его по многим принципиальным

вопросам и, ратуя за достижение соглашения с Комэйто во имя будущей правительственной коалиции с нею, ведут линию на изоляцию компартии.

Изменение позиций ПДС, Комэйто, колебания СПЯ и Сохё создают господствующим классам дополнительные возможности для наступления на демократические свободы и жизненные интересы трудящихся. Об этом свидетельствуют попытки правящей Либерально-демократической партии провести через парламент серию реакционных законов о чрезвычайном положении, об увеличении военных расходов, об усилении реакционной сущности японо-американского «договора безопасности» и т. п.

Усиление наступления реакции на социально-политические и экономические завоевания японских трудящихся, сопровождаемое оголтелым антикоммунизмом, клеветой на КПЯ, раскольническая деятельность правых элементов в рядах рабочего класса ослабляют профсоюзное движение, снижают накал классовой борьбы. Это проявляется в таких фактах, как снижение числа забастовок и их продолжительности.

Большую долю ответственности за снижение боевитости рабочего движения в стране несет не только профцентр Домэй, в основе деятельности которого лежат идеи классового сотрудничества. Многие руководящие деятели Тюрицу рорэн и Сохё под давлением объединенных сил реакции и правого реформизма шаг за шагом сдают свои классовые позиции и переходят на путь соглашательства.

Тем не менее есть все основания полагать, что поправление в рядах профсоюзного движения носит временный характер, ибо широкое наступление монополий на трудящихся и их жизненные условия неизбежно приведет к усилению противодействия ему, о чем свидетельствуют процессы, происходящие в странах Западной Европы.

Преодолению правых тенденций в рабочем движении в немалой степени будут способствовать такие факторы, как продолжающееся снижение жизненного уровня трудящихся, рост безработицы, обостренные социально-классовые противоречия, затянувшийся экономический кризис, выход из которого правящие круги ищут прежде всего на путях дальнейшего усиления эксплуатации рабочего класса, всех трудящихся Японии.

XVI съезд КПЯ, состоявшийся в июле 1982 г., подтвердил готовность КПЯ к совместным действиям со всеми демократическими партиями и группами, независимо от партийной принадлежности и идеологических взглядов, согласными с лозунгом борьбы против наступления реакции, против американского империализма и японского монополистического капитала. Партия развернула широкую дискуссию о характере и организационных формах будущего единого фронта, движущей силой которой призван стать организованный в мощные профсоюзы японский рабочий класс. Японские коммунисты вместе с другими прогрессивными силами страны преисполнены решимости сделать 80-е годы десятилетием прогрессивных преобразований, десятилетием побед единого прогрессивного фронта.

Традиции в социально-политической жизни Китая

Л. С. Переломов,
доктор исторических наук
П. М. Кожин,
кандидат исторических наук
Г. Ф. Салтыков,
кандидат исторических наук

За последнее время интерес к проблеме традиций значительно возрос как в научно-теоретическом плане, так и в сугубо практическом. События последних лет, происходящие во многих странах Азии и Африки, отчетливо показывают, что эта проблема имеет отнюдь не академический характер, но приобрела исключительную социально-политическую значимость и остроту. Как следствие этих явлений в политологической, социологической, исторической и общественно-политической литературе зарубежных стран и СССР наблюдаются оживленные дискуссии по кардинальным методологическим проблемам изучения традиций. Примером может служить обмен мнениями видных советских ученых в журналах «Народы Азии и Африки», «Советская этнография»¹ в 1980—1982 гг.

В докладе «Шестьдесят лет СССР», прочитанном 21 декабря 1982 г. на совместном торжественном заседании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Ю. В. Андропов, говоря о принципах формирования отношений между социалистическими странами, в частности, отмечал, что их правильное функционирование возможно только «при полном уважении к интересам, особенностям и традициям каждой из стран»².

Мы считаем, что это указание имеет прямое отношение и к КНР, где традиции играют, как известно, огромную и очень своеобразную роль в общественной, государственной и политической жизни.

Следует отметить, что в советском Китаеведении уже давно определился устойчивый интерес к исследованию китайского исторического наследия. Основоположники советского Китаеведения академики В. М. Алексеев и Н. И. Конрад в своих многочисленных трудах подробно анализировали проблемы культурного наследия Китая. Достаточно упомянуть такие работы В. М. Алексеева, как «Китайская поэма о поэте. Стансы Сы Кун Ту» (1916), «Китайская народная картина» (1966), «В старом Китае» (1958), «Пу Сунлин. Рассказы Ляо Чжая» (1922, 1973); Н. И. Конрада «Сунь Цзы. Трактат о военном искусстве» (1950), «Запад и Восток. Статьи» (1972) и др. Плодотворно разрабатывая это ведущее направление, академик С. Л. Тихвинский обогатил советское Китаеведение рядом фундаментальных исследований: «История Китая и современ-

¹ См.: А. П. Першин. Традиции и культурно-исторический процесс. — «Народы Азии и Африки», 1981, № 4, с. 69—84; Обсуждение статьи Э. С. Маркаряна «Узловые проблемы теории культурной традиции». — «Советская этнография», 1981, № 3, с. 45—73; А. Д. Лигман, Е. П. Челышев. Культурное наследие народов Востока и современная идеологическая борьба (к итогам дискуссии). — «Народы Азии и Африки», 1982, № 5, с. 23—32; А. П. Бутенко. Некоторые теоретические проблемы перехода к социализму стран с неразвитой экономикой. — «Народы Азии и Африки», 1982, № 5, с. 70—79 и др.

² «Правда», 22.XII.1982.

ность» (1976), «Движение за реформы в Китае в конце XIX века» (1969, 1980) и др. Большой вклад в разработку этой проблематики вносит член-корреспондент АН СССР Н. Т. Федоренко. Среди многочисленных исследований Н. Т. Федоренко, тонкого знатока духовной культуры китайского народа, особое место занимают такие работы, как «Проблемы исследования китайской литературы» (1974), «Древние памятники китайской литературы» (1978) и др. Максим Тапк писал: «В последние годы Н. Федоренко в научных и литературных своих трудах разрабатывает, если вдуматься, две основные, две гигантские темы: Восток и Запад, древность и современность»³. Этим еще раз подчеркнута значимость исследования традиций на современном этапе развития востоковедения.

Большое значение проблемам традиций уделяется в многочисленных работах члена-корреспондента АН СССР М. И. Сладковского⁴.

Подводя итоги большому периоду исследований китайской классики советскими китаеводами, Л. З. Эйдлин отметил, что «наука никогда не вневременна», в ней проявляются «конкретные обстоятельства, делающие изыскания в явлениях прошлого современными до злободневности и заставляющие нас все с большим вниманием относиться к традициям, а в их числе и к литературному наследию, оставленному старым Китаем, но никак не затерявшемуся в веках и даже тысячелетиях... Ныне быстро бегущая китайская современность не будет понята без прошлого, так как от него она все-таки не убегает, и изучение китайской классической литературы все более и более необходимо, если мы хотим (а мы к этому призваны) проникнуть в самую суть происходящего в огромной стране, населенной народом — создателем многовековой культуры»⁵.

Проблемы изучения традиций постоянно являются центральными на различных конференциях и совещаниях советских востоковедов, социологов, историков, этнографов⁶.

Обсуждения проблем возникновения и функционирования традиций, методологии изучения и механизмов использования их в политике проводятся также буржуазной печатью и в изданиях развивающихся стран. Особое внимание уделяется в этой литературе и в ходе дискуссий практическому воздействию традиций на общественно-политические процессы в развивающихся странах⁷.

Постоянное внимание к изучению роли и места традиций в истории и культуре Китая мы наблюдаем на всесоюзных конференциях китаеведов, на ежегодных конференциях «Общество и государство в Китае», в монографических исследованиях и статьях⁸. Как справедливо отмечал О. Б. Борисов, «в связи с задачами нашего китаеведения необходимо подчеркнуть два момента:

во-первых, исследования китайских традиций, специфики Китая, проявляющейся во многих социально-экономических и политических явлениях

³ «Литературная газета», 10.XI.1982, с. 5.

⁴ М. И. Сладковский. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М., 1974; его же. Китай: основные проблемы истории, экономики, идеологии. М., 1978 и др.

⁵ Л. З. Эйдлин. Исследование китайской классической литературы в Советском Союзе (1971—1981). — «Народы Азии и Африки», 1982, № 5, с. 169.

⁶ См.: Ю. В. Бромлей. Современные проблемы этнографии. М., 1981.

⁷ См. материалы конференций: Individualism and Wholism: The Confucian and Taoist Philosophical Perspective. York, 1981; Values and communications in Chinese (Ming-Ch'ing) popular culture. Conference held at the East—West Center, University of Hawaii. Honolulu, 1981; В. Holbrook. Stone Monkey. An Alternative, Chinese-Scientific. Reality. New York, 1981.

⁸ См. обсуждение итогов XII конференции «Общество и государство в Китае». — «Народы Азии и Африки», 1981, № 4, с. 170—172; Вторая Всесоюзная конференция китаеведов. — «Проблемы Дальнего Востока», 1982, № 2, с. 183—189. Обзоры литературы см.: Л. С. Васильев. Культы, религии, традиции в Китае. М., 1970; П. М. Кожин. Проблемы изучения традиций КНР. М., 1982; Б. С. Ерасов. Социально-культурные традиции и общественное сознание в развивающихся странах Азии и Африки. М., 1982.

ях в этой стране, идеологических концепциях, конечно, нужны. Более того, они необходимы. Без них нельзя строить ни текущего, ни долгосрочного прогнозирования политики Китая;

во-вторых, и это главное, в исследованиях необходимо строго руководствоваться марксистско-ленинской методологией, видеть, как в китайской специфике проявляются общие социально-экономические закономерности развития человеческой цивилизации»⁹.

Однако, на наш взгляд, в советских теоретических исследованиях, посвященных традициям, недостаточно учтен опыт современного Китая, имеющий огромное значение для общей теории изучения традиций. С другой стороны, явно недостаточно изучена роль и значение традиций в КНР 80-х годов, где решаются сложнейшие социально-экономические и политические задачи. Какие же проблемы методологии изучения традиций в современном Китае выдвигаются на первый план?

Это прежде всего «общая стратегия исследования традиций», то есть выделение таких теоретических положений, которые выполняют методологическую функцию, выступают в качестве принципов.

Данная публикация прежде всего ставит вопрос о том, что считать традициями в современном Китае. Казалось бы, исходя из определения категории «традиция» можно легко выделить традиционные образования и структуры в общественной жизни страны. Однако существуют десятки подобных определений, что уже вызывает большие трудности в понимании этого явления. Кроме того, существует большой разрыв между подходами к традиционному наследию, во-первых, со стороны исследователей современности, не учитывающих действия традиций в жизни страны, и, во-вторых, со стороны исследователей древности и средневековья, которые не всегда придают должное значение современному воплощению китайского исторического наследия, его актуальности.

Для того чтобы выработать обоснованное определение понятия «традиция» и установить объем традиций, функционирующих в современном Китае, необходимо рассмотреть прежде всего ленинскую трактовку понятия «культурное наследие».

В. И. Ленин уделял в своих работах очень большое внимание вопросам традиции, исторического наследия и их взаимодействия с современностью. Известно, что Богданов, Плеханов и другие идеологи так называемой «теории пролетарской культуры» выдвинули лозунг «сбрасывания» Пушкина и Толстого «с парохода современности». Полемизируя, в частности, с ними, В. И. Ленин не раз подчеркивал, что главное здесь именно в преемственности культурной традиции. В. И. Ленин никогда не отсекал рабочий класс и крестьянство от традиций культуры предшествующих эпох. Наоборот, он всегда указывал на необходимость изучения и применения духовной культуры прошлого в целях успешного построения нового общества. «Только тот из угнетенных классов способен своей диктатурой уничтожить классы... только тот класс, который усвоил себе всю городскую, промышленную, крупнокапиталистическую культуру, имеет решимость и способность отстоять ее, сохранить и развить дальше все ее завоевания...»¹⁰ Для успешного развития всего советского общества, указывал В. И. Ленин, «на одной грамотности далеко не уедешь. Нам нужно громадное повышение культуры»¹¹.

В. Ф. Асмус, исследовавший ленинское понимание культурной традиции, показал, что В. И. Ленин не ограничивал это понятие только областью духовной культуры: «Обычно под традицией понимают главным образом традицию в различных отраслях только духовной, или интел-

⁹ О. Б. Борисов. Положение в КНР и некоторые задачи советского китаеведения. — «Проблемы Дальнего Востока», 1982, № 2, с. 10.

¹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, с. 387.

¹¹ Там же, т. 44, с. 170.

лектуальной, культуры. Но Ленин берет понятие традиции шире. Он включает в сферу этого понятия также — и даже прежде всего — традицию культуры политического действия, политической борьбы. Борьба эта предполагает навыки и приемы действия, которые возникают не вдруг, которые опираются на уже найденные — в иных условиях прошлого — и оказавшиеся успешными, целесообразными, победоносными приемы аналогичной борьбы предшествующих передовых классов и общественных групп»¹².

В то же время В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что есть традиции и традиции. В области политической борьбы рабочий класс различных национальностей должен всегда наследовать прежде всего свои революционные традиции политической борьбы. «В американском народе, — писал В. И. Ленин в 1918 г. американским рабочим, — есть революционная традиция, которую восприняли лучшие представители американского пролетариата, неоднократно выражавшие свое полное сочувствие нам, большевикам. Эта традиция — война за освобождение против англичан в XVIII веке, затем гражданская война в XIX веке»¹³. Особенно большое значение придавал В. И. Ленин боевым традициям Парижской Коммуны: «Новое социалистическое поколение... подхватило знамя, выпавшее из рук борцов Коммуны, и понесло его уверенно и смело вперед...»¹⁴. Говоря о революционной традиции декабрьского вооруженного восстания, В. И. Ленин отмечал: «Разве традиция такой именно борьбы, традиция декабрьского вооруженного восстания, не является порою единственным серьезным средством для преодоления анархических тенденций внутри рабочей партии...»¹⁵

Указывая на значение традиций в политической жизни общества, В. И. Ленин, отмечал, что на прогрессивные силы ложится обязанность самого тщательного и всестороннего изучения революции, распространение в массах знакомства с формами борьбы и организации, укрепление революционных традиций в народе. В. И. Ленин писал: «...Именно потому, что нам дорого бережное отношение к революционным традициям, мы должны решительно протестовать против того взгляда, будто применением одного из лозунгов особой исторической эпохи можно содействовать возрождению существенных условий этой эпохи. Одно дело — хранение традиций революции, умение использовать их для постоянной пропаганды и агитации... другое дело — повторение одного из лозунгов, вырванного из совокупности породивших его и обеспечивших ему успех условий, и применение его к условиям, существенно отличным»¹⁶.

Таково отношение В. И. Ленина к культурному наследию, в основе которого лежат преемственность, историзм и опыт революционных традиций.

В буржуазных общественно-политических науках Запада действие китайских традиций изучается на фоне всевозрастающего интереса к проблемам значения исторического наследия в современном мире.

Уже начиная с первых работ европейских ученых, посвященных Китаю, уделялось большое внимание «туземным традициям». Причем эти первоначальные оценки стали в конце концов основой современных взглядов, обусловленных, как выясняется, традиционными формами изучения в Европе китайского общества. Такой подход имел определенное положительное значение, поскольку знакомил Запад с богатым культурным прошлым китайской нации (конфуцианство, буддизм, даосизм и т. п.), оказавшим значительное воздействие на духовную культуру Запада. На-

¹² В. Ф. Асмус. В. И. Ленин о вопросах культурной традиции. — «Вопросы философии», 1970, № 4, с. 149—150.

¹³ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 37, с. 58.

¹⁴ Там же, т. 20, с. 221.

¹⁵ Там же, т. 17, с. 49.

¹⁶ Там же, т. 16, с. 26—27.

глядным примером реализации такого подхода является творчество Г. Гессе, немецкого писателя-гуманиста, лауреата Нобелевской премии¹⁷. В то же время при изучении традиций сказывается узкий практицизм исследователей, связанный с политическими и экономическими интересами правящих классов европейских держав.

Основным направлением изучения традиций в буржуазной синологии оказываются различного рода прикладные исследования, связанные с конкретными политическими целями в общих рамках политологических изысканий. Собственно, процедура изучения традиций в буржуазной синологии оказывается двухэтапной. Вначале изучается сама традиция с уклоном в область практической реализации ее задач и целей, исследуется также (насколько это возможно) значение данной традиции в сфере политической жизни. Затем, на втором этапе, предлагается прямое или косвенное воздействие на данную традицию или непосредственное использование ее в определенных целях. Примерами такого подхода к изучению традиций могут служить исследования, посвященные организации ручного коллективного труда в Китае, и дальнейшее использование их результатов для воздействия на китайских сельскохозяйственных рабочих и китайцев-предпринимателей в аграрном секторе экономики США и других стран. Естественно, в изучении этих традиционных явлений не последняя роль отводилась китайскому трудолюбию. Изучение жизни китайских общин вело в дальнейшем к поискам путей для усиления их изоляции и самоизоляции в условиях эмигрантского существования. Длительный опыт миссионерской работы в Китае вел к тому, что многие категории китайской философии при объяснении их европейскими учеными-священнослужителями видоизменили свой первоначальный смысл в соответствии с догматами христианских религиозных учений, как это ярко отразилось, в частности, в статьях и выступлениях П. К. Си¹⁸. Впрочем, такой прагматический подход к традициям не является единственной формой их изучения.

При изучении действующих в КНР традиций сложились два основных направления — связанные с систематизацией традиций и с установлением принципов периодизации общегосударственной политики КНР по отношению к действующим традициям.

В процессе изучения этих подходов особенно резко выявляются некоторые общие методологические пороки буржуазных историко-политологических исследований. В первую очередь это терминологический разнобой, являющийся следствием постулата об условности всех научных дефиниций и о сравнительной произвольности их соотнесения с реальной действительностью. В связи с проблематикой традиций эти вопросы обстоятельно рассматривали Дж. Левенсон, П. Коэн и другие исследователи. Действительно, с помощью понятия «традиция» определяется состояние государства и общества в Китае до свержения Цинской династии (так называемый «традиционный Китай»). Наконец, «традицией» может быть названа любая составная часть «культурного наследия» «исторического наследия» прошлого вне зависимости от того, какое воздействие и в какой форме подобные явления оказывают на современную жизнь КНР. Подобные подходы к трактовке традиций весьма далеки от их определения в этнологических науках, что является следствием давней разобщенности исторических и этнологических дисциплин в буржуазной науке.

Этнологические исследования связывают традиции с целенаправленным воздействием на более поздние поколения комплексов эмоциональных, психических, оценочно-нравственных, эстетических представлений, а

¹⁷ См.: Восток — Запад: Исследования. Переводы. Публикации. М., 1982, с. 174—245.

¹⁸ P. K. T. Sih. Chinese Culture and Christianity. Taipei, 1957.

также присущих определенному этносу навыков, умений, производственных приемов, форм поведения, взаимного общения, восприятия окружающей действительности, которые передаются посредством воспитания и обучения в условиях определенной среды, способствующей закреплению данного этнопсихологического стереотипа в его пассивной (воспринимающей) и активной (творческой) формах. В буржуазной политологической литературе компоненты данного определения связывают лишь «с малыми традициями», то есть с традиционными формами повседневной жизни, с образом жизни народных масс, прежде всего жителей деревни. Однако отграничение «малых традиций» от «больших традиций», то есть общественно-политических традиций на уровне общества в целом, а также правящих классов, элиты, организации управления государством и массами, оказывается совершенно искусственным. Оно мешает многим буржуазным авторам осознавать единство механизмов, управляющих воздействием, усвоением, распространением этнических, национальных традиций, как «больших», так и «малых», а тем самым препятствует пониманию глубинных истоков и форм китайского традиционного «национализма», специфики национального характера.

Опыт систематизации традиций, фиксируемых и исследуемых буржуазными китаеводами, указывает, что ныне активно исследуется в основном лишь поверхностный пласт «больших традиций», тогда как «малые традиции» фиксируются только эпизодически в форме отдельных примеров и могут получать углубленную трактовку лишь при сравнении с данными, полученными при массовых исследованиях на Тайване и в Гонконге, а также при систематическом интервьюировании эмигрантов из КНР.

Традиции, действующие в современном Китае, мы предлагаем рассматривать по нескольким крупным разделам, в пределах которых помещаются традиции, близкие по времени своего формирования. При этом период Чуньцю — конец Хань (VII в. до н. э. — III в. н. э.) можно считать временем, от которого начинается реальный отсчет действия древнейших из современных традиций.

Намеченная в литературе¹⁹ типология традиций в общих чертах сводится к следующему.

1. Традиции старого Китая:

1). Философские и политические учения древности (конфуцианство, легизм, даосизм).

2). Трудовые и бытовые традиции китайского населения. В их число входят трудолюбие, высокая культура ручного труда и технические успехи в ремесленном производстве, основанные на массе производственных секретов. Стремление к обеспечению оптимальной занятости для избыточного населения страны.

3). Исторические традиции. Они определяются значением истории как особой отрасли науки в условиях Китая, совершенно не сравнимой по своей роли с исторической наукой Запада. В некоторой мере допустимо приравнивать китайскую историческую науку, учитывая ее морализующие свойства, инструктивный и воспитательный характер, ее прямое соотношение с философскими учениями, к «философии истории» Запада. Но специфический характер рационализма китайской исторической науки делает такое прямолинейное сопоставление также несколько неточным. Значение факта, конкретного примера, определенной ситуации оказывается в китайской истории много большим, чем значение широкого абстрактного обобщения, обычного для философской мысли Запада. Там характеризуются лишь логические и теоретические положения, вытекающие из определенного повторяющегося исторического опыта.

¹⁹ См.: П. М. Кожин. Указ. соч., с. 174—192.

4). Традиции сельской и городской жизни. Эта проблема особенно широко обсуждается в историко-политической и чисто политической литературе в связи с тем, что большинство авторов видят ее прямую связь, во-первых, с развитием китайского революционного движения, во-вторых, с модернизацией китайской экономики и «социализацией» условий жизни, в-третьих, с некоторыми особенностями организационной структуры современного китайского общества (организация соседских коллективов, влияние сельских традиций на жизнь современного города и т. д.).

Сейчас выработались три точки зрения на значение китайского города для указанных выше процессов развития Китая в течение первой половины XX в. Первая точка зрения, «стандартная» для западных исследователей, объявляет город центром перемен в общественно-политической жизни и структуре азиатских стран, в том числе Китая. Вторая указывает на главную роль деревни, в которой складываются основные перемены и где ввиду ее оторванности (из-за слабых коммуникаций) от городских центров революционное движение могло развиваться без особых препятствий. Наконец, третья точка зрения строго различает разные типы городов: города восточного морского побережья Китая, в том числе «договорные порты», и города глубинных районов, сохранявшие традиционные и неизменные формы жизни. Чем более углубленными становятся исследования городов Китая, тем с большей ясностью вырисовывается их в основном традиционный уклад. Это же явление тем более обнаруживается при изучении сельской местности.

5). Народные обычаи и обряды. Сейчас вопрос о семейных, клановых и различного рода частных взаимоотношениях опять занял в литературе важное место. Делаются попытки разработать классификацию и систематизацию частных неформальных связей в китайском обществе. Авторы пытаются даже провести сравнение этих связей как системы с теми данными, которые можно получить при изучении этих проблем на материале Японии, где такие связи имеют строгую и сложную иерархию, а также на материале англоязычных стран, где преобладающее значение отводится связям товарищеским и служебным.

На китайском материале с учетом данных 20-х и 30-х годов частные взаимоотношения разделяются на следующие виды (с учетом их значимости): взаимоотношения отца и сына; взаимоотношения братьев; ученика и учителя; покровителя и покровительствуемого; членов клана и родственников в широком смысле; родственников по брачным связям; названных братьев; взаимоотношения начальника и непосредственных подчиненных; уроженцев одной области или уезда; взаимоотношения коллег; взаимоотношения уроженцев одной провинции; взаимоотношения товарищей по школе²⁰.

6). «Китайский национализм». Тема «китайского национализма» все шире охватывает различные области научной литературы. Количество аспектов, связывающих ее с китайской традицией, также крайне велико. Формулируются, наконец, те ограничения, которые позволяют примирить крайне резкую позицию Сунь Ятсена, считавшего, что «дух национализма» в Китае следует возрождать, поддерживать, внедрять, ибо его слабость губит нацию, с проявлениями китасцентризма, гегемонизма, национал-шовинистических настроений, идущими от позднецинской политики.

7). «Политическая культура» Китая. Разработка проблем «политической культуры» Китая ведется в основном в социально-психологическом аспекте. Благодаря такому подходу буржуазные исследователи уклоняются от социально-классового анализа процессов, подменяя его рассуждениями о воздействии на массовое сознание таких идей, как «мандат Неба на правление», как авторитет верховной власти и т. п. Сейчас эта

²⁰ In: J. B. Jacobs, *Local Politics in a Rural Chinese Cultural Setting: A Field Study of Mazu Township, Taiwan*. Canberra, 1980.

проблематика находится в стадии очередного пересмотра, и в связи с ней представляют большой интерес наблюдения советских исследователей о значении ритуалов в китайском историческом прошлом. «...Китайский ритуал обладал чрезвычайно жесткой внутренней структурой. На него не оказал никакого влияния опыт общения с иностранцами, придерживавшимися иных норм межгосударственных отношений. «Ритуальные битвы» с иностранцами на протяжении двух веков не привели к сколько-нибудь существенному изменению китайского дипломатического церемониала... китайская сторона либо не видела, либо предпочитала не видеть, что «ритуальный барьер» наносит значительный вред ее нормальным отношениям со всем остальным миром. А может быть, в Китае и видели и понимали все отрицательные эффекты этого явления, но не могли ничего поделать, поскольку в существовавшей там иерархии ценностей оно занимало слишком важное место. Во всяком случае, можно сказать совершенно определенно, что Срединная империя придавала ритуалу такое значение, которое уже в XVII—XVIII вв. выглядело довольно странным в глазах европейцев, да и сейчас представляется достаточно курьезным»²¹.

8). Традиции, заложенные в языке и иероглифике.

II. Традиции Запада, воспринятые и воспринимаемые Китаем:

1) Технический прогресс, 2) европейская философская мысль, 3) формирование основ современных международных отношений, учитывающих нормы и особенности современного международного права, а также отдельные нормы права западных буржуазных стран, в частности те, которые могли (и могут) приходиться в столкновение с условиями КНР, а также не соответствовать внутренним правовым нормам Китая.

III. Традиции марксизма-ленинизма и передовой опыт СССР.

IV. Традиции КНР, КПК и НОАК.

Все эти подразделения широко представлены в политической и исторической литературе. Но необходимо учитывать также работы, имеющие чисто академическую направленность, обращенные непосредственно на изучение культурного наследия прошлого, его литературных, морально-этических, художественных, политических, социально-экономических достижений. Собственно, в работах на Западе, не имеющих сиюминутных политических целей, наблюдается особый разноразряд в постановке задач исследований и форм их проведения (хотя и в области политологических исследований такой разноразряд все в большей мере становится нормой из-за большого числа дилетантских и журналистских работ). Такое положение определяется тем, что очень плохо разработанными остаются вопросы терминологии и методологии исследований. Ввиду слабости методологии не представляется возможным указать на какое-либо сравнительно общепринятое развернутое определение термина «традиция» в современной буржуазной синологии. В «Международной энциклопедии социальных наук» издательства «Макмиллан» (1968) вообще отсутствует статья, посвященная традициям. А к этому времени уже существовали многочисленные разработки как самого понятия, так и трактовки явлений, изучаемых в качестве образцов прямого воспроизводства в последующих поколениях социальных, экономических, бытовых процессов прошлого в современной жизни стран Восточной и Юго-Восточной Азии. В большинстве же словарей и лексикологических пособий Запада термин «традиция» продолжают объяснять преимущественно как устную передачу литературных, фольклорных и религиозных сюжетов в определенной этнической среде. При этом буржуазная наука постоянно оказывается в плену очередной модной концепции общественно-политического развития, и всякий новый подход к изучению традиций ведет к использованию новых методологий и методик исследования.

²¹ «Народы Азии и Африки», 1982, № 5, с. 184.

Наиболее сильное воздействие на формирование исследовательской проблематики в области китайских традиций оказали работы М. Вебера, противопоставляющие «рациональное» и «традиционное» общество, а также теория «гидравлических цивилизаций» К. Витфогеля. Значительное воздействие на развитие этих идей оказали работы Б. Шварца и особенно исследования проблем «политической культуры», начатые в общетеоретическом плане Г. Олмондом, С. Вэрбой, К. Пауэллом, Л. Паем и продолженные непосредственно на китайском материале Р. Соломоном. Быстрая смена отношения к работе Р. Соломона «Революция Мао и китайская политическая культура» (1971)²², а затем и к оценке проблем политической культуры в целом очень ярко характеризует неустойчивость научной методологии буржуазных исследований.

При таком методологическом разномое невозможно ни сравнить оценки отдельных традиций, ни тем более свести их в единую систему. Это мешает углубленному исследованию историко-культурных процессов, происходящих в стране под воздействием политических преобразований современности. Отсюда и проистекают различные попытки однобоко решить проблемы современного состояния традиционных явлений.

Чтобы понять всю глубину китайского своеобразия, в значительной мере определяющегося традициями, надо знать истоки и масштабы функционирования традиций в Китае. Основные объективные причины жизнестойкости традиционного в Китае: более чем двухтысячелетняя история государственности и политико-философских учений, обеспечивавших идеологически активное функционирование традиций государственных, а также общественных и семейных, и все это — на базе застойной феодальной системы. Поэтому традиционные нормы, понятия и ценности глубоко проникли в китайскую культуру и национальный характер китайцев, поэтому для политической культуры Китая характерна в отличие от политических культур других стран и народов активная роль института «история — политика»²³. Став живой традицией, институт «история — политика» воспринимается как органическая часть механизма социального регулирования и управления. Наиболее выдающиеся политики обогащали этот институт новыми суждениями, которые глубоко воспринимались их соратниками и потомками. «Если уметь правильно использовать древних авторов, — писал Сунь Ятсен, — не давать им ввести нас в заблуждение, если уметь поставить их себе на службу, а не слепо следовать за ними, тогда из записей прошлого можно извлечь для себя много ценного, а самих древних можно сделать своими секретарями: и чем больше будет у нас таких записей и таких секретарей, тем лучше»²⁴.

То же отношение к традициям, в частности к институту «история — политика», сохраняется и в КНР. А наиболее наглядным свидетельством функционирования традиций является судьба концепции «использовать древность на службе современности». В условиях КНР она стала важной составной частью механизма управления и испытала на себе все изменения, связанные с политической жизнью страны.

В настоящее время в КНР наблюдается изменение в отношении к традициям и использованию вышеназванной концепции. В статье известного историка Дин Вэйчжи, в частности, говорится: «По сути дела, в отношении культурного наследия не должно быть вопроса, стоит или не стоит его наследовать, а должен быть вопрос, как его наследовать. То есть, если говорить о развитии культуры, преемственность — это объективная необходимость, которой невозможно избежать. Что касается того, как наследовать, то люди могут выбирать, сознательно занимая какую-

²² См.: Современный Китай в зарубежных исследованиях. М., 1979.

²³ См.: Л. С. Переломов. Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М., 1981, с. 3—11.

²⁴ Сунь Ятсен. Избранные произведения. М., 1964, с. 195.

либо позицию, пользуясь каким-либо методом. Мы за национальную культуру, но мы и не против западной культуры. Необходимо, руководствуясь марксизмом-ленинизмом, с учетом требований периода социализма воспользоваться новыми достижениями современной науки для изучения культурного наследия, его критики и восприятия. Такая преемственность культурного наследия не может стать препятствием для критики различных форм буржуазной идеологии традиционализма. Вместе с тем такая преемственность не может сделать нас скрягами или ценителями древности, думающими только о сохранении своего наследия. Несомненно, что главное в преемственности культурного наследия заключается в создании прекрасного будущего, неведомой ранее новой культуры эпохи социализма»²⁵. Сходную оценку значимости традиций для современной жизни КНР дала и «Гуанмин жибао»: «Китайская нация — это великая нация, обладающая прекрасным культурным наследием. Если по-настоящему любить Родину, народ, верить в процветание китайской нации, то, изучая уроки чужого опыта, необходимо изучать все, что полезно Китаю, что соответствует политической обстановке и отвергает все прогнившее, отсталое, губительное для китайского народа»²⁶.

В то же время в КНР признают, что отрицательные традиции феодального периода продолжают сохраняться в жизни китайского общества. В статье Цзя Чуньфэна «Посмотрим на социализм с точки зрения диалектики истории» отмечается, что феодальные пережитки будут еще сохраняться в течение длительного времени, неизбежно оказывать влияние на взгляды людей. Причем эти взгляды могут оказывать «разлагающее идеологическое влияние, отражением которого является возможность их проникновения в новую систему, поскольку эта система строится людьми и ими же приводится в исполнение»²⁷. Подобные же соображения высказываются и по другим кардинальным проблемам человеческого общежития, в которых наблюдаются пережитки старого общества и негативные явления (коррупция, кумовство, взяточничество, неправильное отношение к женщине, к семье, браку, деторождаемости, суеверия и т. п.).

Традиции разного рода активно присутствуют во многих сферах общественной и государственной жизни КНР. Представляется, что дальнейшее исследование их функционирования требует и более четкой формулировки самого понятия объекта исследования. Можно предложить следующий вариант определения: традиция есть внутренне взаимообусловленная, длительно функционирующая система идей, воззрений и действий, охватывающих и пронизывающих всю сферу общественных отношений, определяющих посредством регламентации поведения, деятельности, личностных и групповых отношений все основные области общественной и личной жизни данного общества. К этому следует добавить, что содержание традиций все время корректируется ходом исторического развития.

При изучении различных сфер жизни современного китайского общества — экономики, политики, социальных отношений, культуры, идеологии, — во-первых, необходимо принимать во внимание степень функционирования традиций в каждой из этих областей и во-вторых, для более углубленного понимания этого функционирования в отдельных областях следует учитывать закономерности действия традиций в рамках всего китайского общества, то есть необходим комплексный подход.

²⁵ «Жэньминь жибао», 22.III.1982.

²⁶ «Гуанмин жибао», 25.II.1982.

²⁷ «Хунци», 1980, № 21.

В тупиках теоретических противоречий

О некоторых современных японских буржуазных концепциях исторического развития

*Б. В. Поспелов,
доктор исторических наук*

Кризисный спад в середине 70-х годов ознаменовал наступление нового этапа в экономической истории японского капитализма, значение которого, однако, выходит далеко за рамки чисто экономической сферы. Явления, которые в своей совокупности вызвали экономическую ситуацию, характеризующую как кризис, способствовали появлению новых черт и оттенков в эволюции буржуазного общественного сознания в Японии.

Характер и направление этого процесса определились в 60-х годах. Это был период бурного подъема капиталистического предпринимательства в стране. Тогда буржуазным идеологам казалось, что подтвердилось их предсказание безграничности экономического роста в условиях существования капиталистической системы. В прошлом, когда буржуазия была восходящим классом, ее идеологи выдвигали концепции исторического развития, отражавшие мироощущение этого класса. Первые успехи капиталистического предпринимательства, промышленная революция, развитие науки и техники породили у буржуазии иллюзию возможности беспредельного общественного развития на основе капиталистического производства. Отождествляя свои классовые интересы с интересами всего человечества, она претендовала на роль движителя исторического прогресса и конструктора общечеловеческой цивилизации.

Такого рода взгляды разделяли идеологи и японской буржуазии. Используя обстановку экономического бума, буржуазная общественно-политическая мысль стремилась доказать антинаучный по самой своей сущности тезис о том, будто бы капиталистическому строю имманентно присущи черты, способствующие преодолению его внутренних противоречий и превращающие его в движущую силу исторического прогресса.

Кризис 1973—1974 гг. и последующий за ним относительный застой в производстве нанесли удар по этим иллюзиям буржуазных обществоведов. Неумолимая действительность заставила их заново взглянуть на политические и экономические институты буржуазной общественной системы, которая уже в который раз проявила свою враждебность интересам общественного прогресса. Перед японской буржуазной наукой встала задача выработать новые концепции истории. Нужно было дать такое объяснение реалиям капиталистической действительности, которое могло бы удовлетворить классовые интересы монополистической буржуазии и ответить на идейные поиски широкого общественного мнения, охваченного в условиях экономического спада идеологической сумятицей. Течения в области японского буржуазного обществоведения на рубеже 70—80-х годов и явились такого рода попыткой теоретически осмыслить особенности капиталистического развития и дать новые рецепты лечения болезней, поразивших капиталистический строй. Но

эти попытки оказались обреченными на провал. Базирующиеся на антинаучной методологии, проникнутые заботой о сохранении капитализма как общественной системы, исторические концепции японских буржуазных авторов оказались не в состоянии ни объяснить истоки кризисов, потрясающих капитализм, ни наметить пути исторического развития общества. Это подтверждается анализом новейших течений в области буржуазной философско-исторической мысли Японии наших дней.

* * *

Профессор Токійского университета Ясусукэ Мураками вынужден констатировать, что «современное общество вступает в крутой переходный период»¹. Такая оценка нынешнего этапа исторического развития буржуазного мира дана японским исследователем не только под влиянием экономического кризиса 70-х годов и сопутствующих ему явлений в идеологической и общественно-политической жизни Японии. К подобному заключению он приходит в результате наблюдения за развитием всей исторической обстановки в мире, оно выступает как следствие выводов, полученных на основе анализа самого характера событий в XX в.

Сама по себе констатация кризиса буржуазных общественных отношений и общественно-политической мысли — явление не столь уж редкое для буржуазных исследователей. К сожалению, такого рода констатации не подкрепляются в их работах подлинно научным анализом источников кризисных процессов. Присущая этим авторам антинаучная методология мешает им прийти к единственно возможному верному выводу о том, что причина этих процессов коренится в характере производительных сил и производственных отношений, на которых зиждется буржуазная общественная система.

Мураками выделяет несколько периодов в развитии общественно-политической и философской мысли Японии послевоенных лет. Среди них важное значение имеет период, охватывающий конец 50-х — начало 70-х годов. Он характеризовался стремительным экономическим ростом, расширением всех сфер капиталистической деятельности. В области идеологии в эти годы получили развитие функционализм, различные современные экономические теории, футурология, идеи технической революции и всемогущая наука.

Особое место в послевоенной истории Японии занимают 70-е годы. К этому времени закончился процесс модернизации. Его целью было «догнать и перегнать» западные страны в экономическом отношении. По утверждению Мураками, этот лозунг играл роль организующего начала в сфере буржуазной идеологии, подчинившей свои концепции интересам оправдания безудержного капиталистического предпринимательства.

Заслуживают внимания выводы, к которым приходит японский автор, говоря об идеологической ситуации в стране. С завершением модернизации в идеологической области «начала ощущаться утеря направления и цели движения». В отличие от предыдущих десятилетий, отмеченных наличием одного или нескольких сходных направлений, теперь появилось много идеологических течений и общественно-политических концепций, претендующих на истину. Соперничая между собой, исчезая и возникая вновь, они создали обстановку «идеологической сумятицы» и неразберихи.

Примем эту схему развития духовной ситуации в Японии за рабочую гипотезу, отражающую стремление буржуазного ученого система-

¹ Ясусукэ Мураками. Хихан тэкирэкиссюги ни мукаттэ (В направлении критического историзма). — «Тюо корон», 1979, № 9, с. 94.

тизировать идеологические течения Японии послевоенного времени. Конечно, она далеко не полна, ибо не раскрывает все стороны идеологического процесса, развивавшегося в этой стране. Так, даже в годы наивысшего экономического подъема и распространения техницистских взглядов, утверждавших незыблемость буржуазных общественных отношений, происходило становление идейных течений, объективно отрицавших эти отношения. Например, это касается современного японского экзистенциализма как философского направления. Его корни — в усилившемся процессе отчуждения человека, в росте настроений тревоги и неудовлетворенности, охвативших мелкобуржуазные слои Японии в годы экономического бума. Экзистенциализм выступил в качестве конформистского, охранительного течения, но его появление было вызвано сложной духовной структурой японского буржуазного общества, в недрах которого, несмотря на успехи или, вернее, благодаря им, вызревали процессы, выражавшие настроения уныния и духовного упадка.

Но при всем этом схема Мураками заслуживает внимания как попытка буржуазного ученого проследить общую тенденцию развития идеологической ситуации в стране. Характеристики этой ситуации у него достаточно ярки и емки: в настоящее время происходит «утрача направления», наблюдается «идеологическая сумятица» и т. д. Во всех этих явлениях японский исследователь усматривает отражение окончания этапа «относительной стабилизации» высокоразвитых капиталистических стран и наступление периода «постепенной утери социальной системой XX в. способности к продолжению своего существования»².

Как признание провала попыток буржуазной науки объяснить действительность звучат экскурсы японского исследователя в историю ее важнейших идеологических течений и направлений. При всей ошибочности исходных методологических принципов, лишивших его надежного инструмента научного познания, при всей неадекватности его оценки вклада в науку различных представителей буржуазной философско-исторической мысли в его очерке отчетливо выявляется тенденция ее развития — к росту субъективно-идеалистического мироощущения, постепенной утере такого качества миропонимания, как историзм, даже в его буржуазном толковании. Современность для Мураками — это «век недоверия к истории». Оно сложилось под знаком «раскола философско-исторической мысли Запада».

Уже отмечалось, что направление мирового развития, не предсказанное буржуазной наукой, беспокойство за судьбы буржуазных общественно-политических и экономических институтов заставляют все более широкие круги буржуазных исследователей и буржуазного общественного мнения проявлять интерес к историческому процессу. Это нашло отражение и в научных поисках японского обществоведа, о взглядах которого идет речь.

Констатируя крах буржуазного историзма как теоретического принципа, оказавшегося бессильным объяснить направление исторического развития, и отвергая марксизм, Мураками тем не менее пытается найти выход из положения на путях той же буржуазной науки, еще раз подтверждая ее неспособность к широкому охвату исторических явлений.

В качестве альтернативы буржуазным философско-историческим концепциям идеалистического толка, продемонстрировавшим свою научно-теоретическую и идеологическую несостоятельность, Мураками выдвигает понятие «критического историзма», которое, по его мнению, восполнит недостатки этих концепций. Свой «критический историзм» японский исследователь пытается сформулировать на основе преодо-

² Я сусукэ Мураками. Указ. соч., с. 97.

ления так называемого «синкретизма», который, как он считает, господствовал в буржуазной философско-исторической науке в послевоенные годы.

«Синкретизм» — это стремление объединить разрозненные идеологические течения, ликвидировать противостоящие различных идеологических систем — консервативных и либеральных, «субъективного» и «объективного» подхода к истории. Если следовать логике рассуждений японского исследователя, то «синкретизм» выступает как синтез экзистенциализма и марксизма, неокантианства и взглядов классической школы, либерализма и марксизма и т. д.

Появление «синкретизма» было обусловлено рядом факторов социально-идеологического характера и их воздействием на духовную жизнь современного буржуазного общества. Это влияние, однако, осталось не раскрытым Мураками.

Во-первых, появление синкретизма как эклектического соединения идеалистических течений и марксизма знаменовало собой рост влияния в буржуазном обществе марксистского учения, которое вторгалось в общественную и духовную жизнь, тесня различные консервативные направления. С другой стороны, в нем нашли отражение попытки буржуазных и мелкобуржуазных идеологов приостановить распространение марксизма-ленинизма, размыть его теоретические основы и таким образом лишить его революционного содержания.

Во-вторых, синкретизм явился следствием идеологического плюрализма, усилившегося в послевоенные годы в связи с вовлечением в общественные движения и революционную борьбу все новых слоев населения капиталистических стран, в особенности мелкой буржуазии. Их социальное положение и общественная практика определили различие их гносеологических позиций, что способствовало появлению новых нюансов и оттенков в буржуазных идеологических течениях.

Естественно, что все попытки теоретического синтеза идеализма и марксизма, равно как и усилия создать законченную систему буржуазных взглядов на плюралистической основе, были заведомо обречены на провал. Марксизм — целостное учение, отвергающее всякие эксперименты по объединению его с враждебными идейными течениями. Что касается плюрализма, то он лишь способствовал перетасовке традиционных категорий и понятий буржуазных исторических концепций, ослабляя и без того их шаткий теоретический фундамент.

Идеологическая непоследовательность мелкобуржуазных идеологов, которых японский автор относит к представителям синкретизма, стала одной из главных причин их критики со стороны других идейных течений — как правого, так и левого толка. В частности, именно эта черта синкретизма вызвала в середине 60-х годов нападки на его последователей со стороны структурализма — идейно-философской школы, пытавшейся преодолеть «логическую неопределенность» синкретических течений и создать универсальную структуру для теоретического обоснования буржуазной общественной системы.

Банкротство идеологического синкретизма вынужден признать и Мураками. Такой оценке судеб синкретизма соответствует и констатация им неудачных попыток отдельных мелкобуржуазных теоретиков в Японии подвести идеологическую базу под тактику «политического прагматизма», заключавшуюся во временном сотрудничестве с демократическими силами. Кстати, именно в этом одна из причин противоречивости идейно-политических позиций теоретиков данного направления, эволюционировавших от демократизма в сторону консервативных реакционных идей.

Итак, идейно-философское течение, квалифицируемое японским исследователем как синкретическое, оказалось в тупике. По его мнению, в результате потери синкретизмом своих позиций образовался

«идеологический вакуум». В связи с этим Мураками настаивает на «кардинальной революции» в идеологической области. «Критический историзм» и призван, по его замыслу, заполнить образовавшуюся пустоту и осуществить «революцию» идей.

Ознакомление с «контурами критического историзма» свидетельствует о том, что провозглашенная задача оказалась не под силу японскому исследователю, поскольку методологической основой его концепции служат, по существу, те же принципы, которые предопределили крах всех предшествовавших буржуазных взглядов на историю.

Мураками заявляет, что организующим мотивом «критического историзма» должен быть «синтез» как антипод идейной раздробленности и эклектичности синкретизма. Но на поверку оказывается, что «синтез» у него предусматривает наличие идеологического плюрализма и оборачивается попытками утвердить ту же эклектическую схему исторического развития.

Японский исследователь отвергает марксизм-ленинизм как единственную подлинно научную теорию исторического процесса, утверждая, что «марксистская теория о структурном превосходстве базиса — это всего лишь одна из возможностей для создания схемы исторического развития». При таком отношении к марксизму автору «критического историзма» не осталось ничего другого, как черпать структурные элементы своей концепции в категориальном аппарате традиционной буржуазной философии истории. Он призывает разделить существующие в этой области идеи на «несколько типов», проследить тенденции внутри каждого из них и установить причинную связь между ними. Именно в этом Мураками видит путь к обнаружению «всеобщей истины» и достижению «синтеза» исторических идей. В данном случае японский автор выступает как последователь немецкого буржуазного социолога М. Вебера. Вместе с тем, пытаясь преодолеть методологическую слабость социологии К. Манхейма, он предлагает вместо провозглашенного последним «методологического индивидуализма», настаивающего на субъективном содержании процесса познания исторических явлений, применять принцип «методологического коллективизма», наличие которого он обнаруживает в восточных обществах.

В результате этих и других методологических заимствований «критический историзм» Мураками приобретает форму философско-исторической теории, стремящейся спасти буржуазное историческое сознание от охвативших его кризисных процессов и наполнить его верой в неизменную сущность буржуазных общественных отношений. Японский автор исходит из признания двух точек зрения на исторический процесс — вечной, стоящей вне исторического времени, и изменяющейся под влиянием исторических обстоятельств. К первой он относит ряд религиозно-идеалистических, метафизических концепций, зародившихся на Западе, а также индуизм, буддизм, конфуцианство. На основе синтеза этих точек зрения, как утверждает в его концепции, «великий стабильный порядок, охватывающий субъекта и объекта, получит вечное оправдание, а изменения, происходящие в действительном мире, будут толковаться как нарушение порядка». Нацеливая свою теоретическую платформу против принципа историзма, сформулированного буржуазной, а также марксистской наукой, Мураками пишет: «При таком образе мышления мы будем вынуждены пойти на отрицание идеи развития, как она существовала начиная с XIX в., — идеи самонакопления изменений. Пока не исчезло господство старых взглядов в области истории, для успешного осуществления такого отрицания необходима выработка «антиисторического толкования истории». Это будет служить решительному уничтожению того, что после XIX в. рассматривалось как развитие. Когда такого рода историзм, отрицающий развитие, хотя бы частично утвердится, а экономическая, политическая и жизненная

деятельность до некоторой степени стабилизируется, впервые будет возможно стать выше исторического времени»³.

Не требуется особого труда, чтобы раскрыть смысл вышеназложенных рассуждений Мураками. При всех своих претензиях на новаторство в области теории и провозглашаемый «критицизм» в сфере исторических исследований японский теоретик не идет дальше гальванизации отживших метафизических концепций, стараясь провести мысль об их «вечном» и «неизменном» значении. Что же касается второй части — «критического историзма» Мураками, — то она сводится к попыткам доказать необходимость синтеза различных современных буржуазных теорий исторического развития и социальных отношений. В таком синтезе японский исследователь видит залог успешного противоборства с синкретическим взглядом современных буржуазных обществоведов, условие «выживания» таких теорий, которые толкуются им как «антисинкретические» и которые якобы преодолевают недостатки буржуазного историзма.

«Критический историзм» Мураками, таким образом, не преодолевает кризис буржуазного исторического сознания в современной Японии. Более того, теоретическая позиция японского исследователя выявляет новые грани и оттенки этого кризиса, одна из причин которого — порочность методологических принципов, используемых буржуазными теоретиками в их обществоведческих исследованиях.

* * *

Если концепция «критического историзма» Мураками возникла в основном как продукт филиации философско-исторических идей на основе эклектического объединения их сходных элементов, то исторические взгляды другого современного японского теоретика, Ёсио Накатэкава, сложились в основном в результате применения социально-психологического метода. Их в еще большей степени, чем взгляды автора «критического историзма», пронизывает беспокойство за судьбы буржуазного общества. Однако они оборачиваются попыткой отрицать объективную обусловленность и неизбежность прогрессивного исторического развития, желанием опровергнуть закономерность крушения капиталистического способа производства. Накатэкава старается найти такое решение проблем, выдвигаемых буржуазным обществом, которое помогло бы направить исторический процесс в русло частичных преобразований сферы общественных отношений в целях сохранения буржуазного строя.

Японский теоретик находится под гнетущим осознанием неумолимости общественного развития и неизбежности исторического движения, ибо он осознает, что в них заключена первопричина углубления противоречий буржуазной системы. Касаясь категории развития, Накатэкава высказывает ряд правильных суждений и обобщающих выводов. Развитию у него придается значение всеобщности, охватывающей все сферы человеческой жизни, и смысл имманентного закона общественного бытия. Он исходит из правильной посылки, гласящей, что историческое движение идет по восходящей линии и что процесс такого движения беспределен. Им акцентируется целенаправленность общественного процесса, закономерность исторической деятельности.

Но эти положения о сущности развития, носящие диалектический характер, у японского теоретика всего лишь абстрактная логическая схема, лишенная объективного содержания и материальной основы. Накатэкава пытается анализировать понятие развития в его «чистом виде», абстрагируясь от производительных сил и производственных от-

³ Я сусукэ Мураками. Указ. соч., с. 107.

ношений и стремясь доказать, что целеполагание исторического движения само по себе «нейтрально».

Подобная методология уводит японского теоретика в дебри идеализма, заставляя его обволакивать мистическим туманом подлинный источник исторического развития и причины кричащих противоречий буржуазного общества. В качестве импульса исторического движения он выдвигает «всеобщность воли к развитию»⁴. Эта воля непознаваема, таинственна. «Наша жизнь подталкивается к развитию некими непреодолимыми силами»⁵, — утверждает японский автор. Такую же трактовку у него получают категории прогресса и развития. В них он усматривает некое «изначальное стремление, пронизывающее жизнь до самых ее глубин»⁶.

Подобные исходные установки приводят Накатэкава к отрицанию попыток научного объяснения сущности исторического движения, к отказу от веры в прогресс, к развенчанию любого оптимистического взгляда на перспективы человеческого общества. «Будущее трудно предвидеть, мы не можем освободиться от чувства глубокого сомнения в отношении него» — таков лейтмотив высказываний японского теоретика.

Исторические взгляды Накатэкава основаны на критике «общества развития». За этим термином нетрудно разглядеть современное буржуазное общество вообще и современную Японию в частности. Распространяя на них признаки, присущие «обществу развития», он невольно выступает в роли критика ряда существенных сторон капиталистической общественной системы. Японский исследователь констатирует негативный характер движения по восходящей линии в «обществе развития», поскольку оно создает опасность для самых основ жизни и человеческой цивилизации в целом.

Такими же негативными чертами Накатэкава характеризует идеологическую ситуацию, сложившуюся ныне в буржуазном мире. Японский исследователь направляет внимание на отрицательные последствия для «общества развития» самого понимания исторического движения как процесса беспредельного восхождения. Он констатирует окончание эры исторического оптимизма, зародившегося в XIX в., нереальность различных социальных и технократических утопий нового и новейшего времени. Это в его глазах породило особую идеологическую ситуацию в «обществе развития», которое ныне охвачено страхом перед последствиями общественного движения. «Сейчас зародилось сильное сомнение в том, принесет ли такое движение счастье. Неумолимо усиливается страх перед стремительным развитием, беспокойство в отношении того, как долго оно продлится, — пишет Накатэкава. — По мере того как прогрессирующими темпами утверждается идея беспредельности процесса восхождения, неудержимо усиливается сопротивление действительности этому процессу»⁷.

Осуждением буржуазных общественных институтов и капиталистического предпринимательства звучат содержащиеся в исторической концепции японского автора характеристики «общества развития» как «ограниченного общества». Эта ограниченность усматривается им в уродливых формах и антигуманистическом характере самого общественного движения в условиях капитализма. Японский исследователь подчеркивает, что оно вовлекло в свою орбиту человека, сделав его рабом обезличенного, замкнувшегося на самом себе процесса развития. Накатэкава предупреждает, что стимулы общественной активизации

⁴ Есно Накатэкава. Хатэн сякай кара кати сякай э (От общества развития к обществу ценностей). — «Тюо корон», 1979, № 8, с. 124.

⁵ Там же, с. 127.

⁶ Там же.

⁷ Там же, с. 129.

ции в виде стремления к богатству и славе иллюзорны и создают опасность самому существованию человеческого духа. «Движение общества развития полностью уничтожило свободу человека»⁸. В нем он не может быть самим собой и в общественной жизни выступает всего лишь как «функциональный элемент». Подобное положение в сфере человеческой деятельности «общества развития» вызывает глубокую духовную деформацию его членов, охваченных лишь заботами об увеличении количественной стороны бытия. В нем «нарушены правильные связи между людьми, между человеком и природой, между человеком и вещами, между самими вещами».

Таков вывод Накатэкава о содержании идеологических процессов и морально-психологическом климате в «обществе развития».

Как видно, японский исследователь направляет достаточно серьезную критику в адрес буржуазных общественных отношений. Пусть она выражена не в прямой, а в аллегорической форме и не имеет прямо указанного адресата, критика японским исследователем капиталистического способа производства, осуждение антигуманистических черт современной ему действительности не вызывают сомнения.

Как осуществить провозглашаемую японским обществоведом задачу «освобождения от пут общества развития»? В том, как он решает поставленный вопрос, во всей полноте проявляются поражающие своей научно-политической и идеологической несостоятельностью исходные установки японского исследователя, мировоззрение которого в конечном итоге не выходит за обычные рамки буржуазных идеалистических схем, а критика капиталистического общества — за рамки осуждения его отдельных сторон с либерально-буржуазных позиций. Накатэкава считает, что содержание процесса современного развития, под которым имеется в виду развитие буржуазного общества, можно изменить путем восстановления нарушенных процессом движения связей человека с «изначальным бытием». Этого, по его мнению, можно достичь на основе отказа от «общества развития» и перехода к «обществу ценностей».

В силу утопичности всей его социальной концепции японский исследователь не в состоянии четко очертить политико-экономические параметры этого общества. Его наиболее определенной чертой является отказ от всякой идеологии, ибо, по утверждению японского исследователя, «любая идеологическая система преследует цель достижения выгоды». Что это — настаивание на так называемой «деидеологизации» или проявление какой-то особой философско-теоретической позиции? Нет никакого сомнения в том, что во взглядах Накатэкава явственно проявляется первая тенденция. Она имеет своим основанием разочарование в буржуазных концепциях общества. Японский исследователь считает, что экзистенциализм, романтизм, нигилизм, анархизм, критический скептицизм и т. д. не способствовали преодолению пороков «общества развития», были оторваны от жизни и постепенно становились «обычными спекулятивными конструкциями». Признавая марксизм-ленинизм в качестве «влиятельной движущей силы развития освободившихся стран», он тем не менее также отвергает его, ибо не понимает сущности коммунистической формации как цели общественного движения и как системы, ликвидирующей пороки процесса развития буржуазного общества. «Деидеологизация», на которой настаивает Накатэкава, говоря об «обществе ценностей», недостижима, «идеологического вакуума» в любой общественной системе быть не может. Вопреки предположениям японского исследователя «общество ценностей» также оказывается сферой господства буржуазной идеологии.

⁸ Эсно Накатэкава. Указ. соч., с. 133.

Выход из положения Накатэкава усматривает в создании общества, основанного на моральном совершенствовании индивидов, которые «своими силами вырываются из потока, вовлекающего человека в развитие и движение». Рекомендации по преодолению такого состояния у него сводятся к перечню различных ограничений, граничащих с аскетизмом. В конечном итоге Накатэкава как сторонник обновления процесса капиталистического развития провозглашает необходимость «духовного сопротивления» историческому процессу.

Все эти проекты японского социолога нереальны, ибо не затрагивают социально-экономической основы буржуазного общественного строя. Японский исследователь не может не признать, что «существует много проблем, которые нужно разрешить для перехода от общества развития к обществу ценностей». Это прежде всего проблема экономической системы. Он вынужден констатировать, что «без реформы капиталистического строя чего-либо добиться в этой области невозможно». Иными словами, далее постановки вопроса о реформах капитализма Накатэкава не идет, и вся его социологическая концепция «общества ценностей» оказывается консервативной буржуазной утопией. Иллюзии, которые строит Накатэкава в отношении «общества ценностей», противопоставляемого буржуазному «обществу развития», лишь уводят общественно-политическую мысль от правильного решения социальных проблем, поставленных буржуазной действительностью.

* * *

Одним из направлений буржуазной науки об обществе в Японии наших дней является философская антропология. Претендуя на толкование сущности человеческого бытия, она пытается через него объяснить сущность мира и человеческой истории.

В качестве важнейшей цели философско-антропологических концепций ставится задача преодоления плюрализма, проявившегося в распространении различных антропологических исследований в частных науках. Изучая те или иные аспекты человеческого бытия, акцентируя внимание на отдельных сторонах человеческой деятельности, некоторые буржуазные теоретики абсолютизировали эти стороны — так сложилась мозаичная концепция сущности человека в виде биологической, культурной, религиозной, исторической и др. антропологий.

Считается, что непосредственно философская антропология возникла как реакция на отрицание разумного начала в жизни человека, характерное для современных идеалистических течений, и вместе с тем как стремление преодолеть односторонность чисто рационалистического толкования его сущности, якобы присущего материалистическому взгляду, а также различных так называемых сциентистских философских учений. Но попытка философской антропологии занять некую среднюю позицию в ряду философских течений лишь подтверждает ее идеалистическую сущность.

В 60—70-х годах некоторые буржуазные ученые с целью преодоления кризиса философской антропологии предприняли попытки дополнить ее новыми концепциями, почерпнутыми из социальных и естественных наук, включая психологию, медицину и др. Естественно, что эти попытки с самого начала были обречены на неудачу, ибо опирались на те же ошибочные методологические принципы, что лежат в основании всего этого течения.

Поиски «новой антропологии» были предприняты и в Японии. Возникновение данного направления в области буржуазной философско-исторической мысли объясняется кризисной духовной ситуацией, сложившейся в этой стране, банкротством буржуазных исторических и

философских взглядов, пытавшихся сформулировать теорию общества, противостоящую марксистско-ленинскому учению. «Боль, в особенности душевная боль, — такова одна из сущностных черт человеческого бытия», — пишет историк Сигэки Томинага⁹, разделяющий взгляды тех западных философов, которые ведут исследования в области «новой антропологии».

«Мы, люди, стали пустышками», — вторя Томинага, пишет Сатоси Ватанабэ. Разросшиеся средства коммуникаций не способствуют восстановлению подлинных межличностных отношений. «В людях нет ни инициативы, ни желаний, ни цели. Отчуждение человека приводит в конце концов к прекращению жизни»¹⁰. С высказываниями Томинага перекликаются суждения профессора Токийского экономического института Икюо Аракава на неустроенность бытия человека. Аракава обращает внимание на «ущерб, который был нанесен человеку наукой и техникой». Он считает, что «беспокойство в связи с опасностью уничтожения человечества» в настоящее время проникло в повседневную жизнь. «Наше время — это время откровения, глубоких раздумий, какого еще никогда не было», — признает он¹¹. В центре теоретических исканий Аракава — проблема взаимоотношения «человечности, раскрытой промышленной цивилизацией», и «человечности, разрушенной ею». Японский исследователь занят поисками «универсальной человечности», отчужденной научно-техническим прогрессом.

Основной отличительной чертой «фундаментальной антропологии» Аракава является посылка о необходимости усиления биоантропологических исследований. Для подтверждения этого тезиса японский теоретик использует данные, полученные в последнее время антропологией, психологией и лингвистикой. Суть биоантропологического подхода к человеку — отказ от «антропоцентризма», ставящего в центр бытия человека, рассмотрение человека и низших живых существ сквозь призму концепции об относительном характере их различий. Аракава утверждает, что анализ экологии приматов и форм приспособления человека к природе, а также бихевиоризма приматов, изучающего характер телесных реакций на внешние раздражения, якобы доказывает сходство приматов и человека. Японский теоретик провозглашает задачу создания «экологической социально-культурной системы», которая доказала бы наличие в мире животных явлений «культуры» и установила бы границу, разделяющую человека и природу вне сферы культуры. Точно таким же образом, согласно Аракава, необходимо доказать, что различие между приматами и человеком состоит не «в качествах, вытекающих из высокого призвания человека», а в несходстве чисто количественных доминантов.

Стоя на позициях воинствующего биоантропологизма, который свидетельствует о полном пренебрежении к требованиям истинной науки о человеке, японский исследователь формулирует основные постулаты своей «фундаментальной антропологии» так, что ее антинаучность и антигуманизм проявляются с особой наглядностью. Аракава требует отказа от исследования специфических особенностей человека, отличающих его от животных, и настаивает на установлении этой специфики «в реально существующей конкретности»¹², которая якобы преодолевает противопоставление мира животных и мира человека; он пытается доказать бессмысленность поисков ответа на вопрос, что пер-

⁹ Сигэки Томинага. Фуан-э-но манадзаси (Проникновение в состояние беспокойства). — «Тюо корон», 1979, № 9, с. 178.

¹⁰ Норио Фудзисава, Сатоси Ватанабэ. Кагаку-но ти то тэпугаку-но ти (Научное знание и философское знание). — «Тюо корон», 1979, № 9, с. 190.

¹¹ Икюо Аракава. Буммэй, микай, сидзэн (Цивилизация, дикость, природа). — «Тюо корон», 1979, № 9, с. 121.

¹² Там же, с. 133.

вично, а что вторично — общество или природа, и настаивает на рассмотрении того и другого как самостоятельных состояний; наконец, Аракава стремится утвердить мысль о единой генеалогической линии становления этих состояний.

Принятие этих требований «фундаментальной антропологии», согласно утверждению японского теоретика, приведет к установлению связи между историей и антропологией, означающей на деле уничтожение истории.

Аракава пытается приписать «фундаментальной антропологии» всеобъемлющие объяснительные функции, старается подменить ею гносеологию и философию как мировоззренческую дисциплину. «Если фундаментальная антропология утвердится в качестве основы всех гуманитарных наук,— провозглашает этот теоретик,— то она должна стать подлинной наукой фактов, включающей в себя новую теорию познания. Данная концепция также потребует создания новой философии, которая не будет исходить из предпосылки об исключительности статуса уже существующего человека»¹³.

В уничтожении «антропоцентризма» японский теоретик видит основную заслугу сторонников современной философской антропологии. Суть антропологии, пишет Аракава, заключается в том, что «человек должен взглянуть на себя как на нечто не существующее в действительности. Основной предпосылкой антропологии, к созданию которой нужно стремиться, является отказ от толкования человека как центра бытия»¹⁴.

Иными словами, Аракава считает человека одной из равноправных частей некоей общей структуры. Он настаивает на его полном слиянии с природой и рассмотрении ее через человека, лишённого социальных функций. Производительные силы, производственные отношения, базисные и надстроечные явления, само понятие общественно-экономической формации для него не существуют, все это растворилось во всеобъемлющей структурной системе, толкуемой с биологических позиций. Структуралистский метод рассматривает каждый субстанциальный элемент структуры как составную часть некоей общности и считает, что он стратифицирован и функционирует в соответствии с ней. Приемлемый в какой-то своей части как способ научного анализа, структурализм должен быть решительно отвергнут, когда он начинает претендовать на несвойственные ему философско-мировоззренческие функции и роль научной теории.

Другой японский исследователь, Сигэки Томинага, разрабатывает структуралистскую концепцию существования «двух историй» — истории как текущего времени, заключающейся в смене внешних явлений, и истории как некоем статичном, неизменном состоянии, которое сводится к индивидуальной жизни. В традиционных структуралистских концепциях эти термины выражены в понятиях «диахронического разреза», требующего исторического подхода, и «синхронического разреза», дающего фиксированную структуру существующих взаимоотношений и связей. Первый подчинен второму и играет чисто служебную роль. «Второе состояние — это «структура», заданная заранее и противостоящая «историческому времени»,— провозглашает Томинага. Структура, или «структурная целостность», таким образом, существует в пустоте, ей чужда точка зрения исторического развития. Нетрудно обнаружить сходство категории «структурной целостности» с различными понятиями идеалистической философии, утверждающими существование неких трансцендентных источников бытия.

¹³ Икуо Аракава. Указ. соч., с. 130.

¹⁴ Там же.

В области антропологии структуралистский разрыв «структуры» и истории открывает дорогу реакционным выводам и антинаучным обобщениям. Его отдельные сторонники пытаются доказать наличие неких изначально существующих общих черт в культурной деятельности различных народов, сложившихся якобы вне рамок исторического развития. В этом тезисе просматривается тенденция иррационалистического подхода к истории.

Томинага пытается доказать, будто современные антропологические концепции преодолевают различие между диахроническим и синхроническим способами анализа человеческой истории¹⁵. Однако это утверждение неосновательно, ибо исходные позиции его авторов покоятся на идеалистическом подходе к действительности.

Видным представителем современного японского структурализма является Юдзиро Накамура. Он сетует по поводу того, что в настоящее время «чувственное и телесное начала все более объединяются», в то время как «разум и рассудок часто формируют господствующий социальный порядок, выражая его внешнюю и внутреннюю стороны». Накамура выступает за усиление роли чувственного начала. Следуя структуралистским концепциям об особой роли примитивных религий и форм мышления как составных элементов заданной целостности, он пытается придать большое значение шаманизму, религиозным обрядам, бытующим среди отсталых племен Азии и Африки. Этот теоретик стремится провести идеалистическую идею о том, что «материальная субстанция является всего лишь вместилищем для духа и большого значения не имеет»¹⁶. Биоантропологическая концепция Накамура смазывает различие, существующее между состоянием жизни и смерти, растворяет человека в «структуре». Она отрицает ценность человеческой жизни, толкуемой не как «элемент и функция структуры», а взятой сама по себе, в качестве самостоятельного, законченного явления природы. Японский теоретик игнорирует историческую деятельность человека; рассуждая о «диалектике», он рассматривает ее не как логику исторического развития, а лишь как логику языка, впадая в антиисторизм. Структурализм Накамура, таким образом, претендует не столько на функции методологических приемов исследования, сколько на роль мировоззренческой дисциплины идеалистического толка.

* * *

Анализ ряда буржуазных концепций исторического развития, с которыми выступают некоторые японские философы и историки, свидетельствует об углубляющемся кризисе буржуазного исторического сознания, о теоретическом тупике, в котором оказалось японское буржуазное обществоведение. Прогрессивные ученые Японии видят выход из этого тупика в утверждении позиций тех общественных движений и сил, которым принадлежит будущее, в овладении методом диалектического и исторического материализма, дающего исчерпывающий ответ на все вопросы человеческой истории.

¹⁵ См.: Сигэки Томинага. Указ. соч., с. 178.

¹⁶ См.: «Акахата», 29.IV.1981.

Советские историки о «движении 4 мая» 1919 г. в Китае

*В. Н. Никифоров,
доктор исторических наук*

Среди крупных событий революционной борьбы китайского народа, исследуемых советской исторической наукой, достойное место занимает «движение 4 мая» 1919 г. В день 4 мая 1919 г. пекинские студенты организовали бурную демонстрацию против решений Парижской мирной конференции, закреплявших за империалистической Японией захваченную ею китайскую провинцию Шаньдун. Это антияпонское движение положило начало новой волне сознательно антиимпериалистических и в то же время антифеодальных революционных выступлений. С оценкой «движения 4 мая» 1919 г. постоянно приходится сталкиваться исследователю, имеющему дело с историей национально-освободительного движения в Китае.

В своем историографическом обзоре мы ставим задачу указать основные этапы изучения «движения 4 мая» в СССР, сосредоточив внимание на месте этого движения в истории Китая и на проблеме класса-гегемона.

Первые оценки событий 4 мая 1919 г., весть о которых вскоре достигла Москвы, встречаются в ранних советских китаеведческих работах. Наиболее близкие к самим событиям авторы чувствовали, что начинается какой-то новый этап общественного движения. Так, А. Ивин писал из Пекина, что дату 4 мая вы «постоянно встретите на столбцах китайских газет, услышите на китайских митингах, ибо она более, чем 10 октября 1911 г., знаменует собой в жизни китайской общественности новую эру». «Движение 4 мая», по характеристике А. Ивина, впервые обнаружило «единый национальный лик Китая» и стало «исходным пунктом современного общественного движения»¹.

Внимательный наблюдатель-очевидец подметил здесь характерные черты «движения 4 мая» 1919 г.: 1) начало нового этапа истории страны (как мы сказали бы сейчас, вступление Китая в новейший период всемирной истории); 2) веха более важная, чем 10 октября 1911 г.; 3) веха становления современной китайской нации.

Не все исследователи сразу уловили эти черты. После А. Ивина события 4 мая 1919 г. долгое время хотя и упоминались в советской историографии, но не как начало новой главы истории или истории революционного движения Китая². Единственным исключением среди историков за 30 лет явился П. А. Миф, посвятивший «демонстрации 4 мая 1919 года» специальный раздел своего очерка³. Несколько больше по-

¹ А. Ивин. Современный Китай (Письмо из Пекина). — «Новый Восток», 1922, № 7, с. 186.

² См. статью В. Н. Кучумова в БСЭ (1-е изд., т. 32, 1936, с. 593) и очерк Г. В. Ефимова в сб. «Китай. История, экономика, культура, героическая борьба за национальную независимость». М. — Л., 1940, с. 184—185.

³ См.: П. А. Миф. 15 лет героической борьбы. К 15-летию Коммунистической партии Китая (июль 1921 г. — июль 1936 г.). М., 1936, с. 12—13.

везло даже 4 мая у историков литературы, которые писали, как, например, Н. А. Петров, что «движение 4 мая» «является как бы рубежом, отделяющим историю новой литературы Китая от новейшей»⁴.

Когда после окончания второй мировой войны в Москву стали поступать издаваемые в Китае исторические очерки китайских коммунистов, стало очевидно, что, по существу, «движение 4 мая» в целом понимается как рубеж, отделяющий Китай нового периода всемирной истории от новейшей⁵. Это дало толчок исследованиям советских ученых. И на этот раз на «движение 4 мая» 1919 г. первыми обратили внимание филологи, которые не могли пройти мимо историко-культурного и лингвистического аспектов этого движения.

В 1952 г. академик Н. И. Конрад высказал даже мнение, что до 4 мая 1919 г. нельзя говорить о существовании китайской (ханьской) нации как таковой и соответственно китайского национального языка: даже буржуазная революция 1911 г. не дает права на это. По словам автора статьи, «решающий момент в истории китайского национального языка — момент окончательного укрепления его позиций, момент приобретения им подлинно национального значения» связан с не раз уже упоминавшимся «движением 4 мая» 1919 г.⁶ В ходе «литературной революции» книжный, оторванный от разговорной речи язык вэньянь был заменен разговорным, «простым языком» — байхуа. «На этапе этого простого языка и завершилось развитие языка китайской народности в язык нации», — писал Н. И. Конрад, считая, что такая победа была одержана только благодаря «движению 4 мая»⁷. Согласно Н. И. Конраду, смена письменно-литературного языка в Китае, особенно в 1918—1919 гг., означала замену языка народности языком нации.

Историк Г. В. Ефимов, исходя из тезиса, что «китайская нация со специфическими чертами, присущими буржуазной нации полуколоннальной страны, сложилась на рубеже двух веков — XIX и XX», признавал, что «движение 4 мая» оказало «чрезвычайно плодотворное влияние на развитие китайской нации»⁸.

Заслугой молодого в то время советского историка, участника Великой Отечественной войны Н. П. Виноградова было опубликование первой в СССР специальной статьи о «движении 4 мая»⁹. Одним из основных источников автору послужила книга китайского историка Хуа Гана «История движения 4 мая», изданная в Шанхае в 1951 г. Недостатки историографического периода — первых послевоенных лет — сказались в краткости статьи Н. П. Виноградова (всего семь с половиной страниц), а также в том, что в ней нашли отражение некоторые фактические ошибки, характерные для тогдашней историографии: фактическим организатором и руководителем «движения 4 мая» называлась коммунистическая интеллигенция; об идеологе китайской национальной буржуазии Ху Ши говорилось как о человеке, действовавшем в интересах колониальных держав, а милитарист Дуань Цижуй ошибочно был назван главой пекинского правительства.

Другие статьи начала и середины 50-х годов о «движении 4 мая» или близком к нему периоде преимущественно были посвящены откликам в Китае на первые сообщения о русской революции. Особое внима-

⁴ Китай. М. — Л., 1940, с. 304. См. также статью Эми Сяо «Китайская литература». — БСЭ, 1-е изд., т. 32.

⁵ См., например, первый переведенный в то время в Москве очерк: Новая и новейшая история Китая. Краткий очерк. М., 1950, с. 38.

⁶ См.: Н. И. Конрад. О китайском языке. — «Вопросы языкознания», 1952, № 3, с. 61.

⁷ Там же, с. 62—63.

⁸ Г. В. Ефимов. К вопросу об образовании китайской нации. — «Вопросы истории», 1953, № 10, с. 72, 76.

⁹ Н. П. Виноградов. Движение 4 мая 1919 г. в Китае. — «Советское востоковедение», 1955, № 6, с. 46—53.

ние с самого начала привлекло к себе творчество виднейшего писателя и общественного деятеля Китая того времени Лу Синя¹⁰.

Стимулирующим фактором в изучении истории «движения 4 мая» были регулярно отмечавшиеся в СССР с 1959 г. каждая десятая годовщина этого события. Между двумя юбилейными датами — 1959 и 1969 гг. — группируются библиографические названия, показывающие общее направление развития советских китаеведческих работ. Ближе к 1959 г. — популярные и научно-популярные очерки, ближе к 1969 г. — специальные исследования. Для первых типичны написанные Ю. М. Гарушянцем брошюра и раздел в коллективном труде сотрудников Института китаеведения АН СССР «Очерки истории Китая в новейшее время»¹¹. Обе работы описательные, построенные, правда (особенно брошюра), на большом фактическом материале, но во многом привычно следующие прежде принятой концепции. Они были, однако, лучшими в то время в нашей литературе о событиях 4 мая и так и оценивались научной критикой¹².

Для работ второго историографического этапа типичен изданный тем же Ю. М. Гарушянцем сборник источников с критической статьей в нем. Оба периода в творчестве одного и того же автора значительно различаются по степени критичности в обращении с источниками, по формам работы и соответственно по сложившейся концепции. Ко второму, более высокому историографическому этапу относятся и работы других авторов 60-х годов. Широкое исследование событий 4 мая 1919 г. начиналось одновременно с наступлением монографической стадии в изучении истории Китая. Тема 4 мая, стоящая в самом начале новейшей истории Китая и многое объясняющая в позднейшей специфике китайского революционного движения, естественно, оказалась в то время в центре внимания ученых.

Как один из ранних призывов к всестороннему исследованию «движения 4 мая» прозвучало выступление профессора Г. В. Ефимова на первой историографической конференции в Ленинградском университете в 1961 г.¹³ Упомянув вышедшие в конце 50-х годов в СССР и за рубежом брошюры, он сосредоточил внимание на анализе труда американского китаеведа Чжоу Цэцзуня «Движение 4 мая», тогда только что изданного (Кэмбридж, Массачусетс, 1960). Г. В. Ефимов оценил книгу американского исследователя как большой научный труд, построенный на широком круге источников, и отметил как положительный факт то, что автор признает историческую закономерность «движения 4 мая». И хотя автор пытается полемизировать в заключительных разделах книги с марксистским положением об антиимпериалистическом характере событий 4 мая, Чжоу Цэцзун, как указывал Г. В. Ефимов, сам тем не менее объективно дает вполне достаточный материал для обоснования указанного положения¹⁴.

¹⁰ См.: В. Ф. Сорокин. Формирование мировоззрения Лу Синя. М., 1958; В. В. Петров. Лу Синь. Очерк жизни и творчества. М., 1960; Л. Д. Позднеева. Лу Синь. Жизнь и творчество (1881—1936). М., 1959;

¹¹ Ю. М. Гарушянц. Движение 4 мая 1919 года в Китае. М., 1959; его же. Движение «4 мая». — Очерки истории Китая в новейшее время. М., 1959; его же. Идейная борьба среди китайской интеллигенции в конце 1918 — начале 1919 г. — «Советское китаеведение», 1958, № 1; его же. О движущих силах антиимпериалистической борьбы в 1919 г. в Китае (к 40-летию движения «4 мая»). — «Проблемы востоковедения», 1959, № 3; Р. М. Бродский. Антиимпериалистический характеру «4 мая» 1919 г. в Китае. Львов, 1959; В. П. Илин. Народное движение «4 мая» 1919 г. — начало новодемократической революции в Китае. — «Вопросы истории», 1958, № 1; Н. Г. Сеппи. Движение «4 мая» и идеологическая борьба в Китае. — «Вопросы философии», 1959, № 7.

¹² См.: В. Н. Никифоров. «Движение 4 мая» в оценке исследователей трех стран. — «Проблемы востоковедения», 1960, № 2.

¹³ См.: Г. В. Ефимов. К историографии «движения 4 мая». — Проблемы истории национально-освободительного движения в странах Азии. Ленинград, 1963.

¹⁴ См. там же, с. 71.

Чжоу Цэцзун, по оценке Г. В. Ефимова, выступил как против либерально-буржуазной интерпретации «движения 4 мая», сводящей все к борьбе за «новую культуру», так и против гоминьдановских историков, отошедших от положительной оценки этого движения, данной когда-то Сунь Ятсеном.

Некоторые положения в сообщении 1961 г. Г. В. Ефимова к настоящему времени устарели. Но советский историограф правильно отметил у Чжоу Цэцзуна необоснованное осуждение революционных методов борьбы (Чжоу писал в своей книге, что после 4 мая борьба в Китае приобрела «трагический характер»), тенденцию к преуменьшению влияния Великой Октябрьской социалистической революции, недооценку китайских участников движения (Ли Дачжао, Лу Синя) и преувеличение роли западных идеологов (Дьюн, Рассела)¹⁵.

В ноябре 1962 г. в Институте народов Азии АН СССР была защищена докторская диссертация А. Г. Крымова «Общественная мысль и идеологическая борьба в Китае. 1917—1927 гг.»¹⁶. Одна треть ее объема отведена ближайшим корням и последствиям (1918—1920) «движения 4 мая». Работа А. Г. Крымова выделялась прежде всего обилием источников, частично собранных автором во время командировок в КНР (1957, 1958). В примечаниях содержался объемистый, свыше печатного листа, обзор литературы о событиях 4 мая, до сих пор единственный полный историографический обзор по этой теме и потому сохраняющий свое значение, несмотря на имеющиеся в тексте небрежности и отдельные односторонние оценки. Нужно, однако, иметь в виду, что А. Г. Крымова в соответствии с общей темой его работы интересовало в его историографическом обзоре не столько само «движение 4 мая», сколько идеологическая борьба в Китае того времени в связи с проблемой распространения марксизма.

Говоря о безусловной полезности изданных к тому времени в КНР работ по истории идеологии (Хоу Вайлу и др.), А. Г. Крымов указал на их описательность, отсутствие развернутого теоретического анализа.

А. Г. Крымов первым справедливо призвал «отказаться от неправильной практики... обходить молчанием» роль Чэнь Дусю во время «движения 4 мая» и в ранний период коммунистического движения на том лишь основании, что впоследствии он отошел от партии. «Пора, — писал А. Г. Крымов, — дать... объективную, критическую, соответствующую исторической истине оценку». Столь же справедливо автор критиковал в своей рукописи противоположную крайность, встречающуюся в буржуазной литературе, — перекрашивание Чэнь Дусю в «китайского Ленина».

Автор историографического обзора указал на ненаучность противопоставления буржуазными историками 50-х годов (О. Бриер, Х. Крил, Гао Цзюньюй) «восточных» учений «западным» (марксизм выглядит у таких историков всего лишь одним из «западных» течений, а его успехи в Китае объясняются субъективными моментами). «Понятие о западном или восточном происхождении идеологии весьма условно для Китая, — писал А. Г. Крымов. — По мере политической необходимости... буржуазные ученые меняли свою ориентацию. Так поступали Янь Фу, Лян Цичао, Ху Ши, Лян Шумин и многие другие. Чаще всего ученые допускали смешение, эклектически сочетая то и другое».

Монографию Чжоу Цэцзуна А. Г. Крымов оценивал следующим образом: она, по его словам, «дает ответ на ряд важных вопросов... отличается насыщенностью материалом», но принижает роль для Китая Великой Октябрьской социалистической революции, значение рабочего движения, подменяет их благотворным якобы воздействием буржуазного

¹⁵ См. там же, с. 70, 72, 74.

¹⁶ Диссертация не была опубликована. Рукопись хранится у автора.

Запада и Японии. А. Г. Крымов указал на ненаучность утверждения Чжоу Цэцзуна о росте японского и французского влияния в тот период в Китае на том только «основании», что многие китайцы знакомились с марксистской литературой в японских и французских переводах.

Непосредственное описание событий мая — июня 1919 г. занимало в работе А. Г. Крымова мало места, автор интересовался идеологическими корнями движения и идейным размежеванием его участников. Он видел на этом пути следующие вехи: споры конца 1918 г. о путях послевоенного развития Китая; «движение 4 мая»; выступление Ху Ши против так называемых «измов» (то есть против «широких теоретических обобщений»), знаменовавшее отход умеренного крыла от движения, и др.

К 50-летию «движения 4 мая» в СССР вышла в свет целая группа исследований: составленные Ю. М. Гарушянцем сборник статей и речей Ли Дачжао¹⁷ и упомянутый выше сборник материалов «движения 4 мая»; сборник статей о «движении 4 мая»¹⁸ (из исторических статей в нем три принадлежат А. Г. Крымову; имеется также значительный — 9 статей — филологический и искусствоведческий раздел). Были опубликованы ранее статьи историков В. П. Илюшечкина, А. В. Меликсетова, С. Л. Тихвинского¹⁹, специалистов по литературе и искусству Л. Е. Черкасского, М. Е. Шнейдера²⁰. 55-летие «движения 4 мая» было отмечено научной конференцией в Институте Дальнего Востока АН СССР²¹.

Целиком посвящены истории движения некоторые работы А. Г. Крымова, Ю. М. Гарушянца, Б. В. Ветрова²². Центральный труд конца 60-х годов — сборник материалов «4 мая» — вышел в серии источниковедческих сборников по Китаю. В большом историографическом предисловии к сборнику Ю. М. Гарушянц заострил внимание на важнейших моментах движения, показал несостоятельность старой схемы и противопоставил ей собственную концепцию, в общем подкрепляемую материалами сборника.

До 60-х годов в работах советских историков, включая и самого Ю. М. Гарушянца, «движение 4 мая» оценивалось как антиимпериалистическое и антифеодалное. Подчеркивались его массовость, последовательность в борьбе против всякого (не только японского) империализма. Постоянный тезис китайских исторических очерков о том, что события 4 мая 1919 г. послужили началом «новодемократической революции», понимался в том смысле, что революционный процесс в Китае в тот период объективно стал частью мировой пролетарской революции, хотя само движение по своей природе оставалось буржуазно-демократическим. Прямо или косвенно большинство советских авторов исходило

¹⁷ Ли Дачжао. Избранные статьи и речи. М., 1965; См. также: Ю. М. Гарушянц. Ли Дачжао. К 80-летию со дня рождения. — «Народы Азии и Африки», 1968, № 5.

¹⁸ «Движение 4 мая» 1919 года в Китае. Сб. статей. М., 1971.

¹⁹ В. П. Илюшечкин. «Движение 4 мая» и рабочий класс Китая. — Доклады, представленные на XX Международный синологический конгресс в Праге. М., 1968; А. В. Меликсетов. «Движение 4 мая» и формирование социально-экономической программы Сунь Ятсена. — Там же; С. Л. Тихвинский. «Движение 4 мая» и внешнеполитические взгляды Сунь Ятсена. — Там же.

²⁰ Л. Е. Черкасский. Революционная китайская поэзия «4 мая». — «Иностранная литература», 1964, № 5; его же. К вопросу о гуманизме поэзии «4 мая». — Идеи гуманизма в литературах Востока. М., 1967; Л. Е. Черкасский, М. Е. Шнейдер. Октябрь и новая китайская литература. — Великий Октябрь и мировая литература. М., 1967; М. Е. Шнейдер. Творческий путь Цюй Цюбо (1899—1935). М., 1964.

²¹ Научная конференция «Движение 4 мая». — «Проблемы Дальнего Востока», 1974, № 3 (вступ. слово В. А. Кривцова, доклад Р. А. Миронцкой, выступления А. Г. Крымова, Т. Н. Акатовой, Е. Ю. Стабуровой, Г. С. Каретиной, доклады В. Ф. Сорокина, С. Д. Марковой, выступление А. А. Антиповского).

²² Для двух последних авторов данная тема была в тот период центральной. Именно за нее каждому из них была присвоена ученая степень кандидата исторических наук: Б. В. Ветрову — в 1964 г., Ю. М. Гарушянцу — в 1969 г.

из того, что о гегемонии пролетариата в 1919 г. в Китае нельзя еще было говорить. Однако из китайских работ была целиком воспринята структура «единого антиимпериалистического фронта» в рассматриваемый период, якобы состоявшего с самого начала из буржуазной, мелкобуржуазной и коммунистической интеллигенции (эти три силы персонафицировались в Ху Ши, Чэнь Дусю и Ли Дачжао). Ю. М. Гарушянц, напротив, решительно выступил с тезисом: в Китае периода «4 мая» рано говорить о «коммунистической интеллигенции», следовательно, неверно, что это движение идеологически непосредственно подготовило создание компартии. Все участники «движения 4 мая», кроме Ли Дачжао, руководствовались националистической идеологией, между ней и марксистско-ленинскими взглядами лежит резкая грань²³.

Анализ Ю. М. Гарушянцем основных черт принятой до него концепции «движения 4 мая» не обошелся без издержек: в критическом увлечении автор высказал отдельные положения, позже не принятые другими советскими историками. Так, в его предисловии 1969 г. проводилась мысль о том, что это движение, по существу, нельзя назвать антифеодальным. «Конечно,— писал автор,— в условиях Китая любое общественное движение, а тем более крупное, объективно направлялось как против феодального, так и империалистического гнета. Но не каждое движение субъективно осознавало объективное содержание этой двуединой задачи. И действительно, если в «движении 4 мая» момент антиимпериалистической борьбы (пусть и ограниченный рамками протеста против одной лишь Японии) был программно оформлен совершенно четко, то антифеодальных задач оно не ставило»²⁴.

Фактически, однако, если учесть сознательную, страстную борьбу деятелей движения против феодальной идеологии (конфуцианства) и культуры, более точной следует признать формулировку, выдвинутую в сборнике статей советских историков через три года после указанного предисловия Ю. М. Гарушянца — «антифеодальная борьба «движения 4 мая» ограничивалась главным образом областью идеологии»²⁵.

Внимания заслуживают также статьи Б. В. Ветрова, начавшего в Харькове специально заниматься той же темой в конце 50-х годов, то есть тогда же, когда Ю. М. Гарушянц. В серии статей 1961—1969 гг. Б. В. Ветров последовательно рассмотрел рабочее движение в Шанхае во время и после «движения 4 мая»; студенческое движение; позицию шанхайской буржуазии; начало распространения марксизма. Работы Б. В. Ветрова построены на китайских материалах, опубликованных в 1958—1959 гг.; автор использовал также работы китайских историков и некоторые материалы на английском языке (особенно об общем положении в Шанхае)²⁶.

В отличие от Ю. М. Гарушянца, осветившего в основном события в Пекине, Б. В. Ветров подробно показал шанхайский театр борьбы, описал историю трех забастовок 1919 г., явившихся важнейшей составной частью «движения 4 мая». Он наметил основные этапы освободительной борьбы 1919—1920 гг.: 1) май — июнь 1919 г. — подъем антиимпериалистического движения; 2) июль 1919 — июнь 1920 г. — «безуспешные попытки студенчества и представителей радикальной буржуазии повторить эксперимент всеобщей июньской забастовки 1919 г., повторить его без перегруппировки сил, без создания четкой политической платформы, путем дальнейшего развития только стихийного движения едино-

²³ См.: «Движение 4 мая» 1919 г. в Китае. Документы и материалы. М., 1969, с. 27, 28 и др.

²⁴ Там же, с. 20.

²⁵ Там же, с. 140.

²⁶ Общую характеристику работ Б. В. Ветрова см.: В. Н. Никифоров, О работах Б. В. Ветрова. — Шестая научная конференция «Общество и государство в Китае», вып. III. М., 1975 (ротап rint).

го народного фронта». Крах шанхайской апрельской студенческой забастовки 1920 г. и спад волны массового движения «обозначали новый важный рубеж в истории освободительной борьбы тех лет»²⁷.

Б. В. Ветров подчеркивал, что китайская интеллигенция, руководившая «движением 4 мая» и составлявшая значительную часть его участников, отнюдь не была марксистской. Например, участник движения Дай Цзитао, ссылаясь на то, что марксизм якобы коренным образом меняется в каждой стране, куда он попадает, призывал Китай искать собственную идеологию «на перекрещивании» русского большевизма с ревизионизмом, катедер-социализмом и анархо-синдикализмом. Чжоу Ян, будущий официальный глава идеологического фронта в КНР, признавал, что его, как и других участников «движения 4 мая», может быть, в равной мере привлекали в то время Ницше, Кропоткин и Маркс²⁸.

Заметный прогресс в принятии марксизма передовыми элементами шанхайской интеллигенции Б. В. Ветров относил приблизительно к концу апреля — началу мая 1920 г., когда Чэнь Дусю, испытавший к этому времени сильнейшее влияние идей Октябрьской революции и вступивший в прямой контакт с Г. Н. Войтинским, объявил себя марксистом («хотя и преждевременно», отметил Б. В. Ветров²⁹). Чэнь Дусю основал марксистский кружок, ставший «питательной средой» для воспитания марксистских кадров и зародышем коммунистической партии³⁰. Разумеется, все это уже далеко за рамками «движения 4 мая».

Существенно наблюдение Б. В. Ветрова и о том, что параллельно с мелкобуржуазной революционной демократией после 1919 г. левела и буржуазно-революционная партия гоминьдан³¹, внутри которой сдвиг влево пережили отдельные группы. «Все это,— делал вывод Б. В. Ветров,— подготавливало почву для коренного пересмотра политики гоминьдана в 1923—1924 гг.»³² К этому несомненно правильному выводу следовало бы, очевидно, добавить, что вопрос, в какой степени «полевенение» Сунь Ятсена и гоминьдана можно объяснить воздействием идей 4 мая и в какой (видимо, гораздо большей!) — непосредственным влиянием на Сунь Ятсена Великой Октябрьской социалистической революции, остается еще тщательно исследовать.

Помимо названных работ Ю. М. Гарушянца и Б. В. Ветрова³³, появились и другие статьи, посвященные непосредственно «движению 4 мая». Можно сказать, 60-е годы, особенно рубеж 60-х и 70-х, явились чрезвычайно плодотворными для исследования данной темы³⁴.

60-е годы в основном привели к выработке современной советской концепции «движения 4 мая». Специальных работ на эту тему пока

²⁷ Б. В. Ветров. Общественное движение в Шанхае в 1917—первой половине 1920 гг. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Киев, 1964.

²⁸ См.: Б. В. Ветров. «Рух 4 травня» 1919 р. в Шанхаї.— Харьковський університет імені А. М. Горького. «Учені записки», т. 117. Труды історичного факультету, т. 8. Харків, 1961, с. 49—50.

²⁹ Б. В. Ветров. Общественное движение в Шанхае., с. 10.

³⁰ См. там же.

³¹ См.: Б. В. Ветров. Развитие революционного мировоззрения Сунь Ятсена в 1917—1920 гг.—«Ученые записки Харьковского госуд. университета», т. 143. 1962, с. 24.

³² Б. В. Ветров. Общественное движение в Шанхае., с. 16.

³³ См. также: Б. В. Ветров. Начало распространения марксизма в Шанхае (1917—1920).—«Ученые записки Харьковского госуд. университета», т. 128. Труды кафедры истории КПСС, т. 10, 1962.

³⁴ См. также: Ю. М. Гарушянц. Движение 4 мая 1919 года в Китае (Проблема историографии). Доклад по работам, опубликованным в 1957—1966 гг. и представленным на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1969; А. И. Картунова. Октябрьская социалистическая революция и национально-освободительная революция в Китае (1917—1927).—«Новая и новейшая история», 1967, № 6; Ю. Костин. Империалистическое вмешательство в события «4 мая».—«Народы Азии и Африки», 1963, № 5.

больше не появлялось, за исключением статьи В. П. Илюшечкина к 60-летней годовщине движения и сообщения В. С. Любимовой³⁵. В последнем сообщении показано, как национальная буржуазия использовала национальное движение для бойкота иностранных товаров и продвижения своих. Но в рядах китайской буржуазии не было полного единства: в Пекине и Шанхае она была настроена решительно, в Гуанчжоу колебалась, в Маньчжурии бойкот вообще провалился.

За рамки интересующего нас периода выходит монография Л. П. Делюсина³⁶. Однако о ней следует упомянуть, так как автор, исследуя дискуссию 1920 г. в Китае о социализме, тем самым заполняет недостававшее звено между историей периода 4 мая и историей образования китайской коммунистической партии.

Проблема «движения 4 мая» освещена в монографии В. А. Кривцова и В. А. Красновой о Ли Дачжао³⁷, а также в кандидатской диссертации М. А. Аслановой о журнале «Синь циннянь» («Новая молодежь»), являвшемся главным органом «движения 4 мая» 1919 г.³⁸ Это самые крупные советские исследования 70-х годов, так или иначе касающиеся истории периода 4 мая.

В настоящем обзоре мы рассматриваем содержание данных работ только в части, непосредственно примыкающей к «движению 4 мая» 1919 г., то есть не выходя за рамки 1919 г.

В. А. Кривцов и В. А. Краснова характеризуют Ли Дачжао как самого крупного китайского мыслителя периода 4 мая, первого человека в Китае, глубоко понявшего и отразившего в своих трудах смысл и значение марксизма, затем большевизма и ленинизма. Авторы соглашаются с китайскими исследователями в том, что идейно-политическое развитие Ли Дачжао прошло три основных этапа: революционно-демократический (1907—1917), переходный, когда он постепенно усваивал основы научного социализма (1917—1921), и марксистско-ленинский (1921—1927). Решающим рубежом при переходе от первого этапа ко второму явилась Великая Октябрьская социалистическая революция, оказавшая на Ли Дачжао огромное влияние. Второй этап развития его мировоззрения — это, по существу, и есть подготовка, возникновение и ближайшие последствия «движения 4 мая», в самом центре которого стоял Ли Дачжао. Указанному этапу посвящена третья глава книги В. А. Кривцова и В. А. Красновой³⁹.

³⁵ В. П. Илюшечкин. Антиимпериалистическое «движение 4 мая» 1919 г. в Китае. — «Проблемы Дальнего Востока», 1979, № 2; В. С. Любимова. Об экономических и политических позициях буржуазии в движении «4 мая». — Четвертая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады, вып. II. М., 1973.

³⁶ Л. П. Делюсин. Спор о социализме. Из истории общественно-политической мысли Китая в начале 20-х годов. М., 1970. Об изучении ближайшего к 4 мая 1919 г. периода см.: В. Н. Никифоров. Рабочее движение и возникновение Компартии Китая в отражении советской историографии. — «Вопросы истории КПСС», 1982, № 1.

³⁷ В. А. Кривцов, В. А. Краснова. Ли Дачжао. От революционного демократизма к марксизму-ленинизму. М., 1978; См. рецензию: Ф. Ф. Ланпо. Книга о Ли Дачжао. — «Проблемы Дальнего Востока», 1978, № 3. См. также: В. А. Кривцов, В. А. Краснова. Ли Дачжао — первый пропагандист марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма в Китае. — «Проблемы Дальнего Востока», 1977, № 2; Ли Дачжао. Мое марксистское мировоззрение. — «Рабочий класс и современный мир», 1971, № 2; К. В. Шевелев. Из истории формирования взглядов Ли Дачжао на классы и диктатуру пролетариата (1919 — начало 1920 г.). — Третья научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады, вып. II. М., 1972; его же: К публикации статьи Ли Дачжао «Мое представление о марксизме». — Четвертая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады, вып. I. М., 1973; Тин Шэн. Ли Дачжао — мыслитель, революционер, интернационалист. — «Проблемы Дальнего Востока», 1974, № 3.

³⁸ См.: М. А. Асланова. Журнал «Синь циннянь» и его роль в развитии общественно-политических идей в Китае (1915—1921). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1974.

³⁹ См.: В. А. Кривцов, В. А. Краснова. Указ. соч., с. 72—110.

Встав на сторону Октябрьской революции, Ли Дачжао постепенно преодолевает воздействие распространенного в то время социал-дарвинизма, хотя в период «движения 4 мая» еще сохраняет определенную приверженность теории «взаимопомощи» П. Кропоткина. После «движения 4 мая» борьба между идеями социализма и национального капитализма стала главным содержанием идейной жизни в Китае; Ли Дачжао с лета 1919 г. открыто возглавил марксистское направление. В самом начале 1919 г. он в своей статье связал наступление новой эпохи с выходом на сцену рабочего класса⁴⁰, а в конце 1920 — начале 1921 г. принял марксистскую формулу диктатуры пролетариата, что завершило процесс его перехода к марксизму. В. А. Кривцов и В. А. Краснова критикуют буржуазных авторов, в частности автора американской монографии о Ли Дачжао М. Мейснера, за попытку приписать Ли Дачжао националистическое, народническое и волюнтаристское толкование марксизма. Советские авторы доказывают, что Ли Дачжао был интернационалистом, не противопоставлявшим национальную специфику Китая тому общему, что имелось в развитии Китая и других стран. Ли Дачжао был не крестьянским, а пролетарским революционером. Он страстно выступал также в защиту гуманизма и международного мира⁴¹.

Для Ли Дачжао особенно характерно критическое отношение к традиционной идеологии Китая. Поэтому неверно сводить к традиции все в Китае, в том числе взгляды Ли Дачжао, как это делают западные синологи. В. А. Кривцов и В. А. Краснова называют глубоко ошибочным утверждение западногерманского китаеведа В. Бауэра (его монография вышла в Мюнхене в 1967 г.), будто взгляды Ли Дачжао представляют собой «органическое слияние марксистских и исконно китайских традиций»⁴².

Меньше, чем личность Ли Дачжао, изучен в нашей историографии другой крупнейший идеолог и организатор «движения 4 мая» — Чэнь Дусю. О нем до сих пор нет ни одной монографии. Специальные статьи о Чэнь Дусю написаны М. А. Аслановой и С. Л. Рыковой⁴³.

Авторы избрали своей темой два печатных органа «движения 4 мая»: соответственно журнал «Синь циннянь» («Новая молодежь») и газету «Мэйчжоу пинлунь» («Еженедельное обозрение»).

М. А. Асланова⁴⁴, рассматривая «Синь циннянь» главным образом с точки зрения пропаганды марксизма в Китае, отмечает основные вехи общей деятельности журнала в 1915—1921 годах, то есть в период, когда центральным событием в международной жизни была Великая Октябрьская революция, а во внутренней жизни Китая — «движение 4 мая» 1919 г. В первые годы своей деятельности «Синь циннянь» занимался главным образом критикой конфуцианства под девизом освобождения

⁴⁰ См. там же, с. 80.

⁴¹ См. там же, с. 152—155.

⁴² См. там же, с. 110.

⁴³ М. А. Асланова. Обращение к молодежи Чэнь Дусю и его социально-политическое значение. — Третья научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады, вып. II, М., 1972. См.: ее же. Журнал «Синь циннянь» и борьба с конфуцианской идеологией. — «Китай: традиции и современность», М., 1976; С. Л. Рыкова. Взгляды Чэнь Дусю на проблему объединения Китая. — Восьмая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады, вып. II, М., 1977.

⁴⁴ Другие публикации этого автора: Женский вопрос на страницах журнала «Синь циннянь». — Пятая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады, вып. II, М., 1974; Журнал «Синь циннянь» в послеоктябрьский период (1917—1918). — Шестая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады, вып. II, М., 1975; Д. Дьюн и Б. Рассел на страницах журнала «Синь циннянь». — Седьмая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады, вып. II, М., 1976; Журнал «Синь циннянь» в 1917—1918 гг. — Китай: Поиск путей социального развития (Из истории общественно-политической мысли XX в.). М., 1979.

личности. В 1917—1918 гг., как установила М. А. Асланова, критика журналом китайских традиционных представлений стала менее резкой и целенаправленной. В этот период «Синь циннянь» сосредоточился на вопросах культуры, положении женщины. Очевидно, линия журнала в этот период направлялась умеренным крылом редакции. Характерно, что журнал не откликнулся на Октябрьскую революцию (хотя в свое время приветствовал Февральскую революцию в России), и Ли Дачжао, один из редакторов «Синь циннянь», вынужден был печатать свои статьи об Октябрьской революции в других изданиях.

М. А. Асланова считает переломным ноябрь 1918 г.: выход в свет пятого номера тома «Синь циннянь», посвященного окончанию первой мировой войны. Он содержал мысли и предложения корифеев мысли тогдашнего Китая — Ли Дачжао, Чэнь Дусю, Ху Ши, Цай Юаньпэя и других — о перспективах страны в новую эпоху. Столкновение мыслей означало начало дискуссии. Ли Дачжао в своих статьях «Победа народа» и «Победа большевизма» стоял за «революцию русского образа, революцию XX века», решительно расходясь с идеологами национальной буржуазии. Тем самым открылся новый этап деятельности журнала «Синь циннянь», когда в нем стали печататься статьи о марксизме. Вместе с тем продолжали публиковаться статьи о реформе языка, о науке и литературе, о положении женщины.

Специальный номер «Синь циннянь», посвященный марксизму (пятый номер шестого тома), вышел, очевидно, уже после событий 4 мая 1919 г. Он, по существу, продолжал начатую дискуссию, причем центральной в номере явилась статья Ли Дачжао «Мое представление о марксизме». Расхождение в принципах привело в конце концов к расколу редакции «Синь циннянь». В декабре 1919 г. был опубликован обращенный к читателям Манифест «Синь циннянь», пытавшийся примирить различные мнения на базе общей борьбы против феодальной идеологии и культуры, с некоторым налетом анархистских идей и прагматизма. М. А. Асланова проводит сравнительный анализ этого манифеста с воззванием «Синь циннянь» 1915 г.⁴⁵

М. А. Асланова заканчивает свое исследование на постепенном повороте журнала «Синь циннянь» к марксистским позициям, относя завершение этого поворота к сравнительно позднему времени — к началу 1921 г.

С. Л. Рыкова исследует еженедельную газету «Мэйчжоу пинлунь», издававшуюся Ли Дачжао и Чэнь Дусю с декабря 1918 по август 1919 г., то есть как раз в течение всего интересующего нас периода. В ней велась та же дискуссия о путях Китая, как и на страницах «Синь циннянь». И здесь исключительно велика роль Ли Дачжао, статьи которого несли китайскому читателю правду о Советской России, симпатии к большевизму, призыв следовать примеру русских. Именно в последних номерах «Мэйчжоу пинлунь» началась известная дискуссия между Ху Ши и Ли Дачжао о проблемах и «измах», знаменовавшая начало раскола единого антиимпериалистического и антифеодального фронта интеллигенции, существовавшего во время «движения 4 мая» 1919 г.⁴⁶

Первые итоги изучения периода 4 мая советскими историками можно обобщить следующим образом. Историки традиционно рассматривают события 4 мая 1919 г. как политическое массовое движение, имевшее и другую сторону — идейную борьбу на поприще культуры. В качестве хронологических рамок «движения 4 мая» более или менее устойчиво

⁴⁵ М. А. Асланова. Два обращения журнала «Синь циннянь». — Актуальные проблемы современного востоковедения. История. Экономика. М., 1974.

⁴⁶ См.: С. Л. Рыкова. «Мэйчжоу пинлунь» об итогах первой мировой войны и об Октябрьской революции. — Китай: Понски путей социального развития. М., 1979. О периоде 4 мая 1919 г. см. также: Е. Ю. Стабурова. Странички марксизма и анархисты в Китае (1919—1921). — Там же.

берутся май — июнь 1919 г.; более широкое истолкование термина «движение 4 мая» с распространением его на период 1919—1921 гг. (или даже 1917—1921) не привилось.

«Движение 4 мая» в последнее время единодушно определяется советскими историками как национально-освободительное; трафаретное наименование «антиимпериалистическое, антифеодалное» становится все менее употребительным. Дело в том, что антифеодалная сторона «движения 4 мая» не может рассматриваться как равноценная антиимпериалистической. В то же время не получило поддержки предложение совсем отказаться от эпитета «антифеодалное», так же как и другое радикальное предложение — считать антиимпериалистическую направленность «движения 4 мая» не выходящей за рамки борьбы против одной Японии. Хотя основная направленность движения действительно была антияпонской, все же оно направлялось против единого фронта империалистических держав, противостоявших Китаю в Версале.

Роль рабочего движения в период 4 мая была заметной, хотя «рабочие массы были очень слабо организованы и еще не вышли из-под идейного влияния буржуазии»⁴⁷. Влияние рабочего движения на китайское общество проявлялось в 1919 г. подчас косвенно; так, самый распространенный в период 4 мая лозунг «Труд — святое дело» означал в этом смысле сдвиг в сознании интеллигенции, рождение внимания и уважения к людям труда.

Из исследований советских ученых следует, что сложившийся в ходе событий 4 мая своего рода единый антиимпериалистический фронт возник стихийно, без разработанной общей программы и организованного руководства. Он не может даже безоговорочно считаться, на наш взгляд, целником «революционным», поскольку в нем активно участвовали и сторонники мирных реформ (Ху Ши), а также потому, что большинство участников, включая Чэнь Дусю, не имело в то время четкой революционной программы. Но объективно можно согласиться с положением: «Хотя ни руководители студенческого выступления, ни рядовые его участники не ставили своей целью свержение правительства или изменение существующего государственного строя, «движение 4 мая» было по своей сущности революционным актом»⁴⁸.

«Движение 4 мая», несомненно, может рассматриваться в широком плане как отзвук в Китае октябрьских событий 1917 г. Советские ученые обоснованно критикуют буржуазных авторов, отрицающих связь между этими двумя историческими вехами. Доказано, что передовая часть китайской интеллигенции проявляла интерес к соседней России, чувствовала симпатию к ведущейся там борьбе против империализма, а Ли Дачжао даже выбрал для себя и начал уже пропагандировать в то время марксистский путь, и выступления его имели, конечно, большой резонанс.

Но в понимании данного явления историками, как показывают новейшие марксистские исследования, нельзя допускать и упрощений. В период 4 мая Ли Дачжао был единственным человеком в Китае, считавшим себя марксистом и понимавшим весь смысл международных событий. Гигантской китайской периферии в дни «движения 4 мая» было известно только, что «страны Антанты оказались подлыми, даже Америка обманула нас, отдав провинцию Шаньдун, родину Конфуция, японцам на съедение»⁴⁹.

Попытки обнаружить влияние событий 4 мая на Сунь Ятсена пока оказались безрезультатными. Ни одному автору не удалось, как нам

⁴⁷ См.: В. П. Илюшечкин, «Движение 4 мая» и рабочий класс Китая, с. 37—39.

⁴⁸ См.: «Движение 4 мая» 1919 г. в Китае. Сб. статей, с. 3.

⁴⁹ Там же, с. 120.

кажется, проследить прямую зависимость между «движением 4 мая» и внешнеполитическими или социально-экономическими установками Сунь Ятсена.

Есть и другие аспекты истории китайского революционного движения, явно не зависящие прямо от традиций 4 мая. Так, Ю. М. Гарушянц, перечисляя встречавшиеся в свое время в литературе бесчисленные повороты темы «движение 4 мая и...» (например, «4 мая и студенты», «4 мая и прагматизм», «4 мая и образование КПК» и т. д.), заметил, что ему не попадались два названия: «4 мая и крестьянство», «4 мая и армия»⁵⁰. Действительно, последние два фактора — крестьянство и армия, — сыгравшие, как известно, выдающуюся роль в китайской революции, начисто отсутствовали в «движении 4 мая», они проявились лишь с 1925—1927 гг., то есть на следующих этапах революционного движения в Китае.

Недостаточно еще, по нашему мнению, разработан вопрос о роли «движения 4 мая» как вехи в становлении современной китайской нации (см. лишь статьи А. Г. Шпринцина и В. М. Солнцева о лингвистической стороне движения)⁵¹. Перекликающаяся с этой темой вторая, комплексная тема — «люди 4 мая» — могла бы дать повод к сотрудничеству историков, историков литературы и искусства, философов, специалистов по социальной и этнической психологии. Сложное по идейному составу, противоречивое по дальнейшим судьбам его участников, сплотившихся на короткий момент под общим национально-демократическим флагом, «движение 4 мая» наложило глубокий отпечаток на молодежь, для которой оно стало началом сознательной общественной жизни. Из участников движения вышли и открытые буржуазные националисты вроде Дай Цзитао (покончившего с собой после краха режима Чан Кайши), и мелкобуржуазные националисты; из тех же рядов вышли марксисты-ленинцы, интернационалисты, подобные Цюй Цюбо. Каждый из них до конца своих дней в чем-то оставался сыном поколения 4 мая.

Обзор историографии показывает, что советская наука подходит к изучению данной темы со значительным размахом, с должной объективностью и с неизменным уважением к революционным традициям китайского народа.

⁵⁰ См.: «Движение 4 мая» 1919 года в Китае. Документы и материалы, с. 8.

⁵¹ См. «Движение 4 мая» 1919 года в Китае. Сб. статей, с. 295—330.

БОРЦЫ ЗА НАРОДНОЕ ДЕЛО

Выдающийся деятель китайской революции Линь Боцюй

М. Ф. Юрьев,
профессор

Одним из основателей Коммунистической партии Китая, олицетворявших связь между дооктябрьским и послеоктябрьским периодами освободительной борьбы китайского народа, был Линь Боцюй, известный также под именем Линь Цзухань. От последователя Сунь Ятсена до убежденного сторонника марксизма-ленинизма, от члена тайной антимонархической организации до члена Политбюро ЦК Коммунистической партии Китая — таков его славный жизненный путь¹.

Имя Линь Боцюя связано со всеми важнейшими событиями истории борьбы за освобождение китайского народа начиная с образования под руководством Сунь Ятсена в 1905 г. Китайского революционного союза (Чжунго гэмин тунмэнхуэй). Он участвовал в Синьхайской революции и в деятельности Коммунистической партии Китая с ее первых шагов, в формировании единого антиимпериалистического и антимилитаристского фронта, в руководстве крестьянскими союзами, становлении Национально-революционной армии Китая и ее Северном походе, в Наньчанском восстании и советском движении, в перебазировании Красной армии Китая на северо-запад и развитии руководимого КПК пограничного района Шаньси — Ганьсу — Нинся, в осуществлении политики единого антияпонского национального фронта и борьбе против американского империализма и чанкайшистской реакции после второй мировой войны, в установлении народно-демократической власти и укреплении Китайской Народной Республики в 50-е годы. Линь Боцюй был активным сторонником расширения и укрепления дружественных отношений Китая с Советским Союзом.

Линь Боцюй родился 12 февраля 1886 г. в уезде Юнчжоу на юге Хунани, получил классическое образование в средней школе в Чандэ. В 1904 г. он отправился на учебу в Японию, где окончил экономический факультет Токийского университета. Там он познакомился с различными идейно-политическими течениями того времени: реформаторскими взглядами Лян Цичао, призывами следовать примеру Японии, буржуазной мыслию Запада. Встретившись с Сунь Ятсеном, молодой студент воспринял его идею свержения маньчжуро-цинского господства и установления в Китае республиканского строя. В 1905 г. в Токио он вступил в Тунмэнхуэй и начал революционную деятельность². По приказу этой организации в 1906 г. он возвратился в Китай и в 1907 г. получил назначение на должность начальника управления просвещения провинции Цзилинь. Здесь он активно занялся подпольной деятельностью, устанавливая тайные связи с представителями низов общества и с отрядами «лесных молодцов». В 1911 г. Линь Боцюй был направлен в свою родную провинцию Хунань для революционной работы в правительственных войсках. Своей деятельностью он во многом способствовал тому, что после восстания в Учане 10 октября 1911 г. Хунань первой поддержала Синьхайскую революцию, объявив независимость от пекинского монархического правительства. Когда Сунь Ятсен путем слияния Тунмэнхуэя с четырьмя мелкими группировками создал в августе 1912 г. Национальную партию (гоминьдан), Линь Боцюй стал одним из первых ее членов. Захват власти реакционером Юань Шикаем прервал развитие революционного процесса в Китае. После поражения «второй революции» 1913 г. Линь Боцюй был вынужден бежать в Японию к вновь эмигрировавшему туда Сунь Ятсену, который в то время приступил к созданию новой организации — Китайской революционной партии (Чжунхуа гэминдан).

В Японии Линь Боцюй познакомился с Ли Дачжао, ставшим впоследствии первым пропагандистом идей марксизма-ленинизма в Китае. Между ними завязалась переписка, в которой Линь Боцюй и Ли Дачжао высказывали свое мнение о событиях в

¹ При подготовке статьи использованы некоторые материалы, предоставленные дочерью Линь Боцюя — доцентом Института стран Азии и Африки при МГУ кандидатом филологических наук Ольгой Михайловной Линь-Линь.

² По данным Д. Клейна и А. Кларк, Линь Боцюй в 1904 г. вступил в Синьжунхуэй и, вероятно, тогда же сблизился с Ляо Чжункаем, с которым впоследствии был дружен (D. Klein, A. Clark, Biographical Dictionary of Chinese Communism, 1921—1965, vol. 1, Cambridge, 1971, p. 567—568).

Китае, обсуждали вопросы революционной работы. При помощи Ли Дачжао Линь Боцью познакомился с основами марксистско-ленинского учения. В 1915 г. Линь Боцью и Чэн Цянь (один из сподвижников Сунь Ятсена, впоследствии военный министр его правительства в Гуанчжоу) возвратились в Китай для борьбы против диктатуры Юань Шикая.

В 1920 г. Линь Боцью со своим родственником Линь Сюэзем, исполнявшим обязанности военного советника канцелярии президента Сунь Ятсена, начал издавать журнал «Гэсин пинлунь» («Обновленная критика»), в котором популяризировались коммунистические идеи. В 1921 г. Линь Боцью, выполняя поручения Сунь Ятсена, совершал поездки между Шанхаем и Гуанчжоу. Тогда же он включился в работу одного из коммунистических кружков в Шанхае, участвовал в его работе вместе с Чэнь Дусю, Дэн Чжунся, Шэнь Динъи, а после основания в июле 1921 г. КПК Линь был принят в компартию по рекомендации Ли Дачжао и Чэнь Дусю.

Через год после ее основания КПК начала работу по организации единого антиимпериалистического и антимилитаристского фронта в Китае. Политика единого фронта была разработана Коммунистическим Интернационалом, в который Компартия Китая вступила в 1922 г. по решению своего II съезда. Эта политика основывалась на идеях В. И. Ленина, выдвинутых им на II Конгрессе Коминтерна (1920) и развитых IV Конгрессом Коминтерна (1922), принявшим тезисы «Восточный вопрос», один из разделов которых так и назывался: «Единый антиимпериалистический фронт». В то время в КПК были сильны сектантские настроения, которые разделяла часть руководителей партии. В противоположность этим настроениям Линь Боцью вместе с Ли Дачжао воспринял и проводил в жизнь рекомендации Коминтерна о едином фронте. В 1922 г. он стал казначеем и начальником общего отдела находившегося в то время в Шанхае ЦК гоминьдана, что давало возможность активно содействовать контактам между Сунь Ятсеном и руководителями КПК. Так, в августе 1922 г. Линь Боцью участвовал во встрече Сунь Ятсена и Ли Дачжао, в этот же период при его помощи была организована встреча Сунь Ятсена с тогдашним генеральным секретарем ЦК КПК Чэнь Дусю. На этих встречах обсуждались общие и конкретные вопросы создания единого фронта, формы сотрудничества между гоминьданом и КПК.

Во второй половине 1922 г. в Китай прибыл представитель РСФСР А. А. Иоффе. Линь Боцью вместе с Ли Дачжао участвовали в подготовке и проведении переговоров между Сунь Ятсеном и Иоффе в Шанхае, а также переговоров Сунь Ятсена с представителем Коминтерна. Результатом этих переговоров стало известное коммунистическое А. А. Иоффе и Сунь Ятсена от 27 января 1923 г., сыгравшее важную роль в установлении равноправных отношений между СССР и Китаем. Одновременно было продвинуто вперед дело создания единого национально-революционного фронта на основе сотрудничества между КПК и гоминьданом и вступления коммунистов в гоминьдан. Линь Боцью помогал реорганизации гоминьдана, особенно усилившейся после возвращения Сунь Ятсена в феврале 1923 г. в Гуанчжоу, где он возглавил южнокитайское правительство, и прибытия в Гуанчжоу в октябре 1923 г. известного деятеля большевистской партии М. М. Бородина, приглашенного Сунь Ятсеном в качестве его советника. Вместе с другими коммунистами он играл видную роль в деятельности хунаньской организации гоминьдана.

Намерение Сунь Ятсена сотрудничать с КПК встретило ожесточенное сопротивление правых гоминьдановцев. Как вспоминал Линь Боцью, Сунь Ятсен предупредил этих «твердолобых»: «Если вы не будете сотрудничать с коммунистами, то я распушу гоминьдан и сам вступлю в коммунистическую партию»³.

В январе 1924 г. состоялся I съезд гоминьдана, закрепивший создание единого фронта. Коммунисты вступили в гоминьдан при сохранении идейно-политической и организационной самостоятельности компартии. Ряд коммунистов был избран в руководящие органы гоминьдана. Линь Боцью, являвшийся делегатом съезда, стал кандидатом в члены ЦИК гоминьдана, а в 1925 г. был переведен в члены ЦИК. В соответствии с выдвинутыми Сунь Ятсеном тремя народными принципами и тремя основами политики (союз с СССР, союз с КПК, поддержка крестьян и рабочих) в ЦИК гоминьдана в феврале 1924 г. был создан крестьянский отдел. Его первым руководителем стал (до апреля 1924 г., а затем с января по май 1926 г.) Линь Боцью, который вместе с Пэн Баем и другими коммунистами много сделал для развития крестьянского движения, создания крестьянских союзов, подготовки кадров организаторов крестьянства на специальных курсах, где он был одним из лекторов. Линь Боцью преподавал также в созданной при помощи СССР военной школе гоминьдана на острове Хуанпу, где готовились кадры революционной армии. В его лекциях речь шла о крестьянском вопросе и крестьянском движении в Китае.

В апреле 1924 г. он был направлен в Ханькоу, где вместе с Сян Ином создал подпольный комитет гоминьдана. Однако милитаристская охранка нанесла ряд ударов по комитету, и Линь Боцью пришлось уехать в Гуанчжоу.

В 1925 и начале 1926 г. Линь Боцью вел организационную работу в гоминьдане. Именно он на II съезде гоминьдана сделал доклад о подготовке съезда и был вновь

³ Линь Боцью. Речь на торжественном заседании, посвященном 90-летию со дня рождения Сунь Ятсена. — «Дружба», 13.IX.1956.

избран членом ЦИК гоминьдана, возглавив финансово-ревизионный комитет и став членом секретариата ЦИК. На II пленуме ЦИК гоминьдана в мае 1926 г. Линь Боцюй сделал доклад об оргработе. К этому времени он уже был направлен на военную работу, получившую первостепенное значение в связи с непосредственной подготовкой к походу Национально-революционной армии (НРА) против северных милитаристов. Линь Боцюй был назначен представителем партии гоминьдан (комиссаром) и начальником политотдела 6-го корпуса НРА. В апреле 1926 г. он прибыл в расположение корпуса — город Вайчжоу (к северо-востоку от Гуанчжоу) и провел совещания в политотделе и партийном комитете гоминьдана, установив правильные взаимоотношения с командиром корпуса Чэн Цянем. В результате уже за первые дни работы Линь Боцюй были достигнуты немаловажные результаты в политическом сплочении личного состава и изоляции правых элементов. Так, Чэн Цянь запретил деятельность правогогоминьдановского Общества изучения суньятсенизма и разрешил организовать группы Союза молодых воинов, направляемого коммунистами. Большое значение для боевого и политического укрепления 6-го корпуса имело тесное сотрудничество между Линь Боцюем и советским военным советником Н. И. Кончицом.

На III пленуме ЦИК гоминьдана (март 1927 г.) Линь Боцюй был избран одним из 9 постоянных членов Политического совета гоминьдана и стал генеральным секретарем Военного совета гоминьдана, созданного для ограничения власти Чан Кайши.

Победа над милитаристами, одержанная в 1926 г. НРА в провинциях Южного и Центрального Китая (Хунань, Хубэй, Цзянси, Фуцзянь), позволила весной 1927 г. начать операции по освобождению Шанхай-Нанкинского района в низовьях Янцзы. Группировка Чэн Цяня — Линь Боцюй в составе 2-го, 6-го, 40-го корпусов разбила милитаристские войска и взяла 24 марта Нанкин — важный политический, культурный, экономический и транспортный центр Восточного Китая. А накануне шанхайские рабочие и соединения НРА освободили с боями Шанхай. Это была вынужденная победа революционных сил Китая. Империалистические державы ответили на нее обстрелом Нанкина с кораблей, сконцентрированных на Янцзы, после чего гоминьдановским властям 11 апреля 1927 г. был предъявлен наглый ультиматум, один из пунктов которого требовал «наказания виновных в организации беспорядков» в Нанкине. Авторы ультиматума добивались ареста и предания суду Линь Боцюя.

Вмешательство империалистов ускорило контрреволюционный переворот чанкайшистского крыла гоминьдана и гоминьдановской армии. Он был совершен 12 апреля 1927 г. в Шанхае, а затем и в других городах и провинциях Восточного и Южного Китая. Как один из самых авторитетных соратников Сунь Ятсена Линь Боцюй вместе с Сунь Цинлин (вдовой Сунь Ятсена) и другими деятелями левого гоминьдана и КПК подписал телеграмму, осуждавшую действия Чан Кайши. Правогогоминьдановское правительство, выслуживаясь перед империалистами, издало приказ об аресте Линь Боцюя и выполнило другие их требования. В июле 1927 г. военно-политические лидеры уханьского гоминьдана также выступили против КПК. И снова подпись Линь Боцюя стояла под обращением, заклеймившим контрреволюционеров.

На реакционные перевороты КПК ответила рядом контрударов, первым из которых было восстание в Наньчане 1 августа 1927 г. частей НРА, находившихся под влиянием коммунистов. Линь Боцюй был одним из руководителей Наньчанского восстания, вошел в состав Революционного комитета и руководил комитетом финансов. Он участвовал в походе революционных войск на юге. Однако в конце сентября повстанцы были разбиты в Восточном Гуандуне. Попытка создать вновь территориальную базу в Гуандуне не удалась.

Линь Боцюй пробыл в Хайлуфэнский советский район, оттуда с Хэ Луном и Лю Бочэном — в Гонконг, затем в Японию.

Некоторые участники восстания по указанию ЦК КПК отправились на учебу в СССР. Четыре года пробыл в нашей стране Линь Боцюй. Он учился в Коммунистическом университете трудящихся Китая (КУТК), приобретая и углубляя знания в области революционной теории, знакомясь с опытом советских коммунистов, советского народа, присутствовал, по некоторым данным, на VI съезде КПК. Вместе с У Юйчжаном он написал работу, посвященную аграрному вопросу в Китае. В эти же годы Линь Боцюй совместно с Цюй Цюбо, У Юйчжаном, Лю Чаншэном работал над проблемами реформы китайской письменности, участвовал в сентябре 1931 г. в 1-й, а в 1932 г. — во 2-й конференциях по латинизации китайской письменности во Владивостоке, куда он переехал после ликвидации КУТК осенью 1930 г. Там же он преподавал политэкономии китайским слушателям Ленинской школы.

В 1932 г. Линь Боцюй и некоторые другие деятели КПК возвратились в Китай. В Шанхае во французской концессии он, а также Гуань Сяньин, У Юйчжан, Се Сюецзай были арестованы, но им удалось освободиться (французской полиции была дана взятка), после чего они уехали в советские районы⁴.

В Центральном советском районе Линь Боцюй был включен в состав Временного центрального правительства Китайской советской республики в качестве комисса-

⁴ См.: А. М. Григорьев. Революционное движение в Китае в 1927—1931 гг. (Проблемы стратегии и тактики). М., 1980, с. 274. По другим данным, Линь Боцюй, пробравшись в начале 1933 г. в Центральный советский район, при переходе границы был обнаружен гоминьдановцами и ранен.

ра народного хозяйства, а затем комиссара финансов. Центральный советский район в 1933—1934 гг. испытывал огромные трудности. Гоминьдановская армия вела ожесточенные военные действия (4-й и 5-й походы Чан Кайши) с целью захвата его территории и уничтожения китайской Красной армии. Район был блокирован, осложнилось его экономическое положение. Тем не менее под руководством Линь Боцюя экономические трудности преодолевались, было налажено производство сельскохозяйственной продукции и промышленных товаров для населения, действовали кооперативы, удавалось торговать с гоминьдановскими районами. На II съезде Советов (январь 1934 г.) Линь Боцюй выступил с докладом об экономическом положении.

Материальное обеспечение фронта сыграло важную роль в борьбе против наступления превосходящих сил противника. Однако к середине 1934 г. ход военных действий вынудил ЦК КПК и командование Красной армии принять решение об отступлении из Центрального советского района. В октябре 1934 г. был осуществлен прорыв гоминьдановских линий блокады и началось длившееся целый год перебазируание главных сил Красной армии вместе с большей частью партийных и административных кадров из Цзянси сначала на запад, а затем на север. Линь Боцюй руководил снабжением войск и кадров, которое обеспечивалось путем конфискации средств у богатой части населения.

После прихода в октябре 1935 г. в Северную Шэньси и соединения там с войсками Красной армии Китая на базе двух местных советских правительств (действовавших в районе на границе провинций Шэньси, Ганьсу и Нинся и в районе Северной Шэньси), а также Центрального советского правительства была создана Северо-Западная канцелярия Центрального советского правительства. В условиях японской агрессии главной задачей КПК стало укрепление советского района и осуществление выработанной под руководством Коминтерна политики единого антияпонского национального фронта. Только прекратив гражданскую войну и создав новый единый фронт между КПК и гоминьданом, можно было рассчитывать на успешное сопротивление японской агрессии. В решении обеих задач важную роль играл Линь Боцюй, вновь ставший комиссаром финансов советского правительства и по совместительству директором банка. Под его руководством осуществлялась финансовая политика КПК. Как говорил в 1936 г. Линь Боцюй Эдгару Сноу, налогами облагалось менее 10% населения — помещики, ростовщики, в меньшей степени крупные торговцы. Это давало 40—50% поступлений в бюджет. В дальнейшем, сказал он, может быть введено небольшое налогообложение крестьянства по пропорционально-прогрессивной системе. В качестве другого источника доходов (15—20%) Линь Боцюй назвал добровольную передачу населением в фонд содержания Красной армии продуктов питания, одежды и денег. Некоторые поступления обеспечивались государственной торговлей, предприятиями, кооперативами, займами, а также за счет обработки земель, выделенных для Красной армии. В то же время соблюдалась строгая экономия. Все расходы района, территория которого превышала территорию Бельгии и Голландии, вместе взятых, составили всего 320 тыс. долл. в месяц в местной валюте. Пример скромности подавал сам комиссар финансов Линь Боцюй: его месячный оклад составлял 5 долл.

Значителен вклад Линь Боцюя в создание единого фронта. Видный деятель КПК и соратник Сунь Ятсена, пользовавшийся большим авторитетом в патриотических кругах, он много сделал для выработки соглашения с гоминьданом в борьбе против империалистической Японии. В 1937 г. Линь Боцюй, будучи председателем Северо-Западной канцелярии Центрального советского правительства, одновременно возглавлял представительство КПК в Сиани, которое играло важную роль в контактах с гоминьданом. Вместе с Чжоу Эньлаем и Цинь Бансянем он вел переговоры в июне 1937 г. в Лушане (Кулине) с Чан Кайши. Лидер гоминьдана заявил о согласии признать легальный статус КПК, которая в свою очередь обязалась реорганизовать советское правительство на Северо-Западе Китая в демократическое правительство пограничного района Шэньси — Ганьсу — Нинся, преобразовать Красную армию в 8-ю полевую армию Национально-революционной армии Китая, опубликовать декларацию о сотрудничестве с гоминьданом в интересах национального спасения.

О серьезном значении, которое придавала компартия реализации соглашения с гоминьданом, в том числе относительно преобразования советского правительства в демократическое правительство Особого района Китайской республики, свидетельствует, в частности, статья Линь Боцюя «От Советов к системе демократической республики», опубликованная в еженедельнике КПК «Цзефан» №5 за 1937 г. В ней подчеркивалась необходимость демократизации политической системы (всеобщие выборы, гарантия демократических свобод народу, приближение административного аппарата к местному населению), обеспечения боевого духа антияпонских вооруженных сил, искоренения национальных предателей, защиты революционных завоеваний⁵.

В соответствии с достигнутой договоренностью в июне 1937 г., то есть еще до нападения Японии на Северный Китай (события у Лугоуцяо 7 июля 1937 г.), было создано

⁵ См.: В. М. Губайдулин. Революционная власть в освобожденных районах Китая (1937—1945 гг.). Новосибирск, 1981, с. 13—14.

собрание народных представителей района Шэньси — Ганьсу — Нинся, которое избрало правительство района. Главой правительства стал Линь Боцюй, подчеркивавший, что оно создано на демократических принципах Сунь Ятсена и выдвигает на первое место политику единого антияпонского фронта всех партий.

В первый период антияпонской войны (в июле 1937 по осень 1938 г.) сотрудничество между гоминьданом и КПК обрело конкретные формы. Части Красной армии были переформированы в 8-ю и Новую 4-ю армии. Командовали ими Чжу Дэ и Пэн Дэхуай, Е Тин и Сян Ин — сторонники курса КПК на укрепление единого фронта. Чжу Дэ стал заместителем командующего 2-й военной зоной (провинция Шаньси, на которую осенью 1937 г. наступали японские войска). В оккупированных районах Северного и Центрального Китая руководимые КПК войска создали антияпонские опорные базы. Чжоу Эньлай и Го Можо заняли ответственные посты в Политуправлении Национального военного совета.

Во всей работе по становлению единого антияпонского национального фронта активно участвовал Линь Боцюй. 1 июля 1938 г. был образован Национально-политический совет (НПС) как совещательный орган при Национальном правительстве, состоявший из представителей политических партий и общественных организаций, различных социальных слоев и воинских частей. Задачей НПС было обсуждение важных политических решений и законопроектов. Предполагалось, что он может стать организационной формой единого фронта. В состав НПС были включены семь представителей КПК: Бо Гу (Цинь Бансянь), Ван Мин (Чэнь Шаоюй), Дун Биу, Дэн Инчао (жена Чжоу Эньлая), Линь Боцюй, Мао Цзэдун, У Юйчжан. В этом факте проявился авторитет Линь Боцюй как в компартии, так и в патриотических кругах гоминьдана, других партий и общественных организаций, признание значения его деятельности по осуществлению политики единого фронта в 20-х годах, а также накануне и в начальный период войны против японских захватчиков.

6-й пленум ЦК КПК, который состоялся в октябре — ноябре 1938 г. взамен намеченного VII съезда партии и в работе которого важную роль играли интернационалисты, избрал Линь Боцюй членом ЦК КПК. Так были отмечены его выдающиеся заслуги перед партией и большая работа, которую он вел, руководя правительством пограничного района Шэньси — Ганьсу — Нинся и проводя в жизнь курс партии на сплочение всех антияпонских сил.

Как председатель правительства пограничного района и член Постоянного комитета Северо-Западного бюро ЦК КПК Линь Боцюй много сделал для укрепления района, осуществления на его территории прогрессивных демократических преобразований, повышения активности масс, проведения в жизнь политики единого фронта, для привлечения к участию в органах власти наряду с коммунистами, представлявшими интересы трудящихся, также беспартийных прогрессивных деятелей — представителей мелкой буржуазии и «промежуточные элементы» — представителей буржуазии и патриотически настроенных помещиков⁶. Большое внимание он уделял решению финансово-экономических вопросов, развитию культуры, здравоохранения и просвещения, преодолению отсталых взглядов и предрассудков.

На 1-й сессии Народно-политического совета Пграничного района Шэньси — Ганьсу — Нинся первого созыва (январь 1939 г.) Линь Боцюй сделал доклад о работе правительства района, в котором осветил обстановку в пограничном районе и значение его развития для войны с Японией, вопросы укрепления тыла и помощи фронту, осуществления политики антияпонского единого фронта, демократизации политической и юридической системы, экономического строительства и финансового положения, культурно-воспитательной деятельности в духе защиты страны от агрессора, задачи правительства пограничного района⁷.

Ли Вэйхань, направленный ЦК КПК в 1942 г. на работу в правительство пограничного района в помощь Линь Боцюю, с полным основанием отмечал, что успехи в строительстве района Шэньси — Ганьсу — Нинся «явились результатом прежде всего борьбы широких масс военнослужащих и народа всего района, но также неотделимы от правильного руководства и превосходного стиля работы почтенного Линя»⁸. Как вспоминают Ли Вэйхань и работники правительства пограничного района Ли Цзинфань, Линь Боцюю было свойственно стремление получать информацию о положении дел, о настроениях масс из бесед с их представителями, членами Народно-политического совета, делегатами различных съездов и совещаний, что имело большое значение для правильного решения сложных вопросов жизни и борьбы пограничного района. Он уделял большое внимание установлению хороших отношений с беспартийными деятелями (в том числе с заместителем председателя правительства Ли Динмином) и активизации их участия в работе различных органов района при укреплении руководящей роли партии. В пограничный район прибывали патриотически настроенные деятели, и Линь Боцюй, опираясь на свой богатый опыт, добивался сплочения кадровых работников

⁶ Начало осуществления системы «трех третей» в районе Шэньси — Ганьсу — Нинся Ли Вэйхань относит к ноябрю 1941 г. — См.: «Жэньминь жибао», 30.V.1980.

⁷ Текст доклада (в переводе на русск. яз.) см.: В. М. Губайдулин. Указ. соч., с. 98—153.

⁸ «Жэньминь жибао», 30.V.1980.

КПК с ними, как и с представителями старой местной интеллигенции, разъяснял им политику КПК. Он сопротивлялся развязанным в 1942 г. репрессиям против кадров района Шэньси — Ганьсу — Нинся и прибывшей туда с гоминьдановской территории патриотической молодежи. Выполняя свои обязанности, Линь Боцюй основывался на принципе демократического централизма, учитывал опыт и мнения других работников, особенно старых шэньсийских кадров, в том числе и спорные. Но это вовсе не означало уступок в принципиальных вопросах.

Умение Линь Боцюя твердо отстаивать позицию КПК проявилось, в частности, в ходе переговоров с гоминьданом, возобновленных в мае 1944 г. в Сиани, а затем в Чунцине, на которых Линь Боцюй возглавлял делегацию КПК. Переговоры продолжались до середины августа 1944 г., но были прерваны, так как гоминьдан не только отверг предложения компартии (признать фактическое положение антияпонских баз, демократизировать режим в гоминьдановских районах, освободить политзаключенных), но и настаивал, по существу, на передаче ему власти на руководимых КПК территориях.

На 3-й сессии НПС в Чунцине в сентябре 1944 г. Линь Боцюй от имени КПК потребовал ликвидировать однопартийную диктатуру гоминьдана, созвать конференцию различных партий и организаций для создания коалиционного правительства и объединенного командования всех вооруженных сил Китая, то есть органов единого национального антияпонского фронта. Эти требования получили широкую поддержку в различных слоях населения, в том числе среди патриотов в гоминьдане, деятелей литературы и искусства, в Демократической лиге.

Предложение КПК о создании коалиционного правительства было подтверждено VII съездом КПК (апрель — июнь 1945 г.). На этом съезде Линь Боцюй был вновь избран членом ЦК КПК, а на 1-м пленуме ЦК — членом Политбюро.

Разгром Советским Союзом японской Квантунской армии в августе 1945 г. сыграл решающую роль в деле освобождения главных экономических и политических центров и районов на Севере, Востоке, Юге и в Центре Китая и создал благоприятные условия для роста демократических сил. Оставаясь до 1948 г. председателем правительства Пограничного района Шэньси — Ганьсу — Нинся, Линь Боцюй в условиях начатой гоминьданом при поддержке США в середине 1946 г. общекитайской гражданской войны участвовал в обороне района от наступавших гоминьдановских войск, а затем и в организации контрнаступления Народно-освободительной армии Китая.

В последний период гражданской войны ЦК КПК поручил Линь Боцюю работу по подготовке к образованию Китайской Народной Республики. В апреле 1949 г. в обстановке, сложившейся в результате решающих побед, одержанных Народно-освободительной армией Китая, в Пекине происходили переговоры между КПК и гоминьданом о прекращении гражданской войны на основе условий, выдвинутых компартией. Линь Боцюй был одним из членов делегации КПК. После того как гоминьдановское правительство отказалось утвердить достигнутое соглашение, НОА возобновила наступление, форсировала Янцзы, освободила Нанкин, Шанхай, Ухань и другие города и провинции. Поражение реакционной гоминьдановской клики в развязанной ею с помощью империалистов США войне стало очевидным фактом. Настало время для созыва нового Политического консультативного совета⁹, который создал бы народное правительство, руководимое КПК, с участием всех антигандановских сил. Одним из руководителей Подготовительного комитета, его секретарем и членом постоянного комитета был Линь Боцюй. Он вошел в делегацию КПК на созванной в сентябре 1949 г. сессии Народного политического консультативного совета (НПКС), который избрал Центральное народное правительство. Линь Боцюй стал генеральным секретарем Центрального народного правительства, членом Центрального народного правительственного совета (высшего законодательного органа в 1949—1954 гг.), членом Всекитайского комитета НПКС.

Провозглашение 1 октября 1949 г. Китайской Народной Республики было итогом многолетней освободительной борьбы китайского народа, в которой Линь Боцюй активно участвовал с первых лет XX в. В новый период он вел большую работу по строительству народного демократического государства. После принятия в 1954 г. первой Конституции КНР Линь Боцюй был избран депутатом и заместителем председателя Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей и переизбран на этот пост в 1959 г. На VIII съезде КПК в сентябре 1956 г. Линь Боцюй был вновь избран членом ЦК партии и членом Политбюро ЦК.

Линь Боцюй был верен дружбе между народами Китая и Советского Союза. Вместе с Сун Цинлинь он руководил обществом китайско-советской дружбы, являясь заместителем его председателя.

Выдающийся ветеран китайской революции скончался 29 мая 1960 г. на 75-м году жизни от сердечного приступа. Жизнь Линь Боцюя — яркое подтверждение того факта, что настоящий коммунист всегда отстаивает подлинные интересы своего народа и дело международной солидарности трудящихся, всегда остается интернационалистом.

⁹ В январе 1946 г. в Пекине работал Политический консультативный совет представителей гоминьдана, КПК, других партий и беспартийных деятелей. Его решения, направленные на объединение и демократизацию Китая, были сорваны гоминьданом.

Вождь монгольской революции (К 90-летию со дня рождения Д. Сухэ-Батора)

А. Д. Шерстнев,
Б. Е. Низовцев

Как интернационалист, патриот и воин Дамдины Сухэ-Батор является самой яркой личностью в ряду героических борцов за свободу и независимость народной Монголии. Убежденный поборник дружбы с Советской Россией, он все свои силы, энергию и талант посвятил делу освобождения монгольского народа от колониального ига и гнета эксплуатации, делу социального обновления своей родины. Пройдя суровую школу борьбы, Д. Сухэ-Батор стал вождем монгольской революции, основателем Монгольской народно-революционной партии и народного государства. Один из его современников в своих воспоминаниях писал о нем так: «И в бою, и на трибуне Сухэ-Батор подчинял своей воле тех, кто шел за ним или слушал его. Он был блестящим и чуть ли не единственным оратором в Монголии, его речь лилась совершенно свободно. Глубокая, захватывающая искренность и убежденность заставляли трепетать сердца слушателей. Люди, не знавшие языка его родины, часто поддавались обаянию ораторского искусства этого трибуна, бывшего пастуха, сына бедной Монголии»¹.

Д. Сухэ-Батор родился 2 февраля 1893 г. в предместье Урги (ныне Улан-Батор) в семье бедного арата. Ему пришлось перенести все тяготы, которые были уделом угнетенных трудящихся масс дореволюционной Монголии.

В конце XIX — начале XX в. Монголия стала постепенно втягиваться в сферу влияния мирового капиталистического хозяйства. Высказывание К. Маркса о том, что торговый и ростовщический капитал не создает нового, а только доводит «существующий способ производства до более жалкого состояния»², вполне применимо для характеристики социально-экономического положения Монголии того времени.

Монгольский народ испытывал тройной гнет: светских и духовных феодалов, маньчжурских колонизаторов и иностранного торгово-ростовщического капитала. Аратство было разорено. Основная отрасль экономики страны — кочевое животноводство — приходила в упадок, поголовье скота сокращалось с каждым годом. Только одна фирма «Да Шенху» в виде процентов за отпущенные в кредит товары ежегодно перегоняла в Китай 600 тыс. овец и 70 тыс. лошадей. О богатстве этой фирмы в Монголии говорили, что она может устлать дорогу от Урги до Пекина серебряными слитками³.

Нешадная эксплуатация вызывала протест трудящихся. Пассивное сопротивление аратов происходило повсеместно и выражалось в отказе от выплаты налогов, выполнении приказов феодальных властей и т. д. Высшей формой аратского движения были вооруженная борьба, восстания⁴.

На формирование личности Сухэ-Батора как одного из организаторов и руководителей народной революции глубокий отпечаток наложила героическая борьба аратства против феодалов под руководством Аюша, Тогтоха и др.⁵

Благоприятные условия для освободительной борьбы монгольского народа сложились в результате революционных событий в России и Китае. Эхо русской буржуазно-демократической революции 1905 г. докатилось до самых отдаленных уголков планеты, и, как подчеркнул В. И. Ленин, «сотни миллионов забитого, одичавшего в средневековом застое, населения проснулись к новой жизни и к борьбе за азбучные права человека, за демократию»⁶. В Монголии зревшее долгие годы недовольство колониальным режимом завершилось в 1911 г. свержением правления маньчжурских завоевателей. В воззвании по случаю провозглашения автономии Монголии говорилось: «Наша Монголия с самого начала своего существования была отдельным государством, а потому согласно древнему праву Монголия объявляет себя независимым государством с новым правительством, с независимой от других властью вершить свои дела. Ввиду изложенного объявляется, что мы, монголы, отныне не подчиняемся маньчжурским и китайским чиновникам, власть которых полностью ликвидируется, и они вследствие этого должны покинуть нашу страну»⁷.

¹ «Ургинская газета», 20.II.1924.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II. Изд. 2-е, с. 159—160.

³ См.: Н. М. Майский. Монголия накануне революции. М., 1960, с. 32.

⁴ См.: А. Д. Калининков. Национально-революционное движение в Монголии. М., 1926; Ш. Нацагдорж. Из истории аратского движения во Внешней Монголии. М., 1958; его же. История Халхи. Улан-Батор, 1963 (на монг. яз.); П. Я. Златкин. Очерки новой и новейшей истории Монголии. М., 1957.

⁵ См.: Л. Бат-Очир, Д. Дашжамц. Дамдины Сухэ-Батор. Биография. М., 1971, с. 21.

⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, с. 146.

⁷ Ш. Нацагдорж. История Халхи, с. 230 (на монг. яз.).

Однако революция 1911 г. не принесла подлинного освобождения монголам. Реальная возможность обретения свободы и независимости появилась лишь в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции.

Тяжелое материальное положение семьи рано заставило Д. Сухэ-Батора искать средства к существованию. С 14 лет он стал работать погонщиком лошадей на тракте Урга — Кяхта. Общаясь с широким кругом людей, он часто сталкивался с фактами несправедливого отношения к аратам феодалов, высших лам и маньчжурских чиновников.

1907—1908 годы Сухэ-Батор провел в Урге на поденной работе. Каждую свободную от тяжелого труда минуту он использовал для самообразования.

В 1912 г. Сухэ-Батор был призван в армию Автономной Монголии. Успешно окончив школу младших командиров, он стал командиром эскадрона и участвовал в боях за независимость Монголии против чужеземных войск.

В армии его застала весть о Великой Октябрьской социалистической революции, ставшей поворотным пунктом в национально-освободительной борьбе народов Востока. Аннулирование Советским правительством всех навязанных царизмом неравноправных договоров, признание за монголами права на независимость и суверенитет, явившееся выражением ленинской внешней политики, произвело огромное впечатление на широкие массы трудящихся. Под влиянием идей Октября Сухэ-Батор осознает всемирно-историческую освободительную миссию пролетариата, уясняет сущность Советской власти, первого государства рабочих и крестьян.

В конце 1917 — начале 1918 гг. в пограничных с Монголией областях трудящиеся — русские, тувинцы, буряты и др. — поднимались на борьбу против иностранных интервентов, белогвардейцев и местных угнетателей. Аратство Монголии, особенно та его часть, которая кочевала в приграничных районах, все яснее понимало, что новая власть в России защищает интересы трудового народа.

Вскоре страх перед освободительными идеями Октября побудил феодально-теократическое правительство богдо-гэгэна (главы духовной и светской власти) встать на путь открытого сговора с японскими империалистами и их китайской агентурой из милитаристской клики Аньфу. Опасаясь за прочность своей власти, за свои феодальные привилегии, правительство богдо-гэгэна надеялось с помощью империалистической Японии и реакционных китайских генералов сохранить в стране феодальные порядки и удержать в повиновении аратство. Эта предательская политика имела негативные последствия — страну оккупировали войска китайских милитаристов, а 22 ноября 1919 г. был объявлен декрет президента Китая о ликвидации автономии Внешней Монголии.

Внимательно следя за разворачивавшимися событиями, Сухэ-Батор остро переживал оккупацию страны. К этому времени относится начало его активной революционной деятельности. В конце 1918 г. Сухэ-Батор был демобилизован из армии. Он приехал в Ургу, где стал работать наборщиком в типографии. К этому периоду относятся и его первые встречи с жившими в Монголии в изгнании русскими большевиками, которые стали его политическими наставниками.

Летом 1919 г. в столице Внешней Монголии Урге возникли два подпольных революционных кружка, созданные при активном участии Д. Сухэ-Батора. Кружковцы распространяли листовки, в которых призывали к борьбе против китайских милитаристов и их монгольских приспешников — высшего духовенства и князей, активно готовились к вооруженному выступлению против феодалов и оккупантов.

В конце февраля 1920 г. Красная Армия освободила Троицкосавск, 2 марта — Верхнеудинск (Улан-Удэ). Близился час полного освобождения Сибири от интервентов и победы над русской буржуазно-помещичьей контрреволюцией.

Члены революционных кружков, действовавших в глубоком подполье, понимали, что победы Красной Армии создают благоприятную обстановку для революционной борьбы монгольского народа. Но для того чтобы эта борьба была успешной, им надо было возможно быстрее объединить свои силы, установить связь с международным революционным движением, руководимым Коминтерном, и с правительством Советской России.

В июне 1920 г. состоялось совместное заседание подпольных кружков, на котором была организационно оформлена Монгольская народная партия. Руководящие органы партии приняли решение установить связь с Коминтерном и РКП(б) и обратиться к Советскому правительству за помощью освободительной борьбе монгольского народа⁸. Первая группа посланцев партии во главе с Х. Чойбалсаном выехала в Советскую Россию для установления контактов в июне 1920 г.

Сухэ-Батор, оставаясь в Урге, в исключительно трудных условиях продолжал руководить работой организации. Обстановка в стране между тем все усложнялась. Китайские милитаристы усиливали террор против недовольных, не останавливались ни перед чем. Феодалы обратились за помощью к империалистическим державам. Американскому консулу в Калгане было секретно вручено послание богдо-гэгэна,

⁸ См.: А. И. Картунова, Э. Н. Шахназарова. Коминтерн и Монгольская народно-революционная партия. — «Проблемы Дальнего Востока», 1974, № 2, с. 176.

адресованное правительству США. Аналогичное обращение было направлено в Токио через японского консула в Хайларе.

В июле 1920 г. в Советскую Россию отправилась вторая группа делегатов во главе с Сухэ-Батором. 22 июля она прибыла в Верхнеудинск, где встретилась с группой Чойбалсана.

15 августа объединенная делегация во главе с Сухэ-Батором и Чойбалсаном прибыла в Иркутск для переговоров с представителями Советской России. В Иркутске Сухэ-Батор и Чойбалсан от имени монгольского народа передали обращение к правительству РСФСР с просьбой о помощи. В тексте обращения было выражено стремление монгольских революционеров установить контакты с революционными организациями Советской России и Китая для совместной борьбы против местных феодалов и иностранных поработителей.

Японские империалисты, потерпев в 1919 г. неудачу с планом создания «Великой Монголии» и лишившись в 1920 г. своей агентуры из клики Аньфу, решили использовать в своих агрессивных целях русских белогвардейцев, остатки которых после разгрома основных сил контрреволюции Красной Армией бежали в Монголию и Северо-Восточный Китай. Непосредственным исполнителем этого замысла был избран барон Унгерн. На начальном этапе авантюры Унгерну удалось добиться определенных успехов. Овладев важнейшими центрами страны, он установил жесточайший террор, беспощадно грабил и разорял трудящихся аратов.

22 ноября Сухэ-Батор прибыл в Кяхту, чтобы оттуда руководить освободительной борьбой. Важную роль в мобилизации аратства на вооруженную борьбу сыграл I съезд Монгольской народной партии, который состоялся 1 марта 1921 г. Выступая на съезде, Сухэ-Батор говорил: «Мы должны самостоятельно бороться за дело освобождения монгольского народа, так как ургинское правительство не в состоянии сделать это. Оно покорно выполняет все приказания барона Унгерна. Наш единственный путь — установить тесную связь с Советской Россией и с ее помощью бороться против злейшего врага — Унгерна и его сторонников, князей и лам»⁹.

Съезд определил антиимпериалистическое и антифеодалное содержание предстоящей революции, подчеркнув, что руководящая роль в ней должна принадлежать партии, выражающей интересы угнетенного аратства, опирающейся на помощь Советской России и способной повести массы на борьбу за полное национальное и социальное освобождение.

На съезде было решено создать руководящий орган — штаб Монгольской народной армии. Сухэ-Батор был назначен главнокомандующим.

Линия, принятая на I съезде МНП, нацеливала монгольский народ на свершение революции¹⁰.

13 марта 1921 г. в Троицкосавске состоялся съезд представителей трудящихся пограничных хошунов, партизанских отрядов и партийных организаций, на котором было избрано первое в истории страны Временное народное правительство Монголии. В его состав вошел Сухэ-Батор.

16 марта 1921 г. ЦК МНП и Временное народное правительство приняли решение освободить от войск китайских милитаристов пограничный город Маймачен. Обладание им давало Временному правительству важный опорный пункт на территории Монголии. 18 марта 1921 г., дата освобождения Маймачена, впоследствии переименованного в Алтан-Булак, считается днем рождения Монгольской народной армии.

27 июня 1921 г. Монгольская народная армия под руководством Сухэ-Батора во взаимодействии с частями советских войск начала исторический поход на Ургу, который закончился 6 июля ее освобождением от войск Унгерна. 8 июля в столицу прибыло Временное народное правительство. 10 июля ЦК МНП вынес решение о передаче центральной власти постоянному Народному правительству, в котором Д. Сухэ-Батор занял пост главнокомандующего войсками и военного министра.

11 июля 1921 г. в Урге состоялся всенародный митинг, на котором было объявлено об установлении народной власти в Монголии. Этот день стал национальным праздником — днем победы Народной революции.

12 июля 1921 г. Народное правительство обратилось к правительству РСФСР с просьбой не выводить советские войска из Монголии до окончательной ликвидации белогвардейских банд. Советское правительство ответило согласием.

В конце июля 1921 г. закончился разгром унгерновских банд, сам Унгерн был взят в плен и по приговору революционного трибунала расстрелян.

Совместные действия по ликвидации белогвардейских банд на территории Монголии заложили основы братской дружбы между народами двух государств.

Руководствуясь интересами дальнейшего развития сотрудничества между странами, правительство народной Монголии предприняло новые шаги для упрочения связей с Советской Россией. В октябре 1921 г. в Москву отбыла делегация Народного правительства, в состав которой входил Сухэ-Батор. 5 ноября делегация подписала с правительством РСФСР соглашение об установлении дружественных отношений. Оно

⁹ Цит. по: Х. Чойбалсан. Краткая история Монгольской народной революции. Улан-Батор, 1931, ч. II, с. 16.

¹⁰ См.: П. Дэмбэрэл. Первый съезд Монгольской народной партии. Улан-Удэ, 1931, с. 31.

явилось для Монголии первым равноправным международным договором и имело огромное значение для укрепления международного и внутреннего положения монгольского народного государства, упрочения позиций народной власти, создания благоприятных условий для дальнейшего развертывания революции, строительства основ народной демократии.

Во время пребывания делегации в Москве состоялась беседа с В. И. Лениным, в ходе которой он изложил монгольским делегатам идею некапиталистического развития Монголии.

Руководствуясь теорией марксизма-ленинизма, партия и народная власть неуклонно держали курс на дальнейшее развитие революции.

Исторической заслугой Монгольской народной партии и ее вождя Сухэ-Батора явилось то, что они связали освободительную борьбу монгольского народа с международным рабочим движением и прежде всего с его авангардом — партией Ленина и первым государством диктатуры пролетариата. Характеризуя огромное значение ленинских идей для победы революционной борьбы монгольского народа, Ю. Цеденбал писал: «С полным основанием можно сказать, что именно ленинизм и Великий Октябрь вырвали монгольский народ из царства нищеты и темноты, бесправия и рабства, из тисков нужды, лишений и отсталости, на которые его обрекали феодализм и колониализм. Ленинизм не только принес освобождение монгольскому народу от господства колонизаторов и феодалов, но и открыл перед ним ясную, научно обоснованную перспективу развития своей родины, указал ему конечную цель борьбы, пути и средства ее достижения»¹¹.

Славный сын монгольского народа Д. Сухэ-Батор был верным и страстным поборником развития Монголии по ленинскому пути, укрепления дружбы с Советской Россией.

В марте 1922 г. за выдающиеся заслуги в борьбе против общего врага Советское правительство наградило Д. Сухэ-Батора орденом Красного Знамени. Монгольское народное правительство отметило его заслуги, присвоив ему звание «Зоригт батора» (храброго героя).

22 февраля 1923 г. смерть вырвала из рядов партии ее испытанного руководителя, народного героя Д. Сухэ-Батора, когда ему было всего лишь 30 лет. Перед смертью он завещал: «Наказываю вам, друзья, чтобы вы свято хранили завоеванную народом свободу, чтобы всегда подчиняли политику партии и мероприятия правительства интересам трудящихся аратов, чтобы закрепляли освобождение аратов от ига внутренних и внешних врагов»¹².

Сухэ-Батор мечтал увидеть свою родину освободившейся от тяжелого наследия колониализма и феодализма, с развитой экономикой и культурой. Ныне его мечты воплощены в жизнь. За короткий исторический срок монгольский народ под руководством Монгольской народно-революционной партии прошел путь от феодализма к социализму, на практике доказав историческую верность ленинской теории некапиталистического развития. МНР превратилась в развитое социалистическое аграрно-индустриальное государство с высоким уровнем культуры и благосостояния народа.

Как бесценное достояние чтут и берегут монгольские трудящиеся дружбу с народами Советского Союза и других социалистических стран, завещанную Д. Сухэ-Батором и вождем мирового пролетариата В. И. Лениным, видя в ней гарантию своей свободы и независимости, успешного развития по пути социализма и коммунизма.

Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов в своем докладе на торжественном заседании по случаю 60-летия образования СССР, характеризуя глобальное значение укрепления дружбы и сотрудничества братских стран социализма как важнейшего стабилизирующего фактора в международных делах, как залога успешного продвижения каждой страны по пути социализма и коммунизма, сказал: «...Оценивая сегодняшний день наших стран, мы можем с удовлетворением сказать: мы многому научились, содружество социалистических государств — это могучий, здоровый организм, который играет огромную и благотворную роль в современном мире ...Совместными усилиями мы находим все более успешные пути сочетания общих интересов содружества с интересами каждой из входящих в него стран»¹³.

Монгольская Народная Республика является надежным звеном в социалистическом содружестве. Следуя заветам Д. Сухэ-Батора, Монгольская народно-революционная партия вносит достойный вклад в укрепление единства и сплоченности коммунистических рядов, всего мирового революционного движения, в благородное дело борьбы за обеспечение мира и безопасности народов на Дальнем Востоке и во всем мире.

¹¹ Ю. Цеденбал. Избранные статьи и речи. М., 1974, с. 335.

¹² Сборник документальных материалов о жизни и деятельности Д. Сухэ-Батора. Улан-Батор, 1963, с. 160 (на монг. яз.).

¹³ «Правда», 22.XII.1982.

Борьба стран Индокитая за создание зоны мира в ЮВА

М. П. Елин

XXVI съезд КПСС вновь заявил о солидарности советских коммунистов, всего советского народа с Вьетнамом, Лаосом и Кампучией, высказался за развитие добрых отношений со странами — членами АСЕАН. Съезд приветствовал идею превращения Юго-Восточной Азии в зону мира.

Через трудные испытания пришли народы Вьетнама, Лаоса и Кампучии к торжеству своего справедливого дела. Победа, одержанная в результате длительной борьбы против империалистической агрессии, дала возможность народам трех этих стран избрать путь развития, наиболее соответствующий их историческим и социально-экономическим условиям, путь прямого перехода от национальной народно-демократической революции к социалистической революции. Решение задач построения материально-технической базы социализма в СРВ, закладывания основ социалистического общества в ЛНДР и НРК и связанных с этим экономических и социальных проблем происходит в непростых условиях. Ведь этот комплекс сложных задач решается в странах, экономика которых была серьезно подорвана многолетней войной, разрушительным воздействием неокolonизма, прежде всего на юге Вьетнама; в Кампучии народной власти до сих пор приходится ликвидировать страшные последствия трехлетнего правления преступного полпотовского режима. Seriously стоит перед государствами Индокитая проблема обеспечения своей безопасности. Для подъема своих стран, для решения поставленных задач народам Вьетнама, Лаоса и Кампучии нужен прочный мир.

Совершенно естественно, что страны Индокитая всемерно укрепляют связывающие их особые отношения дружбы и солидарности, прошедшие проверку временем. Свои успехи в строительстве новой жизни и отстаивании независимости и суверенитета народы Вьетнама, Лаоса и Кампучии не отделяют от бескорыстной помощи и всесторонней поддержки верных друзей — Советского Союза, других стран социалистического содружества.

В комплексе первоочередных внешнеполитических задач, совместно решаемых СРВ, ЛНДР и НРК, особое место принадлежит борьбе за превращение Юго-Восточной Азии в зону мира и стабильности. С решением этой задачи Вьетнам, Лаос и Кампучия связывают планы экономического, социального и культурного строительства. Об этом со всей убедительностью было заявлено на состоявшихся в 1981—1982 гг. V съезде Коммунистической партии Вьетнама, III съезде Народно-революционной партии Лаоса и IV съезде Народно-революционной партии Кампучии.

* * *

В результате победы народов Индокитая в Юго-Восточной Азии в середине 70-х годов образовались реальные предпосылки для налаживания мирного сотрудничества, создания атмосферы взаимного доверия. В лице СРВ и ЛНДР в Юго-Восточной Азии появился в тот период влиятельный миролюбивый фактор, что дало ощутимый импульс осуществлению стремления народов этого региона жить в мире.

Под благотворным воздействием процесса разрядки международной напряженности страны — члены АСЕАН (Таиланд, Малайзия, Индонезия, Филиппины и Сингапур) стали в тот период больше проявлять самостоятельность и в политике и в экономике, отстаивать право на независимый путь развития. Совершенно оправданным явилось и стремление стран района ЮВА к сплочению на региональной основе для организации отпора империализму. В этих странах росло понимание того, что политика империализма серьезно угрожает свободе и независимости их народов, что единый Вьетнам, проводящий независимую миролюбивую политику, вместе со своими союзниками — лаосским и кампучийским народами — представляет собой существенную преграду на пути реализации планов противников мира и стабильности в этом регионе.

Социалистический Вьетнам, против которого силы империализма и международной реакции уже в тот период вели оголтелую пропагандистскую кампанию, пытаясь противопоставить СРВ странам АСЕАН, первым протянул своим соседям руку дружбы.

Уже в июле 1976 г., сразу после провозглашения Социалистической Республики Вьетнам, его правительство, руководствуясь стремлением развивать плодотворные

политические, экономические и иные отношения со странами ЮВА, выдвинуло программу из следующих четырех принципов, которые легли в основу внешней политики СРВ в данном регионе:

1) взаимное уважение независимости, суверенитета, территориальной целостности, невмешательство во внутренние дела друг друга, равенство, взаимная выгода, мирное сосуществование;

2) отказ любому иностранному государству предоставлять свою территорию для использования в качестве базы для агрессии и прямого или косвенного вмешательства в дела стран региона;

3) установление отношений дружбы и добрососедства, экономического сотрудничества и культурного обмена на основе равенства и взаимной выгоды; разрешение всех спорных вопросов между странами региона в духе равенства, взаимопонимания и взаимоуважения;

4) развитие сотрудничества между странами региона в целях создания процветающих государств с учетом особых условий каждой страны в интересах независимости, мира и подлинного нейтралитета ЮВА, что вносит вклад в укрепление международно-го мира¹.

Свой вклад в нормализацию обстановки внесла и Лаосская Народно-Демократическая Республика, заявившая о стремлении укреплять добрососедские отношения со странами ЮВА как об одном из важнейших условий создания атмосферы мира и сотрудничества в регионе.

Усилия СРВ и ЛНДР, направленные на то, чтобы вместе с государствами, входящими в АСЕАН, найти приемлемый план регионального политического и экономического сотрудничества, которое исключило бы из жизни народов ЮВА войны и вооруженные конфликты, нашли понимание и поддержку у народов, а также в политических и общественных кругах стран региона.

В результате вышеуказанной дипломатической акции Вьетнама в августе 1976 г. были установлены дипломатические отношения между СРВ и всеми странами — членами АСЕАН, улучшились отношения Вьетнама с Малайзией, Филиппинами, Индонезией, Сингапуром, определены пути нормализации вьетнамо-тайландских отношений. Получили развитие взаимные контакты, следствием которых стало одобрение партнерами СРВ четырех принципов политики Вьетнама в этом районе. Страны АСЕАН — а некоторые из них были соучастниками империалистической агрессии США — заявили о готовности в меру своих сил участвовать в заживлении ран войны и экономическом строительстве во Вьетнаме. К началу 1978 г. были заложены договорные начала отношений СРВ с рядом стран региона, в частности в экономической области.

С победой в январе 1979 г. кампучийского народа и образованием Народной Республики Кампучия, заявившей, что она будет проводить политику мира, дружбы и неприсоединения, содействовать миру, стабильности и процветанию в ЮВА, возможность позитивных перемен в регионе объективно еще более возросла. Ведь в лице СРВ, ЛНДР и НРК в этом районе сформировался новый политический центр прогрессивных сил, который сразу же стал оказывать ощутимое воздействие на развитие позитивных сдвигов в Юго-Восточной Азии, на перестройку международных отношений в интересах мира и безопасности народов.

Подтверждением этой наметившейся тенденции стал визит в ЛНДР главы правительства Таиланда в январе 1979 г. В лаосско-тайландском коммюнике подтверждались такие принципы межгосударственных отношений, как уважение независимости, суверенитета и территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела друг друга, решение всех спорных вопросов мирными средствами. Стороны отметили взаимное стремление к укреплению добрососедских отношений в этом районе².

Успешно прошел и визит правительственной делегации Лаоса во главе с премьер-министром ЛНДР К. Фомвиханом в Таиланд в апреле 1979 г. В ходе переговоров стороны уделили основное внимание проблемам мирного и взаимовыгодного сотрудничества. Переговоры подтвердили стремление обеих стран превратить пограничную реку Меконг в зону мира и дружбы. «Лаос и Таиланд, — отмечала лаосская газета «Сиенг пасасон» в комментарии, посвященном итогам визита делегации ЛНДР в Таиланд, — не просто соседние государства, имеющие общую границу в 1600 километров. Их объединяют также общность традиций солидарности и взаимопомощи, родственные культуры»³.

Такое развитие событий пришлось не по душе противникам разрядки в ЮВА. На страны — члены АСЕАН был оказан беспрецедентный нажим с целью заставить их отказаться от курса на установление добрососедских отношений с независимыми странами Индокитая. Нельзя не отметить, что в странах ЮВА наряду с ростом осознания опасности, исходящей от сил империализма и реакции, проявились и иные настроения, существо которых сводится к тому, чтобы попробовать «отсидеться», «адаптироваться», во всяком случае избежать открытых квалификаций действий противников трех независимых стран Индокитая.

¹ См.: «Нян Зан», 6.VII.1976.

² См.: «Сиенг пасасон», 14.I.1979.

³ Там же, 6.IV.1979.

Под давлением Вашингтона и близких ему в данном вопросе сил страны АСЕАН заняли неблагоприятную позицию в отношении Народной Республики Кампучии и, более того, заявили о стремлении сохранить связи с канувшей в прошлое так называемой Демократической Кампучией, то есть с остатками полпотовских банд, изгнанных из Кампучии и окопавшихся в Таиланде. Не без согласия АСЕАН во время работы XXXIV и XXXV сессий Генеральной Ассамблеи ООН было выдвинуто предложение о созыве так называемой международной конференции по Кампучии. Страны — члены АСЕАН до сего времени отказываются признать Народную Республику Кампучию как единственного законного представителя кампучийского народа.

Несмотря на препятствия, которые ставят на пути нормализации положения в ЮВА противники разрядки в этом районе, Вьетнам, Лаос и Кампучия, преисполненные желания оздоровить обстановку в регионе, проявляя терпение и политическую гибкость, продолжают изыскивать пути нормализации отношений со странами АСЕАН, добиваясь превращения Юго-Восточной Азии в зону мира, стабильности и сотрудничества.

Особое политическое значение для нормализации обстановки в Юго-Восточной Азии имеет предпринимаемое в течение последних трех лет активное мирное наступление трех индокитайских государств. Начало ему было положено в январе 1980 г. на первой конференции министров иностранных дел НРК, ЛНДР и СРВ в Пномпене. В коммюнике конференции указывалось, что правительства НРК, ЛНДР и СРВ готовы вступить с правительствами Таиланда, Малайзии, Индонезии, Филиппин, Сингапура и Бирмы в переговоры, с тем чтобы вместе сделать Юго-Восточную Азию мирной, независимой, свободной, нейтральной, стабильной и процветающей.

В мае 1980 г. Вьетнам предпринял новые усилия с целью нормализовать ситуацию в ЮВА, улучшить отношения с государствами региона. Министр иностранных дел СРВ Нгуен Ко Тхат побывал в Малайзии и Таиланде с официальным визитом, целью которого было возобновление диалога со странами ЮВА и разъяснение мирных инициатив государств Индокитая.

Однако стабильность обстановки в ЮВА отнюдь не входила в планы сил империализма и реакции, вмешательство которых в дела этого региона приобрело новое опасное проявление, выразившееся, в частности, в обострении положения в районе таиландско-кампучийской границы. Используя территорию Таиланда как убежище для полпотовских банд, выдававшихся за кампучийских «беженцев», эти силы вооружали остатки полпотовских войск, подталкивая их на ведение подрывной деятельности против НРК. В этих же целях в июне 1980 г. была организована так называемая кампания добровольной репатриации кампучийских беженцев, в ходе которой Таиланд при поддержке своих войск попытался перебросить через таиландско-кампучийскую границу крупную военную группировку полпотовцев, используя как прикрытие многотысячный поток беженцев. Вооруженные силы НРК дали провокаторам должный отпор.

В ходе состоявшейся 3 июля 1980 г. в Кремле советско-вьетнамской встречи на высшем уровне ее участники заявили, что осложнения на таиландско-кампучийской границе непосредственно связаны с политикой тех враждебных делу мира сил, которые поощряют провокационные вылазки полпотовских банд против НРК. Советские и вьетнамские руководители заявили, что жизненным интересам стран ЮВА отвечало бы утверждение атмосферы мира и стабильности в этом районе. СССР с пониманием и одобрением отнесся к действиям и инициативам СРВ, Лаоса, Кампучии, а также других государств, направленным на достижение этой цели⁴.

Дипломатическое наступление государств Индокитая с целью оздоровления обстановки в ЮВА было продолжено на второй конференции министров иностранных дел Лаоса, Вьетнама и Кампучии во Вьентьяне (17—18 июля 1980 г.). Подтвердив принципиальные предложения, выдвинутые на пномпеньской конференции 5 января 1980 г., СРВ, ЛНДР и НРК выступили с предложением подписать двусторонние или многосторонние договоры между Лаосом, Кампучией, Вьетнамом и Таиландом о ненападении, невмешательстве во внутренние дела друг друга и об отказе позволить какой бы то ни было другой стране использовать территорию одной из этих стран в качестве базы против другой страны или стран. Государства Индокитайского полуострова заявили о готовности обсудить вопрос о создании в Юго-Восточной Азии зоны мира и стабильности с другими странами этого района.

Существенное политическое значение имело выдвигание Народной Республикой Кампучией на вьентьянской конференции позиции из четырех пунктов по превращению кампучийско-таиландской границы в зону мира и дружбы. Предлагалось, в частности, чтобы Кампучия и Таиланд обязались создать демилитаризованную зону в районе границы между ними. Указывалось, что переговоры с целью решения существующих между НРК и Таиландом проблем могут проводиться непосредственно между правительствами этих стран либо косвенным путем — через какую-либо другую страну. Имелось в виду, что достигнутые между сторонами договоренности могут быть подтверждены, а их реализация гарантирована на международной конференции или посредством каких-то международных гарантий по обоюдному согласию.

Конструктивный характер предложений вьентьянской конференции министров иностранных дел СРВ, ЛНДР и НРК привлек к ним внимание всего мира, в том числе и Организации Объединенных Наций. В начале августа 1980 г. Генеральный секретарь ООН

⁴ См.: «Правда», 4.VII.1980.

К. Вальдхайм прибыл в Ханой, где имел беседы с руководителями СРВ. В ходе переговоров вьетнамская сторона вновь подтвердила свою верность политике, направленной на укрепление мира и стабильности в ЮВА, на решение всех спорных проблем путем переговоров. Генеральный секретарь ООН передал руководителям Таиланда послание вьетнамских руководителей, в котором были развиты и конкретизированы предложения стран Индокитая. Однако вскоре после своего визита в КНР тайландский министр иностранных дел поспешил отвергнуть без убедительной аргументации новые инициативы СРВ, ЛНДР и НРК.

Факты свидетельствуют, заявил министр иностранных дел НРК Хун Сен, о намерении Таиланда и впредь действовать по указке внешних сил. Вне всяких сомнений, именно под их давлением Бангкок отклонил миролюбивые предложения НРСК, направленные на урегулирование тайландско-кампучийских отношений⁵.

24 сентября 1980 г. МИД НРК выступил с заявлением в связи с открытием XXXV сессии Генеральной Ассамблеи ООН, в котором подчеркивалось, что только Народно-революционный совет Кампучии является подлинным и законным представителем кампучийского народа и что любая дискуссия по Кампучии в ООН без участия представителей НРСК явится грубым вмешательством во внутренние дела Народной Кампучии⁶.

Неблаговидные попытки Вашингтона и разделяющих его позицию по данному вопросу сил оживить политический труп — преступный полпотовский режим — получили решительный отпор в выступлениях представителей многих стран, участвовавших в работе XXXV сессии Генеральной Ассамблеи ООН. В выступлении члена Политбюро ЦК КПСС, министра иностранных дел СССР А. А. Громыко указывалось, что «США способствуют дестабилизации обстановки в Индокитае и во всей Юго-Восточной Азии»⁷.

Призыв к превращению ЮВА в зону мира, стабильности и сотрудничества содержался в выступлениях на сессии Генеральной Ассамблеи ООН представителей СРВ, ЛНДР и целого ряда других стран. О необходимости изгнать полпотовцев из ООН говорили на сессии представители ВНР, СРВ, ГДР, НРБ, Индии, Анголы, ДРА и многих других стран. Они указывали, что продление полномочий полпотовских представителей в ООН наносит ущерб престижу этой международной организации и затрудняет ее работу.

Опираясь на широкую поддержку прогрессивного общественного мнения во всем мире, СРВ и другие страны Индокитая продолжали твердо, последовательно, проявляя терпение и выдержку, добиваться нормализации положения в ЮВА. Новая конструктивная инициатива была изложена министром иностранных дел СРВ, который во время беседы с министром иностранных дел Таиланда в Нью-Йорке 1 октября 1980 г. заявил, что Вьетнам выведет некоторые контингенты своих войск из Кампучии, после того как будет создана демилитаризованная зона, прилегающая к кампучийско-тайландской границе. Он указал на необходимость прекратить всякую помощь остаткам режима Пол Пота и другим реакционным кхмерским силам; находящимся в Таиланде⁸.

Усилия Вьетнама, Лаоса и Кампучии, направленные на превращение Юго-Восточной Азии в зону мира и стабильности, отвечают интересам всех государств региона. Советский Союз, другие страны социалистического содружества, проявляющие заботу об оздоровлении политического климата на Азиатском континенте, и в частности в районе ЮВА, оказали энергичную поддержку усилиям Вьетнама и других государств Индокитая в этом направлении. В совместной советско-индийской декларации, подписанной в Дели 10 декабря 1980 г., подчеркивалось, что «Советский Союз и Индия поддерживают стремление государств Юго-Восточной Азии к оздоровлению здесь обстановки и превращению Юго-Восточной Азии в район прочного мира и стабильности. Обе стороны поддерживают также усилия стран Юго-Восточной Азии, направленные на развитие отношений добрососедства и сотрудничества. Советский Союз и Индия выступают против вмешательства извне во внутренние дела этих стран».

Новым ударом по планам империалистических и реакционных сил явились мирные конструктивные инициативы государств Индокитая, выдвинутые на третьей конференции министров иностранных дел Вьетнама, Лаоса и Кампучии, которая состоялась в январе 1981 г. в городе Хошимине. Представители трех стран вновь заявили о своей готовности обсудить с членами АСЕАН вопрос о превращении Юго-Восточной Азии в зону мира и стабильности, подписать двусторонние и многосторонние соглашения о ненападении. Они предложили провести региональную конференцию стран Индокитая и государств — членов АСЕАН для обсуждения проблем, представляющих взаимный интерес. Одновременно СРВ, ЛНДР и НРК заявили о своей готовности подписать двусторонние договоры о мирном сосуществовании с КНР на принципах, вошедших в практику международных отношений.

22 февраля 1981 г. по поручению советского руководства послы СССР в Индонезии, Малайзии, Сингапуре, Таиланде, на Филиппинах, а также в ряде других азиатских государств передали обращение к соответствующим правительствам, в котором ука-

⁵ См.: «Правда», 3.IX.1980.

⁶ См.: «Кампучия», 25.IX.1980.

⁷ «Правда», 24.IX.1980.

⁸ См.: «Нян Зап», 3.X.1980.

зывалось, что Советский Союз полностью разделяет высказанные СРВ, ЛНДР и НРК оценки ситуации, сложившейся в Юго-Восточной Азии, и заявляет о поддержке их конструктивных инициатив. Диалог между тремя государствами Индокитая и странами — членами АСЕАН, к которому призывали участники конференции в Хошимине, говорилось в обращении, может способствовать устранению трудностей в отношениях между ними. В Советском Союзе, заявило советское руководство, приветствуют идею создания зоны мира в ЮВА и заявляют о своей готовности, если такую же готовность проявят и другие постоянные члены Совета Безопасности ООН — США, Англия, Франция и КНР, принять участие в международной конференции, которая, как это отмечалось в декларации СРВ, ЛНДР, НРК, могла бы быть созвана после заключения странами обеих групп договора о мире и стабильности в ЮВА с целью признания и обеспечения гарантий такого договора⁹.

Советская инициатива получила одобрение всех миролюбивых государств планеты. Однако те, кому она была непосредственно адресована, к сожалению, не отреагировали на нее должным образом. 19 мая 1981 г. министры иностранных дел СРВ, ЛНДР и НРК направили Генеральному секретарю ООН К. Вальдхайму послание, в котором указывалось, что, признавая свергнутый кампучийским народом режим так называемой Демократической Кампучии, ООН тем самым продолжает идти против неотъемлемого права народа Кампучии на самоопределение. Вместе с тем отмечалось, что присутствие в НРК вьетнамских вооруженных сил обусловлено соглашением между двумя странами об отпоре сохраняющейся внешней угрозе безопасности Кампучии. Как только эта угроза прекратится, по соглашению между СРВ и НРК, Вьетнам выведет свои войска из Кампучии.

В послании подчеркивалось, что требования некоторых стран организовать «международную конференцию по Кампучии», по сути дела, являлись попыткой навязать желание одной группы стран ЮВА другой и подготовить почву для вмешательства извне в дела этого региона. Все это могло лишь помешать усилиям стран Индокитая и АСЕАН на проходивших между ними в мае 1981 г. региональных консультациях, которые от имени стран Индокитая проводил в тот период с Индонезией, Малайзией и Филиппинами министр иностранных дел Лаоса.

Представители трех стран Индокитая последовательно отмечали, что правильный путь для решения вопроса заключается в ведении диалога между странами АСЕАН и Индокитая. Данная позиция СРВ, ЛНДР и НРК, проникнутая доброй волей, находила все большее понимание и поддержку в мире.

Большой резонанс получили решения четвертой конференции министров иностранных дел СРВ, НРК и ЛНДР (июнь 1981 г., Пномпень), которая подтвердила стремление этих стран к диалогу со своими соседями по региону. Участники конференции выступили с инициативой проведения в середине июля 1981 г. региональной конференции двух групп стран (Индокитая и АСЕАН) для обсуждения проблем района ЮВА, интересующих обе стороны, с участием в качестве наблюдателей Генерального секретаря ООН и некоторых стран по согласованию между обеими сторонами. Министры выдвинули предложение о созыве международной конференции на широкой основе, чтобы юридически зафиксировать и документально закрепить договоренности, согласованные обеими сторонами предварительно на региональной конференции или в ходе региональных консультаций. Три страны Индокитая вновь заявили о готовности подписать двусторонние договоры о ненападении и мирном сосуществовании с КНР.

В ходе переговоров А. А. Громыко с Нгуен Ко Тхатем в Москве 26 июня 1981 г. министры заявили, что главной причиной напряженности в Юго-Восточной Азии является политика внешних сил, которые подталкивают страны АСЕАН к конфронтации с государствами Индокитая. Именно об этом свидетельствовали маневры по сколачиванию «объединенного фронта» кампучийских эмигрантских группировок, а также по созыву так называемой международной конференции по Кампучии. Не нагромождение новых завалов, а диалог между государствами Индокитая и странами АСЕАН — вот путь к нормализации положения и созданию в перспективе зоны мира в ЮВА. А. А. Громыко подчеркнул, что СССР рассматривает предложения июньской (1981 г.) конференции министров иностранных дел трех индокитайских государств в Пномпене как новое подтверждение доброй воли и конструктивного подхода этих стран к вопросам оздоровления обстановки в Юго-Восточной Азии.

В середине июля 1981 г. в Нью-Йорке все же была проведена так называемая международная конференция по Кампучии, которую международная общественность справедливо расценила как явное стремление возвести еще одно препятствие на пути к нормализации отношений между странами Индокитая и АСЕАН, обострить и без того напряженную обстановку в ЮВА. Наибольшее рвение в организации и проведении «конференции» проявил Вашингтон, попытавшийся использовать ее для клеветнических нападок на НРК, СРВ, Советский Союз.

Следует отметить, что отношение к «конференции» в странах — членах АСЕАН было далеко не однозначным.

Индонезийская печать, например, отмечала, что на международной конференции по Кампучии на страны АСЕАН пытались оказывать давление, добиться возрождения в Кампучии режима Пол Пота, что противоречит жизненным интересам стран АСЕАН¹⁰.

⁹ См.: «Правда», 22.II.1981.

¹⁰ In: "Merdeka", 18.VII.1981.

У трезвомыслящих деятелей АСЕАН, указывала джакартская газета «Компас», нет сомнений в том, что отсутствие на «международной конференции по Кампучии» представителей Советского Союза, Вьетнама и делегатов Народной Кампучии обрекает эту встречу на неудачу¹¹.

Показательно, что тайландская «Бангкок пост» еще в ноябре 1980 г. предупреждала, что «не стоит возлагать слишком больших надежд на успех «международной конференции» по Кампучии... Подобно предшествующим встречам, эта конференция стоит перед лицом опасности вылиться в форум по пропагандистским нападкам»¹². На деле так и получилось, ибо очевидно, что никакие решения по Кампучии, принятые вопреки воле кампучийского народа и в отсутствие представителей НРК, не могут и не будут иметь силы.

Комментируя ход «международной конференции», ханойская «Куан дой Няп Зан» отмечала, что «никакая сила не сможет заставить Вьетнам отказаться от обязательства поддерживать братский кампучийский народ»¹³. Советский Союз заявил, что считает недействительными решения «международной конференции по Кампучии», которые представляют собой не что иное, как попытку вмешаться во внутренние дела суверенного государства¹⁴.

Несмотря на происки сил, враждебных делу мира в ЮВА, в странах АСЕАН росло понимание важности налаживания конструктивного диалога с Вьетнамом и другими государствами Индокитая. Индонезийская общественность признавала, что «все попытки решить «кампучийский вопрос» без участия Вьетнама обречены на провал. АСЕАН необходимо выступить с инициативой, приемлемой для Вьетнама. Что же касается самой Кампучии, то она не сталкивается с проблемой войны, а занимается реконструкцией и восстановлением хозяйства. Бандитская деятельность остатков полпотовцев, судя по всему, не является непреодолимым препятствием на пути мирного строительства»¹⁵.

Согласованная позиция СРВ, ЛНДР и НРК была сформулирована в «Основных принципах мирного сосуществования между странами Индокитая и АСЕАН» — документе, выдвинутом делегацией Лаоса на XXXVI сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

В странах Азии усиливается осуждение вмешательства в дела народов ЮВА под фальшивым лозунгом «противодействия советской и вьетнамской угрозе». Ведь ни для кого не секрет, что СССР — единственная из великих держав, которая никогда не вела военных действий в Юго-Восточной Азии и, разумеется, никому здесь не угрожает. Хорошо известно и то, что Вьетнам, не так давно бывший жертвой агрессии, никогда не воевал против стран АСЕАН и не имеет такого намерения.

СРВ, ЛНДР и НРК постоянно координируют свои усилия на международной арене с Советским Союзом, другими странами социалистического содружества в интересах укрепления мира и безопасности в Азии, превращения ЮВА в зону мира. Подтверждением тесного взаимодействия братских стран на международной арене стали итоги консультативной рабочей встречи заместителей министров иностранных дел ЛНДР, СРВ, НРК, НРБ, ВНР, ГДР, МНР, Кубы, ПНР, СССР и ЧССР, состоявшейся во Вьентьяне в декабре 1981 г. Участники встречи приветствовали укрепление единства и тесного сотрудничества СРВ, ЛНДР и НРК, а также их братской сплоченности с Советским Союзом и другими странами социалистического содружества. Внешняя политика трех государств Индокитая, отмечалось на встрече, является фактором, способствующим достижению мира и стабильности в Юго-Восточной Азии. Братские социалистические страны единодушно поддержали позицию СРВ, ЛНДР и НРК относительно мира и стабильности в ЮВА и о региональной конференции стран Индокитая и государств АСЕАН.

Участники встречи приветствовали любые шаги правительств и народов стран Азии, направленные на то, чтобы межгосударственные отношения в Азии строились на основе принципов мирного сосуществования. Они заявили, что приложат все усилия для того, чтобы эти принципы нашли скорейшее воплощение в отношениях между государствами Азии.

Именно на это, указывалось на встрече, и направлены предложения XXVI съезда КПСС о конкретных переговорах по мерам доверия на Дальнем Востоке между всеми заинтересованными странами, готовность обсудить вопросы, связанные с обстановкой вокруг Афганистана на основе программы, выдвинутой правительством ДРА, инициатива МНР относительно выработки и подписания конвенции о взаимном ненападении и неприменении силы в отношениях между государствами Азии и Тихого океана, конструктивные предложения СРВ, ЛНДР и НРК, адресованные странам — членам АСЕАН и КНР¹⁶.

С 16 по 17 февраля 1982 г. во Вьентьяне состоялась пятая конференция министров иностранных дел стран Индокитая. Ее участники выразили удовлетворение неуклонным укреплением всестороннего сотрудничества между тремя странами Индокитая и Советским Союзом, мировым социалистическим содружеством. Они дали высокую

¹¹ Ип: «Компас», 17.V.1981.

¹² «Bangkok Post», 5.XI.1980.

¹³ «Куан дой Няп Зан», 13.VII.1981.

¹⁴ См.: «Правда», 10.IX.1981.

¹⁵ «Merdeka», 19.VI.1981.

¹⁶ См.: «Няп Зан», 22.XII.1981.

оценку результатам рабочего консультативного совещания заместителей министров иностранных дел социалистических стран, состоявшегося во Вьентьяне в декабре 1981 г., расценив его как важный вклад мирового социалистического сообщества в борьбу за мир и стабильность в Юго-Восточной Азии, которая способствует ослаблению напряженности во всем мире. С удовлетворением отмечалось, что благодаря гармоничному развитию, внешней политике и миролюбию СССР, других стран социалистического содружества, а также усилиям неприсоединившихся стран человечество может все действительнее защитить мир и отразить опасность новой мировой войны.

Участники конференции призвали страны — члены АСЕАН объединить свои усилия с целью нормализации обстановки, обеспечения безопасности и стабильности в Индокитае и Юго-Восточной Азии. Они подтвердили стремление народов СРВ, ЛНДР и НРК к установлению добрососедских отношений с Таиландом и выразили готовность обсудить с ним все проблемы, представляющие взаимный интерес, путем прямых или косвенных контактов. Если эти контакты дадут положительный результат, СРВ и НРК согласятся на частичный вывод вьетнамских войск из Кампучии.

Однако и на сей раз те страны, которым эти инициативы были непосредственно адресованы, не проявили конструктивного подхода к ним. Так, министры иностранных дел Таиланда и Сингапура после раунда переговоров в Бангкоке 20 февраля 1982 г. сочли возможным утверждать, что в предложениях СРВ о возможном частичном отводе вьетнамских войск из Кампучии якобы нет «ничего нового».

Позитивный отклик в мире получил осуществленный в июле 1982 г. частичный вывод вьетнамских войск из НРК, что было расценено прогрессивной общественностью как важное проявление доброй воли СРВ и НРК, как свидетельство искреннего стремления трех стран Индокитая улучшить отношения со своими соседями, как показатель дальнейшей стабилизации обстановки в Народной Республике Кампучии.

Несмотря на неустанные усилия трех стран Индокитая, в Юго-Восточной Азии по-прежнему сохраняется напряженная обстановка. Главным фактором, мешающим большинству стран этого региона упрочить здесь безопасность и наладить мирные взаимовыгодные контакты между собой, остается политика империалистических сил и международной реакции, не прекращающих попыток превратить АСЕАН в военно-политическую группировку, в послушный инструмент своей политики.

Соединенные Штаты продолжают оказывать широкую моральную и скрытую (через Таиланд) военную поддержку кхмерским антиправительственным организациям. Растет объем военной помощи США Бангкоку. Только в 1981 г. Вашингтон увеличил кредит Таиланду на закупку вооружений с 50 млн. до 80 млн. долл. Еще раньше американская администрация выделила 1 млрд. долл. на осуществление программы модернизации вооруженных сил Таиланда, которая должна завершиться к концу 1982 г.¹⁷

Как и прежде, особый интерес проявляет официальный Вашингтон к так называемой кампучийской проблеме. Для нагнетания напряженности в отношениях между странами Индокитая и государствами — членами АСЕАН откровенно используется провокационная деятельность полпотовских банд, действующих с территории Таиланда. США были в числе первых, кто поддержал планы создания пресловутого «коалиционного правительства» несуществующей Демократической Кампучии, ведущие позиции в котором принадлежат полпотовцам. Эта «коалиция» в составе «президента» Сианука, «вице-президента» Кхиеу Самфана (одного из главарей полпотовского режима, приговоренного в 1979 г. к смерти народно-революционным трибуналом в Пномпене) и «премьер-министра» из числа кхмерских эмигрантов Сон Санна была сколочена в июле 1982 г. не без помощи США.

Не секрет, что цель создания этого никого не представляющего «правительства» — усиление вмешательства во внутренние дела суверенной Народной Республики Кампучии, тщетные попытки представить в плохом свете политику социалистического Вьетнама в районе Юго-Восточной Азии и вместе с тем любимыми средствами сохранить место Кампучии в ООН за полпотовским режимом, выброшенным кампучийским народом на свалку истории.

Позитивный отклик в мире получили новые инициативы стран Индокитая, сформулированные на шестой конференции министров иностранных дел СРВ, ЛНДР и НРК (6—7 июля 1982 г., Город Хошимин). Участники конференции выступили с рядом крупных инициатив, направленных на ослабление напряженности в Юго-Восточной Азии. В частности, страны Индокитая предложили созвать для обсуждения положения в Юго-Восточной Азии международную конференцию с участием СРВ, ЛНДР, НРК, стран АСЕАН, входящей в регион Бирмы, пяти государств, участвовавших в прежних конференциях по Индокитаю — СССР, КНР, США, Франции и Великобритании, а также Индии. Предлагается пригласить на эту конференцию Генерального секретаря ООН. Государства Индокитая выразили также готовность встретиться с представителями государств АСЕАН, чтобы договориться о дате, месте проведения конференции, ее составе, повестке дня и по другим вопросам.

Вновь была подтверждена принципиальная и последовательная позиция трех стран Индокитая в отношении КНР, готовность восстановить нормальные отношения с Китаем, подписать с ним двусторонние или многосторонние соглашения о мирном

¹⁷ In: "Far Eastern Economic Review", August 7—13, 1981.

существовании и внести тем самым вклад в дело мира и стабильности в Юго-Восточной Азии.

В социалистическом содружестве, во многих неприсоединившихся государствах эти инициативы расценены как важный вклад в обеспечение мира и стабильности в Юго-Восточной Азии. В странах АСЕАН также растет убеждение, что настало время отказаться от пропагандистской риторики в подходе к будущему региона ЮВА, встать на позиции политического реализма.

Подтверждением искреннего стремления Вьетнама к нормализации отношений со странами ЮВА явились состоявшиеся в 1982 г. визиты министра иностранных дел СРВ Нгуен Ко Тхатя в страны АСЕАН. Прошедшие переговоры выявили близость взглядов на опасность, угрожающую странам Юго-Восточной Азии, способствовали развитию диалога между двумя группами стран — Индокитая и АСЕАН.

О поддержке конструктивной позиции стран Индокитая заявили с трибуны XXXVII сессии Генеральной Ассамблеи ООН представители многих стран. Полное единство взглядов СССР и стран Индокитая о путях борьбы за мир и безопасность в Юго-Восточной Азии подтвердили советско-вьетнамские переговоры на высшем уровне в ходе визита в Советский Союз в октябре 1982 г. партийно-государственной делегации СРВ во главе с членом Политбюро ЦК КПВ, Председателем Государственного Совета СРВ Чыонг Тинем.

23 декабря 1982 г. во время встречи Генерального секретаря ЦК КПСС Ю. В. Андропова с Генеральным секретарем ЦК Коммунистической партии Вьетнама Ле Зуаном состоялся обмен мнениями по некоторым международным проблемам, в том числе по обстановке в Юго-Восточной Азии, по вопросам, связанным с превращением этого района в зону мира и стабильности.

В странах Индокитая дают высокую оценку последовательной политике СССР в поддержку усилий государств Индокитая, направленных на превращение ЮВА в зону мира. Исторические события последних лет, указывалось в документах МИД СРВ, красноречиво свидетельствуют, что СССР всегда был и остается другом народов Юго-Восточной Азии, оказывает мощную поддержку их справедливой борьбе во имя мира, независимости и процветания народов Индокитая и других народов этого района¹⁸.

Весьма важным представляется то, что имеется хорошая основа для оздоровления и стабилизации обстановки в Юго-Восточной Азии — конструктивные, проникнутые духом доброй воли предложения Вьетнама, Лаоса и Кампучии, которые Советский Союз, искренне заинтересованный в утверждении климата мира и разрядки в ЮВА, полностью поддерживает.

¹⁸ См.: «Няп Зан», 26.VIII.1980.

Слово о Цюй Юане

*Н. Т. Федоренко,
член-корреспондент АН СССР*

Летописи духовной культуры известны имена многих великих художников, своим творчеством обогативших общемировую сокровищницу искусства. И, словно невзирая на вечное движение времен, они продолжают возвышаться, не отдаляясь, не уходя от нас в бездну времени, а сопровождая все новые и новые поколения людей на жизненном их пути. Это — творцы человеческих ценностей непреходящего значения, художники, ознаменовавшие своим творчеством, подвигом, своей личностью чрезвычайные явления и перемены в духовном бытии, в образе жизни народа. Став символом подъема высоких и светлых чувств, они не столько обращены к прошлому, сколько глядят в лицо будущего, ибо истинное искусство всегда человечно, а стало быть, и бессмертно, как само человечество.

Люди проносят неумирающие творения этих художников через столетия и лелеют их, как бесценные реликвии, в которых воплощены дух народа, его достояние. Вечная современность, не преходящая в веках, есть тайна бессмертия произведений и их создателей. Сила художественного гения заключена в его верности и правде жизни, верности добру, справедливости, ибо по сути своей неизменны эти понятия. Из поколения в поколение несет их человечество как символ вечного цветения самой природы, его создавшей.

Художественное творчество великих китайских мастеров слова является бесценным национальным сокровищем Китая.

По замечанию К. Маркса, при изучении греческого искусства и эпоса трудность состоит в понимании того, что они еще продолжают доставлять нам эстетическое наслаждение и в известном смысле сохраняют значение нормы и недостижимого образца. К. Маркс при этом подчеркивает, что обаяние греческого искусства не стоит в противоречии с той неразвитой общественной ступенью, на которой оно выросло. И делает такое заключение: «...Почему детство человеческого общества там, где оно развилось всего прекраснее, не должно обладать для нас вечной прелестью, как никогда не повторяющаяся ступень?»¹

Слова К. Маркса в определенной степени можно отнести и к древнему китайскому искусству и литературе — художественной сокровищнице, все еще мало известной за пределами Китая.

Перед нами задача — исследовать один из источников древнекитайской литературы — поэтическое творчество Цюй Юаня (IV—III вв. до н. э.), тот этап исторического движения, который отдален от нашего времени длинным рядом столетий.

Народы — как деревья. Их узнают по корням, глубоко уходящим в землю. Цюй Юань — корни китайской поэзии, ее великой славы. Речь

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 12, с. 737.

идет об историческом наследии, о памяти народа, без которой жить невозможно ни человеку, ни человечеству.

Живой интерес к художественному творчеству другого народа, к его литературе — это всегда интерес и к самому творцу, к народу, к его духовным идеалам, к национальному его своеобразию.

Один из показателей гуманной природы общества проявляется в отношении данного общества к духовным и культурным ценностям других народов и стран. В том факте, что Советский Союз занимает ведущее место в мире исследования, перевода и изданий зарубежных писателей, несомненно, отражается глубоко уважительное отношение нашего общества к художественному опыту других народов. Мы исходим из марксистского положения о том, что всякая нация может и должна учиться у других.

Кому-то принадлежит афористическое выражение: умирает не тот, кто устал, а тот, кто остановился. Художественное творчество постоянно меняется, как меняется жизнь, оно всегда обновляется вместе с жизнью, вместе с временем. Тем, кто сколько-нибудь знает Китай, известно, какое значение с древнейших времен имеет поэзия в духовной жизни его народа. Когда мы говорим о Китае, что это земля «Шицзина» — «Книги песен», «Чу цы» — «Чуских строф», «Тан ши» — «Танской поэзии», «Юань цы» — «Юаньской драмы», — это, конечно, не метафора. Поистине нелегко представить себе поколения и поколения китайцев, для которых народные песни «Шицзина», творчество Цюй Юаня, Тао Юаньмина, Ду Фу, Ли Бо, Бо Цзюйи, драмы Гуань Ханьцина, содержащиеся в них идеалы, сокровенные думы и поэтические завещания не составляли бы значимую часть их собственной духовной жизни. Художественное наследие Китая отнюдь не представляет собой нечто забытое и мертвое, не имеющее касательства к современности.

Цюй Юань был поэтом доисторической эпохи, благодаря поэтической гениальности он создал поэзию, которая навсегда сохранила свое непреходящее значение. И обращение к нему — не просто уход в глубь веков. Невозможно отрешиться от подлинного прошлого, невозможно убить духовное наследие народа. Наследие было и остается реальностью истории, реальностью неостановимого процесса развития литературной мысли. В этом — пересечение временных и пространственных осей. Мы знаем, что многое навсегда отходит в прошлое, мертвое прошлое. Живо то, что имеет корни. Все, что без корней, обречено.

Сближение отдаленного и современного. Задача исследования — прозреть минувшее в нынешнем и будущее в прошлом. Существенно, что в памятниках искусства слова прошлого отразились идеологические и политические взгляды, существовавшие в конкретно-исторических условиях, взаимоотношения людей в определенные моменты развития человечества, гуманистические концепции жизни.

Гуманизм — это то неповторимое, что унаследовано поколениями людей от ушедших в небытие народов и цивилизаций: литературные памятники, фольклорные произведения, мрамор изваяний, эстетические воззрения.

Нет, наше обращение к наследию минувшего отнюдь не означает попытку укрыться в древней истории от научных задач современности. Тем более далеки наши интересы от воздыхания по патриархальной старине как некоему эдему человеческого бытия, отгороженного от социальной жизни. Напротив, надо отправиться со светильником исследователя в глубь веков, чтобы с позиции современной науки разглядеть минувшее, извлекая живое поучение для нынешнего дня. История современна, если ее интерпретация говорит что-то современнику. История — это наш долг перед прошлым.

Современность есть понятие многосложное. Оно прежде всего объемлет сферу духовной нашей жизни. Духовные же проблемы являются

общими для современных людей различных стран земли. Ибо истинные творения искусства вторгаются в духовный мир человека, воздействуют на него, потрясают, вселяют муки и радость в людские души. Подлинное произведение искусства остается жить как бы вне времени. Оно может служить источником вдохновения и эстетического наслаждения спустя столетия и тысячелетия.

Положение это относится и к искусству слова. Идеал прекрасного и высшее осуществление искусства невозможно отделить от прошлого, в том числе античного прошлого. Ибо сам марксизм, согласно известным ленинским высказываниям, — это результат критической переработки всего предшествующего духовного богатства, выношенного человечеством, всей предшествующей культуры.

В основе искусства лежит традиция, преемственность. Именно благодаря традиции искусство, в том числе искусство слова, получает дальнейшее развитие.

Верно наблюдение, что прошлое — беспощадно. Оно не может перделываться, изменяться. Но прошлое нам необходимо, чтобы упреждать людей от повторения ошибок и заблуждений. В этом смысле история — наставник, суровый и справедливый. История учит и упреждает. Великому Шиллеру принадлежат слова о том, что всемирная история — это всемирный суд.

«Чу цы» — «Чуские строфы», созданные Цюй Юанем, следует рассматривать не как простой памятник китайской словесности, но как живую мысль, нескончаемо движущуюся в духовном созвучии со стремительным течением времени. В поэтическом наследии Цюй Юаня выражена гуманистическая концепция своего времени.

«Чуские строфы» по уникальности своей неизменно стояли и продолжают стоять как неповторимый памятник в истории поэтического искусства и художественной мысли китайского народа. В них запечатлен язык тысячелетий, который, однако, нуждается в научном освещении.

Лишь по наивности можно думать, что все редкие исторические и литературные тексты давно уже известны и расшифрованы специалистами. Это далеко не так. Многие из литературного наследия Китая остаются безмолвными. И никто не знает, где исследователя могут ждать открытия и находки.

И может быть, перед нами откроется нечто новое в древнекитайском певце, ибо он продолжает жить не только в сознании людей, но объективно, как живет всякое бессмертное искусство.

Помимо всего, «Чуские строфы» — памятник мировой литературы — переводятся на иностранные языки, комментируются, являясь ценнейшим первоисточником и для литературоведов, и для историков, и для философа, исследующего историю нравственных и эстетических воззрений.

Трудиться над освоением и овладением наследством — это и означает углубляться бесконечно, снова и снова проникать в нравственный, духовный смысл художественного наследства, представляющего собой образное постижение жизни и человека, его внутреннего мира.

Вряд ли можно ограничиваться утверждением, что образ самого Цюй Юаня — это всего лишь продукт времени, далекой от нас эпохи, и игнорировать его человеческую, неумирающую сущность.

С благоговением перелистывая бессмертные цюйюаневские страницы, китайский народ передает их из поколения в поколение как бесценное духовное богатство и красоту человеческого духа. Постоянно возвращаясь к творениям Цюй Юаня, мы всегда находим в них все новые, не замеченные нами прежде глубины поэтического и философского содержания.

Переключка близких голосов — поэта и читателя, невзирая на тысячелетний разрыв времен, продолжалась и продолжается, и каждое новое поколение обращалось к Цюй Юаню заново, испытывая свежесть и взволнованность поэтических его строк.

Прежде чем перейти к изложению литературных фактов, которые относятся к эпохе Цюй Юаня, необходимо, разумеется, обладать известными подготовительными сведениями в области истории китайского народа как носителя литературы, науки, культуры, искусства. Иными словами говоря, следует сделать соответствующее введение, которое явилось бы предпосылкой объективного отношения к событиям и фактам, имевшим место в древний период. В то время, когда шли весьма значимые процессы в сфере материальной и духовной деятельности китайского народа, происходило интенсивное развитие языка и иероглифической письменности, словесно-речевого искусства, совершался качественный переход от фольклорного творчества безымянных певцов к поэзии индивидуального авторства.

В течение этого периода, естественно, китайская литература сравнительно с нынешней эпохой значительно изменилась. Изменения оказались настолько глубокими, что даже самый литературный язык древнего Китая стал резко отличаться и по своим структурным основаниям, и по иероглифическому составу от современного нам литературного языка. В связи с этим, конечно, приходится специально изучать китайский язык далекой эпохи. Этим и объясняется постоянное наше возвращение к теме о языке и иероглифике, художественно-речевых средствах китайского языка в их историческом движении.

С другой стороны, сама объективная обстановка и условия жизни, отражением которых являются язык и литература, несомненно, также глубоко изменились, если сравнивать их с нашим временем. Следовательно, изучая древнекитайскую литературу или одну из ее органических частей — поэзию Цюй Юаня (340—278 гг. до н. э.), мы имеем дело с той областью, которая для нас является совершенно отличной и по своему строю, и по своему характеру исторической средой.

Далее, цюйюаневский период являет собой начало китайской литературной истории. Это творческий ее источник, время ее становления и высокого подъема. Объективное исследование этого и предшествующего ему этапа требует известных научных приемов и методов, без определения которых, конечно, невозможно сознательное отношение к тем фактам и явлениям, с которыми нам приходится иметь дело. Наши исследования опираются на марксистско-ленинскую научную методологию. Антинторизм, внесоциальность, отрыв от национальной почвы чужды методологическим принципам советских ученых, самой природе наших научных взглядов.

Цюй Юань совершил переход от примитивной песенной поэзии к высшим ступеням литературного творчества, а в поэтическом творчестве — от древней народной поэзии «Шицзинна», уходящей в глубь веков, к тому, что получило определение художественной поэзии. Это знаменует собой наступление процесса дифференциации первобытной литературы и появление на исторической сцене индивидуальных поэтов, отличающихся личным своеобразием словесно-речевого творчества.

Наконец, следует принять во внимание еще и то обстоятельство, что древнекитайская литература сама по себе представляет значительные трудности при ее изучении. Эти трудности главным образом заключаются в следующем. Прежде всего мы сталкиваемся с языком древней эпохи — гувэнь, отличающимся своеобразием, присущим древнему языку царства Чу, несущему в себе специфику южного диалекта и порой с большим трудом поддающемуся расшифровке. Для

понимания этого языка нужно иметь надлежащие сведения об истории китайского литературного языка и диалектов. Но и этого, однако, далеко не достаточно: китайская древняя литература отличается, помимо прочего, тем, что число источников, из которых мы черпаем наши сведения, весьма ограничено в сравнении с теми требованиями и стремлениями, которые мы предъявляем к изучению литературы в наши дни. Общеизвестно, что число памятников, особенно древней эпохи, обратно пропорционально периоду древности. Все это ставит нас в чрезвычайно трудные условия и значительно усложняет решение поставленной задачи.

Установить по возможности полную картину литературного развития III и IV столетий до н. э. — дело не простое. От этого периода до нас дошло лишь незначительное количество источников, причем источники эти отрывочны, весьма лаконичны. Сохранилось чрезвычайно мало рукописей, то есть письменных памятников, в том виде, в каком они были первоначально зафиксированы иероглификой. Объясняется это совершенно естественно: памятники эти, возможно первоначально довольно многочисленные, с течением времени утрачивались, гибли, видоизменялись, переделывались и засорялись. Большинство памятников, которые дошли до нас и могут быть отнесены к наиболее близкому периоду Цюй Юаня, дошли до нас с позднейшими изменениями, в копиях и изданиях позднейшего времени, наложившего на них свой отпечаток. Число искажений и изменений, которым путем переписывания и комментирования подверглись первоначальные памятники, весьма значительно.

Таким образом, изучение литературы цюйюаневского периода осложнено и состоянием самого материала, и его весьма ограниченными размерами. Исследование материалов, находящихся в подобном состоянии, требует, конечно, определенных подготовительных работ и знаний, которые необходимы не только непосредственным исследователям древней литературы, но и лицам, изучающим литературу по исследованиям различных авторов.

Чтение поэзии Цюй Юаня переносит нас в древний мир, в далекие времена. Известно, что древняя история Китая, как и различные области духовной и материальной культуры этой страны, все еще недостаточно изучена, а тем более освещена в научной литературе. Огромная историческая литература и древнейшие памятники, дошедшие до наших дней, обследованы настолько недостаточно, что историки и филологи все еще никак не могут решить вопрос о том, насколько многие из них достоверны. Археологические раскопки, проводившиеся китайскими и европейскими учеными с конца прошлого века до настоящего времени, дали крайне веские материалы, но не во всем привели исследователей к единому мнению относительно эпохи и времени их происхождения.

Более поздние китайские исторические памятники и документы, имеющие двойной интерес — исторический и литературный, — составляют многие сотни томов и собраний сочинений. Трудность, однако, состоит в том, что мы испытываем недостаток в них нужных и точных сведений, чтобы судить об исторических личностях и их идеях, которые возбуждали сильнейший интерес общества, представлялись одинаково и современникам и потомству исполненными правды жизни и эстетического значения.

Изучение существующего наследия осложняется также тем, что дошедшие до нас памятники в большинстве своем анонимны, не датированы, имеют часто сильно измененный долгой перепиской вид, а иногда для придания большего авторитета на них поставлены имена известных личностей, которые на самом деле никакого отношения к ним не имели.

Эти искажения схоластических комментаторов и переписчиков, однако, не могут и не должны являться основанием для того, чтобы ставить под сомнение классическое литературное наследство Китая. Задача состоит именно в том, чтобы с помощью исторического и филологического обследования этих источников отделить подлинную правду от искусственных наращиваний, фальсификаций и субъективных комментариев, устанавливая достоверность их свидетельств. Известно, например, насколько произвольно интерпретировалось конфуцианством песенно-поэтическое творчество «Шицзинна», как искажалось и приспособлялось оно к идеологическим канонам конфуцианского мировоззрения, к классовым интересам господствовавших социальных сил древнего Китая. В немалой степени это относится и к толкованию таких исторических и литературных памятников, как «Шуцзин», «Ицзин», «Даодэцзин», содержание которых также искажалось и приспособлялось в различные эпохи к политическим требованиям правящих кругов китайского общества.

Процесс этот характерен и для «Чу цы», которые на протяжении веков подвергались произвольной интерпретации со стороны различных идеологических течений и отдельных ученых, допускавших субъективный подход к оценке поэтического творчества Цюй Юаня. Вокруг имени поэта с течением времени возникали всякого рода легенды о его исторической достоверности и моральном облике, рождались концепции о пессимизме как основе мировоззрения Цюй Юаня, создавались версии о нем как певце гибнущего класса аристократов и пр.

В последние десятилетия проблема Цюй Юаня возбудила острую полемику, породив диаметрально противоположные суждения среди ученых Китая, а также в работах европейских и американских исследователей. Характерно, что многие столетия, минувшие с той поры, когда поэт создал свои «Чу цы», не отмечены спорами историков и филологов как по поводу действительного существования Цюй Юаня, так и относительно его творчества. Происходило это, очевидно, потому, что ни у кого не могло возникнуть подобного вопроса и никому не приходило в голову отрицать факт существования поэта и его творчества. На протяжении двух с лишним тысячелетий, сколько нам известно, ни один историк или исследователь не усомнился в подлинности исторических свидетельств и литературных памятников, подтверждающих существование Цюй Юаня и достоверность его авторства.

Но сомнения все же родились. И вот расцвели гипотезы одна другой соблазнительней и фантастичней. Появились статьи, исследования и даже целые книги, посвященные вопросу историчности Цюй Юаня как личности и достоверности его авторства. Гипотезы, отрицавшие авторство Цюй Юаня и историческую достоверность поэта, приобрели довольно широкое хождение. Такие известные буржуазные ученые, как Ху Ши, Ляо Ципин, Се Улян и другие, подвергли сомнению не только факт существования Цюй Юаня и подлинность его авторства. Занимая нигилистические позиции, они пошли еще далее. Под сомнение ими была взята и достоверность классических трудов основоположника китайской историографии Сыма Цяня. Отыскав несколько неясных мест в биографическом разделе его «Исторических записок» исключительно с помощью негативных построений, они не колеблясь сделали вывод о том, что труд Сыма Цяня не заслуживает доверия и что Цюй Юань не существовал как личность историческая, а следовательно, невозможно признавать за ним авторство «Чу цы».

Существуют, однако, многочисленные неоспоримые свидетельства в виде исторических памятников и литературных источников, которые позволяют с несомненностью сделать вывод об исторической достоверности существования Цюй Юаня и его авторстве в отношении «Чу цы». Вместе с тем нам нет необходимости всегда доискиваться объяс-

нейший родословной Цюй Юаня в каких-либо источниках и чьих-либо свидетельствах. Поэт сам рассказывает об этом в своих поэмах. Мы постоянно убеждаемся в том, что произведения Цюй Юаня — это его жизнеописание в широком значении слова. Автобиографического содержания в поэзии Цюй Юаня тем больше, чем позднее создано им то или иное его произведение. Лучшим источником познания Цюй Юаня, его жизни и творчества остается созданная им поэзия.

Следует отметить, что в научном литературоведении творчество Цюй Юаня разработано весьма слабо и не получило обоснования с помощью сколько-нибудь углубленного анализа.

Значительный научный и художественный интерес представляют тематическое своеобразие и стиль творчества Цюй Юаня, источники его поэтического вдохновения, взаимосвязь «Чу цы» с фольклором, китайской мифологией, легендами, народными преданиями. Здесь перед нами открывается огромный мир поэтических образов, высоких устремлений и идеалов, изображенных Цюй Юанем.

Показательно, что эти аспекты творчества Цюй Юаня оставались наименее изученными и освещенными в исследованиях китайских ученых, тем более в работах зарубежных синологов. А между тем именно углубленный анализ этих сторон «Чу цы» способен раскрыть перед нами подлинную художественную ценность поэзии Цюй Юаня, ее неповторимое эстетическое обаяние. Поэмы Цюй Юаня напряженны, цельны, естественны. В них нет вялой игры на расслабленных струнах. Нет мелкого, преходящего. Нет раздробления мысли и чувств. Думается, что для Цюй Юаня вера в поэтическое творчество была верой в возможность создать нечто непреходящее, способное волновать людей, возбуждать в них глубокие чувства патриотизма и гуманности.

Если искусство обрекло бы себя лишь на «временные» произведения, оно, конечно, вообще едва ли не перестало бы существовать. Разве шедевры прошлого не являют нам простую истину — тысячелетия назад созданные гением человека художественные ценности и в наш век продолжают сохранять свое значение, эстетическую свою неповторимость? Современный наш мир резко отличается от мира, в котором создавались шедевры Цюй Юаня, но разве мы не в состоянии их понять, испытывать от их чтения истинное эстетическое удовлетворение?

Цюй Юань в творческом наследии осмысливается как поэт не только скорбный, элегический, но во многом трагический. Трагедия его видится нам в неразрешимости исторического противоречия, с болью в сердце ощущаемого поэтом.

Рассмотрение такого рода вопросов, как «Творческое своеобразие и стиль поэзии Цюй Юаня», «Самобытное и общечеловеческое» и других, представляется важным и актуальным.

Центральное место при этом следует отвести элегической поэме «Лисао» («Скорбь изгнанника»), благодаря которой за Цюй Юанем упрочилась слава основоположника и патриарха китайских поэтов всех времен.

Чем же это произведение пленило многие поколения китайского народа? Прежде всего своим содержанием, взволнованным и трагическим. В «Лисао» отображены события и размышления поэта, его раздумья, гневные, обличительные обвинения жестокого произвола царствовавшего двора. Со всей страстью возвышает он голос в защиту справедливости, мужественно обрушивается против грубой силы, попрания правды, человечности.

Именно бесстрашие вызывало глубокое сочувствие к гражданскому мужеству опального поэта, к его печальной судьбе. Все видели, что это

было не просто покушение на личность поэта: велась расправа с выразителем совести, бросившим вызов своевластию тиранов. Потрясение души поэта, быть может слишком суровое, не могло не волновать людей, не пробуждать в них внутренней потребности быть морально совершеннее.

Поэма «Лисао», далее, привлекала художественной силой своих образов. И здесь необходим эстетический и, следовательно, историко-литературный подход к этому уникальному памятнику древнекитайского словесно-речевого искусства. Дыхание истинной поэзии ощущается в этой трогательной и величественной исповеди певца патристических чувств, человека высокого долга, гуманистических устремлений. Испытав на себе гнев и немилость царя, отрешившего поэта от всех званий — фамильно унаследованных и лично заслуженных, — Цюй Юань и в изгнании хранил верность своим убеждениям, был движим глубокой привязью к родной земле, к народу, его породившему.

Цюй Юаню выпала роль, которую только он и сумел сыграть в определенных социально-исторических условиях. Роль эта превратилась для него в поэтическую судьбу. Нет ни одной значительной стороны жизни и духовного мира человека, о которых не писал, не говорил бы со всей силой своего вдохновения Цюй Юань. В центре внимания поэта были острее проблемы его дней, которые он отражал в своих поэмах с позиций подлинного гуманизма и патриотизма. Вот почему Цюй Юань на протяжении столетий воспринимался китайским народом как духовный наставник и великий патриот.

Все это обнаруживает истинное призвание поэта: каким мужеством, ярким умом и сердцем надо было обладать, чтобы в эпоху, когда родине поэта угрожала гибель, когда пламя междоусобиц разгоралось все шире и простой народ подвергался страшным испытаниям, возвысить голос любви к родине, голос разума и справедливости.

Поэтическое наследие Цюй Юаня дает нам право рассматривать его как первооткрывателя, который был устремлен вперед, опережая свой век и величием мысли, и художественным видением мира. О Цюй Юане можно сказать словами Лермонтова: «Силой мысли в краткий час я жил века».

Истории китайской литературы известны художники с разным пониманием словесного искусства: Цюй Юань, Тао Юаньмин, Ли Бо, Ду Фу, Бо Цзюйи, Мэн Хаожань, Гуань Ханьцин, Лу Синь... Список имен можно легко умножить. Но при воспоминании о них у нас возникает представление не только о том, как они создавали свои произведения, хотя это само по себе удивительно и существенно, а о том образном мире, который они несли людям. Именно то, что отличает подлинного художника слова.

Мы знаем, что словесное искусство при всей своей наглядности и доступности не так просто и в своих проявлениях вовсе не однозначно. Здесь необходима особенная наблюдательность в отношении своеобразия художника. Поэтический опыт Цюй Юаня мы рассматриваем в непосредственной и органической взаимосвязи с общим развитием художественных явлений его времени и предшествующих эпох. Мы отвергаем упрощенное истолкование идеи детерминизма, которая ведет к идеалистическим позициям, к отрицанию глубоких корней образного видения писателя, к его нерасторжимости с объективным миром. Реальность мира, изображенного Цюй Юанем, не отделена от личности поэта, хотя она не исчерпывает всей многосложности его переживаний.

В поэтическом творчестве Цюй Юаня все — и миф, и реальность, и социальность, и философия, и музыка чужого фольклора. Здесь — первичность восприятия жизни и всеохватная творческая фантазия. Сфера, которая будто стремится замкнуться. И в то же время становится бесконечной.

Часто поэт всюду искал тайны жизни, чудесное в мире, величественное, непохожее на обыкновенную действительность, его окружавшую. Цюй Юань нередко слишком высоко парил над землей, вдохновляемый народными легендами и древними мифами, и людям порой казалось, что он недосягаем.

Для Цюй Юаня окружающий мир представлялся единым: космос — это материя и дух. В них тайна вселенной. И поэт пристально всматривался в мир природы, ощущал себя в некоей эманации, таящей в себе смысл вселенной и человека. Отсюда поэзия Цюй Юаня — отражение этой эманации, стремление выразить этот смысл с его метафизическим значением и космическими представлениями.

Можно сказать, что условием поэтического творчества Цюй Юаня, как и любой деятельности в области мысли и духа, было сознание, вместившее в себя пережитое в прошлом и современном для поэта мире. Творческое же воображение поэта реализовало это, привлекая опыт и разум.

Время оставляет людям летописи, легенды, творения духа человеческого — бесценное наследие грядущим поколениям. Мифы и народные предания не могли не привлекать внимания Цюй Юаня, в поэтическом искусстве которого с такой щедростью нашло выражение устное народное творчество. Несомненно, что уже с детских лет, в особенности как это случается у творчески одаренных и впечатлительных натур, у Цюй Юаня должен был проявиться интерес к народной песне и сказке. Можно с уверенностью сказать, что глубокий интерес к устной народной поэзии не покидал его всю жизнь, песня возбуждала его воображение. Об этом убедительно свидетельствуют его сочинения, относящиеся к различным периодам творчества. Среди других произведений назовем здесь «Цзю гэ» — «Девять напевов», «Тянь вэнь» — «Вопрошаю небо», «Чжао хунь» — «Призывание души», «Цзю чжан» — «Девять элегий», в которых содержатся целые россыпи фольклорных жемчужин.

Художественно обрабатывая творения народной словесности Чуского царства, Цюй Юань, быть может сам того не сознавая, оказал неоценимую услугу как китайской культуре, так и национальной фольклористике. Вместе с тем творчество поэта указывает нам на необходимость исследования истории развития взаимосвязей народного творчества с самых древних времен в различных землях Китая, обособленных княжествах и царствах, где рождались и изустно передавались творчество. Предмет этот все еще ждет своих филологических и фольклорных исследований.

Влияние, которое оказало поэтическое творчество этого художника слова, как и весь его жизненный путь, на китайское словесно-речевое искусство, представляется огромным, и его поистине невозможно переоценить. С глубокой скорбью и душевным волнением откликнулись на трагическую судьбу гениального певца древности китайские поэты, литераторы и мыслители всех времен. Они черпали в его патриотическом подвиге и неумирающих поэтических шедеврах вдохновение, неизменно находя в них щедрый источник для духовных сил и эстетических сокровищ. Они понимали, что народ должен из поколения в поколение вести неустанное сражение за то, чтобы мутные потоки, оказавшиеся на поверхности политической жизни в результате исторических бурь, не загрязняли бы естественного течения жизни отечества, не подорвали бы моральных сил народа, созидательных его устремлений, направленных на достижение высоких идеалов.

Нужна была огромная смелость мысли, широта кругозора, отвага и страсть поэта и борца, чтобы в ту эпоху бросить призыв к свободе, дошедший через тысячелетия до наших дней, пробуждая в людях дух

гордого свободолюбия и ненависти к тиранам. Погибла сильная жизнь, гениальная личность. Но даже смерть Цюй Юаня явилась победой, торжеством человеческого духа. И память об этом не изгладилась. Смерть превратила поэта в судьбу.

Цюй Юань поднялся до высот поэтического обобщения всей трагической истины общественной жизни Чуского царства.

Эпохальна та поэзия, которая оказывает влияние на поколения художников и после смерти автора. Так влиял Цюй Юань на духовную и творческую жизнь в Китае на протяжении веков. И это было не просто подражание. Причина бессмертия, долговечной неувядаемости поэтических строк Цюй Юаня таится в том, что он вызывает к жизни новые поиски формы и содержания.

Китайская поэзия на протяжении многих столетий, в сущности, соизмеряла свои шаги с традициями цюйюаневского наследия — гражданственностью его творчества, гуманистической направленностью, патриотизмом.

Бессмертие Цюй Юаня свято и торжественно, как бессмертие Гомера и Фирдоуси, Рафаэля и Микеланджело, Шекспира и Пушкина, Баха и Чайковского. Поэт возвысил голос, который был услышан не только его современниками, но и неисчислимыми поколениями на протяжении теперь уже десятков веков.

Принципы цюйюаневской художественной системы — слитность слова и мысли, точность поэтического стиля, основанного на глубоком усвоении и творческой переработке сокровищ фольклора и народного языка. Цюй Юань был новатором, почвой же была сама действительность. В новаторстве Цюй Юаня есть великая черта. От цюйюаневского новаторства идут дороги к непрерывным и многообразным новым открытиям.

Порой цюйюаневская поэзия, как и «Шинзин», в самой ее первозданности может показаться нам чем-то устаревшим, слишком упрощенным, примитивным. В чем же, однако, здесь причина? Не в том ли, что человек иногда склонен называть примитивизмом ту высоту и глубинность, которые для него остаются недостижимыми?

Так, говоря вкратце, можно обрисовать черты неповторимой личности Цюй Юаня. Те черты, которые проявились в главных линиях его мужественного и трагического жизненного пути. И все более напрашивается вывод, что при разработке биографии поэта и художественного творчества следует рассматривать их в определенном ракурсе, а именно под углом зрения индивидуальности автора, эволюцию его мироощущения, его отношения к современности.

Личность художника должна быть постоянно в фокусе внимания исследователя, руководствующегося принципом историзма, связью творческой личности с эпохой. Дело здесь не только в творчестве Цюй Юаня, но и в его личности, нравственной высоте, человечности, благородстве всего облика поэта.

Поэзия Цюй Юаня, как и вся его жизнь, свидетельствует не только о вечном беспокойстве страстного певца, не только о его протесте, вызове неприемлемому миру. Она свидетельствует и о его смятении, о выстраданных блужданиях ищущего, о противоречиях, которые непосильно решать одному.

Составляя русский комментарий поэтического творчества Цюй Юаня, необходимо исходить из различных китайских источников. Опираясь лишь на один источник значило бы подчиниться его концепции. Но толкование любого комментатора всегда отражает его время, его личность. Поэтому надо стремиться возможно объективно понять мироощущение Цюй Юаня сообразно эпохе, в которую жил поэт, и той социальной среде, в которой ему приходилось действовать, насколько, разумеется, наши исторические знания позволяют это.

Представления о прекрасном в древнем Китае¹

*В. А. Кривцов,
доктор исторических наук*

Китай обладает развитой и самобытной системой эстетических ценностей, которая возникла на основе богатой художественной практики и впоследствии оказала огромное воздействие на эту практику.

Среди этих ценностей важное место занимают представления о прекрасном, становление которых началось еще со времени неолита. Первоначально эти представления стихийно отражались в художественной деятельности древних китайцев, причем раньше всего и наиболее ярко — в древней керамике, которая дает основание сделать вывод о наличии уже в глубокой древности альтернативных эстетических вкусов. Цветная керамика «яншао» и черная керамика «луншань» свидетельствуют о том, что появление более поздних альтернативных эстетических категорий «вэнь» и «чжи» было подготовлено тысячелетиями художественного развития.

Совершенство пластических форм древнекитайской бронзы времен династий Шан — Инь (XVIII—XII вв. до н. э.) и Чжоу (XII—III вв. до н. э.) позволяет сделать предположение о наличии уже в то время устойчивых эстетических критериев и о сознательном воплощении определенных эстетических принципов в художественном творчестве, которое все шире отражало непрерывное совершенствование и обособление категории прекрасного от других представлений.

Аналогичные предположения можно допустить и на основании знакомства с древнекитайскими изделиями из нефрита, яшмы и лака. Обоснованность таких предположений подтверждается тем, что возникавшие у древних китайцев представления о прекрасном одновременно находили отражение и в древнекитайском иероглифическом письме в виде иероглифов «мэй», «шань», «вэнь», «чжи», «пу», «чжо» и др.

Анализ этих иероглифов дает основание для заключения о том, что первоначально большинство из них не имело эстетического значения и отражало повседневную, сугубо практическую деятельность человека, удовлетворение его элементарных потребностей в пище, одежде и т. п. И лишь впоследствии, по мере развития художественной практики, а следовательно, и эстетических потребностей и вкусов, эти иероглифы оказались связанными с понятием прекрасного и стали фиксировать определенные эстетические ценности.

Наиболее общее представление о прекрасном с древнейших времен выразилось в Китае иероглифом «мэй», рассмотрение элементов которого показывает, что он состоит из двух частей — «ян» — «баран» и «да» — «большой». Следовательно, первоначально иероглиф «мэй» вовсе не имел абстрактного значения «красота», а воплощал в себе мысль о конкретном предмете — «большом баране», который в свою очередь

¹ Доклад, прочитанный на конференции Европейской ассоциации китаеведов в Кембридже 9 июля 1982 г.

был связан с понятиями сытной пищи, пользы, блага. Интересно, что в древнем китайском словаре «Шо вэнь» иероглиф «мэй» имеет и значение «вкусное». Потребовались многие столетия для того, чтобы конкретное понятие «большой баран» было переосмыслено в абстрактное понятие «красота».

Аналогичная участь постигла и иероглиф «шань», близкий по составляющим элементам к иероглифу «мэй». Иероглиф «шань» состоит из элементов «ян» — «баран» и «коу» — «рот». Это значит, что в глубокой древности он не означал абстрактного понятия «добра» и «красоты», а нес в себе также идею удовлетворения потребности в пище. В упомянутом словаре «Шо вэнь» указывается, что иероглиф «шань» уже имеет одинаковое значение с иероглифом «мэй».

Иероглиф «вэнь» изначально также не имел абстрактных значений «изящный» и «прекрасный», а представлял собой конкретное изображение переплетающихся нитей, узор (так иероглиф «вэнь» поясняется в словаре «Шо вэнь»; Нидэм даже утверждает, что «вэнь» представляет собой изображение человека, покрытого татуировкой). Во всяком случае, все это свидетельствует о том, что и иероглиф «вэнь» сначала не имел эстетического содержания и приобрел его впоследствии, получив смысл «узорный, яркий, красочный». «Синее и красное называется «вэнь»» («Чжоу ли» — «Чжоуский обрядник»); «Пять цветов, когда они не смешиваются, образуют „вэнь“» («Юэцзи» — «Записки о музыке»).

Иероглиф «чжи» сначала означал «взаимный обмен вещами» (см. «Шо вэнь»). Он состоит из раковины (бэй) и двух топоров (цзинь), которые в древнем Китае служили средством обмена. Со временем понятие «чжи» получило значение: простой, реальный, действительный (в этом смысле он встречается в «Луньюе» Конфуция и в «Записках о музыке»), а затем уже «красивый».

Наконец, иероглиф «пу», являвшийся синонимом иероглифа «чжи», согласно словарю «Шо вэнь», означал дерево, бревно, необработанное человеком, а также простой, скромный и т. д.

Огромную роль в дальнейшем развитии представлений о прекрасном сыграли древнекитайские философские, морально-политические и другие учения, в сфере которых изначальные представления о прекрасном превратились, по существу, в эстетические категории, однако по-прежнему тесно связанные с натурфилософией, этикой и политикой. В этом смысле особенно велика роль конфуцианства и даосизма, определивших дальнейшее развитие всей художественной культуры Китая в целом и его эстетики в частности. Разумеется, сделали свой вклад в этот процесс и другие направления философской и общественно-политической мысли древнего Китая — моизм, легизм, иньянизм, впоследствии буддизм и др.

Следует сразу же отметить, что ни одна из этих школ не имела чисто эстетического характера. Большинство их было прежде всего морально-политическими школами, усилия которых в конечном счете были направлены на разработку методов и традиций управления обществом и государством, на выработку соответствующих морально-политических ценностей, норм и идеалов.

В связи с этим развитие собственно эстетических ценностей и идеалов было поставлено в зависимость от морали и политики, которые, таким образом, оказали сильнейшее воздействие и на развитие представлений о прекрасном. Из этого следует, что в Китае с глубокой древности представления о прекрасном особенно жестко регламентировались социальными, моральными и политическими факторами. А так как социальные, моральные и политические взгляды основных интеллектуальных школ древнего Китая резко отличались друг от друга, то и развитие в рамках этих школ представления о прекрасном также имели мало общего. Собственно говоря, прекрасное в «чистом виде», вне морали и политики, в

древнем Китае фактически не мыслилось, оно всегда было, в конце концов, ориентировано на определенную морально-политическую систему. Особенно ярко это отличие и ориентация выразились в представлениях о прекрасном конфуцианства и даосизма, являвшихся антиподами в своих социальных и морально-политических представлениях.

Конфуцианство рассматривало окружающую человека социальную действительность как четырехступенчатую систему, построенную в порядке: человек — семья — государство — Поднебесная. Причем все четыре ступени этой системы тесно связаны между собой через отношения подчинения. Человек не мыслится вне семьи и государства, он безоговорочно подчиняется им. Его поведение строго регламентируется моральным кодексом «ли». Этот порядок вечен и незыблем, ибо он представляет собой отражение порядка и подчинения, существующих в природе, где господствуют противоречивые силы «инь» — «ян», гармоническое соотношение которых рождает все сущее, получающее от этих сил «все необходимое для своего становления и совершенствования» («Сюньцзы», гл. «Тянь-лунь»). Следовательно, окружающий человека социальный мир — это мир порядка и гармонии, аналогичных порядку и гармонии в природе. Однако порядок и гармония возможны лишь тогда, когда человек совершенствует себя («сю шэнь»), наводит порядок в семье («ци цзя») и умиротворяет Поднебесную («пин тянься»), то есть активно вмешивается в окружающую его действительность, неукоснительно следуя конфуцианскому пути «дао», отражающему путь — «дао» — природы.

Построенное таким образом общество, воплощая в себе социальные и морально-политические идеалы конфуцианства, одновременно предопределяло и содержание эстетических представлений, все больше сближавшихся с идеями порядка, гармонии, симметрии разнородных элементов. Это сближение привело к тому, что эстетическая категория «вэнь» со временем стала использоваться в конфуцианстве и как категория политическая, обозначая политику, приводящую к социальной гармонии и порядку.

Конфуцианские представления о прекрасном, помимо категории «вэнь», наиболее полно воплощались также в категориях «шань» и «мэй», тесно связанных между собой и заимствованных у предшествовавших эпох. Причем со времен Конфуция «мэй» все больше использовалось в качестве оценки прекрасной формы, а «шань» — прекрасного содержания. Об этом свидетельствует высказывание Конфуция о музыке «шао», приписываемой легендарному императору Шуню. Об этой музыке Конфуций сказал, что она «исчерпывает и «мэй», и «шань»», или, говоря современным языком, она совершенна по форме и по своему моральному содержанию. А о музыке чжоуского У-вана, известной в истории как «воинственная» музыка, Конфуций сказал, что она «исчерпывает „мэй“, но не исчерпывает „шань“» (то есть она совершенна по форме, но не полностью совершенна по содержанию). Семантика категории «мэй» была очень широкой и нестабильной. Судя по древнему словарю «Эр я», категория «мэй» также имела не только эстетическое (прекрасный, блестящий, пышный, величественный и т. д.), но и моральное (преданный, верный, добродетельный, уважаемый) содержание. В Ханьский период Цзя И дал «мэй» чисто этическое истолкование, связав «мэй» с такими этическими категориями, как «дао», «жэнь» и т. д.

Для Конфуция и его учеников главной мерой, которой они определяли этико-эстетические достоинства людей, произведений литературы и искусства, была категория «вэнь». Она имела очень широкое синкретическое содержание и, по существу, охватывала собой всю сумму знаний, считавшихся необходимыми конфуцианством.

«Если есть силы и время, учитесь „вэнь“, — призывал Конфуций. Конфуцианство настолько связало себя с учением о «вэнь», что в период

Чжаньго понятие «вэньсюэ», то есть учение о «вэнь», стало синонимом понятия «жусюэ», то есть учения конфуцианцев.

В собственно эстетическом плане категория «вэнь» понималась конфуцианством как прекрасное в смысле украшенное, утонченное, изящное, изысканное, стилизованное, лишенное изначальной простоты. Именно поэтому понятие «вэнь» оказалось включенным впоследствии в представлении китайцев о литературе («вэньсюэ») и культуре вообще («вэньхуа»).

Для конфуцианца «вэнь» — это результат сознательной и целенаправленной деятельности человека («вэй»), и как таковая «вэнь» противостояла всему простому, изначальному, естественному, обозначавшемуся иероглифом «чжи».

Со временем наряду с категорией «вэнь» в эстетических оценках конфуцианцев все большее значение стала приобретать и категория «дао» — более абстрактная, умозрительная и удаленная от эмоциональной связи с прекрасным, чем «вэнь». Борьба между сторонниками «вэнь» и «дао» впоследствии составила эпоху в истории китайской эстетической мысли.

Если эстетический идеал конфуцианства был связан прежде всего с категорией «вэнь», то эстетический идеал враждебных конфуцианству учений — моизма и даосизма — основывался на категории «чжи».

Как антитеза понятия «вэнь» иероглиф «чжи» встречается в «Луньюэ» Конфуция, а также в тексте «Цзо чжуань». Понятие «чжи», как, впрочем, и понятия «пу», «чжо» и другие, приобрело эстетический смысл главным образом под влиянием учения даосизма, трудов Лао-цзы, Чжуан-цзы и других представителей этой школы.

Даоские представления о прекрасном формировались, с одной стороны, на основании учения о «дао» — абсолютном начале всех вещей и явлений окружающего нас мира — и свойственной «дао» естественности «цзыжань». С другой стороны, они отражали социальные и этико-политические взгляды и идеалы этой школы.

В даосизме прекрасное — это прежде всего выражение «дао», которое «постоянно осуществляет недеяние, однако нет ничего такого, чего бы оно не делало» («Дао-дэ-цзин»). Когда человек имеет «дао» полностью, он становится совершенным и прекрасным, ибо признак полноты «дао» заключается в том, что уродливое делается прекрасным, недостаток превращается в достоинство, несовершенное — в совершенство.

Одновременно даосизм утверждает, что невозможно найти разницу между истинным и ложным, прекрасным и уродливым, так как не существует критерия истинности. Отсюда эстетические категории релятивны и неопределенны, поскольку «превращение в противоположность есть действие «дао» («Дао-дэ-цзин»). «Когда все в Поднебесной узнают, что прекрасное является прекрасным, [для них] появляется и безобразное» («Дао-дэ-цзин»). Тем не менее даосизм создал свои специфические категории прекрасного, исходя из заповеди Лао-цзы: «Нельзя считать себя драгоценным», как яшма, а нужно быть простым, как камень». Согласно учению даосов, прекрасно то, что естественно, а естественное есть нечто простое, скромное, грубое, асимметричное, подобное камню. Оно лишено ярких красок, поскольку «пять цветов притупляют зрение» («Дао-дэ-цзин»), и совершенства (так как «великое совершенство похоже на несовершенство»).

Социальные и морально-политические идеалы даосизма связаны с жизнью китайской деревни, родовыми, патриархальными отношениями. «Пусть государство будет маленьким, а наследие редким... Пусть соседние государства смотрят друг на друга, слушают друг у друга пение петухов и лай собак, а люди до самой старости и смерти не посещают друг друга» («Дао-дэ-цзин»). Человек должен жить по законам природного «дао», а не по законам «дао» человеческого, и тогда общество будет

совершенным. «Человек следует [законам] земли. Земля следует [законам] неба. Небо следует [законам] дао, а дао следует самому себе», — утверждает Лао-цзы. Это значит, что человек должен жить не по законам созданной им морали, а по законам природы. «Небо и земля не обладают человеческой жизнью и предоставляют всем существам жить собственной жизнью» («Дао-дэ-цзин»).

В связи с тем социальные и морально-политические идеалы даосизма были безыскусственны, просты и скромны. Среди них был и идеал «пу», одно из первоначальных значений которого, как считает Нидэм, была «простота примитивного коллективизма». Впоследствии это понятие было перенесено на природу, а затем стало употребляться в даосизме и как эстетическая категория, означающая нечто грубое и простое и потому прекрасное.

По своему значению понятие «пу» очень близко категории «чжи». В эпоху Хань «пу» и «чжи» употреблялись как синонимы (см. Ван Чун, «Лунь хэн»).

В эстетике даосизма имеется еще одно понятие — «чжо», означающее «неумелый, неискусный», противоположное по смыслу понятию «цяо» (умелый, ловкий, искусный) (см. «Шо вэнь»). «Чжо» встречается в китайских текстах как синоним «пу» и «чжи»².

Интересно, что в сознании китайцев периода династии Хань глубокая древность (до династии Чжоу) ассоциировалась с понятием «пу-чжо», то есть была для них эпохой естественности и простоты, а последующее время связывалось с понятием «вэнь», то есть представлялось как период цивилизации и утонченности.

Изучение генезиса представлений о прекрасном в древнем Китае приводит нас к выводу о том, что китайцами были созданы две диаметрально противоположные эстетические школы — конфуцианская и даосская. Их эстетические идеалы представляли собой антитезу «вэнь — чжи» — прекрасное и простое, а последующее время связывалось с понятием «вэнь», то есть представлялось как период цивилизации и утонченности.

В Китае влияние этой антитезы стало особенно заметно в период династии Тан на северной и южной школах живописи «бэй цзун» и «нань цзун», причем первая из них основывалась на эстетике «вэнь», была яркой, красочной, утонченной, а вторая — на эстетике «чжи», была монохромной и простой. Это дает основание говорить о двух противоположных эстетических началах в развитии национальной китайской живописи, которые прослеживаются и до сегодняшнего дня.

Такое же явление имело место и в истории китайской архитектуры, развитие которой также шло на основании двух различных эстетических принципов. Архитектура в Северном Китае (Пекин и другие города) строилась на основании эстетической категории «вэнь» и была полихромной. Архитектура же ряда других районов Китая (особенно города Сучжоу) находилась под влиянием категории «чжи» и была монохромной.

Аналогичную картину мы видим и в художественной культуре Японии, где также обнаруживается влияние эстетической антитезы «вэнь — чжи», разумеется переосмысленной и переработанной японцами, проявившими особые симпатии к эстетическому идеалу естественности и простоты, который получил воплощение в чисто японской эстетической категории «ваби», или «саби».

² См.: М. Коноо. Цэнгэн. Токио, 1956.

Из истории литературы сопротивления

О. П. Болотина,
кандидат филологических наук

В истории литературного движения Китая XX в. есть немало памятных дат. Одна из них — 27 марта 1938 г. В этот день в Ханькоу собралось более пятисот писателей, художников, актеров, деятелей литературы и искусства. Им предстояло учредить первую в истории Китая массовую патриотическую организацию творческих работников — Всекитайскую ассоциацию работников литературы и искусства по отпору врагу (Чжунхуа цюаньго вэньцзе канди сехуэй). Объединение художественной интеллигенции Китая сыграло заметную роль в деле консолидации национального антияпонского фронта, победоносного завершения справедливой освободительной войны китайского народа против японской агрессии (1937—1945).

В манифесте ассоциации подчеркивалось, что в первые месяцы войны силы писателей были разобщены, что литература и искусство не стали мобилизующим началом в агитационно-пропагандистской антияпонской работе. «Пали крупные города, затруднилась издательская работа, деятели литературы и искусства разъехались по всей стране. И хотя появилось множество очерков, корреспонденций, другой газетной публицистики, но в целом в лагере литературы и искусства все еще тишь да гладь», — отмечали участники учредительного съезда ассоциации¹. Они с негодованием писали, что китайский книжный рынок наводнен японской милитаристской литературой, в которой апологетика войны переплеталась с попытками замаскировать ее агрессивный характер со стороны Японии.

В другом документе — постановлении о целях и задачах ассоциации — определялось магистральное направление деятельности этой организации: «Мы понимаем важность работы в области литературно-художественного творчества во время антияпонской войны. Разбросанные войной по всей стране деятели литературы и искусства должны объединиться и сообща внести свой вклад в великое дело национального освобождения». Эмоционально и взволнованно прозвучал на съезде призыв ко всей творческой интеллигенции Китая: «Давайте объединимся и своим пером, как воины на фронте своим оружием, будем вдохновлять массы стойко защищать родину, уничтожать ненавистного врага, добиваться победы».

На съезде были намечены первоочередные задачи ассоциации: наладить выпуск своей периодической печати, подготовить специальные литературно-пропагандистские материалы для армии, создать шефские творческие бригады по обслуживанию фронта и работе среди населения, открыть филиалы ассоциации по всему Китаю, организовать комитет массовой популярной литературы, регулярно проводить совещания по проб-

¹ Чжунго сяньдай вэньсюэ ши цанькао цзыляо (Справочные материалы по истории современной китайской литературы). Пекин, 1959, т. 1, ч. 2, с. 621.

лемам литературно-художественного творчества. Таким образом, ассоциация без колебаний взяла курс на активную борьбу с японской агрессией и единение с народом, судьба которого отныне стала, как заявили участники съезда, судьбой литературы и искусства².

Была выработана организационная структура новой творческой организации. Высший орган — съезд. На съезде выбиралось правление из 45 человек. Правление избирало генеральный совет из 15 человек. Совет состоял из четырех отделов: общего, организационного, издательского и исследовательского. На первом заседании правления 4 апреля 1938 г. был определен состав генерального совета, который впоследствии почти не изменялся. В совет вошли такие известные писатели, как Лао Шэ, Юй Дафу, У Цзусян, Фэн Найчао, Му Мутянь, Ху Фэн, Лоу Шин и др.

Ассоциация создавалась под эгидой единого национального анти-японского фронта. В ее ряды вошли деятели различных политических взглядов: коммунисты, писатели с демократическими убеждениями, но не принадлежавшие к Коммунистической партии Китая, прогоминьдановские литераторы. Понятно, что при такой политической неоднородности особое значение приобретала фигура главы организации. С самого начала гоминьдановское правительство пыталось подчинить ассоциацию своим функционерам. В Ухани на пост председателя претендовал заведующий отделом ЦИК гоминьдана Шао Лицзы. В Чунцине, куда ассоциация эвакуировалась в октябре 1938 г., этого поста стал добиваться министр информации гоминьдановского правительства Чжан Даофань. Тогда по инициативе левого крыла ассоциации было решено отказаться от президентства и руководить работой по отделам.

Во главе общего отдела стоял Лао Шэ, писатель выдающегося таланта, высоких гражданских устремлений. Он и стал подлинным и признанным главой ассоциации. Есть немало подтверждений тому, какое значение имела общественная деятельность Лао Шэ для этой организации и для литературной жизни Китая военных лет. «Мы все очень уважали его за независимый, беспристрастный характер, с сочувствием и симпатией относились к тому, как он неутомимо поддерживал состояние духа ассоциации», — писал о Лао Шэ известный литературный деятель Ло Чанпэй³. Выступая в 1944 г. на юбилее 20-летия творчества Лао Шэ, где собралось более 400 почитателей его таланта, Мао Дунь подчеркивал: «Если бы не усердный труд и терпение господина Лао Шэ, боюсь, что наша великая цель — объединение всех патриотических работников культуры — не могла бы быть достигнута так быстро и легко. Быть может, мы не смогли бы перенести все те трудности и невзгоды, которые преследовали нас»⁴.

Сложностей в работе ассоциации было немало: внутренние политические разногласия, усиливающееся наступление гоминьдановской реакции на демократические свободы и прогрессивное литературное движение, опасность возобладания сектантских тенденций как в самой ассоциации, так и в ее филиалах (с мая 1938 г. начали действовать филиалы в Чэнду, Гуанчжоу, Чанша, с февраля 1939 г. — в Куньмине, с марта 1939 г. — в Гонконге, с мая этого же года — в Яньани, с 1940 г. — в Гуйяне и Цюйцзяне). Помимо трудностей политического характера, эта организация постоянно испытывала безденежье. Подводя итоги пятилетней деятельности ассоциации, Лао Шэ писал в 1943 г.: «Средства ассоциации в уханьский период (март — октябрь 1938 г. — О. Б.) составляли ежемесячно 200—300 юаней. В настоящее время не превышают одной тысячи. И на эти деньги мы должны были содержать помещение, обе-

² См. там же, с. 621—622.

³ Ло Чанпэй. Чжунгожэнь юй чжунгожэнь (Китайцы и китайская литература). Пекин, 1947, с. 107.

⁴ Цит. по: Z. Slupski. Evolution of a Modern Chinese Writer. Prague, 1966, p. 90—91.

спечивать выпуск журнала, проводить всевозможные мероприятия, налаживать международные связи. Это было почти недостижимо, но все-таки удавалось. Помимо дотации соответствующего правительственного органа, мы ничего нигде не получали. Мы нуждались, но не могли протягивать руку за милостыней». Лао Шэ не указывает размер правительственной дотации, но о ее мизерности и нерегулярности свидетельствует горестное замечание писателя о том, что, если бы руководители ассоциации дожидались, пока их субсидируют, они не смогли бы провести ни одного серьезного мероприятия. При всей стесненности средств ассоциация считала своей гражданской обязанностью вносить пожертвования в фонд армии, сражавшейся с японскими захватчиками. «У нас не было денег, — вспоминал Лао Шэ, — но мы могли продавать свои произведения и жертвовали все деньги, вырученные от продажи книг»⁵.

И все же ассоциация действовала, укрепляла свое влияние, проводила в жизнь намеченный в основополагающих документах курс. Выполнение задач, сформулированных на учредительном съезде, было бессмысленно без налаживания собственной периодики. 4 мая 1938 г., в годовщину исторического «движения 4 мая» 1919 г., вышел в свет первый номер официального органа ассоциации — «Канчжань вэнь» («Литература и искусство войны сопротивления»). Вначале это было трехдневное издание, с 5-го номера — еженедельник, а с января 1940 г. — ежемесячник. Одним из редакторов журнала был Лао Шэ, у которого к тому времени был уже некоторый опыт подобной работы — с января 1938 г. Он принимал участие в редактировании журналов литературно-пропагандистского характера «Кан даоди» («Сопротивление до конца») и «Жэньжэнь кань» («Чтение для всех»). В редакцию входили также Е Шэнтао, Гэ Баоцюань, Гэ Ихун, Лао Сян, Се Биньин и др.

В журнале печатались как пропагандистские материалы, так и разнообразные по жанрам художественные произведения, отражавшие проблемы военного времени. Журнал оперативно откликался на события в стране. Специально для фронта издавалось приложение к «Канчжань вэнь» — «Боевой листок». В практику вошла подготовка спецвыпусков. Четыре спецвыпуска были опубликованы в сентябре — октябре в Ухани. Многие члены ассоциации, и среди них Фэн Найчао, Ху Фэн, Кун Лосунь, Е Ицюнь, Ань Э, Шу Цюнь, выезжали на фронт, в гущу событий. Номера, выпущенные по горячим следам, насыщенные фактами, эпизодами боев, стали своеобразной хроникой героической обороны Ухани. Специальные выпуски были посвящены памяти великого китайского писателя Лу Синя и великого советского писателя М. Горького, большого друга китайского народа. «Канчжань вэнь» издавался и на английском языке, эти выпуски редактировал Сисно Мар, известный китайский литературовед, который был в ту пору председателем иностранной комиссии ассоциации.

Помимо «Канчжань вэнь», и в центре, и в филиалах ассоциации издавалось довольно много журналов. Через месяц после начала войны Мао Дунь и Ба Цзинь начали выпускать в Шанхае небольшой литературный журнал «Фэнхо» («Маяк»). С первых военных месяцев в Ханькоу Ху Фэном стал издаваться журнал «Циюэ» («Июль»), а Дин Лини и Шу Цюнем — «Чжаньди» («Поле битвы»). Все эти журналы впоследствии перешли под эгиду ассоциации. В 1938 г. в Ханькоу начал выпускаться журнал «Канчжань» («Война сопротивления»), в котором сотрудничали Лю Байюй, Цао Мин, Сяо Хун, Е Ицюнь, Си Цзинь. В 1939 г. ассоциация наладила выпуск сразу нескольких журналов: в Куньмине — «Вэньхуа ганвэй» («Аванпост культуры»), в Чэнду — «Бичжэнь» («Литературный фронт»), в Сянфане — «Канчжань вэньсюэ» («Литература войны сопротивления»), в Яньаньском отделении — «Вэнь чжаньсянь»

⁵ «Канчжань вэнь», 27.III.1943, с. 3—4.

(«Литературный фронт») под редакцией Чжоу Яна. В 1940 г. Го Можо и Фэн Найчао основали журнал литературно-критического направления «Вэньи гуцзо» («Литературная работа»). В апреле этого же года в Яньани стал выходить еще один журнал ассоциации — «Дачжун вэньи» («Литература и искусство для масс»). С 1940 по 1942 г. в Гуйлине выпускался журнал «Епао» («Дикие травы»). Его главным редактором был Цинь Сы, в редакцию входили также Ся Янь, Не Ганьну, Сун Юньбинь. Там же с 1940 г. издавался ежеквартальник «Канчжань вэньи» («Литература и искусство войны сопротивления»). С января 1940 г. в Чунцине начал выходить один из самых интересных журналов военных лет — «Вэньсюэ юэбао» («Литературный ежемесячник»). Его главным редактором был Кун Лосунь. В журнале активно сотрудничали Лао Шэ, Фэн Найчао, Оуян Шэнь, Цао Мин, Ян Сао, Ло Фэн, Гэ Баоцюань, Гэ Ихун, Шэнь Циюй.

Не все журналы существовали продолжительное время, иные закрывались, даже не успев заявить о себе в полную силу, некоторые изменяли свои названия, место издания, варьировался состав редакций. Все это легко объяснялось спецификой военного времени. Весьма показательна, например, история журнала «Вэньи чжэньди» («Литературные позиции»). «Это издание родилось в дни победы под Тайэрчжуаном» (1 апреля 1938 г. — О. Б.), — вспоминал его главный редактор Мао Дунь⁶. Вскоре Мао Дуню пришлось скрываться от гоминьдановской охраны, и журнал до августа 1940 г. редактировал Лоу Шин. Затем журнал временно перестал выпускаться и возобновил свою деятельность с января 1941 г. в Чунцине. В обновленную редакцию вновь вошел Мао Дунь, а также Ай Цин, Ша Тин, Сун Чжиди, Цао Цзинхуа, Оуян Шань, Е Ицюнь, Чжан Минь.

К концу войны новых журналов стало издаваться меньше. Из последних по времени можно назвать «Чжунюань» («Родной край») под редакцией Го Можо, выпускавшийся в Чунцине с 1943 по 1945 г., и «Вэньшао» («На литературном посту») под редакцией Е Ицюня. Первый номер «Вэньшао» вышел в Чунцине 4 мая 1945 г. Символично, что и первый («Канчжань вэньи») и последний («Вэньшао») журналы ассоциации выпустили свои начальные номера в годовщину «движения 4 мая». В передовой «Вэньшао» Лао Шэ раскрывает эту символику, ставя вопрос о наследовании ассоциацией передовых традиций литературной революции и революционной литературы предшествующих десятилетий⁷. Как и периодика «движения 4 мая», издания прогрессивных литературных обществ 20-х годов, Лиги левых писателей, так и журналы ассоциации сплачивали единомышленников, вели полемику с противниками, боролись со злом, утверждали добро.

В деятельности ассоциации есть немало черт, сближающих ее с передовыми творческими организациями 20—30-х годов, особенно с Лигой левых писателей. Ассоциация приняла от лиги эстафету сближения литературы с массами. Но если длялевой лиги создание популярной массовой литературы было ключом к решению задач пролетарского литературного движения, то для Всекитайской ассоциации оно было главным звеном в выполнении ее патристической миссии донесения идей национального сопротивления до широких народных масс. Как писал один из членов ассоциации Линь Даныцю, «политические задачи литературы антияпонской войны и задачи художественные слились воедино в задачах движения за создание литературы для широких народных масс»⁸. Выдвинутые на учредительном съезде ассоциации лозунги «Литературу в армию!», «Литературу в деревню!» как нельзя лучше отвечали требо-

⁶ «Вэньи чжэньди», 1941, т. 2, № 4, с. 191.

⁷ См.: «Вэньшао», 1945, т. 1, № 2, с. 1—5.

⁸ Канчжань вэньи лунь цзи (Сборник материалов о литературе и искусстве антияпонской войны). Шанхай, 1939, с. 767.

ваньям времени, а их реализация могла бы приблизить китайских писателей к решению проблемы сближения литературы с массами.

Писатели ассоциации считали своей главной задачей в годы войны вести культурно-пропагандистскую работу. В резолюциях съезда указывалось, что необходимо создавать шефские писательские бригады по обслуживанию фронта и тыла. Бригадное движение получило широкое распространение в военном Китае, особенно в 1938—1940 гг. Это явление было закономерным, вытекающим из природы освободительной войны. На первом этапе антияпонской войны бригадное движение приносило большую пользу как защитникам родины, так и писателям. Писатели, выезжая на передовую, познавали фронтовые будни, изучали реальную жизнь, получали материал для своих произведений. По горячим следам создавались документальные очерки, агитационные пьесы, песни, стихи. Ими были заполнены сборники популярных произведений для солдат, боевые листки. Такого рода литературно-пропагандистские материалы широко распространялись писательскими бригадами среди воинов и крестьянского населения. К 1940 г. было написано довольно большое число подобных агитационных произведений, которые писатели решили издать специальной серией книг. За шесть месяцев 1940 г. было подготовлено к печати 20 сборников под общим названием «Литература на позициях». В выпуске этой серии принимали участие Ян Сао, Сун Чжиди, Ли Хуэйин, Ло Фэн, Гэ Ихун, Бай Лан и др. Отдельным сборником вышел коллективный дневник писателей, выезжавших на фронт в составе бригад. В серии был выпущен сборник стихов Шелли Вана⁹, активного сторонника бригадного движения. Имя этого поэта стало в ту пору символом беззаветного служения делу национально-освободительной войны. Будучи тяжело больным, он неоднократно выезжал на фронт и умер во время одной из таких поездок на Северный фронт в 1939 г.

Шефская работа по обслуживанию фронта и тыла была сложна и опасна, требовала от писателей немало сил и мужества. Вот как описывал Фэн Найчао будни фронтовых бригад: «В сентябре 1938 г. писатели Ухани отправили на фронт несколько шефских групп, одну — на юг Хубэя, на 4-й фронт, другую — на восток Хубэя, на 5-й фронт. Мы с Шэнь Чэном, Цянь Цзюньдуанем и другими также поехали на 5-й фронт. В частях мы раздавали книги, газеты, лекарства. В это время в Сишуй вернулась бригада Цзан Цэцзя. 4-я и 6-я бригады политического театра еще не вернулись. В Цзиньшане действовала театральная бригада под руководством Ван Ши. В нашей бригаде во время налета японцев на Сунфу 24 сентября был ранен Шэнь Чэн. Погиб один человек в 4-й бригаде. Мы выехали на фронт 17 сентября, вернулись 26-го. Все десять дней провели на передовой»¹⁰. Китайские писатели исключительно ответственно подходили к шефской работе, подчеркивая, что «именно тогда антияпонская литература добивалась блестящих успехов, когда писатели и театральные коллективы шли в деревню, в армию»¹¹. Лозунги ассоциации «Литературу в армию!», «Литературу в деревню!» стали, таким образом, руководством к действию для многих писателей. «В результате, — писал Мао Дунь, — было создано огромное число коротких популярных произведений, которые были понятны широким народным массам, пропагандировали патриотизм и сопротивление агрессии. Именно в этот период принцип «литература должна служить народной революции» сделал дальнейший шаг вперед»¹².

⁹ Псевдоним Ван Лиси, известного в 30-е годы в Китае ученого, поэта, публициста. Был одним из ответственных работников ассоциации, возглавлял комитет международной пропаганды.

¹⁰ «Канчжань вэнь», 27.III.1943, с. 19.

¹¹ Цюаньлинь, Ху Шэнь. Дачжун вэнь цункань пипин дуньвэнь сюаньцзи (Сборник критических статей о серии «Массовая литература»). Пекин, 1949, с. 7.

¹² «Chinese Literature», 1957, № 2, p. 209.

И все же как бы ни было необходимо бригадное движение, какую бы конкретную пользу на определенном этапе ни приносили пропагандистские произведения, до решения проблемы создания подлинно художественной литературы, понятной народу, любимой им литературы, о которой мечтали Лу Синь и Цюй Цюбо, было еще далеко. Более того, в первые годы войны китайская литература в массе своей как бы отступает с завоеванных в 20—30-е годы реалистических позиций. Страну буквально захлестнул поток простеньких агиток, произведений-однодневок. Перед писателями с необычайной силой встал вопрос, как создавать понятные массам и в то же время «великие произведения, достойные великой эпохи», которые вновь принесли бы славу китайской литературе. Как соединить пропагандистское и художественное, новаторское и традиционное? Требовалась какая-то новая, особая эстетика, способная, по мысли Лао Шэ, «отражать высокие чувства, сильные характеры. Эти высокие чувства и сильные характеры, запечатленные писателем, должны найти глубокое понимание и великое сопереживание в обществе»¹³.

Писатели ассоциации настойчиво искали ответы на поставленные самой жизнью вопросы. Был создан комитет популярной литературы, проводились совещания по проблемам теории и практики литературы для масс, творческие дискуссии. Первая дискуссия на тему «Как создавать общедоступную литературу для солдат?» состоялась в мае 1938 г. В дискуссии обсуждалось два ключевых вопроса: нужно ли создавать общедоступные произведения, нужны ли они солдатам, другим слоям народных масс; использовать ли и в какой степени старые, традиционные формы при создании новых произведений? Совещание, обсуждавшее эти проблемы, было весьма представительным. В нем приняли самое активное участие Лао Шэ, Тянь Хань, Фэн Найчао, Му Мутянь, Ван Япин, Сюй Бинчан, Ань Э, Си Цзинь, Лао Сян и др. Спор разгорелся главным образом по вопросу, надо ли «наливать новое вино в старые сосуды», другими словами, применять ли традиционные литературные и фольклорные жанры или же «старые сосуды разбить вдребезги, а новое вино наливать в новые кувшины», то есть полностью отказаться от старых форм. Крайние точки зрения выразили Тянь Хань, призвавший максимально широко использовать старые формы при создании новых произведений, и Лю Цянь, высказавшийся за крайне ограниченное применение традиционных жанров. Позиция Лао Шэ, руководившего дискуссией, была менее однозначной. Он выступил за право художника выбирать для своего произведения наиболее подходящую форму. Многих писателей беспокоила прозвучавшая в ходе обсуждения мысль о возможности политической актуальностью или механическим выбором формы возместить отсутствие художественности в созданных для народа произведениях. «Боясь, что наш метод — коль уж массовость, то никакой красоты», — сказал в своем выступлении Му Мутянь, справедливо заметив при этом, что «по вопросу применения старых форм ни у кого нет ясности»¹⁴.

По вопросам использования традиционных форм споры вспыхивали неоднократно. Особенно длительная дискуссия о национальных формах проходила в 1940 г. К тому времени уже был накоплен значительный опыт обращения к традиции. Выработался принцип применения фольклорных жанров для создания произведений на современную тематику. Если деятели литературы и искусства адресовали свои произведения тем, кто умел читать хотя бы газеты на байхуа, они могли использовать самые различные, в том числе и «европеизированные» жанры. Если же они хотели быть понятными совершенно неграмотным массам, то должны были особенно тщательно выбирать форму преподнесения передовых

¹³ «Юйчжоу фэн», 1937, № 53, с. 163.

¹⁴ «Канчжань вэнь», 1938, т. 1, № 5, с. 36.

идей. И здесь союзником писателя, поэта, драматурга становился фольклор. «Раз уж нет времени учить массы грамоте, — замечал Лао Шэ, — то мы должны петь для них, чтобы они слушали, представлять для них, чтобы они смотрели, не препятствовать местному творчеству, поощрять переводы на местные диалекты и наречия, расширять диапазон своего влияния». Особенно он приветствовал песни, сказки под барабан, пьесы, пересказы, созданные на основе всевозможных местных диалектов, так как хорошо понимал, что «язык стихов для декламации, сказов под барабан, написанных на государственном языке гоюй, вовсе не всеобщ, и поэтому даже привычное для слуха чтение нараспев будет бессильно принести искомые плоды»¹⁵.

На сходных позициях стоял и Мао Дунь. Он с горечью писал, что в стране 80 % абсолютно неграмотных, а из тех 20 %, кто знает иероглифы, лишь половина может читать книги и газеты. Мао Дунь поддержал основные предложения Лао Шэ и выдвинул свою программу действий: «Писатели должны писать произведения, специалисты по фольклору — выработать нормы и методы использования старых форм, исполнители песен под барабан, пекинской оперы, повестей, хунаньских музыкальных пьес сянси, хунаньских и хубэйских разговорных пьес чуэцзюй, гуандунских пьес юэцзюй и прочих устных жанров должны применять старые формы на практике. Надо всем действовать сообща. Тогда можно быть уверенным, что мы не провалим антияпонскую работу!»¹⁶

При этом большинство писателей и литературных деятелей, отойдя от крайних взглядов на массовую популярную литературу, стало придерживаться более разумных позиций варьирования различных форм и жанров. Оценивая особенности литературного процесса в период антияпонской войны, деятели литературы и искусства Китая единодушно отмечали, что в те годы были достигнуты значительные успехи в сближении литературы с массами. Действительность национально-освободительной войны повлияла на содержание китайской литературы, принесла новые идеи, темы, средства художественной изобразительности. Особенно показательны в этом плане творчество Лао Шэ тех лет. Если до войны он уже был хорошо известен как талантливый прозаик, мастер новеллы, прекрасный романист, то в годы войны, помимо рассказов, романов, повестей, создал множество произведений песенно-повествовательных жанров, несколько традиционных музыкальных пьес, книгу стихов патриотического характера. В военное время проявился и талант Лао Шэ — драматурга, написавшего около десятка пьес в жанре хуацзюй (разговорная драма), и публициста. Причем отказавшись довольно скоро от традиционных и фольклорных жанров в чистом виде, Лао Шэ в последующем часто использовал отдельные элементы фольклора, приемы традиционной литературы. В разговорную драму «Борьба Дракона и Змеи на Великой земле» (1941) писатель ввел музыкальные сцены. «Если смотреть с точки зрения формы на мои пьесы, — вспоминал Лао Шэ, — то, когда я храбро ввел некоторые приемы музыкальной драмы сицзюй и песенно-повествовательных жанров цзюй в разговорную драму хуацзюй, я, можно сказать, приобрел новые глаза и уши»¹⁷. Фольклорное начало зримо присутствует и в книге стихов «К северу от заставы Цзяньмэньгуань» (1940—1942), и в сказке «Деревянный человек» (1943), и в романе «Огниенное погребение» (1943). Лао Шэ протестовал лишь против абсолютизации старых форм, против искусственного противопоставления национальных традиций, имеющих многовековую историю, новым чертам китайской литературы 20—30-х годов XX в. К проблеме создания в Китае подлинной народной литературы Лао Шэ относился с энтузиазмом патриота, с ответственностью писате-

¹⁵ Чжунго сяньдай вэньсюэ ши цанькао цзыляо, т. 1, ч. 2, с. 778.

¹⁶ Там же, с. 764.

¹⁷ Лао Шэ. Цзюйцзо сюань (Избранные пьесы). Пекин, 1959, с. 2.

ля, наследовавшего как демократические традиции национальных классиков и фольклора, так и новаторские идеи литературной революции «движения 4 мая».

Всекитайской ассоциации работников литературы и искусства по odporу врагу было суждено продолжить и другие направления деятельности прогрессивных обществ предвоенных десятилетий, особенно Лево́й лиги. Если в первый период войны (до октября 1938 г.) в литературных кругах Китая царил всеобщий патриотический подъем, атмосфера единства, то на втором этапе обстановка значительно изменилась. В конце 1938 г., когда уже ощущалась смена внутривластного курса чанкайшистского правительства в сторону ужесточения, в стране создались условия для разгула реакционных теорий, для обострения утихшей было на короткое время идейной борьбы в области литературы и искусства. Снова, как в 30-е годы, на авансцену выходят сторонники «чистого искусства» и апологеты национализма. Особенно острой была борьба между ассоциацией и правобуржуазными литераторами, выступившими с позиций аполитичности искусства, которых возглавил Лян Шицю, в конце 20-х и в 30-е годы уже выступавший с проповедью надклассовости искусства и получивший тогда резкий отпор от Лу Синя, Цюй Цюбо, других революционных писателей. Теперь Лян Шицю, воспользовавшись ухудшением политической ситуации в стране, повел наступление на основные принципы Всекитайской ассоциации — заострение политического, пропагандистского начала в художественной литературе, патриотический пафос произведений, поиски оптимальных способов преподнесения широким массам идей антияпонской национально-освободительной войны.

1 декабря 1938 г. Лян Шицю опубликовал материал «От редактора» в редактируемом им приложении к «Чжунъян жибао» — «Пинмин», а 6 декабря в газете «Чжунъян жибао» — статью «О невмешательстве в войну сопротивления». Он призвал писателей не обращаться в своем творчестве к проблемам антияпонской войны и вообще не касаться политики. Литераторы — члены ассоциации немедленно выступили с критикой идеи аполитичности искусства. В декабрьском номере «Канчжань вэнь» появилась серия материалов, в которых Сун Чжиди, Вэй Мэнкэ, другие писатели дали исчерпывающую оценку постулатам Лян Шицю. Прогрессивные литераторы были едины в своем мнении — призыв Лян Шицю искать материал и темы, не связанные с войной, означает не что иное, как игнорирование самого факта антияпонской войны. Писатели подчеркивали: как нет в Китае уголка, где бы не ощущалось влияние войны, так нет и не может быть для патриота темы, не имеющей ничего общего с национально-освободительным движением, а проповедники «чистого искусства» на деле проводят капитулянтскую линию. Наглядным примером, как отмечали писатели, служила судьба Чжоу Цзожэня, который от проповеди аполитичности искусства дошел до политического предательства, до службы в марионеточном правительстве Северного Китая.

С двумя статьями, разоблачавшими теорию Лян Шицю, выступил на страницах приложения к «Дагунбао» и «Сицзюй шицзе» известный критик Кун Лосунь. Непримируемую позицию по отношению к сторонникам теории «невмешательства» занял Лао Шэ. Им был подготовлен текст открытого письма ассоциации в редакцию газеты «Чжунъян жибао», в котором действия Лян Шицю оценивались как попытка «разрушить единство литераторов, сложившееся после начала войны, воспрепятствовать развитию литературы и искусства войны Сопротивления». Лао Шэ подчеркивал, что «в настоящее время все должно иметь отношение к войне сопротивления»¹⁸. По настоянию Чжан Даофана это письмо не

¹⁸ «Минбао юэкань», 1974, т. 9, № 10, с. 78.

было опубликовано. Но идеи, заключенные в нем, Лао Шэ неоднократно высказывал в своих выступлениях, публикациях, претворял в художественной практике. Отвечая на поздравления по поводу успеха его пьесы «Государство превыше всего» (1939—1940), Лао Шэ писал: «Я очень доволен, но не только потому, что моя пьеса получила признание. Коль литература и искусство войны сопротивления пользуются такой популярностью; это может закрыть рты тем, кто настаивает, что литературу нельзя использовать для нужд войны сопротивления»¹⁹.

По мере того как война затягивалась, политическая и экономическая обстановка в гоминьдановских районах становилась все напряженнее. Ухудшалось положение писателей, продолжавших проводить линию на активное сопротивление японской агрессии. С лета 1940 по осень 1942 г. ассоциация организовала несколько кампаний в защиту прав писателей. Но наступление гоминьдана на демократические свободы все усиливалось. В это тяжелое время некоторые литераторы стали отходить от активной работы в движении сопротивления, иные же пополняли лагерь апологетов теории «невмешательства». С резкой отповедью Лян Шицю, Шэнь Цунвэню, другим литераторам правого толка выступил в 1940 г. на страницах журнала «Вэньсюэ юэбао» Чжан Тяньи. Длительную полемику с группой Лян Шицю завершил Лао Шэ, изложив взгляды писателей-патриотов в предисловии к своему роману «Огненное погребение». «Некоторые говорят, что во время войны не о чем писать, так как война — это отвратительное, разрушительное явление, — начинал Лао Шэ спор со сторонниками «невмешательства». — Но если считать, что в обществе все может являться литературным сырьем, то непонятно, почему войну, тем более освободительную, следует рассмат-

ривать. Если цель художественной литературы заключается в указании зла, — обращал Лао Шэ против тех, кто считал, что во время войны не о чем писать, — то почему же война сопротивления, которая идет между добром и злом, нельзя отражать в литературе? ... Не проронить ни слова по причине отвращения — значит ждать, чтобы кто-нибудь другой сделал за нас мир»²⁰. Ради победы добра, ради прекращения сражались в годы военных испытаний китайцы.

Главным в борьбе со сторонниками аполитичности литературы были не полемические материалы, а произведения. Члены группы Лян Шицю не смогли создать в годы войны никаких сколько-нибудь заметных работ. Даже Шэнь Цунвэнь, наиболее талантливый из них, перейдя на позиции «невмешательства», прекратил свое существование как писатель. Члены Всекитайской ассоциации создали за годы войны мощную многоплановую литературу. При этом рядом с психологическими, продолжающими традиции критического реализма произведениями Лао Шэ, Мао Дуя, Ба Цзиня, рядом с блестящей сатирой Чжан Тяньи рождалось и крепло новое для Китая XX в. литературное направление. Это роман Ба Цзиня «Огонь» с его героями-студентами, в образах которых писатель стремился показать надежду нового Китая. Это «Повесть о первом этапе» Мао Дуя, поставившая перед соотечественниками вопрос, за кем идти, какой путь выбрать в годы борьбы за национальное освобождение. Это «Огненное погребение» Лао Шэ, его же трилогия «Четыре поколения одной семьи», чьи герои мужественно сражаются за идеалы добра, справедливости, мира на земле. Это также романы и рассказы Ша Тина, Ай У, У Цзусяна, повествующие о военных буднях страны, о росте национального самосознания китайского народа, повести и рассказы, романы и пьесы, стихи и поэмы других писателей

¹⁹ «Канчжань вэнь», 1942, т. 8, № 1—2, с. 27.

²⁰ Лао Шэ. Хоцзан (Огненное погребение). Шанхай, 1948, с. 3.

на остро современные темы. Все эти произведения, воссоздавая сложную действительность военного Китая, поднимали проблему героизма защитников отечества, стали гимном мужеству китайского народа.

Всекитайская ассоциация работников литературы и искусства по отпору врагу проводила также большую работу по укреплению связей с прогрессивными творческими организациями и деятелями других стран. В 1940 г. при ассоциации была создана иностранная комиссия во главе с Сисю Маром. Одной из ее главных задач было развитие культурных связей с Советским Союзом. Ассоциация активно действовала в этом направлении через общество китайско-советских культурных связей. 23 ноября 1938 г. была открыта литературная секция этого общества. Члены ассоциации организовывали вечера, встречи, митинги, посвященные СССР и советской литературе, часто выступали на страницах журнала «Чжун Су вэньхуа» («Культура Китая и СССР»). В одном из писем в Советский Союз, опубликованном в этом журнале, члены ассоциации заявляли: «Великий Советский Союз является истинным другом великого китайского народа в его борьбе за счастье и свободу. Великая советская литература также является подлинным другом нашей новой литературы в ее решительной борьбе за свободу и счастье. Мы гордимся, что можем сказать вам это»²¹.

Ассоциация стремилась к тому, чтобы в Советском Союзе знали о событиях в литературной жизни Китая, о проблемах, волнующих китайских писателей, чтобы советские люди узнали и полюбили произведения антияпонской войны. Наиболее успешно контакты ассоциации с литературно-художественными кругами СССР осуществлялись через советский журнал «Интернациональная литература». На страницах журнала часто печатались произведения китайских писателей, заметки о состоянии литературного процесса в Китае военных лет. В декабре 1939 г. ассоциация направила в «Интернациональную литературу» письмо, в котором говорилось: «Ваш журнал имеет распространение по всему миру и давно получил широкую известность. Он часто дарит своим вниманием китайскую литературу освободительной войны. Китайские писатели и весь китайский народ глубоко признательны вам за это»²².

Китайские писатели предлагали расширять дружеские связи, сделать более интенсивным обмен творческими работниками. «Кто из вас пожелает, — обращались они к советским писателям, — может побывать на нашей сражающейся земле, чтобы, как Илья Эренбург во время войны в Испании, пожить и поработать среди героического китайского народа, ведущего трудную, но мужественную борьбу». Писали они и о своем желании побывать в Стране Советов: «Посетить вашу светлую и счастливую страну, самим вдохнуть аромат свежести и здоровья вашей литературы, боевой дух решимости и оптимизма великого советского народа — это наше самое сокровенное желание. Мы мечтаем о том, чтобы это желание смогло осуществиться в самом ближайшем будущем»²³. После победы китайского народа над Японией, после образования КНР для многих писателей ассоциации эта мечта стала реальностью.

Болью отозвалось в сердцах китайских писателей известие о вероломном нападении гитлеровской Германии на Советский Союз. Журнал «Чжун Су вэньхуа» в ближайшем номере опубликовал специальную подборку материалов о Советской стране, ее литературе. В день первой годовщины Великой Отечественной войны ассоциация направила специальное послание советскому народу, в котором говорилось: «Весь мир находится в состоянии войны с фашистским зверем. Все человечество жаждет освободиться из кровавых лап фашистских дьяволов. Все наши мысли и надежды связаны с победой советского народа». От имени ас-

²¹ «Чжун Су вэньхуа», 1941, т. 8, № 2, с. 2.

²² «Интернациональная литература», 1940, № 7—8, с. 117.

²³ «Чжун Су вэньхуа», 1941, т. 8, № 2, с. 2.

социации письмо подписали Лао Шэ, Мао Дунь, Тянь Хань, Ян Ханьшэн, Го Можо, Сун Чжиди, Ай Цин, Цзап Кэцзя, Ван Япин. С каждым днем росло у китайского народа чувство признательности и уважения к стране, несущей основное бремя борьбы с фашизмом. Китайские писатели — полпреды своего народа выражали эти чувства в письмах в Советский Союз. «Мое сердце, как и сердца многих тысяч людей, бьется для вас. Мы понимаем, что от исхода этой гигантской битвы зависит прогресс или гибель человечества», — писал Ся Янь²⁴. Успехи Советского Союза в борьбе с гитлеровскими захватчиками вызывали горячий отклик в Китае. «Мы с радостью следим за волнующими известиями о том, как Красная Армия и весь советский народ защищают свое отечество — родину Толстого, Достоевского, Горького, Менделеева, Павлова, страну, где впервые засиял новый свет, — писала редакция журнала ассоциации «Ецао». — Мы твердо уверены, что разбойники, хлынувшие из-за рубежа, будут разгромлены героическим советским народом, и желаем вам дальнейших успехов»²⁵.

Известие о великой исторической победе советского народа было с энтузиазмом встречено ассоциацией. Иностранная комиссия ассоциации направила Союзу советских писателей приветствие с такими словами: «Мы, китайские писатели, очень радуемся и гордимся тем, что вы, советские писатели, уже показали всему миру небывалый пример мужества и преданности Родине в вашей Отечественной войне. Вы не только отдавали все свои силы искусству, но некоторые из вас отдали жизнь в борьбе за Родину. В то же время вы создали блестящую литературу, и не случайно произведения советских писателей об Отечественной войне пользуются большим успехом в нашей стране»²⁶.

Ассоциация откликалась на важнейшие события в жизни Советского Союза, продолжая прогрессивные традиции литературных и общественных деятелей и организаций Китая 20—30-х годов. Широко отмечались во время войны годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, проводились торжественные собрания, выпускались специальные номера журналов, публиковались материалы, связанные с юбилейной темой. «Мы отмечаем годовщину Октября, как свой собственный праздник», — писали члены ассоциации в связи с празднованием 25-летия Октябрьской революции²⁷. Значительное место на страницах изданий ассоциации занимала ленинская тематика. День глубокого уважения отдавали китайские писатели памяти В. И. Ленина, помещая разнообразные материалы о жизни и деятельности вождя мировой революции. При этом каждый раз подбирались такие факты и документы, которые были наиболее созвучны явлениям китайской действительности. В последние месяцы войны особенно остро стоял вопрос о выборе Китаем дальнейшего пути общественного развития. Поэтому члены ассоциации, боровшиеся за демократизацию страны, подбирали материалы, освещавшие взгляды В. И. Ленина на демократию. «Ленин и демократия», «Ленин о Сунь Ятсене — великом демократе» — такие статьи, заметки, сообщения в «Чжун Су вэньхуа», «Вэньсюэ юэбао», других журналах ассоциации делали ближе и понятнее многие сложные политические проблемы.

Китайские писатели придавали очень большое значение укреплению китайско-советских культурных связей. Не менее важным для Китая они считали целенаправленное широкомасштабное знакомство китайских читателей с русской и советской литературой. «Это самые настоятельные задачи наших литературных работников сегодня», — заявляли

²⁴ «Интернациональная литература», 1942, № 11, с. 151—152.

²⁵ Там же, 1942, № 1—2, с. 241.

²⁶ «Литературная газета», 7.VII.1945.

²⁷ «Интернациональная литература», 1943, № 1, с. 141.

члены ассоциации в 1940 г.²⁸ Работа по популяризации в Китае зарубежной литературы предусматривалась еще в первых документах ассоциации. «Одним из путей подъема энтузиазма и расширения пропаганды является и наша переводческая деятельность, — говорилось на учредительном съезде. — Нам необходимо знакомиться с иностранной литературой»²⁹. Однако наибольшую любовь в Китае военных лет снискала русская и особенно советская литература. Объясняя, почему из зарубежной литературы в Китае переводят преимущественно произведения советских и русских писателей, Го Можо писал: «Русская литература непосредственно учит нас многому, и прежде всего отражать драгоценный опыт революции»³⁰. Как бы развивая эту мысль, другой литературный деятель, Гэ Ихун, сравнивал советскую литературу с произведениями западных авторов и приходил к выводу, что китайских читателей привлекает герой советской литературы — новый человек, мужественный и отважный, борющийся за счастье и освобождение угнетенных. Герой же западной литературы, по оценке Гэ Ихуна, — «это индивидуалист, заботящийся лишь о собственном преуспевании»³¹. В сложных условиях военного времени герой советской литературы оказался намного ближе, понятнее, притягательнее для китайского читателя, чем любой другой.

Особой популярностью пользовались в Китае периода национально-освободительной войны произведения об эпохе интервенции и гражданской войны в Советской России: «Разгром» А. Фадеева, «Тихий Дон» М. Шолохова, «Неделя» Ю. Либединского, «Бронепоезд 14-69» В. Иванова. Как подчеркивал Фэн Найчао, «с помощью этих произведений китайские писатели учились отражать военные события»³². Но главное, конечно, в революционном оптимизме, самоотверженности народных масс, смело вставших на защиту завоеваний революции. Именно это привлекало китайских читателей, находивших в книгах советских авторов ответы на многие вопросы, которые ставила действительность национально-освободительной войны в Китае.

Подлинную любовь снискали в Китае произведения М. Горького, В. Маяковского, А. Толстого. Их имена стали символом величия советской литературы, их произведения многократно издавались в военные годы. Проводились вечера поэзии Маяковского, устраивались разнообразные мероприятия памяти Горького, так называемые горьковские дни. Личная дружба в годы войны связывала китайских писателей и А. Толстого. На скорбное известие о смерти писателя ассоциация ответила специальным выпуском журнала «Чжун Су вэньхуа», где назвала А. Толстого славой советской и мировой литературы.

Большой успех пришел в 40-е годы к произведениям, созданным накануне и в годы Великой Отечественной войны. «Они сражались за родину» М. Шолохова, «Падение Парижа» И. Эренбурга, «Народ бес-смертен» В. Гроссмана, «Русская повесть» П. Павленко — эти книги доносили до китайских читателей силу духа советского народа, защищающего свое социалистическое отечество, показывали, на какие подвиги способно поколение, воспитанное Октябрем. Произведения переводились оперативно, буквально по горячим следам. Через год после начала Великой Отечественной войны в Чунцине был выпущен сборник «Литература об Отечественной войне в СССР», подготовленный Цао Цзинхуа, который наряду с Гэ Баоцюанем был самым деятельным переводчиком русской и советской литературы в эти годы. В названный сборник вошли рассказы и очерки В. Катаева, В. Саянова, В. Василевской и др. Сразу же после появления замечательных пьес «Фронт» А. Корнейчука.

²⁸ «Вэньсюэ юэбао», 1940, т. 2, № 5, с. 212.

²⁹ Чжунго сяньдай вэньсюэ ши цанькао цзыляо, т. 1, ч. 2, с. 624.

³⁰ «Чжун Су вэньхуа», 1940, т. 6, № 5, с. 2.

³¹ «Интернациональная литература», 1941, № 5, с. 224—225.

³² «Вэньсюэ юэбао», 1940, т. 2, № 5, с. 210.

«Русские люди» К. Симонова, «Нашествие» Л. Леонова, уже в 1943 г., китайские читатели получили возможность познакомиться с этими произведениями — гимном непобедимости советских людей.

Новым по сравнению с предвоенными десятилетиями аспектом популяризаторской работы стал перевод произведений писателей союзных республик. Ассоциация явилась пионером в распространении многонациональной советской литературы в Китае. Большой интерес вызывали в те годы произведения В. Василевской, особенно ее роман «Радуга», «Сын рыбака» В. Лациса, «Граница» П. Цвирки. Популярными были стихотворение Джамбула «К китайскому народу», стихи поэтов Литвы, Латвии, Западной Украины. Произведения авторов разных национальностей наглядно показывали сущность национальной политики в СССР, служили убедительным доказательством равноправия всех народов и наций при социализме. В недалеком будущем Китаю предстояло выбрать путь развития, и решению национального вопроса предстояло стать задачей чрезвычайной важности.

Широкий диапазон переводов показывал разносторонность и глубинную интереса прогрессивной китайской общественности к русской и советской литературе, с помощью которой читатели Китая стремились познать ход и логику исторического развития страны, пришедшей к социализму и отстаивавшей свою независимость в тяжелейших испытаниях. Важно отметить, что переводились и перендавались в первую очередь блестящие образцы русской классики и советской литературы. Через произведения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого, М. Горького, В. Маяковского, М. Шолохова, А. Толстого воспитывалось в китайском народе чувство национального самосознания, укреплялась вера в силу народных масс. Ни с чем не сравнимой любовью пользовалась в Китае замечательное произведение Н. Островского «Как закалялась сталь». Пазка Корчагин был примером для китайской молодежи, его подвиги хорошо знали, ему старались подражать. Советская литература, по словам китайских писателей, стала в годы войны и учебником революции, и учебником жизни и творчества.

Всекитайская ассоциация сумела упрочить, развить и умножить лучшие черты прогрессивной китайской литературы и искусства 20—30-х годов, возглавить литературно-художественную интеллигенцию Китая военных лет. Оценивая историческое значение ассоциации, Мао Дунь говорил на I съезде работников литературы и искусства Китая в 1949 г.: «Эта организация объединяла литераторов, деятелей искусства всех слоев общества, боровшихся с японской агрессией, мобилизовала их на большие дела. Она проделала большую работу в области антияпонской пропаганды в начале национально-освободительной войны, позднее — в демократической борьбе против гоминьдановской реакции»³³. После победы над Японией Китай, а вместе с ним и китайская литература стали перед новыми проблемами — начинался период борьбы за демократические преобразования в стране, против гоминьдановского режима, за народный Китай. В декабре 1945 г. было принято решение о реорганизации Всекитайской ассоциации работников литературы и искусства по отпору врагу во Всекитайскую ассоциацию работников литературы и искусства (Чжунхуа цюаньго вэньцзе сехуэй) с центром в Шанхае. Затем на I Всекитайском съезде работников литературы и искусства в июле 1949 г. на ее основе была создана ныне действующая организация, объединяющая литературно-художественную интеллигенцию КНР.

г. Владивосток

³³ Мао Дунь. Собр. соч. в 3-х т., т. 3. М., 1956, с. 286—287.

Фольклор в творчестве Лао Шэ

*Н. А. Спешнев,
кандидат филологических наук*

Имя выдающегося китайского писателя XX в. Лао Шэ (1899—1966) широко известно во всем мире. Творчеству Лао Шэ посвящены десятки книг и статей, а произведения писателя издавались огромными тиражами как в самом Китае, так и далеко за его пределами.

Несмотря на живейший интерес многочисленных исследователей к самой личности и творческой биографии Лао Шэ, далеко не все стороны его деятельности нашли достаточное освещение в литературе, что до сих пор не позволяет в полной мере оценить многогранный талант этого крупнейшего мастера слова. Речь идет об использовании им фольклора, в первую очередь жанров песенно-повествовательной литературы (цюйи), в области которой Лао Шэ был большим знатоком и специалистом. В отечественной литературе изредка встречаются лишь разрозненные высказывания или краткие упоминания о самом факте интереса писателя к фольклору, а также указания на то, что в годы после популяризации и пропаганды устного народного творчества Лао Шэ отдавал много сил популяризации и пропаганде устного народного творчества.

Попытаемся по возможности восполнить существующий в этой области пробел.

Лао Шэ в разные годы написал значительное число статей о цюйи, многие из которых представляют собой целые научные трактаты. Кроме того, им было создано несколько десятков произведений в исследуемых жанрах. Наконец, он неоднократно выступал перед многочисленной аудиторией и на страницах печати как страстный пропагандист сказительского искусства, сторонник преобразования старых форм и введения новой, современной тематики, всячески подчеркивая актуальность и важность политического аспекта этого рода литературы.

По свидетельству Ху Цзецин, вдовы писателя, интерес к цюйи у Лао Шэ во многом был предопределен его маньчжурским происхождением¹. В начале XX в. среди маньчжуров было немало любителей петь и играть на народных музыкальных инструментах. У многих в домах имелись такие простые традиционные инструменты, как «трехструнка» и небольшой барабан бацзяогу. Люди, собравшись, нередко музицировали, а умение спеть или сыграть несколько мелодий в те времена считалось достойным уважения. Жители Пекина охотно посещали чайные, где за чашечкой душистого зеленого чая можно было послушать занимательные истории в исполнении профессиональных рассказчиков — шошуды. Увлечение Лао Шэ фольклором, искусством народных сказителей, проявившееся еще в детстве, несомненно, повлияло на его отношение к устному народному творчеству уже в зрелые годы. Сам Лао Шэ вспоминает, что, когда ему было лет десять, он и его одноклассник, впоследствии выдающийся китайский лингвист Ло Чанпэй, чуть ли не

¹ См.: Ху Цзецин. Лао Шэ и цюйи. — «Цюйи», 1979, № 2, с. 26.

каждый день после уроков бегали слушать профессиональных сказителей, исполнявших в жанре пиншу (прозаического сказа) авантюрино-героические повествования — о мудром и пронзительном судье Ши, о храбрых защитниках справедливости². Таким образом, обращение Лао Шэ позднее к жанрам цюйи оказалось не случайным.

Помимо высокого эстетического назначения, он прекрасно осознавал и пропагандистскую роль цюйи, их популярность в народе, относился к ним как к эффективной форме борьбы против отрицательных явлений жизни, форме воздействия и огромного влияния на в основном неграмотные массы. Проникнуть в глубины этой сложной и многообразной области простонародной литературы ему помогло блестящее знание живого разговорного языка, в особенности пекинского диалекта.

В творчестве Лао Шэ можно выделить два периода, в той или иной мере имевших касательство к песенно-повествовательным жанрам простонародной китайской литературы. Эти периоды значительно отличаются один от другого, ибо они связаны прежде всего с хорошо известными историческими событиями, оказавшими заметное влияние на судьбы Китая, и с огромными социальными переменами, происшедшими на родине писателя в 1949 г.

1

Первый период тесно связан с японо-китайской войной 1937—1945 гг. В условиях начавшегося в 1937 г. вторжения Японии в Северный Китай Лао Шэ, как и известные литераторы Го Можо, Мао Дунь, Ян Ханьшэн, Лоу Шини, Юй Дафу, Фэн Найчао, был вынужден уехать из Цзинани в Ханькоу, где сразу же принял активное участие в создании фронта национального единства. 27 марта 1938 г. в Ханькоу создается Всекитайская ассоциация деятелей литературы и искусства по отпору врагу («Вэньсе»), членом правления которой стал и Лао Шэ.

Задачи, стоявшие перед «Вэньсе», сводились главным образом к поиску кратчайших и эффективных путей проникновения литературы в деревню, в воинские отряды, где она могла бы непосредственно участвовать в мобилизации народных масс на борьбу с японскими агрессорами. В этих условиях наряду с очерковой литературой, стихами для декламации в качестве средства массовой пропаганды как нельзя лучше подходила такая зрелищная форма искусства, как драма и многочисленные популярные в народе жанры сказительского искусства. Именно «в период антияпонской войны, — пишет В. И. Семанов, — передовые драматурги начинают активно переходить от «интеллигентских» тем к политическим темам, которые были способны взволновать широкие народные массы»³.

Лао Шэ не оказался в стороне от требований времени. В первые годы войны им были написаны пьесы «Остатки тумана», «Вопросы чести», «Чжан Цзычжун», «Интересы страны превыше всего». Хорошо известно высказывание Лао Шэ о важности драмы. Он считал, что «пьеса благодаря свойственной ей эмоциональности и способности воздействовать на зрителей независимо от того, приобщены они к грамоте или нет, предоставляет автору такие возможности, какие не дают ему другие жанры. С помощью пьес он имеет возможность разговаривать с такой аудиторией, какую он вряд ли бы имел, если бы писал только романы и рассказы»⁴.

Можно лишь добавить, что в еще большей степени эти слова относятся к жанрам песенно-повествовательной литературы. В годы анти-

² См.: Лао Шэ. Памяти Ло Чаипэя. — «Чжунго юйвэнь», 1959, № 1, с. 23.

³ В. И. Семанов. Драматургия Лао Шэ. — «Писатели стран народной демократии», вып. 4. М., 1960, с. 6.

⁴ Лао Шэ. Избранное. М., 1981, с. 13.

японской войны Лао Шэ изыскивал любые возможности, чтобы своим творчеством, живым словом побуждать народные массы к активным действиям против врага.

Мысль использовать песенно-повествовательную литературу в анти-японской пропаганде созрела у Лао Шэ еще в Цзинани, где он преподавал в университете. Уже в те годы Лао Шэ вместе с несколькими молодыми энтузиастами стал учиться исполнять и сочинять мелодии под аккомпанемент большого барабана (дагу) у известных сказителей Бай Юньпэна и Чжан Сяосюаня. Таким образом, к 1938 г., когда Лао Шэ опубликовал свое первое произведение в жанре дагу, он уже был в немалой степени подготовлен к тому, чтобы испробовать свои силы в этом новом для него жанре. К тому времени уже были созданы его крупные произведения «Философия почтенного Чжана», «Двое Ма», «Развод», «Рикша» и множество рассказов. Лао Шэ уже был известным писателем и находился в расцвете своего таланта. Профессиональное обращение к жанрам песенно-повествовательной литературы имело прямое отношение к тому патристическому подъему, которым был охвачен Лао Шэ, находясь в Ухани, а затем переехав в Чунцин. Стремясь придать своим сочинениям максимальную агитационную силу, он пишет в основном произведения пропагандистского характера. Лао Шэ активно сотрудничает со знакомыми художниками. В Ухани он делает сатирические стихотворные подписи к серии рисунков антияпонского содержания, которые выставлялись прямо на улицах.

Писательское кредо Лао Шэ в этот сложный для страны период было четким и ясным. В памяти знавших его людей остались его собственные высказывания на этот счет. Ху Цзецин приводит слова Лао Шэ, весьма точно отражающие его гражданскую позицию и понимание важности малых форм литературы. «Во время войны нужны и пушки и штыки. Точно так же в войне сопротивления пользу приносит сочинение повестей и пьес и сочинение сказов под барабан. Мое перо — это пушка или штык. Не так уж важно, большая это форма или малая, лишь бы она приносила конкретную пользу... Я не умею стрелять. Так пусть перо заменит мне винтовку. Тогда я готов писать о чем угодно. Тем, что я сочиняю сказы под барабан, я не умаляю свое достоинство»⁵. Последнее замечание имеет особый смысл. Песенно-повествовательные жанры по традиции считались в Китае литературой «второго сорта», недостойной внимания маститого литератора. Среди китайских писателей (за исключением, может быть, Чжао Шули) не найдется другого, кто пренебрегал бы этим мисием, занялся бы сочинением сказов на заданные темы.

Лао Шэ не отказывался от социальных заказов и часто писал по совету или просьбе писателей и самих актеров, главным образом профессиональных сказителей. В предисловии к роману «Сожжение» Лао Шэ признавался: «Желая хоть как-то помочь пропаганде войны сопротивления, я писал обо всем, что мне предлагали. Было не до качества, главное — чтобы было действительно»⁶. Он сокрушался, что из-за недостатка времени и материала не мог в те годы взяться за крупную тему. К Лао Шэ действительно нередко обращались с просьбой или предложением что-либо написать. В небольшом предисловии к либретто двух пекинских опер, написанному им в феврале 1938 г. в Учане, читаем: «Господин Мао Дунь прибыл издалека, чтобы договориться со мной о рукописи. Он просил меня написать что-нибудь в жанре мелодий под большой барабан, чтобы было просто и популярно и могло поднять настроение людей в войне сопротивления. Мною уже написано немало произведений в этом жанре, и они переданы в различные издания для

⁵ Ху Цзецин. Указ. соч., с. 27.

⁶ Лао Шэ. Сожжение. Шанхай, 1949, с. 1.

публикации. Не хочется привязывать себя к какому-либо одному жанру, поэтому я пообещал дать что-нибудь новое...» Далее Лао Шэ возвращается к главной мысли: «Мелодии под большой барабан, рассказы, пекинская опера, хотя и различаются по форме, преследуют одну цель — в доходчивой форме вызвать у народа сочувствие к войне сопротивления»⁷.

Как видим, Лао Шэ весьма сдержанно оценивал художественные достоинства своих произведений в жанрах цюйи, ставя в них на первый план идейную направленность и считая их «спомогательным» оружием против врага. Видимо, поэтому он мало заботился о сохранении черновиков и публикаций своих произведений в те годы, когда выполнял заказы и писал для профессиональных сказителей, с многими из которых у него установилась настоящая дружба. «Мое общение с этими людьми, — рассказывал Лао Шэ, — отнюдь не состоит в том, что я посижу с ними в чайной и украдкой понаблюдаю за их действиями и речами, чтобы потом перенести эти наблюдения в свою записную книжку. Нет, я этим не занимаюсь. Напротив, когда я среди них, я совершенно свободен от мысли наблюдать за ними. Иногда они мне помогают, иногда я помогаю им. Такие отношения дали мне возможность понять не только условия их жизни, но и душу. А это очень важно, если учесть, что мы ищем типичное в характере людей. В моих произведениях описаны люди и события, взятые из жизни и преломленные в моем писательском сознании»⁸.

В Ухани и Чунцине Лао Шэ продолжал изучать различные жанры песенно-повествовательной литературы. В этом ему помогали известные мастера-сказители, оказавшиеся, как и он, на чужбине, спасаясь от японского вторжения. Так, сочинению сказов «хэнаньские чжуйцзы» он стал учиться у актеров, бежавших из провинции Хэнань. В результате общения с ними появилось еще одно произведение на антияпонскую тему, написанное в новом для Лао Шэ жанре.

К сожалению, до наших дней дошла лишь незначительная часть того, что было им создано в жанрах цюйи в годы антияпонской войны. Ма Сяоми, дочь профессора Фуданьского университета Ма Цзунжуна, большого друга писателя, вспоминает, что Лао Шэ писал много мелодий под барабан на тему о войне сопротивления. Эти произведения в виде отдельных выпусков небольшого формата впечатляли обилием названий. «Я очень любила читать их в детстве, — пишет она. — Помню, среди них было одно, в котором рассказывалось о китайском патриоте Цзо Баогуе — цинском генерале, героически сражавшемся против врага и погибшем в японо-китайской войне 1894—1895 гг. В другом произведении речь шла о воине, который с перебитой рукой уничтожил несколько вражеских солдат... Говорят, что все эти гуцы ныне утеряны, и об этом приходится теперь только сожалеть»⁹.

В первый год войны Лао Шэ написал 10 произведений в жанре сказов под барабан, 6 пекинских опер, один рассказ и несколько «малых мелодий». После переезда в Чунцин он сочинил еще несколько небольших сказов под барабан. Часть этих произведений сохранилась: «Ван Сяо погоняет осла», «Чжан Чжун намечает план», «Бей япошек!», «Вздохи неграмотного», «Новый ребенок», «Партизанская война», «Новая женщина». Первые три из этого перечня были опубликованы в сборнике под названием «Три, четыре, один»¹⁰. Заметим, что лишь немногое из того, что было написано Лао Шэ в годы войны сопротивле-

⁷ Лао Шэ. Сидзюй цзи. Шанхай, 1948, с. 247.

⁸ Цит. по: Н. Т. Федоренко. Китайские записи. М., 1955, с. 375.

⁹ Ма Сяоми. Недосказанная сказка. — «Шинюэ», 1979, № 1, с. 332—333.

¹⁰ Лао Шэ. Три, четыре, один. Чунцин, 1938. — Сборник назван так по числу включенных в него произведений: три в жанре мелодий под большой барабан, четыре пекинские оперы и один рассказ.

ния в жанрах цюйи, вошло в состав издававшихся тогда сборников. В библиографии работ Лао Шэ, выходявших отдельными изданиями, указан только один вышеназванный сборник¹¹. В предисловии к нему Лао Шэ отмечает, что это всего лишь попытка, как бы проба пера, желание «наполнить старые сосуды новым вином».

Все три произведения в жанре пекинских мелодий под большой барабан посвящены одной теме — борьбе против японских захватчиков. Они проникнуты лютой ненавистью к врагу, разоблачают его коварство, показывают жестокость и насилие по отношению к мирному населению Китая. Вместе с тем в каждом произведении сквозит вера в окончательную победу, призыв к простым людям брать пример с героев сказа, оказывать врагу сопротивление, не щадя своей жизни. Так, Ван Сяо — герой произведения «Ван Сяо погоняет осла» — простой возница, с виду ничем не примечательный крестьянский парень, каких много. Ван Сяо принимает решение присоединиться к отрядам, сражающимся против японцев. На ратные подвиги его провожает одинокая старушка мать. Однажды, выполняя задание командования, Ван Сяо случайно натывается на группу японских солдат. Он тут же разворачивает повозку и выпрыгивает из нее, хлестнув ослика плетью. Увидев ослика, возвращавшегося с пустой повозкой, отряд поднимает тревогу и спешит на помощь Ван Сяо. Завязывается бой, и в нем японские агрессоры оказываются разгромленными, а Ван Сяо и его верный помощник ослик гибнут.

Герой другого сказа, Чжан Чжун, тоже идет в отряд воевать против врага, оставив в деревне жену и двоих детей.

Оба эти произведения выражают одну и ту же мысль: если бы все поступали так, как Ван Сяо и Чжан Чжун, то «япошкам давно пришел бы конец». Оба сказа отличают динамизм в построении сюжета (в этом Лао Шэ всегда был большим мастером), удачное композиционное решение, ярко вылепленные образы героев. Сильное впечатление оставляет подробное описание бесчинств японской солдатни на китайской земле. Лао Шэ строго придерживается традиционной для данного жанра поэтической организации стиха, широко используя при этом богатые возможности лексических и синтаксических средств языка.

Последнее произведение в этом жанре — «Бей япошек!» — больше напоминает агитационный листок. В кратком вступлении к нему Лао Шэ поясняет: этот рассказ об истории японской агрессии рассчитан на то, чтобы люди его читали, собравшись несколькими дворами, а по прочтении передавали другим. Каждое произведение в рассматриваемом жанре имеет подобное вступление, напоминающее авторскую ремарку. В нем Лао Шэ предлагает свой вариант текста, который связывал бы предыдущий номер концертной программы с данным произведением. Вот как выглядит такое вступление перед сказом «Ван Сяо погоняет осла»: «Только что Большая Картошка (сказители-профессионалы чаще всего были известны слушателям по сценическим прозвищам) спел вам фэнтяньские мелодии под аккомпанемент большого барабана. Спел поистине блистательно! Вот уже шесть лет, как четыре северо-восточные провинции захвачены японскими дьяволами. Нечислительны страдания наших соотечественников в этих районах. И вот теперь мелодии Фэнтяня повеяли на нас печаль, заставив прослезиться. Мы должны вернуть утраченные земли и разбить японских злодеев, чего бы это нам ни стоило. Лишь тогда мы сможем вздохнуть полной грудью.

Большая Картошка спел свое и ушел. Сейчас появится другой исполнитель, который сплет для вас пекинские мелодии под большой барабан. Эта штука наиболее популярна в районе Пекина и Тяньцзиня.

¹¹ См.: Шу Цзин. Библиография сочинений и переводов Лао Шэ. — «Шэхуэй хэсюэ чжаньсянь» (Чанчунь), 1979, № 1, с. 334—339.

Однако теперь и Пекин, и Тяньцзинь также находятся в руках врага. Поэтому сегодня будет исполнен номер патриотического звучания, который нацелен на врага. И это для того, чтобы уважаемый зритель не забывал о национальном позоре и мстил за свою страну»¹².

Столь длинная цитация понадобилась нам для того, чтобы показать, что Лао Шэ стремился нацелить буквально каждую фразу, каждое слово сказа и даже вступления к нему на достижение поставленной перед ним сверхзадачи — вызвать у слушателей боль и сочувствие к страданиям народа, разбудить чувство патриотизма, а главное — убедить в том, что безразличие и инертность, равнодушие и бездействие не смогут привести к победе, к освобождению Китая от японских захватчиков.

Ху Цзэцин сожалеет по поводу того, что Лао Шэ в период анти-японской войны писал в жанрах цюйи недолго. В гоминьдановских районах политическое давление властей было настолько сильным, что даже пропаганда патриотизма наталкивалась на всякого рода преграды и запреты. Н. Т. Федоренко, вспоминая свою первую встречу с Лао Шэ в 1940 г. в Чунцине, пишет, как нелегко было работать писателю в гоминьдановском Китае. «Едва ли не к каждому приставлен тайный агент. Но писатели, актеры, музыканты трудятся больше, чем когда-либо прежде, — их воодушевляет великая идея освободительной борьбы...»¹³

Однако и то, что было написано Лао Шэ в жанрах мелодий под барабан и пекинских опер, исполнялось лишь от случая к случаю. Основное место в репертуаре сказителей занимали все же традиционные произведения с занимательными сюжетами из средневековых романов и исторических повествований. Что же до публикации цюйи, сочиненных Лао Шэ, большим тиражом, то это было нереальным, а распространение их среди сельского населения и в армейских частях, как того желали члены «Вэньсе», оказалось задачей сложной и малоперспективной. В итоге добрые начинания и радужные надежды писателя осуществились лишь частично. Тем не менее вместе с пьесами, которые Лао Шэ писал главным образом в 1940—1943 гг., произведения в жанрах песенно-повествовательной литературы сыграли положительную роль в осуществлении тех задач, которые изначально стояли перед Всекитайской ассоциацией деятелей литературы и искусства по отпору врагу.

Общение и дружба со сказителями в период антияпонской войны оставили глубокий след в творчестве Лао Шэ. В марте 1946 г. он вместе с Цао Юем по приглашению госдепартамента едет в США на год читать лекции. По окончании срока Лао Шэ остался в США для литературной работы. Именно здесь он написал роман «Сказители» («Гушу ижэнь», дословно — «Исполнители мелодий под барабан»), который занимает особое место в его творчестве не только в силу своей исключительной судьбы, но и потому, что это фактически первое в китайской литературе произведение на такую тему — о жизни и судьбе семьи профессионального сказителя¹⁴.

Роман «Сказители» впервые был опубликован в Нью-Йорке в 1952 г. в английском переводе, сделанном Хеленой Го (Го Цзинцю) с рукописи Лао Шэ, который также принимал участие в работе над переводом. Вскоре это издание стало поистине уникальным, ибо, как выяснилось позднее, китайский оригинал оказался утерянным. Его поиски, предпринятые в 1979 г. Ху Цзэцин во время поездки в США, успехом не увенчались. Высказывалось предположение, что, поскольку путь Лао Шэ на родину в декабре 1949 г. лежал через Гонконг, он мог со-

¹² Лао Шэ. Три, четыре, один, с. 1—2.

¹³ Н. Т. Федоренко. Китайские записи, с. 372—373.

¹⁴ Библиографические сведения о Лао Шэ почерпнуты нами из «Краткой биографии Лао Шэ» (сост. Шу Цзи). — «Шэхуэй кэсюэ чжаньсянь», 1979, № 1, с. 332—333.

знательно не взять с собой рукопись или уничтожить ее во избежание каких-либо неприятностей, так как в очень уж неприглядном виде показаны в романе гоминьдановские порядки, царившие в те годы в Чунцине — цитадели чаикайшистского правительства.

На китайском языке роман впервые был издан в Пекине в 1980 г. Обратный перевод с английского на китайский выполнила уже упоминавшаяся Ма Сяоми. Описываемые в романе события происходят в годы антияпонской войны (1937—1945) в Чунцине. Находясь за рубежом, Лао Шэ, видимо, написал его, что называется, на едином дыхании — слишком свежи были воспоминания о трудных годах, проведенных в Чунцине, еще не изгладились из памяти черты друзей и знакомых, с которыми он встречался, был близок, делил радости и горести.

В центре романа — полная драматизма жизнь народного сказителя Фана и его семьи. Лао Шэ на широком историческом фоне вскрывает социальные корни трагической судьбы Фана и его дочери и многих подобных им актеров старого Китая, влачивших жалкое существование в условиях гоминьдановского режима. Внимание читателя привлекает образ приемной дочери сказителя четырнадцатилетней Сюлянь, которая, следуя по стопам отца, постепенно приобщается к работе на театральных подмостках. Привлекательная, талантливая и скромная, она часто оказывается беспомощной перед жизненными невзгодами. Ее доброта и доверчивость оборачиваются для нее личной трагедией.

Тяжелое положение женщины в старом Китае всегда было в центре внимания Лао Шэ. В романе «Сказители» писатель с большой силой и убедительностью вскрывает бесправие и полную беззащитность женщины в старом Китае, жизнь которой состояла из повседневных унижений и оскорблений.

Роман в некоторой степени автобиографичен. Известно, как высоко ценил Лао Шэ знание фактов, о которых писал. Однако, проникая в процессе литературного творчества глубоко в реальную действительность, он всегда стремился и призывал других подниматься над фактами до высот подлинного художественного обобщения. И все же за главными действующими лицами романа — 40-летним актером Фан Баоцином, его женой и двумя дочерьми — легко угадываются реальные люди: большие друзья Лао Шэ по Чунцину семья сказителя Фу Шаофана (актерское имя Шаньяодань — Картошка). Есть в романе и образ писателя, господина Мэна, друга семьи Фан, который пишет для них сказы, помогает в трудную минуту советом и деньгами, проявляет искреннее участие в судьбе Сюлянь. Нетрудно распознать за писателем Мэном личность самого автора.

В мировой литературе вряд ли можно найти другой такой пример, когда через тридцать с лишним лет после создания произведения оно впервые появилось бы на родине ее автора в переводе с иностранного языка. Вполне понятно, что читатель к такому переводу может отнестись с некоторой опаской и известной долей предубеждения. Из послесловия к книге становится ясным, что в процессе работы над переводом Ма Сяоми уделила много времени изучению языка писателя, его литературного стиля. Она консультировалась со старыми сказителями, знавшими Лао Шэ и работавшими вместе с ним, встречалась с родственниками писателя. Большую помощь переводчице в освоении сложной терминологии и профессионализмов, распространенных в мире сказительского искусства, оказала Ассоциация деятелей сказительского искусства Пекина. В свое время перевод на английский язык осуществлялся под непосредственным наблюдением самого автора, что, надо полагать, обеспечивало как минимум его точность.

Летом 1950 г. Лао Шэ закончил свою пьесу «Фан Чжэньчжу» — первую из 21, написанной им в годы народной власти. Достаточно бегло взглянуть на список действующих лиц пьесы, чтобы узнать в них ге-

роев романа «Сказители». После возвращения писателя в Китай друзья Лао Шэ из театральных кругов настоятельно просили его написать драму. Думается, Лао Шэ, зная об утрате оригинала, решил создать драматическое произведение, взяв за основу сюжет романа «Сказители». Некоторые изменения по сравнению с романом произошли за счет перенесения действия во времени (1948—1949), несколько иной расстановки акцентов и главное — за счет ввода нового материала, охватывающего время уже после образования народной республики. Несмотря на незначительные изменения некоторых имен, в том числе и имени главной героини, перед нами как бы продолжение романа, но в иной жанровой форме. Как отмечала критика, да и сам Лао Шэ признавал это, последние два действия пьесы оказались слабыми и неудачными. С этим трудно не согласиться. При чтении драмы создается впечатление, что некоторый схематизм и натянутость ряда сцен, относящихся к первым месяцам после освобождения страны, возникли в результате стремления Лао Шэ как можно быстрее откликнуться на происходившие в стране социальные перемены. Ощущается намерение автора ускорить действие, сжать события во времени, порой выдать желаемое за действительное, к сожалению, в ущерб исторической достоверности. Жизнь показала, сколь трудным, сложным и длительным оказался процесс идейного перевоспитания профессиональных сказителей, главным образом единоличников. Объективности ради заметим, что социальная значимость романа «Сказители» несравненно выше. Несомненно и то, что по решению поднятых в нем проблем и по художественным достоинствам роман «Сказители» может быть поставлен рядом с таким знаменитым произведением Лао Шэ, как роман «Рикша». Теперь широкий читатель получил возможность познакомиться с еще одним произведением Лао Шэ, написанным на тему, так хорошо знакомую и понятную простым китайцам.

2

По возвращении в Китай в конце 1949 г. Лао Шэ целиком погружается в новую для него жизнь. Он испытывает огромный творческий подъем и с головой уходит в работу. Вновь писатель обращается к жанрам простонародной литературы. В дневнике, который он вел в основном для самоконтроля и фиксации сделанного им за день, имеется запись от 16 февраля 1950 г. В ней Лао Шэ указывает, что только за последние два месяца по возвращении в Пекин им были написаны 80 строк в жанре «тайпин гэцы» (для газеты), статьи «Как реформировать сяньшэны» (для журнала «Синь цзяньшэ»), «Мой опыт сочинения гуцы» (для «Жэньминь жибао»), три произведения в жанре сяньшэн: «Прогулка по Лунфусы», «Меню» и «Литературное собрание» (для журналов «Синь сицзюй» и «Шошо чанчан»), сказы «Работа на производстве» в жанре мелодий под большой барабан и «Не нужно суеверий» в жанре пекинских мелодий под большой барабан. Мы привели из этого перечня только те произведения, которые так или иначе были связаны с проблемами песенно-повествовательной литературы.

Многих литераторов тех лет удивляло, что такой крупный писатель, каким был Лао Шэ, после длительного пребывания за границей чуть ли не целиком углубился в песенно-повествовательную литературу, которая, как уже говорилось, по старым меркам не заслуживала серьезного отношения. Лао Шэ со свойственным ему юмором писал по этому поводу: «...С тех пор как я вернулся в Пекин, мною примерно в течение трех месяцев написано четыре произведения в жанре мелодий под барабан, переделаны три сяньшэна и написаны две статьи о том, как нужно совершенствовать качество сказов и сяньшэнов. Итого девять произведений. Некоторые стали поговаривать: «Ха! Поглядите-ка на

этого Лао Шэ! Вот это строчит! Написать все это ему — пара пустяков. Тут махнул, там мазнул — и готово»¹⁵. Лао Шэ предостерегал от такого пренебрежительного отношения к цюйи. Он вновь повторяет мысль, высказанную им еще в годы войны: «Я знаю, что написать рассказ и написать сказ под барабан одинаково нелегко. Я знаю также и то, что сегодня значимость сказа под барабан, возможно, намного больше, чем рассказа... Сказы под барабан могут быть напечатаны в газетах и журналах страны, кто-то их прочтет или споет и таким образом даст возможность многим неграмотным людям услышать и понять их...»¹⁶

Лао Шэ стремился писать как можно больше, немедленно откликаться на любые события и явления, свидетельствующие о социальных переменных в молодой республике. Тогда «можно понять, — писал Лао Шэ, — почему я пишу короткие популярные вещи агитационного характера, на конкретных, взятых из жизни примерах пропагандирую санитарно и гигиену, разъясняю закон о браке, разоблачаю суеверия»¹⁷.

Некоторые из упомянутых в дневнике произведений и статей вошли в состав первого опубликованного в народном Китае сборника произведений Лао Шэ под названием «Встреча Нового года», который целиком посвящен песенно-повествовательной литературе. Один лишь их перечень красноречиво свидетельствует о широте интересов Лао Шэ, об актуальности проблем, которые его волновали. Некоторые из статей представляют собой текст выступлений писателя перед широкой аудиторией. Так, статья «Как писать литературу для масс» есть не что иное, как выступление Лао Шэ 12 марта 1950 г. в Театре молодежного искусства, куда он был приглашен Обществом по исследованию литературного творчества для масс. Вот названия еще нескольких статей из упомянутого сборника: «Некоторый опыт написания новых цюйи», «О преобразовании сяшэнов», «Улучшение работы в области цюйи в Пекине». Все они проникнуты большой личной заинтересованностью автора и его стремлением вдохнуть новую жизнь в сказительское искусство преобразенной страны, стремлением внести свою лепту в пропаганду всего нового и передового, что окружало его, вести непримиримую борьбу с косностью и отсталостью, феодальными пережитками, оставшимися в наследство от старого общества. Статьи представляют собой своеобразные лекции для начинающих авторов, решивших попробовать свои силы в жанрах простонародной литературы, в частности в цюйи. Лао Шэ делится своим опытом работы, рассказывает, как он сам начал писать сказы под барабан. Писатель в этих статьях выражает глубокую уверенность в том, что, прежде чем приступить к литературному творчеству в таких сложных жанрах, как, например, мелодии под большой барабан, нужно научиться сначала самому исполнять два-три таких произведения, с тем чтобы «изнутри» ощутить все тонкости построения стиха и музыкальную нюансировку. Лао Шэ имел полное право давать подобные рекомендации, так как сам был прекрасным исполнителем тех же мелодий под барабан. Его великолепные актерские данные отмечали все, кто имел возможность слышать и видеть этого замечательного писателя, импровизатора, чтеца и певца¹⁸.

Чтобы придать теоретическим посылкам и практическим советам особую весомость и убедительность, Лао Шэ стремится подтвердить их своим творчеством, воспевая в произведениях новую, радостную жизнь своего народа, который, завоевав в длительной борьбе право на счастливое будущее, теперь впервые встречает Новый год после победы революции (см. «Встречу Нового года» в жанре тайпин гэцы). Выразительно и впечатляюще нарисована писателем картина лишений и бедст-

¹⁵ Лао Шэ. Встреча Нового года. Шанхай, 1951, с. 1.

¹⁶ Там же, с. 2.

¹⁷ Лао Шэ. О жизни, учебе и работе. — «Народный Китай», 1954, № 18, с. 33.

¹⁸ См., например, цитированную выше работу Н. Т. Федоренко, с. 378.

венного существования простых людей, гнета и бесправия, царивших в Китае во времена гоминьдана. Беспощадной критике подвергнута в произведении предательская политика Чан Кайши, строившего свои планы в расчете на военную помощь американцев.

О сложной, порой противоречивой психологии простого пекинского велорикши, который в отличие от своей жены-активистки долго не решается откликнуться на призыв властей отправиться в северо-восточные районы страны осваивать целину и работать на шахтах, рассказывается в мелодиях под барабан «Работа на производстве», также вошедшая в рассматриваемый сборник.

В жанре сяньшэн (сатирический диалог) написан «Семейный совет», где старейшина и хранитель семейных традиций, человек старых, консервативных взглядов, сначала никак не соглашается отпустить из дома своего внука, выразившего твердое желание стать китайским народным добровольцем и поехать в Корею сражаться против американских интервентов. О вреде знахарства и всякого рода суеверий повествуется в сказе «Не нужно суеверий», написанном в жанре пекинских мелодий под большой барабан и впервые опубликованном 22 января 1950 г. в газете «Жэньминь жибао». Критическую направленность имеет и сказ «Разоблачение хапуги». Новизной подхода к теме отличаются написанные в традиционном стиле сяньшэны «Притча о звонках» и «Подыскивание парных слов».

Лао Шэ был большим другом Советского Союза. Он интересовался жизнью нашей страны, много о ней читал. Его связывали личные контакты с советскими учеными и литераторами. Рассказывая о своем творчестве первых лет после революции, он признавался, что большую пользу приносит ему изучение теории советской литературы и произведения советских писателей¹⁹. И поэтому нет ничего удивительного в том, что эти мысли и чувства писателя, к которым он потом возвращался не раз, нашли свое отражение в рассматриваемом сборнике.

В 1950 г. в серии «Современные и древние народные произведения литературы и искусства» в Пекине вышла небольшая брошюра под названием «Скороговорки». В нее вошли пять произведений анонимных авторов эпохи Цин и одно, принадлежащее Лао Шэ. Все они написаны в жанрах цюйи и объединены одной особенностью: тексты этих сочинений имеют сюжет и стройную фабулу, однако состоят из умело подобранных и последовательно расположенных по смыслу хорошо всем известных или придуманных авторами скороговорок. В китайской простонародной литературе такие языковые шутки и каламбуры — явление достаточно распространенное. Нередко можно встретить довольно крупные отрывки и даже законченные произведения, составленные, например, целиком из названий известных литературных произведений. К такому приему, в частности, прибег и сам Лао Шэ в сяньшэне «Литературное собрание», где в самом конце диалога одно из действующих лиц, рассказывая о жизни в новом Китае, использует для этого названия литературных произведений, драматических и музыкальных спектаклей, написанных и шедших в те годы в Пекине.

Лао Шэ работал в области цюйи много и плодотворно. По его собственному признанию, ему все время хотелось творить новое, и он мало заботился о том, что уже было написано и опубликовано. Многочисленные его произведения и статьи по вопросам песенно-повествовательной литературы в основном были рассыпаны по страницам газет и журналов, и лишь небольшая часть специально отобранных писателем работ включалась в авторские сборники, выходившие не так уж часто. Такой сборник статей под названием «Звезды счастья» (название сборника навеяно успешным запуском двух советских спутников) вышел в Пекине

¹⁹ См.: Лао Шэ. О жизни, учебе и работе, с. 34.

в 1958 г. Среди 40 статей, включенных в сборник, несколько имели непосредственное отношение к цюйи. В отличие от работ, написанных Лао Шэ в начале 50-х годов и носивших скорее пропагандистский и широкий программный характер, статьи по цюйи, включенные в данный сборник, предельно конкретны и представляют собой теоретический анализ вполне определенных жанров. Так, статьи «Как писать куайбань» и «Стихи и куайбань» посвящены поэтике популярного в народе жанра куайбань (быстрый речетатив), сопоставительному анализу его ритмической структуры и законов рифмы. Здесь много тонких и интересных наблюдений, сделанных на основании привлеченного в изобилии конкретного поэтического материала. В области цюйи Лао Шэ всегда был новатором. Он считал, что рамки сказа порой тесны для отображения новой тематики. Они ограничивают возможности актера, поэтому нужно стремиться расширить возможности сказа и создать на его основе спектакль малых форм, в котором использовались бы текст и мелодии цюйи, но исполнителем был бы не один актер, как это обычно бывает в сказительском искусстве, а несколько актеров, выступающих каждый от первого лица. В статье «Пекинская «песенная драма», впервые опубликованной еще в 1952 г. и включенной в рассматриваемый сборник, Лао Шэ обращает внимание читателя на то, что появившийся в Пекине после освобождения новый жанр цюйцзюй (песенная драма) активно использует так называемые мелодии пайцзыцзюй — разнообразные напевы, характерные в основном для сельской местности и встречавшиеся до сих пор лишь в жанре даньсяр. Лао Шэ прекрасно осознает, что при этом разрушается жанровая форма сказа, так как в песенной драме роли ведут несколько актеров. Он положительно отзывался о тенденции к театрализации отдельных жанров сказа и позднее, выступая на Всекитайском съезде работников цюйи в августе 1958 г., призывал писателей и актеров работать в тесном единстве, шире использовать такие новые формы зрелищного искусства, как песенная драма и эржэньчжуань — популярный в Северо-Восточном Китае жанр цюйи, который также стали исполнять несколько актеров, к тому же выполнявших на сцене несложные танцевальные движения. Не привыкший стоять на стороне от новых веяний и тенденций, Лао Шэ и здесь пробует свои силы — пишет цюйцзюй под названием «Колодец у нвы», в котором пропагандирует новый закон о браке. Положительно оценивая саму идею создания таких пьес, Лао Шэ вместе с тем признавал, что новаторству в этой области не всегда сопутствует удача. Действительно, жанровые формы цюйи всегда были крайне консервативны, и всякие нововведения, как правило, с трудом пробивали себе путь и редко находили ожидаемый успех у слушателей. По существу, именно такой оказалась дальнейшая судьба цюйцзюй.

Обратившись к популярному в народе жанру сяньшэн в начале 50-х годов, Лао Шэ остался верен ему до конца своей жизни, оставив свое былое увлечение — сказы под большой барабан. Лао Шэ был первым, кто придумал и стал сочинять малые сяньшэны (сяо сяньшэн), не превышавшие по объему двух с половиной страниц. Малые сяньшэны чаще всего не имели стройного законченного сюжета и больше напоминали пропагандистские листки на какую-либо одну злободневную тему. Впервые Лао Шэ попробовал себя в новом жанре в 1957 г. Тогда им были написаны теперь уже всем хорошо известные сяньшэны «Реплика не к месту», «Внимание к прошлому и пренебрежение настоящим», «Визит», «Борьба против двух зол», «Опытное поле» и многие другие.

Сяньшэн — это сценки комедийного характера, в которых в простой и доходчивой форме (чаще всего в виде диалога) обличаются и подвергаются осмеянию человеческие недостатки (стяжательство, зазнайство, суеверие) и социальные пороки (бюрократизм, взяточничество, расточительство). Вместе с тем в них утверждается все то хорошее,

что достигнуто обществом, пропагандируется новое, положительное. Главные отличительные особенности сяньшэнов — злободневность и острота постановки проблем. Например, острый сяньшэна «Борьба против двух зол» направлено против консерватизма и расточительства. В сяньшэне «Опытное поле» дети перевоспитывают ленивого, недисциплинированного и рассеянного «дядю» с помощью дацзыбао, постоянных нравучений и подсказок.

Незаурядный юмористический дар Лао Шэ раскрылся ярче всего именно в сяньшэнах, представлявших в данном случае широкое поле для творчества именно в сатирическом плане. Мастерство в создании юмористических и сатирических диалогов проявилось и в драматургии Лао Шэ, в частности в его комедиях. Те композиционные приемы и языковые средства, которые привлекли внимание В. И. Семанова при анализе комедии «Этому не бывать» (китайское название «Си ван чанъ-ань»), как раз и являются собой комедийное начало в сяньшэнах²⁰. В пьесах Лао Шэ нередко можно встретить диалоги, сильно напоминающие интермедии, вставные репризы, порой даже законченные самостоятельные диалоги-сценки, весьма характерные для сяньшэнов.

После 1949 г. в области сказительского искусства произошли значительные изменения, прежде всего в организационном плане. На первое место встал вопрос об очищении репертуара сказителей-профессионалов от влияния старых феодальных устоев. Пересмотр традиционного репертуара цюйи выражался главным образом в создании для отдельных произведений новых редакций, внесения в текст определенных изменений, устранения натурализмов и вульгаризмов, элементов эротики. В печати постоянно звучали призывы к писателям и актерам обратить свой взор к новой тематике. В ответ появились журналы «Еженедельник новых цюйи», «Библиотека новых цюйи», «Популярный сборник новых цюйи». Сам Лао Шэ сделал очень много для популяризации новых цюйи, в особенности находясь на посту редактора журнала «Шошо чанчан», в котором печатались статьи по вопросам песенного фольклора и простонародной литературы, а также произведений в жанрах цюйи. Позднее, с началом выхода в 1957 г. журнала «Цюйи», Лао Шэ стал одним из самых активных его корреспондентов. Он продолжал выступать на различных совещаниях, посвященных проблемам развития цюйи, принимал участие в работе Группы по совершенствованию сяньшэнов (Сяньшэн гайцзинь сяоцзу), куда его пригласили для консультации известные мастера этого жанра Хоу Баолин, Лю Дэчжи и Сунь Юйкуй.

Лао Шэ сделал немало для подготовки молодых кадров самостоятельных авторов в области цюйи. Обладавший несомненным талантом педагога, проявившимся еще в годы его преподавания в университете Цилу в Цзинани и в Шаньдунском университете в Циндао, он уже в конце 1938 г. вел в Чунцине несколько кружков по изучению простонародной литературы. Однако в те годы слушателей было крайне мало — не более 30 человек в каждом классе. Да и курс состоял всего из шести лекций. В первые годы народной власти в Пекине была создана Школа самодеятельного искусства, в работе которой активно участвовал и Лао Шэ. За два года ее окончило 6800 человек.

* * *

Китайская печать сообщила, что Лао Шэ умер 24 августа 1966 г. Его имя, долго нигде не упоминавшееся, вновь появилось на страницах печати лишь в 1977 г. Примечательно, что само упоминание его имени,

²⁰ См.: В. И. Семанов. Драматургия Лао Шэ, с. 44—45; Н. А. Спешнев. Комическое начало в сяньшэнах — жанре песенно-повествовательной литературы Китая. — «Уч. зап. ЛГУ», № 389, вып. 19, Востоковедение, № 3, 1977, с. 123—131.

хотя и вскользь, в «Вестнике Пекинского педагогического института» связано с песенно-повествовательными жанрами китайской простонародной литературы, в частности с его знаменитым сяншэном «Реплики не к месту». Это было началом его реабилитации...

В урну с прахом, захоронение которого происходило 3 июня 1978 г. на кладбище Бабаошань, вдова писателя Ху Цзецин положила ручку, которой Лао Шэ пользовался при жизни, очки и пакетик чая²¹. Эти три небольших предмета, с которыми он никогда не расставался, были неизменными спутниками его жизни. Они помогали ему стать истинно народным писателем. Его произведения давно перешагнули национальные границы и побывали чуть ли не на всех континентах земного шара. Однако в сердцах своих соотечественников Лао Шэ всегда был и остался глубоко национальным, истинно китайским писателем, любимым и почитаемым, вызывающим искреннее уважение. Такое отношение народных масс к великому мастеру слова объясняется его прекрасным знанием жизни народа, пониманием его мыслей и чаяний, проникновением в его духовный мир, уникальным владением всеми нюансами китайского разговорного языка, безупречным ощущением тонкостей литературного стиля, поистине народным юмором и, конечно же, безграничной преданностью в течение всей своей жизни столь любимым и популярным в народе жанрам фольклора.

²¹ См.: Фан Инь. С болью о Лао Шэ. — «Шэхуэй кэсюэ чжаньсянь», 1979, № 1, с. 331.

Страницы истории советско-китайских литературных связей

Р. С. Белоусов

С тех пор как караваны первых русских землепроходцев достигли стен древнего Пекина, минула не одна сотня лет. И год от года росли и ширились связи народов-соседей — русского и китайского. Особая роль в познании нашими народами друг друга принадлежит книге. Благодаря писательскому слову в Китае узнавали о борьбе рабочих и крестьян России, о строительстве новой жизни.

В 20-е и 30-е годы такие литераторы, как Цюй Цюбо, Цзян Гуанцы, Цзоу Тао-фэнь, Гэ Гунчжэнь и другие, в своих корреспонденциях и очерках правдиво рассказывали о Советской России, где им довелось бывать и своими глазами наблюдать строительство новой жизни. Их слово прокладывало путь правде. К тому далекому теперь уже времени относятся и первые контакты советских и китайских писателей, начало их творческих связей.

Сегодня мы с благодарностью вспоминаем тех китайских литераторов, которые в условиях гоминьдановской цензуры, репрессий и гонений вели мужественную борьбу за издание и популяризацию книг советских писателей в Китае. И первым среди китайских мастеров слова, кто внес огромный вклад в развитие советско-китайских литературных связей, мы называем имя великого Лу Синя, считавшего распространение русской и советской литературы в Китае революционной задачей огромной важности, сравнил ее с тайной доставкой оружия борющимся рабам. Первым среди советских писателей, кто оказал огромное революционизирующее влияние на различные стороны общественной жизни Китая, и прежде всего на развитие прогрессивной китайской литературы, Лу Синь называет М. Горького¹. В нем китайские писатели видели товарища по борьбе. Его книги и статьи вооружали их идейно, заостряли и оттачивали их оружие — художественное слово. Книги Горького для многих служили в Китае путеводным маяком. Прежде всего это относится к роману «Мать». Именно эта книга, по мнению писателя Оуян Шаня, помогла многим в Китае понять, что смысл жизни — в борьбе. Китайские писатели, по словам Чжан Тяньи, учились у Горького неистощимой энергии борца; они учились у него не только тому, как нужно писать и о чем писать, но и умению жить и бороться. Особенно ценил за это Горького Лу Синь, писавший, что книги этого советского писателя сыграли огромную роль в судьбе нескольких поколений китайских читателей. Впрочем, это относится и к другим писателям Страны Советов, откуда приходили в Китай книги о борьбе, то есть та литература, которая, как считал Лу Синь, была тогда наиболее важна для его родины, и в первую очередь произведения А. Серафимовича, А. Фадеева, Б. Лавренева, М. Шолохова.

Когда читаешь дневник Лу Синя, поражает обилие поступавших к нему советских книг, журналов, альбомов, гравюр, плакатов. Помимо тех произведений советских писателей, которые ему удавалось купить в Китае (это были главным образом издания на японском, немецком и английском языках), немалая часть советской литературы приходила от друга Цао Цзинхуа, жившего тогда в Ленинграде, впоследствии известного литератора, переводчика многих советских книг. По просьбе Лу Синя, Цао Цзинхуа постоянно держал его в курсе литературной жизни Советского Союза, присылал книжные новинки, номера «Литературной газеты», журнала «Интернациональная литература», портреты русских и советских писателей. Постепенно в руках Лу Синя скопилось огромное количество советских книг и материалов о советских писателях.

Если Лу Синь не мог почему-либо использовать полученную из Советского Союза книгу, он передавал ее переводчику. А сам с этого момента становился как бы опекуном книги, следил, как идет перевод, писал предисловие или послесловие, а

¹ См.: М. Е. Шнейдер. Русская классика в Китае. Переводы. Оценки. Творческое освоение. М., 1977, с. 177. — Тема «Советско-китайские литературные связи» довольно широко отражена в трудах советских китайцев, задача автора данной статьи — напомнить о некоторых ее малоизвестных страницах.

часто и то и другое, брал на себя заботу о заключении договора с издательством и, наконец, очень часто был редактором перевода на китайский язык.

Дневник Лу Синя, несмотря на всю краткость записей, раскрывает перед нами ход работы над подготовкой к изданию «Железного потока» А. Серафимовича и «Разгрома» А. Фадеева, «Тихого Дона» М. Шолохова.

Перелистываяешь страницу за страницей дневника и вновь задумываешься над тем, какую роль суждено было сыграть многим и многим книгам советских писателей в революционной борьбе китайского народа, какой сложный и порой тяжелый путь проделали эти книги в вещевых мешках бойцов китайской революции.

Летом 1931 г. Лу Синь получил от Цао Цзинхуа из Ленинграда очередную посылку. В ней оказалась долгожданная рукопись перевода «Железного потока». В то время Лу Синь задумал издать серию книг советских писателей. Одним из первых он предполагал выпустить роман Серафимовича, считая, что книгу эту надо напечатать во что бы то ни стало.

Не откладывая в долгий ящик, Лу Синь принялся за работу. В своем дневнике он изо дня в день повторяет лаконичную запись: «Редактировал «Железный поток»». А тем временем неутомимый Цао Цзинхуа прислал из далекого Советского Союза материалы, которые должны были войти в будущую книгу. Дневник Лу Синя раскрывает перед нами ход работы над подготовкой к изданию «Железного потока». 15 августа Лу Синь, как всегда, коротко записал: «Получил от Цзинхуа книгу «Железный поток»». Это был русский текст романа, необходимый для сверки перевода. В одну из ночей он делает такую запись: «Получил письмо от Цзинхуа и примечания к «Железному потоку»». Через три дня, 24-го, добавляет: «Получено письмо и комментарии к будущей книге». Наконец 2 сентября пришел текст предисловия к первому китайскому изданию «Железного потока»². (Позже, в 1933 г., и сам автор, А. Серафимович, специально для одного из китайских изданий написал короткое предисловие.)

Получив предисловие для первого издания «Железного потока», Лу Синь передал его Цюй Цюбо, попросив сделать перевод на китайский язык. Таким образом, Цюй Цюбо стал третьим участником издания книги.

В начале декабря, после того как получена была карта похода Таманской армии, работа была завершена. Темпы издания книги на китайском языке были поистине стремительны. Тираж ее составил тысячу экземпляров. Как говорит Цао Цзинхуа, книга «по капелькам просочилась к читателям»³. Не удивительно, что два следующих издания романа были почти полностью конфискованы. И еще в течение ряда лет с большим трудом пробивался «Железный поток» сквозь гоминьдановскую цензуру, долго он «был словно скован льдом». И только в конце 30-х годов, по свидетельству Цао Цзинхуа, постепенно «Железный поток» начинает «выливаться из подводного течения наружу»⁴.

Выдающийся критик-марксист Цюй Цюбо, принимавший, как уже говорилось, непосредственное участие в издании книги, откликнулся на выход «Железного потока» статьей. В ней он приводит такой интересный факт. Когда роман А. Серафимовича печатался во французской газете «Юманите», читатели засыпали редакцию этой газеты письмами: были ли на самом деле такие герои, о которых рассказано в романе? Где они сейчас? Что делают? В одном из старых номеров «Юманите» Цюй Цюбо случайно обнаружил письмо французского рабочего с завода Рено. Прочитав на французском языке роман Серафимовича, рабочий спрашивал: «Неужели действительно был такой Кожух? Неужели мог быть на самом деле такой герой?» Французскому рабочему на страницах «Юманите» ответил живой прототип героя романа Епифан Ковтюх. Вздвигнутый этой перепиской французского рабочего с героем гражданской войны в России, Цюй Цюбо писал об огромной революционизирующей роли книги «Железный поток». Его статья полна раздумий о судьбе Китая, о путях китайской революции. Он верил, что недалек день, когда в Китае железный поток революции превратится в железные морские валы, что грянет всемирный «железный поток»⁵.

И действительно, для солдат китайской революции наш «Железный поток» стал, говоря словами Цао Цзинхуа, «факелом, который держат в своих руках попираемые и презираемые, освещая себе путь к освобождению»⁶.

Не однажды Лу Синь, имея в виду переводчиков, говорил о том, как важна трудная, самоотверженная и кропотливая работа этих людей, прокладывающих путь к свету.

А сам Лу Синь? Разве он не был одним из них? Масштаб проделанной им работы по пропаганде и изданию произведений советских писателей огромен. Кабинет Лу Синя был лабораторией, через которую Китай соприкасался с передовой революционной культурой новой России, здесь возникла мысль о многих переводах произведений советских писателей. Это был центр пропаганды советской литературы, откуда по всей стране расходились наши книги.

² См.: Лу Синь. Дневник, т. 2. Пекин, 1959, с. 835, 836.

³ См.: Воспоминания о А. С. Серафимовиче. Сталинград, 1959, с. 181.

⁴ Там же.

⁵ Цюй Цюбо. Собр. соч., т. 1. Пекин, 1957, с. 329—334.

⁶ Воспоминания о А. С. Серафимовиче, с. 183.

Одной из книг, родившейся в этой лаборатории, был и роман Александра Фадеева «Разгром», переведенный Лу Синем и изданный на его личные деньги. Работа над переводом «Разгрома», начатая в январе 1930 г., была завершена через год, в феврале 1931 г. Одновременно некоторые главы романа публиковались в журнале «Мэнья». Как видно из дневника писателя, время до конца года ушло на редактирование перевода. И только 26 ноября Лу Синь наконец, после многих дней утомительной работы, записал в своем дневнике, что полностью закончил работу над «Разгромом». А через несколько дней, в начале декабря, он уже отправил своим друзьям первые, еще пахнувшие типографской краской свежие экземпляры отпечатанного китайского издания романа Александра Фадеева «Разгром»⁷.

Интересно заглянуть в лабораторию Лу Синя, проследить, как шла работа над переводом книг советских писателей, как скрупулезно, с любовью собирал он дополнительные справочные материалы, которые должны были войти в книгу. Он придавал этому большое значение. Каждую переведенную им самим советскую книгу или ту, которая выходила при его участии, Лу Синь выпускал в жизнь с богатым «подсобным хозяйством». В этом смысле характерно издание «Разгрома». Лу Синь предпослал роману автобиографию автора, включил статью переводчика «Разгрома» на японский язык, известного литературоведа Курахара Корэхито, поместил предисловие, написанное советским критиком Фриче. Сам Лу Синь написал послесловие «Впечатления от «Разгрома». Таким образом, он не ограничивался лишь переводом, а стремился расширить рамки знакомства с автором издаваемой книги, познакомить с его биографией, оценками критики, дать анализ творчества.

В послесловии Лу Синь подчеркнул мастерство автора «Разгрома», создавшего яркие и глубокие образы борцов революции. Главную причину успеха произведения А. Фадеева он видел в том, что автор хорошо знал все, о чем рассказал, сам участвовал в борьбе, которую описал. Только основываясь на личном опыте, а не на игре воображения, говорил Лу Синь, можно написать такую правдивую, волнующую книгу⁸.

Начал Лу Синь переводить «Разгром» по японскому изданию. Вскоре ему в руки попали два других перевода этой книги — немецкий и английский. Они были подсобными, по ним он делал сверку.

Поступать так он был вынужден, поскольку, к своему большому сожалению, не владел настолько русским языком, чтобы переводить с оригинала. По русскому изданию он мог проверить заголовки, которые отсутствовали в японском издании, дать более точное деление на главы, но сверить весь текст не мог. Перевод с трех иностранных изданий сразу, писал Лу Синь, заполняет лишь пробел «между полным отсутствием перевода и чем-то более совершенным». Всей душой он хотел, чтобы как можно больше появлялось переводов советских книг, сделанных с оригинала. Для этого он рекомендовал молодым переводчикам изучать из иностранных языков прежде всего русский и в великой скромности своей не сомневаясь, что появятся переводы более высокого качества, чем его. Свои Лу Синь выполнял с необыкновенной ответственностью, тщательно; он говорил, что над переводом «следует поработать зубами, а не проглатывать его, словно чай или кашу».

И не удивительно, что такой знаток русского языка, как Цюй Цюбо, дал самую высокую оценку лусиневскому переводу «Разгрома». «Ваш перевод очень верен, — писал он в письме к Лу Синю в первых числах декабря 1931 г., — и совсем не будет преувеличением сказать, что он несколько не уводит читателя от оригинала. По вашему переводу чувствуется честный человек с пламенным сердцем, борющийся за светлое будущее, упорный и сознающий свою ответственность за то, что он делает».

В ответ на письмо своего друга Цюй Цюбо Лу Синь признавался, что тоже любит это произведение, «словно собственного сына».

Выход в свет «Разгрома» Цюй Цюбо назвал «выдающимся событием в литературной жизни Китая». «Каждый боец революционного литературного фронта, — писал Цюй Цюбо, — каждый революционный читатель должен отметить как праздник эту победу, пусть пока маленькую, но победу».

Какие же ощущения должен был вызвать у китайских читателей этот роман, омытый кровью горячего сердца, это повествование о «новых людях»?⁹ Книга Александра Фадеева, по словам Цюй Цюбо, давала ответ на вопрос, почему русские рабочие и крестьяне, плохо вооруженные, голодные, разбили белогвардейцев и японских захватчиков. «Прежде всего потому, — писал Цюй Цюбо, — что налицо были Советы, и потому, что в процессе упорной, героической борьбы выковывались люди нового типа... Кто же руководил этой борьбой? Шахтеры, батраки и прежде всего промышленные рабочие. Да, именно так. Массы трудящихся под руководством пролетариата выступили, чтобы перестроить мир, уничтожить своих врагов и в процессе этой великой борьбы — перевоспитать самих себя».

В своей статье, посвященной выходу в свет романа А. Фадеева на китайском языке, Цюй Цюбо призывал обратить захваченное революционными войсками ору-

⁷ См.: Лу Синь. Дневник, т. 2, с. 845, 847.

⁸ См.: Лу Синь. Собр. переводов, т. 7. Пекин, 1959, с. 189—207.

⁹ Цюй Цюбо. Очерки и статьи. М., 1959, с. 158.

жне против врага — империалистов, японских захватчиков, в то время вторгнувших-ся в Северо-Восточный Китай, и восклицал, что «китайские Левинсоны уже родились и продолжают рождаться»¹⁰.

Автор «Разорма» Александр Фадеев не раз с благодарностью говорил, что никогда не забудет того, что Лу Синь перевел на китайский язык его книгу. И, возможно желая хоть чем-то отблагодарить своего китайского друга, он с большой охотой принял в 30-х годах предложение быть редактором одного из изданий произведения Лу Синя на русском языке. Через много лет, посетив Китай, он признается, что это был его скромный ответ великому китайскому писателю, потратившему время на перевод его романа. Так книга проложила мост дружбы между двумя писателями — советским и китайским, стала посредником в их заочном знакомстве.

Точно так же книга подружила писателя Б. Лавренева с Цао Цзинхуа. После того как в 1924 г. в журнале «Звезда» был опубликован рассказ «Сорок первый», Цао Цзинхуа уже в 1927 г. перевел его на китайский. Приблизительно тогда же состоялась и первая встреча молодого китайского энтузиаста-переводчика с известным советским писателем.

Рассказ Б. Лавренева — одно из первых советских произведений, переведенных в Китае. В апреле 1927 г. Лу Синь писал в письме: «Надо бы поспешить с выпуском в свет «Сорок первого». Он вынужден был торопиться: ведь в Китае тогда лишь говорилось о революционной литературе, но не было еще ни одного настоящего революционного произведения. «Если так будет продолжаться, — писал Лу Синь, — то литература погибнет». Поэтому важнее всего, по его мнению, было сейчас же, немедленно познакомить читателей с лучшими произведениями других стран, и в первую очередь с книгами советских писателей.

После того как на страницах китайского издания «Сорок первого» состоялась встреча советского писателя с китайскими читателями, Борис Лавренев получил немало взволнованных писем от китайцев, боровшихся за освобождение своей родины. И в своих письмах, вспоминал Борис Лавренев, читатели выражали автору признательность за этот небольшой рассказ. Они писали, что «Сорок первый» помог им в борьбе, рассказывали о том, как в невероятно тяжелых условиях партизанской войны, в глухих районах опорных революционных баз им приходилось читать его рассказ. В типографии одной из таких баз «Сорок первый» был выпущен в виде небольшой брошюры. Было это в тот период войны, когда части революционных войск попали в окружение в районе Тайханшаньских гор. Здесь полукустарным способом рассказ был отпечатан, причем из-за недостатка бумаги набирали самым мелким шрифтом, о качестве же бумаги не приходится говорить.

Но не в этом было тогда главное. В те боевые дни рассказ Лавренева был не просто художественным произведением, но и учебником, руководством к борьбе. Вырвавшиеся из окружения товарищи, рассказывает Цао Цзинхуа, подарили ему несколько отпечатанных в партизанском отряде экземпляров «Сорок первого». Они говорили, что в самые напряженные минуты, когда решался вопрос жизни и смерти, боец мог бросить все, что при нем, мог расстаться с самыми дорогими для него вещами, но только не с книгой и винтовкой. Даже находясь на волосок от смерти, истекая кровью, пробиваясь сквозь вражеское окружение, боец выносил их с собой или умирал, не расставаясь с ними до последнего вздоха¹¹.

Популярность рассказа Лавренева была настолько велика, что он был инсценирован и поставлен в театре, его печатали в газетах в виде серии рисунков с короткими подписями. Борис Лавренев мог вполне гордиться и радоваться, что его книга стала спутником и другом столько читателей в далеком Китае. В одном из своих писем он с гордостью написал Цао Цзинхуа, что на Западе и на Востоке его «Сорок первый» совершает триумфальное шествие.

А в последнем своем письме (он писал его, будучи уже тяжело больным) Б. Лавренев признался: «...Очень хотелось побывать на Вашей родине, но, по всей вероятности, инвалиду так и придется уйти в неведомое, не выпив воды из китайских рек.

Искренне желаю Вам, дорогой друг, много сделавший для меня, познакомивших читателей с моими работами, всего доброго, хорошего здоровья, успехов во всех делах и долгой жизни.

Крепко жму Вам руку горячим товарищеским пожатием друга...»¹²

Руководством к борьбе служили и другие книги советских писателей. Бойцы китайской революции знали и ценили пламенное слово, ощущали вдохновляющую силу советской литературы. Она была для них источником мужества, но подчас и учебником боевых действий.

Сейчас уже широко известен факт из истории народной войны в Китае, когда бойцам вместо инструкции по ведению боя в городских условиях раздавали страницы повести Константина Симонова «Дни и ночи». Книга Александра Бека «Воло-

¹⁰ Там же, с. 159, 160.

¹¹ См.: Б. Лавренев. Сорок первый. Пекин, 1958, с. 97—100.

¹² Письмо от 25.IV.1958. Цит. по фотоконии, любезно присланной в свое время Цао Цзинхуа автору статьи. Полный текст письма см.: Р. Белоусов. В тысячах иероглифов. О книгах и людях. М., 1963, с. 122—123.

коламское шоссе», в китайском переводе названная «Страх и бесстрашие», была хорошо известна бойцам Народно-освободительной армии. Глубина мысли этой книги, ее доходчивость, острота слова вызвали огромный интерес у китайских читателей. Книгу эту был обязан прочитать каждый, начиная от верховного командования до младших командиров. Ее считали не только прекрасным литературным произведением, но и ценным военным пособием. Во фронтовых газетах «Народный солдат», «Солдаты — дети народа», «Боевой товарищ» и других специально публиковались статьи, призывающие тщательно изучать книгу А. Бека.

В освобожденные районы нелегко было доставлять прессу, а тем более книги. «Они были еще более редкими гостями для солдат китайской революции. И все-таки они были», — говорил Жоу Ши, друг Лу Синя, писатель-коммунист, расстрелянный гоминьдановцами в 1931 г. Их печатали в походных типографиях, в пещерах Яньани, в горах Тайханшань. Их распространяли в списках, тщательно и аккуратно переписывая иероглиф за иероглифом, строку за строкой. Дальше книги продолжали свою жизнь в рукописном виде, переходили из рук в руки: раненый передавал книгу тем, кто оставался в строю, она была достоянием всей солдатской семьи.

О том, какую роль в его жизни сыграла советская книга, рассказал поэт Янь И, в прошлом боец, стрелок¹³. Зимой 1945 г., во время боев в провинции Шаньдун, ему в руки попала тетрадь со стихами. На обложке крупными иероглифами было выведено: «За правду!» Это оказался переписанный от руки сборник стихов советского поэта Янки Купалы.

Так произошла первая встреча китайского солдата, будущего поэта Янь И с советской поэзией.

«Перелистав страницы, я невольно подумал о прежнем владельце книжки, — пишет Янь И. — Мы занимали позиции 58-го полка. Может быть, тот, кто читал эти стихи, погиб в бою — ведь на обложке кровь! Сколько я ни листал страницы, подписи владельца книги мне найти не удалось. Расспросы товарищей ни к чему не привели, все было безрезультатно. С тех пор этот подарок неизвестного друга хранится у меня. Стихи Янки Купалы крепко запали мне в душу». В свободные минуты он доставал книгу и читал ее сам или вслух товарищам. Стихи Янки Купалы как нельзя более пришлись им по душе — они будили классовые чувства и мечты о лучшем будущем. «Я помню, что самыми любимыми нашими стихотворениями были: «Мужик», «Вот тут и живи...», «За правду», «Будь смелым». Чтение стихов вошло у нас в привычку». Их зачитывали во время полнотанятий, перед боем, и, как говорит Янь И, они навсегда останутся жить в его сердце и сердцах всех, кто слушал их тогда.

В свое время Лу Синь предсказывал, что на художников слова многих стран окажет влияние шолоховское творчество. В 1931 г., когда был переведен на китайский язык первый том «Тихого Дона», Лу Синь, редактировавший это издание, в своем послесловии заметил, что эта книга откроет в Китае новых писателей. И Лу Синь оказался прав.

Одним из таких писателей стал Чжоу Либо. Первой его крупной литературной работой, оказавшей заметное влияние на все его последующее творчество, был перевод на китайский язык шолоховской «Поднятой целины» в 1946 г. Чжоу Либо принадлежат и слова о том, что именно советскую литературу избрали литераторы Китая своим учителем, что в ней они нашли «самый прогрессивный творческий метод, который учит глубокой идейности, тесной связи с народом, правдивому изображению жизни и борьбе».

«Поднятая целина» была одной из первых наших книг, отпечатанных в Яньани. Но здесь речь пойдет о другом издании этой книги и о той роли, которую она сыграла в Китае позднее, в период проведения аграрной реформы, когда перед китайским народом открывалась перспектива движения к социализму.

Речь идет о популярном, сокращенном издании романа «Поднятая целина», осуществленном в апреле 1948 г. харбинским издательством «Гуанхуа шудянь»¹⁴. Это — небольшого формата брошюра. Тираж был тоже небольшим — три тысячи экземпляров. Но не это важно. Главное в другом — книга была издана специально для агитаторов, направленных партией в деревню для проведения аграрной реформы на территории освобожденных районов. И чтобы «Поднятую целину» узнало как можно больше людей, чтобы она стала доступна даже малограмотным, ее и издали в сокращенном изложении. Мэн Фан, создатель сокращенного варианта, специально отмечает этот момент в своем послесловии. В то время когда произведений китайских писателей на эту тему было еще мало, он верил — книга такого мастера, как М. Шолохов, принесет несомненную пользу. Харбинскому изданию предислана статья «Почему мы рекомендуем это произведение». В ней говорилось о том, что в освобожденных районах Северо-Восточного Китая проводится аграрная реформа, рушатся вековые устои феодализма и движение охватывает все большие массы крестьян. И опыт коллективизации в Советском Союзе, отмечал автор статьи, неза-

¹³ См.: Благодаря советскую литературу за помощь. Пекин, 1958, с. 85—91. В этом сборнике собраны воспоминания сорока девяти авторов, людей разных профессий из разных мест Китая.

¹⁴ М. Шолохов. Поднятая целина (Изложение Мэн Фана). Харбин, 1948.

висимо от этапа заслуживает самого серьезного внимания и изучения. И как бы для еще большей наглядности того, каких успехов добились советские люди с того времени, о котором рассказывал Шолохов в своей книге, то есть периода коллективизации, в конце харбинского издания «Поднятой целины» давался очерк «Рост колхозного движения в СССР».

Автор вступительной статьи подробно останавливался и на образе Давыдова, признавал учиться у этого коммуниста принципиальности, демократичности, сочетающейся с требовательностью, умению быть примером для других.

Так роман Шолохова помогал агитаторам и сельским активистам, служил пособием в изучении разностороннего и богатейшего опыта тех, кто впервые поднял знамя новой жизни над деревней. О том, какую пользу оказала книга Шолохова в период проведения аграрной реформы, свидетельствовал писатель Сяо Сань и многие другие, в том числе и читатель Фэн Цзяньнань. Когда его, партийного работника, послали, как и героя Шолохова коммуниста Давыдова, создавать новую жизнь на селе, он запасся томиком «Поднятой целины».

«Я был убежден, что Ваша книга, — писал он автору, — поможет мне в моей практической работе». В своем письме Фэн Цзяньнань особо говорил о том, какую огромную помощь оказал ему Давыдов, «он как будто все время был рядом со мной». «И мне кажутся, товарищ Шолохов, — восклицал автор письма, — многие слова Давыдова обращенными не только к крестьянам деревни Гремячий Лог, а непосредственно к нам, китайским крестьянам и сельским коммунистам». Фэн Цзяньнань благодарил советского писателя за прекрасную книгу и признавался, как много значат для трудящихся разных стран созданные им образы. В заключение автор письма с гордостью говорил о том, что «у нас в Китае уже выросли свои Давыдовы — настоящие командиры производства в городе и в деревне»¹⁵.

Один из них, У Шичунь, писал по поводу воспитательного значения «Поднятой целины», что исполненное жизненной правды изображение типических представителей различных классов дало ему возможность усвоить метод классового анализа при изучении людей и решении вопросов. «Эта книга, — говорит он, — явилась наставлением не только в моей практической работе, но и ценнейшим источником опыта»¹⁶.

В китайской прессе до 1959 г. были напечатаны сотни статей о «Поднятой целине», как, впрочем, и о других произведениях М. Шолохова¹⁷.

¹⁵ Благодарю советскую литературу за помощь, с. 92—99.

¹⁶ Цит. по: Н. Т. Федоренко. Очерки современной китайской литературы. М., 1953, с. 245—246.

¹⁷ См.: К. Прийма. «Тихий Дон» сражается. М., 1975, с. 356.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Япония и развивающиеся страны

Опыт хозяйственного строительства стран Азии, Африки и Латинской Америки показал, что наличие национальных кадров инженерно-технических специалистов, административно-управленческого персонала, квалифицированных рабочих является одной из главных предпосылок создания и укрепления базы ускоренной индустриализации этих стран, ликвидации их неокOLONиальной зависимости от мирового капиталистического хозяйства.

Как известно, создание широкого контингента национальных кадров в развивающихся странах осуществляется на базе как национальных систем образования, так и технического и культурного сотрудничества с более развитыми в экономическом отношении государствами.

«Техническое сотрудничество, — совершенно справедливо утверждает автор рецензируемой книги*, — не ограничивается только передачей чисто технических знаний и опыта, но затрагивает и такую специфическую сторону, как формирование мировоззрения подготовляемых кадров. Тем самым оно оказывает определенное воздействие на национальные концепции прогресса развивающихся стран» (с. 5—6). Именно эта специфика технического сотрудничества в условиях сосуществования двух мировых систем превращает его в арену идеологического противоборства, отражающего принципиально противоположные подходы к взаимоотношениям с освободившимися государствами.

Если техническое сотрудничество социалистических стран осуществляется на условиях равноправия и взаимной выгоды, то для развитых капиталистических стран оно представляет собой в первую очередь средство проникновения в экономику развивающихся государств, привязывания их к мировому капиталистическому хозяйству. «Новыми методами и в новых формах империалисты стремятся сохранить колониальную эксплуатацию народов... — отмечается в Программе КПСС. — Под флагом «помощи» они пытаются удержать в этих странах старые и завоевать новые позиции, расши-

рить свою социальную опору, перетянуть на свою сторону национальную буржуазию»¹.

Поэтому анализ основных форм, методов, масштабов, географического и отраслевого направления технического сотрудничества имеет большое теоретическое значение, является весьма актуальным и представляет несомненный научный и практический интерес при решении насущных задач развития освободившихся государств Азии, Африки и Латинской Америки, при изучении проблем технико-экономического сотрудничества развитых капиталистических стран и развивающихся.

В этом в первую очередь ценность рецензируемой работы, в которой А. И. Кравцевич предпринял попытку — и, на наш взгляд, успешную — проанализировать основные теоретические аспекты технико-экономического сотрудничества развитых капиталистических государств с развивающимися странами, а также охарактеризовать историю, современное состояние, специфику и перспективы технического сотрудничества Японии с этой группой стран.

В первой главе рассматриваемой работы А. И. Кравцевич дает определение места технического сотрудничества в системе экономического сотрудничества развитых капиталистических и развивающихся стран, выясняет причины, обуславливающие взаимную заинтересованность в таком сотрудничестве обеих групп стран, и прослеживает эволюцию западных концепций технического содействия, форм, методов, финансовых источников и каналов технического сотрудничества с точки зрения их влияния на характер данной формы экономических связей.

Представляет интерес уточнение автором понятия собственно «технического сотрудничества», которое в советской и зарубежной экономической литературе зачастую смешивается с близкими по значению, но неадекватными по содержанию терминами «техническое содействие» и «техническая помощь». Так, под «техническим содействием» обычно подразумевают практически все формы экономического сотрудничества, способствующие технологическому развитию страны-партнера (включая поставки машин и оборудования). В отношении понятий

* А. И. Кравцевич. Япония и развивающиеся страны. Проблемы технико-экономического сотрудничества. М., «Наука», 1981, 184 с.

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1974, с. 46.

«техническое сотрудничество» и «техническая помощь» четкая дифференциация отсутствует. Между тем, по мнению автора, «принципиальные отличия этих двух терминов заключаются в том, что, во-первых, техническое сотрудничество охватывает более широкий круг услуг, чем техническая помощь; во-вторых, оно может осуществляться как на коммерческой, так и на льготной или безвозмездной основе, тогда как техническая помощь — только на безвозмездной или льготной основе» (с. 17). Добавим, что техническое сотрудничество может охватывать взаимные связи стран разного уровня развития, в то время как техническая помощь предполагает односторонний поток технических знаний из развитой страны в развивающуюся и усвоение последней этих знаний и опыта.

Рассмотрев ряд определений технической помощи («Белые книги Великобритании по технической помощи», Служба технического сотрудничества ОЭСР, труды английского экономиста П. Уильямса и др.), автор подходит к определению понятия «технического сотрудничества», а точнее всего комплекса связей, именуемых им «техничко-экономическим сотрудничеством». По его мнению, достаточно обоснованному, «под технико-экономическим сотрудничеством следует понимать такую форму внешнеэкономических отношений, содержанием которой является двусторонняя или многосторонняя деятельность по обмену знаниями и опытом (каждая страна получает те элементы развития, которые у нее отсутствуют или получение которых самостоятельно представляется затруднительным), способствующая их более эффективному социально-экономическому и культурному прогрессу» (с. 21—22). В связи с изложенным автор наиболее правильным считает рассмотрение «технической помощи» развитых капиталистических государств развивающимся как частного проявления технико-экономического сотрудничества, специфика которой — безвозмездный или льготный характер.

Первые программы японской помощи развивающимся странам были предприняты сразу после окончания оккупации ее войсками США в 1952 г. При их осуществлении правящие круги Японии преследовали целый ряд задач: стимулирование процесса восстановления и реконструкции экономики Японии, восстановление дипломатических отношений с соседними азиатскими странами, содействие политическому и экономическому укреплению режимов, избравших прозападную ориентацию и развивающихся по капиталистическому пути, восстановление влияния Японии и ее лидирующей роли в региональном, а затем и в мировом масштабе.

При анализе политики и практики японской государственной помощи автор выделяет четыре основных этапа в ее эволюции за послевоенный период в соответствии с изменением роли помощи в системе внешнеэкономических и внешнеполитических мероприятий японского правительства, ее задач и целей.

Первый этап: 1952—1956 гг. Япония, освободившись от оккупационного режима, стремится восстановить свое международное положение как суверенного и равноправного государства. Ее правительства заявляют о готовности оказывать экономическую и техническую помощь развивающимся странам, несмотря на внутреннее напряженное состояние своей экономики. Япония, будучи в этот период одним из крупнейших получателей американской и международной помощи, сама выступает в качестве страны-донора, став членом МБРР, МВФ, Расширенной программы технического сотрудничества ООН и др. В это же время заключается ряд репарационных соглашений со странами, пострадавшими от японской агрессии.

«Если первый этап можно, — как верно определяет А. И. Кравцевич, — рассматривать в качестве подготовительной стадии для осуществления японской внешнеэкономической экспансии, то на втором этапе (1957—1964 гг. — Ю. Е.), получившем название «экономическая дипломатия», правящие круги Японии приступили к активному проникновению в экономику развивающихся стран Азии, в первую очередь Юго-Восточной» (с. 57). Основными целями японской помощи стали расширение экспортных рынков и поддержание политической и экономической стабильности в странах-реципиентах.

Автор рецензируемой монографии разоблачает фальшивость постоянных заявлений японского правительства о «бескорыстии» японской «помощи», якобы призванной наряду с репарациями сыграть важную роль в развитии экономики развивающихся стран. Кстати, использует автор для этого высказывания самих японцев. Особенно примечательно в этом смысле заявление одного из основных инициаторов и проводников политики «экономической дипломатии» — премьер-министра Х. Икэда: «Правительство активно расширяет экономическое сотрудничество, поскольку оно содействует процветанию Японии. Осуществление экономического сотрудничества развивает экономику Японии — ... и чем в больших размерах его осуществлять, тем лучше. Следует исходить из того, что экономическое сотрудничество проводится не в интересах других стран, а в интересах Японии» (с. 58). Довольно откровенное высказывание, не оставляющее каких-либо сомнений касательно истинных целей японской «помощи».

В рассматриваемый второй период было завершено заключение соглашений о репарациях и началась их выплата.

Согласившись на выплату репараций и добившись благоприятных для себя условий их выполнения, японские монополии, во-первых, обеспечили себе стабильные рынки для сбыта сравнительно дорогостоящей продукции тяжелой промышленности (большая часть поставок в рамках репараций), широкое и бесплатное рекламирование малозвестной в странах ЮВА японской промышленной продукции, а также технологии и технического опыта посред-

вом направления японских экспертов и приема стажеров и студентов; обеспечили, поставив капитальное оборудование, устойчивый спрос на запчасти и последующее техническое оборудование, что в свою очередь содействовало развитию коммерческого экспорта и экспансии японского частного капитала в эти страны. В этот же период Япония расширила свое участие в международном сотрудничестве, став членом комитета содействия развитию ОЭСР и увеличив взносы в ряд международных организаций по экономическому сотрудничеству.

Для совершенствования механизма осуществления японских программ «помощи» в 1961 г. учреждается Фонд зарубежного экономического сотрудничества, а в 1962 г. — Агентство зарубежного технического сотрудничества, на которые вместе с Экспортно-импортным банком Японии возлагаются обязанности реализации конкретных мероприятий в этой области.

С приходом к власти в конце 1964 г. кабинета Сато автор связывает начало третьего этапа осуществления программ японской «помощи». К этому времени Япония, выдвинувшаяся на третье место в мире по объему валового национального продукта, имела благодаря стремительной внешнеторговой экспансии значительное положительное сальдо своего торгового баланса, что вызвало недовольство торговых партнеров и требование его выравнивания. Импорт сырьевых и энергетических ресурсов из относительно небольшого числа стран привел к сильной зависимости экономики Японии от поставок из этих государств. Кроме того, наращивание экономического потенциала на основе «экономики высоких темпов» обернулось угрожающим загрязнением окружающей среды японских островов. Японские монополии видели выход из создавшегося положения в выводе «особо грязных» производств в третьи страны, а также в разработке новых месторождений природных ресурсов непосредственно в развивающихся странах с последующим вывозом их в Японию.

Решению этих задач отвечал разработанный по инициативе министерства внешней торговли и промышленности новый стратегический план, получивший название «развитие через импорт» (с. 62). В соответствии с ним японское правительство предоставляло финансовые средства и техническое содействие для освоения природных ресурсов и развития добывающей промышленности и сельского хозяйства в странах-реципиентах с целью увеличения их экспорта в Японию и другие развитые капиталистические страны. В Токио также согласились принять рекомендации ЮНКТАД от 1964 г. и ДАК от 1965 г. о выделении 1 % национального дохода на содействие развитию молодых государств, хотя и не установили конкретной даты для этого.

«Анализ степени зависимости Японии от импорта сырьевых, топливно-энергетических и продовольственных ресурсов для обеспечения бесперебойного функционирования ее экономики и один из самых высоких в мире уровней загрязнения окружа-

ющей среды, — обоснованно замечает А. И. Кравцевич, — дают основания говорить о в большей или меньшей степени вынужденном характере новой концепции японской политики «помощи» (с. 63).

С 1970 г. начинается четвертый этап осуществления Японией программ иностранной «помощи». Он характеризуется намерением японского правительства «существенно увеличить предоставление помощи развивающимся странам, социально-экономический прогресс которых является необходимым условием прогресса самой Японии» (с. 65). Япония обязывалась, в частности, обеспечить к 1975 г. суммарный поток финансовых ресурсов в развивающиеся страны в размере 1 % своего ВНП, довести объем «официальной помощи развитию» до 0,7 % ВНП, улучшить в соответствии с рекомендациями ДАК от 1969 г. условия предоставления «помощи», увеличить объем и масштабы технического сотрудничества и размеры взносов в международные организации и др.

Несмотря на все подобные обязательства, вопросы экономического развития и повышения жизненного уровня народов развивающихся стран — и это убедительно раскрывается в рецензируемой книге — рассматривались японскими правящими кругами лишь в качестве второстепенной задачи своей «помощи». Причем Япония уделяла все большее внимание вопросу о так называемой «самопомощи». По заявлению М. Охира, министра иностранных дел в кабинете К. Танака, «расширение японской помощи, будучи одним из важнейших аспектов внешней политики Японии, представляет собой «средство помочь развивающимся странам в их помощи самим себе» (с. 66).

«Таким образом, — пишет А. И. Кравцевич, — рассмотрение эволюции японской политики «помощи» развивающимся странам в послевоенный период приводит к выводу о значительном несоответствии между декларациями и действительной политикой Японии в этой области...» (с. 66).

Автор указывает также на преобладание экономических мотивов при оказании экономической и технической «помощи» Японией, хотя и не считает возможным полностью сбрасывать со счетов политико-идеологический аспект японского сотрудничества с развивающимися странами. Последний, в частности, проявляется в предпочтительном развитии отношений со странами АСЕАН внутри региона, поддержке реакционных режимов в Южной Корее, на Тайване и в Таиланде, отказе от помощи странам Индокитая, избравшим социалистическую ориентацию, и т. п. Насыщенный статистическими выкладками анализ технико-экономического сотрудничества ведущих империалистических держав с развивающимися странами и места в этом сотрудничестве Японии показывает, что, хотя уже в 1979 г. Япония вышла на второе место после США среди развитых капиталистических стран по суммарному объему направляемых в страны Азии, Африки и Латинской Америки ресурсов, по «абсолютным

расходам на техническое сотрудничество она занимает лишь шестое место после Франции, ФРГ, США, Великобритании и Голландии» (с. 77). То есть, несмотря на то, что с начала 70-х годов японское правительство взяло курс на резкое расширение технического сотрудничества с развивающимися странами и к 1978 г. более чем в 10 раз увеличился объем государственных ассигнований на него (к уровню 1970 г.), этот вид деятельности все еще занимает довольно скромное место во внешнеэкономических мероприятиях страны.

В последней, третьей, главе А. И. Кравцевич рассматривает организационную структуру и систему финансирования технико-экономического сотрудничества Японии с развивающимися странами. Знакомство с этой главой, как, впрочем, и со всей книгой в целом, позволяет лучше ориентироваться в механизме внешнеэкономической экспансии Японии, важной частью которого является технико-экономическое сотрудничество с развивающимися странами.

Ю. Е. Евгеньев

Проблемы агропромышленной интеграции в Японии

«...Производство продуктов питания, — отмечал К. Маркс, — является самым первым условием жизни непосредственных производителей и всякого производства вообще...»¹ Приводя это положение, автор рассматриваемого труда* С. Б. Маркарьян добавляет, что доказательств оно не требует (с. 96). Это действительно так. Зато в самых серьезных обоснованиях нуждаются методы решительного повышения эффективности указанного производства. Пожалуй, наиболее надежным средством достижения этой цели становится формирование аграрно-промышленного комплекса (АПК).

Анализу этого процесса в техническом плане, а также через призму сложных социально-экономических процессов, характеризующихся неоднозначными свойствами и последствиями, и посвящена рецензируемая книга. В литературе имеют хождение относительно узкие и расширенные трактовки АПК, противоположные взгляды на движущие силы, под воздействием которых он складывается, на конкретные формы стыковки связующих его звеньев.

Мне, например, кажется, что наибольший простор для исследователя предоставляет заключение советского экономиста Г. Л. Фактора (с ним солидаризируется и С. Б. Маркарьян), согласно которому АПК следует оценивать «как вертикально интегрированную и координированную совокупность отраслей и предприятий, так или иначе участвующих в производстве и распределении конечной продукции из сельскохозяйственного сырья» (с. 6). Думается, что главным критерием отнесения различных межотраслевых формаций к сфере АПК должна служить устойчивость, стабильность скрепляющих их деловых уз.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч., т. 25, ч. II, с. 184—185.

* С. Б. Маркарьян. Проблемы агропромышленной интеграции в Японии. М., «Наука», 1982, 287 с.

Надо сказать, что в своей работе С. Б. Маркарьян иной раз ограничивается слишком лапидарными объяснениями, допускает чрезмерные колебания при выборе собственной позиции, грешит недостаточно четкими формулировками. Следовало бы, к примеру, в деталях сопоставить понятие «агропромышленное объединение» с понятием «агропромышленная интеграция» и АПК» и наглядно показать, в чем именно второе шире первого (с. 148). Наличие интеграционных связей устанавливается то по долговременным договорным отношениям, регламентирующим основные технологические параметры производства (с. 113), то по обычным контрактным отношениям торгово-промышленных компаний с сельскохозяйственными производителями (с. 144). Вместе с тем более усовершенствованная контрактная форма — «производство по поручению», предусматривающая осуществление торгово-промышленной фирмой контроля над производственной технологией, почему-то не признается методом включения сельского хозяйства в интеграционный процесс (с. 131—132). Большой ясности требуют определения межотраслевых и межхозяйственных объединений, которые упоминаются комбинатами (с. 149).

Однако эти огрехи не помешали автору развернуть впечатляющую панораму встречного продвижения целого ряда отраслей японской экономики (сельского хозяйства, промышленности, сельскохозяйственных удобрений, сельскохозяйственного машиностроения, комбикормовой и пищевой промышленности, торговли и некоторых других отраслей производства услуг) к интеграции в АПК.

Наиболее крутые перемены, которые, между прочим, далеко не всегда поддаются быстрому распознаванию, происходят в сельском хозяйстве, то есть в самом важном и самом отсталом звене будущего АПК. Внешняя инертность этой отрасли всего-навсего ширма, а за ней идет концент-

рация обрабатываемой земли (путем покупки, приарендовывания, подъема целины, изъятия из аренды своих участков), сосредоточение нарастающих удельных весов продукции в крупных хозяйствах (в том числе и с помощью производственного кооперирования), территориальная и хозяйственная специализация.

Ускоренными темпами происходит также механизация сельскохозяйственного производства, причем значение этого основного фактора повышения производительности труда многократно увеличилось в 70-е годы благодаря главным образом механизации рисоводства и других суботраслей сельского хозяйства.

Для смежных с сельским хозяйством отраслей, которые обслуживают его как «на входе» (производство удобрений, ядохимикатов, комбикормов, сельскохозяйственное машиностроение, материально-техническое снабжение), так и «на выходе» (пищевая промышленность, торговля), типичен набор довольно близких по природе и характеру сдвигов при сохранении в каждом случае своей специфики.

Интенсификация концентрационных и особенно централизационных процессов, повышение уровней технической оснащенности, неуклонное расширение ассортимента производимых и реализуемых товаров и услуг, обретение способности гибко приспосабливаться к постоянно меняющемуся спросу, да и способности самостоятельно создавать спрос на свою продукцию — все эти моменты, отлично иллюстрированные в книге, день ото дня усиливают потенциальную совместимость названных отраслей, способствуют выработке определенного стандарта качеств, которые призваны устранить все препятствия с пути наступающей интеграции.

Несколько обособленные позиции в организационном плане занимают научно-исследовательские работы в области сельского хозяйства, поскольку они осуществляются преимущественно государственными и муниципальными учреждениями. Однако в плане оперативном они самым тесным образом связаны с успешным формированием АПК. Простой перечень того, что сделано и продолжает делаться, служит тому красноречивым свидетельством.

«Усилиями научных учреждений страны в послевоенный период, — пишет С. Б. Маркарян, — были выведены новые продуктивные сорта сельскохозяйственных культур, более устойчивые к болезням и вредителям, неблагоприятным погодным условиям, большому количеству применяемых удобрений. Созданы новые виды удобрений и химикатов, улучшены методы их применения. Отработана технология выращивания рисовой рассады в короткие сроки, агротехника производства сельскохозяйственных культур в защищенном грунте. Сконструированы новые машины, приспособленные работать в японских условиях, и т. п. Многие из перечисленных выше научных направлений продолжают оставаться актуальными и поныне. В то же время сейчас появились и новые, связанные, на-

пример, с охраной окружающей среды, экономией энергии» (с. 78—79).

Материалы книги показывают, что аграрная политика японского правительства охватывает значительно большую сферу, чем регулирование цен на сельскохозяйственную продукцию, которое обычно не совсем верно ассоциируется только с протекционизмом в отношении мелких хозяйств вообще и рисопроизводителей в частности.

Главная установка государственной политики в сельском хозяйстве (ценовая политика не составляет исключения) нацелена, как подчеркивает автор, «прежде всего на изменение структуры отрасли с перспективой подъема ее до уровня других отраслей агропромышленного комплекса» (с. 96).

Поэтому основной поток государственных субсидий и низкопроцентных кредитов следует в первую очередь не в рисоводство, а в животноводство, овощеводство и плодородство и главным образом не в мелкие, а в средние и крупные хозяйства.

Государство, кроме того, содействует углублению специализации в сельском хозяйстве, участвуя в выделении так называемых основных районов производства тех или иных видов продукции, а его местные органы выступают в качестве посредников при налаживании контактов между торгово-промышленными фирмами и сельскохозяйственными производителями.

Очень содержательным и интересным получилось у С. Б. Маркарян исследование преобладающих форм интеграции сельского хозяйства с другими отраслями экономики.

При ознакомлении с соответствующими разделами книги трудно отделаться от впечатления о некоем общенациональном эксперименте, который проводится в Японии ради обнаружения оптимального варианта деловых связей сельскохозяйственного и промышленного производства, а также сбыта. Действительно, мы сталкиваемся с одновременным, параллельным, а иногда и совмещенным функционированием достаточно большого числа разновидностей указанных связей и разнообразных участников, одни из которых берут на себя обязанности лидеров, другие преимущественно накладываются на положения ведомых.

Пожалуй, на текущем этапе самой распространенной разновидностью остается контрактная система. Она включает в себя как обычные контракты, зачастую не возвышающиеся над уровнем разовых рыночных сделок, так и упоминавшиеся «поручительские» контракты, которые знаменуют перевод отношений сельскохозяйственного производителя и его городского контрагента на более или менее постоянную основу при определенной регламентации параметров деятельности первого и финансово-технической помощи ему со стороны второго.

Использование контрактной системы содействует с получающим все большее развитие учреждением торгово-промышленными компаниями своих собственных сельскохозяйственных предприятий, с созданием этими компаниями (как правило, универ-

сальными торговыми) более длинных интеграционных цепей, замыкающихся иногда в целый круг (от рынка средств производства до рынка готовой продукции), и, наконец, с эксплуатацией комбинированных форм.

Если добавить к этому, что, помимо торгово-промышленных компаний, интеграторами делаются и сельскохозяйственные, и городские потребительские кооперативы, что в промежутках между опорными точками некоторых из многоотраслевых образований угнездилось множество посредников, то станет ясно, насколько обширен выбор комбинаций для формирования АПК.

Автору удалось найти, отобрать и систематизировать десятки примеров внушительного роста экономической и социальной эффективности общественного производства, который вызывается наведением постоянных, открытых для двустороннего движения мостов между сельским хозяйством и смежными с ним отраслями.

На фоне этого анализа замечание С. Б. Маркарьян по поводу того, что «в целом роль агропромышленного комплекса в экономической жизни страны постепенно падает» (с. 89), представляется несколько спорным. В поддержку своего утверждения мне хотелось бы привлечь внимание к трем обстоятельствам.

Во-первых, статистические данные по отдельным сферам АПК, которыми обосновывается указанный вывод, либо не выдерживают строгой проверки на сопоставимость (с. 88), либо служат источником для весьма условных расчетов (с. 91—92).

Во-вторых, динамика долей отдельных сфер АПК по численности занятых, валовой продукции и полной добавленной стоимости свидетельствует не об их деградации, а, скорее (и это ведь не осталось вне поля зрения С. Б. Маркарьян!), о радикальной и прогрессивной внутренней перестройке: замене трудоемкого типа производства трудосберегающим, отсечении ряда производственных функций от одних отраслей в пользу других, выдвигании новых, высокопроизводительных отраслей, которые, однако, еще слишком невелики по абсолютным масштабам, чтобы компенсировать «демонтаж» традиционных, низкопроизводительных отраслей, и т. д.

В-третьих, АПК, как на это не раз и совершенно справедливо указывается в книге, не является простой арифметической суммой составляющих, и поэтому полное отождествление состояния каждой из них по отдельности с состоянием всего АПК, выступающего в виде синтезированного механизма, вряд ли оправданно.

По-моему, экономическая роль — не АПК, конечно, ибо он в самом деле пребывает пока, так сказать, в строительных лесах, а ведущих к нему интеграционных процессов как таковых — усиливается, и

усиление это проявляется, в частности, в тех социальных переменах, которые порождаются ими в сельском хозяйстве.

Последствия индустриализации сельскохозяйственного производства под влиянием интеграционных процессов не ограничиваются рационализацией, модернизацией, совершенствованием оборудования, технологическими нововведениями, которые оборачиваются сокращением издержек. В их число входит также форсированное расслоение деревни, общее усиление зависимости сельскохозяйственных производителей от торгово-промышленного капитала, распространение в сельской местности наемного труда. Речь идет, таким образом, о все большем и большем втягивании сельского хозяйства в тенета капиталистических производственных отношений.

Невозможно переоценить при этом роль, которую играет селективный подход торговых и промышленных компаний к их деревенским контрагентам. Жесткий отбор самых знающих, самых крепких, самых перспективных хозяев для установления с ними деловых отношений, для дальнейшей финансовой и технической помощи, естественно, предполагает как всесторонний контроль над ними, так и их возвышение над массой крестьян, оставшихся за бортом межотраслевых объединений.

Приобщение к интеграционной цепи позволяет этим сельскохозяйственным производителям бесперебойно получать семена, удобрения, ядохимикаты, денежные ссуды, консультации по агрозоотехнике, предоставляет им возможность относительно стабильного сбыта продукции по более или менее приемлемым ценам, неплохие шансы на техническое обновление.

За эти привилегии приходится, конечно, платить высокую цену в виде фактической утраты самостоятельности, собственной инициативы да и части причитающихся доходов. К тому же интеграторы могут под давлением тех или иных конъюнктурных соображений неожиданно-негаданно пересмотреть в свою пользу условия сотрудничества или прекратить его вообще.

Каковы же перспективы интеграционных процессов в Японии, смогут ли они привести к оформлению АПК? Отвечая на этот вопрос, С. Б. Маркарьян пишет, что «в дальнейшем формирование АПК пойдет по пути приливов и отливов в зависимости от объективных условий взаимодействия (аграрного и промышленного. — В. Р.) секторов в каждый данный момент» (с. 250).

В советском японоведении С. Б. Маркарьян давно известна своими глубокими исследованиями аграрной проблематики. Рецензируемая книга свидетельствует о том, что она успешно справилась и с разбором одной из важных социально-экономических проблем современной Японии.

В. Б. Рамзес

Противоречивое партнерство

В условиях противостояния на Корейском полуострове двух противоположных социально-политических систем достаточно широкое распространение в буржуазной научной литературе получили разного рода мифы о характере экономического развития Южной Кореи, изображаемого, как правило, в апологетическом духе. Такой подход в целом свойствен и тем буржуазным исследователям, которые освещают японо-южнокорейские экономические отношения, явно приукрашивая при этом, «лакируя» цель, методы и способы действий Японии. Это объясняется служебно-политическими целями буржуазной политологии. Между тем и реальное экономическое развитие Южной Кореи, и японо-южнокорейские экономические связи вовсе не дают оснований для изображения их в идиллических тонах. В этой связи актуальной является работа В. И. Шипаева, посвященная японо-южнокорейским экономическим отношениям*.

Автор подчеркивает, что в налаживании экономического сотрудничества были заинтересованы и Южная Корея, и Япония, хотя и в разной степени. Южной Корее такое сотрудничество давало возможность поднять национальную экономику путем перевода ее на современные рельсы, что должно было способствовать успешному ходу экономического соревнования с Севером. Японии это давало дополнительный выход для избыточного капитала, а также должно было поднять экономический потенциал Южной Кореи, которую в Токио рассматривают как «передовую линию обороны», и одновременно укрепить капиталистические порядки на юге Корейского полуострова. Немаловажное значение имело также давление США, которые рассчитывали с помощью Японии создать основу для тройственной коалиции, направленной против КНДР и других социалистических стран на Дальнем Востоке.

К числу объективных предпосылок налаживания японо-южнокорейского сотрудничества автор относит, во-первых, бедственное состояние южнокорейской экономики на всем протяжении 50-х годов; во-вторых, динамичное развитие в этот период японской экономики; в-третьих, сложившийся к концу 50-х годов механизм японской «помощи развитию» освободившихся стран и крупные отчисления этим странам японского избыточного капитала (с. 26). Стратегическое значение программы «помощи развитию» состояло в том, чтобы всемерно содействовать широкой экспансии японского монополистического капитала. Она включала в себя следующие компоненты: фи-

нансовую помощь (реституционные платежи и государственные займы), частные экспортные кредиты и частные инвестиции, а также техническую помощь, торговлю.

Надо сказать, что к середине 60-х годов сеульские власти создали в стране благоприятный для иностранного капитала инвестиционный климат с целью в сжатые сроки поднять южнокорейскую экономику и устоять в соревновании с социалистическим хозяйством КНДР. Тогда же, в годы осуществления первого южнокорейского пятилетнего плана (1962—1966), выявились и некоторые негативные последствия японской «помощи развитию». В. И. Шипаев выделяет среди них следующие: во-первых, японские займы и кредиты увеличивали внешнюю задолженность Южной Кореи, усугубляя трудное экономическое положение страны; во-вторых, повысилась степень зависимости южнокорейской экономики от японского монополистического капитала, поскольку, получая займы или кредиты, южнокорейские компании брали обязательство использовать не только оборудование, но и промышленное сырье японского производства; в-третьих, поступление финансовой помощи из Японии способствовало возникновению диспропорций в развитии различных подразделений экономики.

С конца 60-х по конец 70-х годов японская «помощь развитию» Южной Кореи в абсолютных цифрах неуклонно возрастала. Для Сеула было важно привлечь как можно больше японского капитала в виде займов, кредитов и прямых инвестиций, чтобы финансировать программу индустриализации и вывести страну из состояния хронической отсталости. Экономика Южной Кореи оказалась емким резервуаром, поглощавшим часть японского избыточного капитала, в то же время японская «помощь развитию» поднимала экономический потенциал Южной Кореи, укрепляя ее позиции в соревновании двух систем на Корейском полуострове.

Вместе с тем экономические успехи Южной Кореи породили определенные опасения в японских правящих кругах. В Южной Корее заработная плата гораздо ниже японской, что обеспечивает южнокорейской продукции высокую конкурентоспособность. Вследствие этого японские монополии стали постепенно сдерживать «помощь развитию» Южной Кореи. Сеульские власти в свою очередь старались ослабить зависимость экономики Южной Кореи от политики правящих кругов Японии. В результате к концу 70-х годов сложилось такое положение, когда «Южная Корея пытается ослабить зависимость от Японии, и тем настойчивее, чем прочнее ее экономическое положение. Япония же делает все возможное, чтобы закрепить отношения зависимости и по возможности отдалить момент, когда Южная Корея превратится в опасного для нее

* В. И. Шипаев. Япония и Южная Корея («помощь развитию» и ее последствия). М., 1981, 286 с.

конкурента. Эти противоположные стремления и уже начавшаяся между двумя странами конкуренция, — делает автор вывод, — неизбежно порождают противоречия, которые, несомненно, будут нарастать и углубляться» (с. 135).

Одним из серьезнейших социально-политических последствий развития японо-южнокорейских экономических связей явился рост противоречий между средней и мелкой буржуазией, не получившей доступа к «помощи развитию», и набирающим силу крупным южнокорейским капиталом. Это обстоятельство не означает, однако, что нет противоречий между крупным южнокорейским капиталом и японскими монополиями, хотя в настоящее время в их взаимоотношениях (по крайней мере внешне) преобладает стремление к сотрудничеству. В будущем же крупный южнокорейский капитал, как только он наберет силу, пишет В. И. Шипаев, несомненно, «станет тяготить неизбежное пока состояние зависимости, и те спорные вопросы, которые так или иначе разрешаются сейчас на классовой основе, рано или поздно, но в обозримом будущем перерастут в межнациональную проблему» (с. 171).

Набравшая с помощью японских монополий силу южнокорейская буржуазия все настойчивее и целеустремленнее заботится об укреплении своей безопасности не только во внутрисполитическом, но и во внешнеполитическом плане. Пресловутая «угроза с Севера» — жупел антикоммунизма — стала основой сближения Сеула с правящими кругами Японии. Безусловно, США постоянно подталкивают своих дальневосточных союзников к тесному сотрудничеству, в том числе и военно-политическому. Токио и сам проявляет подобного рода стремление, поскольку, как уже указывалось, видит в Южной Корее своего рода передовое укрепление, «передовую линию обороны» Японии от пресловутой «коммунистической угрозы». Не случайно японские монополии начали укреплять военный потенциал Сеула еще до формальной нормализации японо-южнокорейских отношений и впоследствии продолжали этот курс.

Противоречивый характер японо-южнокорейских отношений сказался в подходе сторон и к этой проблеме. В конце 70-х годов возникли и стали набирать силу тенденции, оказывавшие известное сдерживающее воздействие на позицию Токио в отношении военного сотрудничества с Сеулом. Во-первых, в Японии, в том числе и в правящих кругах, существуют силы,

выступающие за нормальное развитие отношений с СССР и КНДР, которые неминуемо осложнял бы военно-политический союз с Южной Кореей. Во-вторых, существовала реальная опасность втягивания Японии в любой военный конфликт, спровоцированный Сеулом, который зачастую действует как опасный дестабилизирующий элемент международной обстановки на Дальнем Востоке. Важной причиной относительно сдержанного отношения Японии к военному сотрудничеству с Южной Кореей являются и нарастающие экономические противоречия между двумя странами. Эти обстоятельства и дают Сеулу возможность упрекать Токио в «недостаточном» вкладе Японии в дело защиты капиталистической системы на юге Корейского полуострова.

В целом, резюмирует автор, японо-южнокорейские отношения, испытывающие сильное влияние США, основываются на двух опорах — на общности классовых интересов Сеула и Токио и их экономическом партнерстве. На первом этапе экономического сотрудничества (1966—1970) японская «помощь развитию» способствовала подъему южнокорейского экономического потенциала. Одновременно проникновение японского капитала в «престижные», то есть наиболее выгодные, отрасли привело к возникновению дисбаланса в развитии различных подразделений южнокорейской экономики. На втором этапе, продолжаясь до настоящего времени, в экономических отношениях Японии и Южной Кореи появились трения, обусловленные постепенным укреплением южнокорейской экономики. Японский монополистический капитал увидел в ней нового серьезного конкурента, способного потеснить его на зарубежных рынках. Вследствие этого правящие круги Японии стали предпринимать примерно с середины 70-х годов попытки затормозить развитие южнокорейской экономики, используя для этого различные средства, в частности дозируя «помощь развитию».

В настоящее время Сеул и Токио, связанные отношениями должника и кредитора, объединенные общими классовыми интересами, стремятся затушевать существующие и вновь возникающие разногласия (в том числе экономические). Вместе с тем автор делает вывод: о партнерстве Японии и Южной Кореи как в прошлом, так и особенно в будущем можно говорить лишь как о партнерстве противоречивом, несущем в себе возможность конфликта.

П. Ю. Маслов

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

70-летие Н. Т. Федоренко

9 ноября 1982 г. исполнилось 70 лет известному советскому востоковеду, разностороннему исследователю проблем китайской и японской культуры, члену-корреспонденту АН СССР, доктору филологических наук профессору Николаю Трофимовичу Федоренко.

Выпускник Московского института востоковедения, ученик и последователь академика В. М. Алексеева, Н. Т. Федоренко с самого начала своей научной деятельности, которая продолжается вот уже 45 лет, заявил о себе как о целеустремленном и одаренном исследователе китайской литературы. В 1943 году, когда ему исполнился 31 год, он был удостоен ученой степени доктора филологических наук за диссертацию о творческом наследии величайшего поэта древности Цюй Юаня. В те годы, как, впрочем, и позже, Николай Трофимович успешно совмещал научную работу с дипломатической в качестве советника посольства СССР в КНР, заведующего отделом МИД СССР, заместителя министра иностранных дел СССР, посла СССР в Японии, Постоянного представителя СССР при ООН и в Совете Безопасности.

Многолетнее пребывание на посту советника посольства СССР в КНР позволило ему углубить научные и языковые познания, дало возможность приобрести разносторонние сведения не только о прошлом и настоящем Китая, его истории, тысячелетней культуре в самых различных ее аспектах, но и о людях этой страны. Об этом ярко и увлекательно рассказано в книге «Китайские записи», выдержавшей не одно издание.

Н. Т. Федоренко одним из первых советских ученых обратился к серьезному изучению современного Китая. Результатом углубленного и разностороннего постижения китайской культуры явилась вышедшая в 1953 г. книга «Очерки современной китайской литературы», вслед за которой вскоре последовал объемистый труд «Китайская литература». И в дальнейшем ученый продолжал уделять много внимания проблемам современности, о чем свидетельствует последнее исследование — «Китайское литературное наследие и современность». В этой книге, как, впрочем, и в многочисленных других исследованиях, ученый рассматривает духовные традиции Китая в развитии и преемственности, определяя их значение для сегодняшнего Китая и для мировой культуры в целом.

Фундаментальные исследования Н. Т. Федоренко по китайскому классическому литературно-художественному наследию, основанные на марксистско-ленинских принципах, приобрели важнейшее методологическое значение при изучении взаимосвязей национального и общечеловеческого в истории литературы, при решении проблемы национального своеобразия и самобытности в их соотносительности с общечеловеческим.

Большим вкладом в отечественное литературоведение стали труды Н. Т. Федоренко, охватывающие огромный временной пласт — от древнейших памятников словесного искусства «Шуцзин», «Шицзин», «Ицзин» до классических романов «Сон в красном тереме» и др. В книгах Н. Т. Федоренко «Древние памятники китайской литературы», «Проблемы исследования китайской литературы» и многочисленных других исследованиях показано как своеобразие, так и общечеловеческие черты, свойственные шедеврам, созданным гением китайского народа.

Крупномасштабные исследования Н. Т. Федоренко совмещает с активной работой в «малых» жанрах. Ему принадлежит множество глубоких научных статей в различных сборниках и журналах, творческие портреты писателей, путевые очерки, воспоминания, эссе, ярко написанные предисловия и комментарии к переводам произведений китайских и японских авторов.

Много сил Н. Т. Федоренко отдает изучению и популяризации культуры Японии, творчества виднейших японских писателей, а также мастеров слова других стран мира. В этой связи нельзя не отметить большую деятельность Н. Т. Федоренко в качестве секретаря правления Союза писателей СССР и главного редактора журнала «Иностранная литература», он активный участник многих международных литературных встреч, конференций и симпозиумов.

Труды Н. Т. Федоренко, видного представителя русской советской школы Китаеведения, высоко оценены Коммунистической партией и Советским правительством — он награжден двумя орденами Ленина, орденами Трудового Красного знамени и Дружбы народов, двумя орденами «Знак Почета», медалями.

Его труды получили признание за рубежом — он избран почетным академиком Флорентийской академии искусств и почетным членом Института Китаеведения в Токио.

Сегодня, как и прежде, Николай Трофимович активно трудится на благо советской науки, неутомимо отстаивает политику КПСС и Советского правительства, направленную на укрепление дружбы и мира между народами, на развитие культурных связей между странами.

Ученый и писатель, коммунист и гражданин, Николай Трофимович Федоренко всей своей многогранной деятельностью являет пример достойного служения своей Родине, ее народу, ее науке.

Коллектив ученых Института Дальнего Востока АН СССР, редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока», членом редколлегии которого Н. Т. Федоренко является с момента его создания, от души, сердечно поздравляют Николая Трофимовича со славным юбилеем, желают ему крепкого здоровья и новых творческих успехов в деле дальнейшего развития советского Китаеведения.

75-летие Е. Ф. Ковалева

1 октября 1982 г. исполнилось 75 лет видному советскому китаеведу доктору исторических наук профессору Евгению Федоровичу Ковалеву.

Начало научной деятельности Евгения Федоровича относится к студенческим годам. В 1932 г., за год до окончания Московского института востоковедения, он опубликовал свою первую научную работу «Аграрный кризис в Северной Маньчжурии». В 1947 г. вышла в свет монография «Аренда и арендные отношения в Китае».

Е. Ф. Ковалев продолжал активную научную деятельность и находясь с 1935 по 1944 г. на дипломатической работе в Китае, а с 1945 по 1952 г. — на партийной работе заведующим сектором ЦК КПСС. В многочисленных статьях, освещающих политическое положение в Китае в годы второй мировой войны, борьбу китайского народа против гоминьдановской реакции и ее американских покровителей, победу демократических сил Китая над гоминьдановской контрреволюцией, политические и экономические преобразования в Китайской Народной Республике, значение для китайского народа советско-китайской дружбы, Евгений Федорович дал глубокий анализ коренных проблем китайской революции, ее дальнейшего развития. С конца 40-х годов он сосредоточил свои усилия на всестороннем изучении истории китайского революционного движения и истории КПК.

В период пребывания на руководящей работе в Институте востоковедения АН СССР Е. Ф. Ковалев публикует серию статей по вопросам экономического и культурного развития КНР, выступает ответственным редактором ряда книг, переведенных с китайского языка на русский.

С 1955 по 1959 г. Е. Ф. Ковалев вел активную работу в качестве члена редакционной коллегии журнала «Советское востоковедение». В 1957—1959 гг. являлся главным редактором журнала «Советское китаеведение», а с 1960 г. по настоящее время неизменно входит в состав редколлегии журнала «Народы Азии и Африки».

В 60-е годы научная деятельность Евгения Федоровича была сосредоточена на критике буржуазной историографии, идеологии, на изучении новой и новейшей истории Китая.

С 1966 г. работая в Институте Дальнего Востока АН СССР, с первых дней его основания, Евгений Федорович отдает много сил воспитанию молодых научных кадров. Он руководит теоретическим семинаром молодых ученых, возглавляет ежегодные научные конференции младших научных сотрудников и аспирантов ИДВ АН СССР, является ответственным редактором сборников работ по материалам этих конференций.

В 1968 г. Евгений Федорович успешно защитил докторскую диссертацию «Революционное движение в Китае. 1917—1934 гг.» — плод целенаправленной многолетней исследовательской работы.

Е. Ф. Ковалев не раз представлял советское китаеведение на международных форумах. Он был участником VII (Дарем, 1954), VIII (Лейден, 1955), IX (Париж, 1956) международных конференций молодых синологов, конференции немецких востоковедов (1955), а также участником XXII (Кембридж, 1954), XXV (Москва, 1960) международных конгрессов востоковедов и XIII Международного конгресса исторических наук (Москва, 1970).

Е. Ф. Ковалев является членом Редакционного совета Главной редакции восточной литературы издательства «Наука», специализированных советов по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук при ИДВ АН СССР, а ранее — ордена Ленина Высшей партийной школы при ЦК КПСС. Вел активную работу в Обществе советско-китайской дружбы и продолжает выступать в Доме дружбы ССОД в связи с памятными датами революционного движения в Китае.

Свое 75-летие Евгений Федорович встречает в расцвете творческих сил, полным творческих планов.

Коллектив ученых Института Дальнего Востока, редакционная коллегия журнала «Проблемы Дальнего Востока» сердечно поздравляют Евгения Федоровича со славным юбилеем, желают ему крепкого здоровья и новых творческих успехов в деле дальнейшего развития советского китаеведения, которому посвящено 50 лет жизни юбиляра.

70-летие Т. Р. Рахимова

15 декабря 1982 г. исполнилось 70 лет со дня рождения кандидата исторических наук, доцента, заведующего сектором Института Дальнего Востока АН СССР Турсуна Рахимовича Рахимова — одного из видных представителей уйгурской советской культуры, одного из крупных специалистов по национальным проблемам Китая в Советском Союзе.

Т. Р. Рахимов родился в 1912 г. в Пишпекке (ныне Фрунзе) в бедной уйгурской семье. Семь лет, лишившись отца, он, как старший ребенок в семье, был вынужден начать трудовую жизнь. В 1927 г. он переехал для учебы в Ташкент. С 1931 по 1934 г. Т. Р. Рахимов работал в уйгурских газетах «Кутулуш» («Освобождение») и «Шарк Хаккаты» («Правда Востока») в качестве литературного редактора и ответственного секретаря. По путевке Наркомпроса Киргизии в 1935 г. он поступил в Ленинградский коммунистический институт журналистики им. В. В. Воровского, который окончил в 1939 г. Еще будучи студентом, в 1936—1938 гг. он преподавал уйгурский язык в Ленинградском институте восточных языков, а с 1939 по 1943 г. работал старшим преподавателем Московского института востоковедения.

В 1943 г. Т. Р. Рахимов был направлен на ответственную работу в ЦК КП Узбекистана. В 1944 г. Т. Р. Рахимов был переведен на работу в аппарат ЦК КПСС, где он проработал ответственным сотрудником до 1967 г.

С 1967 г. по настоящее время Т. Р. Рахимов заведует сектором в ИДВ АН СССР. В 1972—1977 г. он одновременно вел преподавательскую работу в Институте стран Азии и Африки при МГУ им. М. В. Ломоносова.

Работая в ИДВ АН СССР, Т. Р. Рахимов исследует национальные отношения в КНР, вопросы национальной политики, положение в национальных районах Китая. Им внесен весомый вклад в разработку проблематики национального вопроса в КНР. За эти же годы им написан и опубликован ряд монографий, получивших широкое признание в нашей стране и за рубежом, и большое число научных статей, которые печатались на страницах журналов «Коммунист», «Проблемы Дальнего Востока», «Народы Азии и Африки», «Вопросы истории» и др. Глубокое знание Т. Р. Рахимовым истории, культуры и языков малых народов Китая составляет прочную базу его исторических исследований.

Т. Р. Рахимов является также крупным тюркологом-уйгуроведом. Его исследования в области уйгурской лексикологии и лексикографии, по основам орфографии и нормализации литературного уйгурского языка занимают достойное место в современной тюркологии.

За годы многолетней педагогической деятельности Т. Р. Рахимовым подготовлено немало специалистов, которые трудятся в различных практических и научных учреждениях страны.

Т. Р. Рахимов является членом Ученого совета ИДВ АН СССР, членом Научного совета АН СССР по национальным проблемам, членом Советского комитета тюркологов, Советского комитета по изучению цивилизаций Центральной Азии, членом правления Общества советско-китайской дружбы.

За многолетнюю общественно-политическую и научную деятельность Т. Р. Рахимов отмечен правительственными наградами. На заседании Ученого совета ИДВ АН СССР 19 декабря 1982 г. коллеги Т. Р. Рахимова по институту и представители других организаций и научных учреждений тепло приветствовали юбиляра, отметив его большие заслуги в изучении Китая, в научно-организационной работе в институте, в развитии тюркологии, и пожелали ему здоровья и дальнейших творческих успехов.

70-летие В. Я. Сидихменова

В январе 1983 г. исполнилось 70 лет известному советскому китаеведу, 45 лет посвятившему изучению различных сторон жизни китайского народа и пропаганде советско-китайской дружбы, кандидату экономических наук Василию Яковлевичу Сидихменову.

Свою педагогическую и научную деятельность В. Я. Сидихменов начал в 1935 г. по окончании Дальневосточного государственного университета.

Участник Великой Отечественной войны, В. Я. Сидихменов более 20 лет отдал обучению и воспитанию переводчиков для Советской Армии. В 1945 г. в Чите вышел его учебник, по которому многие советские офицеры осваивали китайский язык.

В своей книге «Великая победа», опубликованной в 1959 г., В. Я. Сидихменов писал: «Мое некишное знакомство с Китаем началось в августе 1945 г., когда Советская Армия, протянув руку братской помощи китайскому народу в его длительной борьбе с японскими оккупантами, перешла границы этой страны на северо-востоке».

После освобождения советскими войсками Порт-Артура (Люйшунью) советское командование в 1946 г. приняло решение приступить к изданию для китайского населения Ляодунского полуострова газеты «Шихуа бао» («Голос правды»), и ее главным редактором был назначен В. Я. Сидихменов. Так началась для него напряженная работа по изданию ежедневной газеты на китайском языке. Работу редактора В. Я. Сидихменов совмещал с постоянными выступлениями перед китайским населением с докладами о Советском Союзе и традициях советско-китайской дружбы. С 1953 г. В. Я. Сидихменов работал в качестве советника-редактора, помогая китайским журналистам издавать в Пекине на русском языке журнал «Народный Китай».

Период 1956—1965 гг. в жизни В. Я. Сидихменова связан с работой в аппарате ЦК КПСС. С 1966 г. В. Я. Сидихменов целиком переключился на научную работу, он — старший научный сотрудник Института Дальнего Востока АН СССР. Его научные интересы многогранны: лингвистика и история, идеология Китая и социальные отношения. Он опубликовал более 100 авторских листов научных трудов, в том числе монографию о классах и классовой борьбе в Китае.

В последние годы В. Я. Сидихменов с увлечением работает в области изучения этнографии и традиционной культуры Китая. В 1974 г. вышла в свет его книга «Китай: страницы прошлого», в 1978 г. опубликовано второе издание, в 1983 г. — третье издание. Книга, рассчитанная на массового читателя, пользуется большой популярностью.

В. Я. Сидихменов большое внимание уделяет лекционно-пропагандистской работе, являясь членом научно-методического совета общества «Знание» РСФСР.

Советское правительство по достоинству оценило заслуги В. Я. Сидихменова, наградив его многими орденами и медалями — Красной Звезды, Отечественной войны II степени, «Знак Почета» и др. В. Я. Сидихменов также кавалер орденов и медалей ряда социалистических стран, в том числе Китайской Народной Республики.

За большую научную и общественную работу В. Я. Сидихменов неоднократно награждался почетными грамотами Президиума АН СССР и Института Дальнего Востока АН СССР.

Коллектив ученых Института Дальнего Востока АН СССР и редколлегия журнала «Проблемы Дальнего Востока» желают Василию Яковлевичу крепкого здоровья и дальнейших успехов в его научной и общественной деятельности.

Памяти профессора К. М. ПОПОВА

Советское востоковедение понесло тяжелую утрату: 27 сентября 1982 г. на 83-м году жизни скончался видный ученый — один из основателей советского японоведения, талантливый педагог и общественный деятель, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР Константин Михайлович Попов.

Вся жизнь К. М. Попова является примером самоотверженного служения советской науке, социалистической Родине. После окончания двух вузов (Института внешних отношений и Института народного хозяйства в Киеве) он с 1925 по 1933 г. работал в Москве, в Госплане СССР, где принимал активное участие в подготовке первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР. С 1930 г., когда К. М. Попов приступил к чтению лекций в Московском институте востоковедения, началась его многолетняя плодотворная педагогическая деятельность. Его оригинальные и глубокие лекционные курсы легли в основу ряда учебников для высших учебных заведений. С 1933 г. К. М. Попов переходит на работу в Институт мирового хозяйства и мировой политики Академии наук СССР, успешно совмещая научно-исследовательскую деятельность с педагогической.

В 30-х годах выходят из печати крупные исследования К. М. Попова, сразу выдвинувшие его в первые ряды советских востоковедов: в 1931 г. — книга «Очерки географии и экономики Японии», второе, переработанное издание под названием «Экономика Японии» увидело свет в 1936 г., и в 1934 г. — новое фундаментальное исследование «Техноэкономическая база Японии», которое стало основой его докторской диссертации, защищенной в 1943 г. В 1945 г. К. М. Попову было присвоено звание профессора. Затем появились новые исследования ученого: «Тихоокеанский театр военных действий» (1942), «Военная экономика Японии» (1946), «Минеральные ресурсы Японии» (1949), «Очерки национальной культуры и географической мысли Японии» (1964), «Проблемы ЭКАДВ и Япония» (1969) и др. Его работы широко известны и у нас в стране, и за рубежом, многократно издавались в переводах в Японии.

К. М. Попов внес огромный вклад в науку, в советское японоведение. За большие заслуги в развитии науки и подготовке востоковедных кадров ему было присвоено почетное звание заслуженного деятеля науки РСФСР.

К. М. Попов в течение ряда лет принимал деятельное участие в разработке и осуществлении внешнеэкономической политики Советского государства. В конце 1944 г. он был приглашен в Министерство внешней торговли, где в качестве эксперта по Востоку проработал до 1952 г. Он принимал непосредственное участие как член делегаций СССР в работе сессий Экономической комиссии ООН для стран Азии и Дальнего Востока, которые проходили в эти годы в Индии, на Цейлоне, в Бирме, Сингапуре, Таиланде, Австралии, Японии.

В течение многих лет К. М. Попов принимал плодотворное участие в работе Общества «СССР — Япония», одним из основателей которого он являлся. Будучи заместителем председателя правления этого общества и возглавляя в нем комиссию по науке, он не жалел сил для укрепления дружбы и взаимопонимания между народами нашей страны и Японии, для развития плодотворных культурных и научных связей между ними.

До конца своих дней Константин Михайлович Попов отдавал немало сил подготовке кадров востоковедов для Института Дальнего Востока АН СССР. Константин Михайлович был членом специализированного Совета при ИДВ АН СССР, членом редколлегии журнала «Проблемы Дальнего Востока», принимал в их работе самое активное и заинтересованное участие.

Светлая память о Константине Михайловиче Попове, известном ученом-востоковеде, прекрасном педагоге, видном общественном деятеле, обаятельнейшем человеке, навсегда останется в наших сердцах.

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА» 1983 г., № 1, 208 с.

Сдано в набор 14.01.83 г. Подписано в печать 22.02.83 г. А 02126 Формат 70×108^{1/16}.
Бумага тип. № 1. Печать высокая. Гарнитура литературная. Усл. печ. л. 18,2.
Уч.-изд. л. 19,78 Тираж 16033 экз. Изд. № 37671 Кр.-отт. 18,2 тыс. Заказ 152

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс»
Государственного комитета Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли, Москва, 119021, Зубовский бульвар, 17
Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат ВО «Союз-
полиграфпром» Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и
книжной торговли, г. Чехов Московской области.